АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 (51)
2025

e-ISSN 2500-2856

ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ **№ 1 (51) 2025**

Главный редактор
академик АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков**

Заместители главного редактора:
член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**
доктор исторических наук **Ю.А. Зеленеев**
Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева**

Редакционный совет:
Б.А. Байтанаев – академик НАН РК, доктор исторических наук, профессор (Алматы, Казахстан) (председатель)**, Х.А. Амирханов** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), **С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук (Севастополь, Россия), **П. Георгиев** – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария), **Е.П. Казаков** – доктор исторических наук (Казань, Россия), **Н.Н. Крадин** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия), **А. Тюрк –** Ph.D. (Будапешт, Венгрия), **А.А. Тишкин** – доктор исторических наук, профессор (Барнаул, Россия), **Б.В. Базаров** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия), **Д.С. Коробов** – доктор исторических наук, профессор РАН (Москва, Россия), **О.В. Кузьмина** – кандидат исторических наук (Самара, Россия), **П. Дегри** – профессор (Лёвен, Бельгия), **Вэй Джан** – Ph.D, профессор (Пекин, Китай), **А.С. Сагдуллаев** – академик АН РУз, доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), **Р.Х. Сулейманов** – доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), **М.М. Саидов** – доктор исторических наук, профессор (Самарканд, Узбекистан), **Ш.Б. Шайдуллаев** – доктор исторических наук, профессор (Термез, Узбекистан)

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)
М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук (Казань, Россия)
Р.Д. Голдина – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)
С.В. Кузьминых – кандидат исторических наук (Москва, Россия)
А.Е. Леонтьев – доктор исторических наук (Москва, Россия)
Т.Б. Никитина – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)
А.А. Чижевский – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Ответственный за выпуск:
А.Г. Ситдиков – академик АН РТ, доктор исторических наук
Д.К. Тулуш – кандидат исторических наук

Адрес редакции:
420012 Республика Татарстан, г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Телефон: (843) 236-55-42
E-mail: arch.pov@mail.ru
http://archaeologie.pro

Индекс ПП753,
электронный Каталог печатных изданий "ПОЧТА РОССИИ"
Выходит 4 раза в год

© ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», 2025
© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2025
© Журнал «Поволжская археология», 2025

Издательство «Фэн» Казань, Республика Татарстан

POVOLZHSKAYA ARKHEOLOGIYA e-ISSN 2500-2856
THE VOLGA RIVER REGION ARCHAEOLOGY № 1 (51) 2025

Editor-in-Chief:
Academician of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:
Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zeleneev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:
B. A. Baitanayev – of the Nacional Academy of the RK, Doctor of Historical Sciences, Professor (Almaty, Republic of Kazakhstan) (chairman), **Kh. A. Amirkhanov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **S. G. Bocharov** – Candidate of Historical Sciences (Sevastopol, Russian Federation), **P. Georgiev** – Doctor of Historical Sciences (Shumen, Bulgaria), **E. P. Kazakov** – Doctor of Historical Sciences (Kazan, Russian Federation), **N.N. Kradin** – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation), **A. Türk** – Ph.D. (Budapest, Hungary), **A.A. Tishkin** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Barnaul, Russian Federation), **B. V. Bazarov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ulan-Ude, Russian Federation), **D. S. Korobov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **O. V. Kuzmina** – Candidate of Historical Sciences (Samara, Russian Federation), **P. Degryse** – Professor (Leuven, Belgium), **Wei Jian** – Ph.D, Professor (Beijing, China), **A. S. Sagdullaev** – Academician of the National Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Historical Sciences, Professor (Tashkent, Republic of Uzbekistan), **R. Kh. Suleymanov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Tashkent, Republic of Uzbekistan), **M.M. Saidov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samarkand, Republic of Uzbekistan), **Sh.B. Shaidullaev** – Doctor of Historical Sciences, Republic of Professor (Termez, Uzbekistan)

Editorial Board:
A. A. Vybornov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)
A.A. Chizhevsky – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

Responsible for Issue
A. G. Sitdikov – Academician of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences
D. K. Tulush – Candidate of Historical Sciences

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42
E-mail: arch.pov@mail.ru
http://archaeologie.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2025
© Mari State University, 2025
© "Povolzhskaya Arkheologiya" Journal, 2025

Publishing House "Fän" Kazan, Republic of Tatarstan

СОДЕРЖАНИЕ*

Культурно-исторические процессы в евразийских степях в эпоху раннего металла: феномен ранних кочевников Евразии, традиции и инновации

Дашковский П.К. (Барнаул, Россия), Степанова Н.Ф. (Новосибирск, Россия)
Керамика из могильника скифского времени Чинета-2 (Алтай) 8

Яценко С.А. (Москва, Россия)
Некоторые особенности святилищ ранних кочевников 22

Чижевский А.А. (Казань, Россия), Пономаренко Е.В. (Оттава, Канада), Оруджов Э.И. (г. Казань, Россия)
К вопросу о земледелии ананьинской культурно-исторической области..... 35

Бисембаев А.А. (Алматы, Казахстан), Хаванский А.И. (Москва, Россия)
Новые погребения гуннского времени могильника Акбулак II. Результаты исследований полевого сезона 2023 года 43

Подушкин А.Н. (Шымкент, Казахстан)
Новые погребальные комплексы из катакомб Южного Казахстана периода государства Кангюй I–IV вв. 53

Наджафов Ш.Н., Асадов В.А. (Баку, Азербайджан)
Заселение бассейна среднего течения Куры в эпоху бронзы (на основе этно-археологических исследований некоторых памятников Гянджа-Газахского региона Азербайджана) 67

Корочкова О.Н., Спиридонов И.А. (Екатеринбург, Россия)
Черкаскульская культура: дискуссионные аспекты изучения 79

Радовский С.С. (Барнаул, Россия)
Погребальный обряд населения быстрянской культуры: историографический аспект 93

Шаронов И.А., Алибеков А.С., Реутова М.А., Хайдаров У. (Самарканд, Узбекистан), Минджи О. (Сеул, Республика Корея)
Об исследовании археометаллургического шлака методом рентгенофлуоресцентного анализа 102

Раннесредневековые культуры Степной Евразии: истоки, их влияние на сопредельные территории

Варенов А.В. (Новосибирск, Россия)
«Таштыкские» гравировки фигур в длиннополых одеждах, средневековая китайская картина «Кочевники» и контакты монголов с кыргызами..... 112

Казаков А.А. (Барнаул, Россия)
О генезисе алтайского варианта кулайской культуры 120

* Материалы VI Международного конгресса археологии евразийских степей.

Ахатов Г.А., Бисембаев А.А. (Алматы, Казахстан),
Хаванский А.И. (Москва, Россия)
Огузский форпост Жезды на северных чинках Устюрта:
некоторые итоги исследования 128

Васютин С.А. (Кемерово, Россия)
Дискуссионные проблемы изучения социальных
и политических структур кочевников внутренней Азии в VI–IX вв. 142

Кызласов И.Л. (Москва, Россия)
Западноазиатская и дальневосточная цивилизации степной зоны:
тюрки и монголы 157

Кравченко Э.Е. (Севастополь, Россия)
Некрополь хазарского времени археологического комплекса
у с. Маяки (Славянский район ДНР) 164

Урбанизм степной Евразии в средние века

Артемьева Н.Г. (Владивосток, Россия)
Вклад чжурчжэней периода государства Восточное Ся (1215–1233 гг.)
в эволюцию средневековой фортификации Дальнего Востока 176

Достиев Т.М. (Баку, Азербайджан)
Динамика средневековой урбанизации Азербайджана в IX–XVII вв. 189

Коваль В.Ю. (Москва, Россия)
«Длинные стены» и «длинные валы» как специфический вид
фортификации на границах степной зоны 199

Масловский А.Н. (Азов, Россия)
Азак в период «Великой Замятни» (1359–1380 гг.) 207

Бочаров С.Г. (Севастополь, Россия)
Закономерности развития городов Золотой Орды на примере
урбанистики Крымского полуострова (XIII–XIV вв) 219

Ахметгалин Ф.А., Ситдиков А.Г. (Казань, Россия)
Новые археологические исследования ханской столицы города Касимова ..227

Меньшиков М.Ю. (Москва, Россия), Кольченко В.А.,
Лужанский Д.В. (Бишкек, Кыргызстан)
Исследования затопленных памятников
на северном берегу озера Иссык-Куль в 2023–2024 гг. 237

Список сокращений 248

Правила для авторов 250

CONTENT

Cultural and historical processes in the Eurasian Steppes in the Early Metal Era: the phenomenon of the early nomads of Eurasia, traditions and innovations

Dashkovskiy P.K. (Barnaul, Russian Federation), Stepanova N.F. (Novosibirsk, Russian Federation)
Ceramics from the scythian burial ground of Chineta-2 (Altai) 8

Yatsenko S.A. (Moscow, Russian Federation)
Some features of sanctuaries of the Early Nomads 22

Chizhevsky A.A. (Kazan, Russian Federation), Ponomarenko E.V. (Ottawa, Canada), Orudzov E.I. (Kazan, Russian Federation)
To the question of agriculture in the Ananyino cultural and historical region..... 35

Bisembaev A.A. (Almaty, Kazakhstan), Khavansky A.I. (Moscow, Russian Federation)
New burials of the Hunnic Period from the Akbulak II burial ground. 2023 field season research results..... 43

Podushkin A.N. (Shymkent, Kazakhstan)
New burial complexes from the catacombs of the Kangjy state period (I–IV centuries) in the South Kazakhstan 53

Najafov Sh.N., Asadov V.A. (Baku, Azerbaijan)
Settling of the middle Kura basin in the Bronze Age (ethnic and archaeological research based on the archaeological sites of the Ganja-Gazakh region of Azerbaijan)..... 67

Korochkova O.N., Spiridonov I.A. (Yekaterinburg, Russian Federation)
Cherkaskul culture: discussion aspects of the study 79

Radovsky S.S. (Barnaul, Russian Federation)
Burial rite of the Bystryanka culture bearers: historiographical aspect 93

Sharonov I.A., Alibekov A.S., Reutova M.A., Khaidarov U. (Samarkand, Uzbekistan), Minjee OH. (Seoul, Republic of Korea)
On the study of archaeometallurgical slag by X-Ray fluorescence analysis method..... 102

Early Medieval cultures of Steppe Eurasia: origins, their influence on neighboring areas

Varenov A.V. (Novosibirsk, Russian Federation)
“Tashtyk” carvings of figures in long robes, medieval chinese painting “Nomads” and mongol-kyrgyz contacts..... 112

Kazakov A.A. (Barnaul, Russian Federation)
On genesis of Altai variant of Kulay culture 120

Akhatov G.A., Bisembaev A.A. (Almaty, Kazakhstan),
Khavansky A.I. (Moscow, Russian Federation)
Oguz outpost Zhezdy on the northern cliffs of Ustyurt:
some results of the study....128

Vasyutin S.A. (Kemerovo, Russian Federation)
Polemical issues of studying the social and political structures of nomads
in Inner Asia in the VI–IX centuries....142

Kyzlasov I.L. (Moscow, Russian Federation)
Steppe zone west asian and far eastern civilizations: turks and mongols....157

Kravchenko E.E. (Sevastopol, Russian Federation)
Khazar period necropolis of the archaeological complex near the village
of Mayaki (Slavyansk district of the DPR)....164

Urbanism in Steppe Eurasia in the Middle Ages

Artemyeva N.G. (Vladivostok, Russian Federation)
Contribution of the jurchens of the Eastern Xia State (1215–1233)
to the evolution of the medieval fortification of the Far East 176

Dostiev T.M. (Baku, Azerbaijan)
The dynamics of medieval urbanization of Azerbaijan
in the 9th–17th centuries....189

Koval V.Yu. (Moscow, Russian Federation)
“Long walls” and “Long ramparts” as a specific type
of fortification on the borders of the steppe zone 199

Maslovskiy A.N. (Azov, Russian Federation)
Azak during the Golden Horde Dynastic War (1359–1380)....207

Bocharov S.G. (Sevastopol, Russian Federation)
Regularities of development of cities of the Golden Horde on the example
of urbanistics of the Crimean Peninsula (XIII – XIV centuries) 219

Akhmetgalin F.A., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation)
New archaeological studies of the Khan's capital city of Kasimov 227

Menshikov M.Yu. (Moscow, Russian Federation),
Kolchenko V.A., Luzhansky D.V. (Bishkek, Kyrgyzstan)
Research of flooded monuments on the north shore
of lake Issyk-Kul in 2023–2024 237

List of Abbreviations.... 248

Submissions 250

Культурно-исторические процессы в евразийских степях в эпоху раннего металла: феномен ранних кочевников Евразии, традиции и инновации*

УДК 903 https://doi.org/10.24852/pa2025.1.51.8.21

КЕРАМИКА ИЗ МОГИЛЬНИКА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ЧИНЕТА-2 (АЛТАЙ)[1]

© 2025 г. П.К. Дашковский, Н.Ф. Степанова

В статье представлены результаты изучения керамики, обнаруженной в процессе исследования курганов скифо-сакского периода на могильнике Чинета-2, расположенного в Краснощековском районе Алтайского края. Памятник содержит признаки погребального обряда пазырыкской и каменской культур. Изучение коллекции глиняной посуды проводилось в рамках историко-культурного подхода и основано на особенностях функционирования и распространения систем гончарной технологии. В результате исследований установлено, что керамика изготовлена из местного исходного сырья с большим количеством естественных примесей. Обжигали керамику с доступом кислорода при температуре ок. 700 °С. Многие сосуды расписаны охрой, украшены валиками и отпечатками незубчатых инструментов. Несмотря на некоторое своеобразие и наличие сосудов с необычными для комплекса чертами, керамика из могильника Чинета-2 принципиально не отличается от пазырыкской ни по форме сосудов, ни по другим признакам, но имеет аналогии в погребальных комплексах скифского времени Средней Катуни и Юго-Восточного Алтая. В коллекции из Чинеты-2 выявлено несколько пар сосудов, изготовленных, вероятнее всего, тремя группами гончаров. По ряду признаков индивидуального сходства керамики установлено, что восемь из 16 курганов сооружены в короткий хронологический промежуток времени. Полученные данные подтверждают процессы тесного взаимодействия кочевников в скифо-сакский период в Северо-Западном Алтае.

Ключевые слова: археология, керамика, технико-технологический анализ, исходное сырье, формовочные массы, историко-культурный подход, погребальный обряд, скифская эпоха, Алтай.

Керамика – одна из наиболее массовых категорий инвентаря из пазырыкских погребений, т. к. глиняная посуда помещалась почти во все захоронения. Все исследователи выделяют такие типы посуды у кочевников Алтая скифской эпохи – кувшины, крынки и горшки (Руденко, 1960; Суразаков, 1989, Кубарев, 1987; 1991; 1992; Степанова, 1998; Кирюшин, Степанова, 2004; и др.). Это связано с тем, что имеется удивительное сходство форм пазырыкской и современной, а также известной по этнографическим данным глиняной посуды. Высказаны предположения о назначении некоторых форм пазырыкской посуды, т. к. из этнографических данных известно, что форма сосуда тесно связана с его функциями – хранением жидких или сыпучих продуктов, варкой пищи (Татаурова, 1997). По мнению С.И. Руденко, кувшины из элитных Пазырыкских курганов предназначались для хранения жидких продуктов и на огонь не ставились (1953, с. 91). Связывал формы сосудов с хозяйственным назначением и В.Д. Кубарев (1987). С учетом сходства форм пазырыкской и русской керамики вы-

* Материалы VI Международного конгресса археологии евразийских степей.

[1] Исследование выполнено в рамках проекта «Междисциплинарное изучение древних и средневековых обществ Алтая», проект № (FZMW-2023-0009) Государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации».

сказано предположение, что, возможно, разного типа пазырыкские сосуды также предназначались для разных целей – например, крынки для хранения молока, кувшины для других жидких продуктов, горшки для варки пищи (Кирюшин, Степанова, 2004). Разработана классификация пазырыкской керамики, которая основана на сходстве форм керамики скифского времени и современной, выделены критерии для разделения сосудов на кувшины, крынки (кринки), горшки (Степанова, 1998; Кирюшин, Степанова, 2004). На основании того, что выделяется большое количество типов и вариантов сосудов, сделан вывод о распыленности производства керамики (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 33). В то же время исследователями отмечались пары сосудов, которые могли быть изготовлены одним мастером (Кубарев, 1987, рис. 16; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 25, 111; и др.).

Результаты изучения керамики пазырыкской культуры Алтая перспективны для решения многих вопросов, в т. ч. проблем относительной хронологии памятников или отдельных курганов, контактов населения как внутри социума, так и между населением, проживавшим на сопредельных территориях. Однако этому направлению исследований керамики фактически до сих пор не уделено должного внимания. Для решения подобных вопросов актуальны результаты изучения технологии изготовления керамики, но исследования в данном направлении практически не проводились. Настоящая работа представляет первый опыт рассмотрения проблем относительной хронологии по материалам одного из трех памятников, расположенных неподалеку друг от друга в Краснощековском районе (Чинета-2). Основной задачей было выявление сосудов, изготовленных одной группой мастеров, на основании анализа форм, особенностей технологии изготовления керамики и с учетом полученных результатов рассмотрение вопросов контактов населения и относительной хронологии курганов из могильника Чинета-2. Для сравнения традиций в выборе исходного сырья и подготовки формовочных масс использованы данные исследований коллекций из могильников Инской Дол и Ханхаринский дол, расположенных в одной долине с вышеуказанным некрополем в пределах Чинетинского археологического микрорайона (Дашковский, 2023).

Характеристика памятника

Курганный могильник Чинета-2 входит в состав Чинетинского археологического микрорайона, расположенного в окрестностях с. Чинета (Краснощековский район Алтайского края). В ходе археологического изучения памятника, которое ведется с 2001 г., выявлены объекты скифской эпохи, афанасьевской, тюркской, кыргызской и сроскинской культур (Дашковский, 2023). В настоящее время на могильнике Чинета-2 раскопано около 40 курганов, из которых 17 относится к скифо-сакской эпохе (рис. 1).

Рассматриваемый памятник характеризуется определенными особенностями в планиграфии и погребальной обрядности. Так, 13 курганов (№ 16, 19, 22–24, 26–27, 30–32, 36, 37, 39) из 17 сосредоточены возле двух «больших» нераскопанных объектов, которые также предположительно относятся к скифской эпохе. В то же время курганы № 21, 28–29 расположены к северу от остальных объектов и выстроены в линию в направлении С–Ю, но на значительном, до 120 м, расстоянии друг от друга. Курган № 34 выявлен в западной части некрополя на значительном расстоянии от других объектов. Кроме планиграфических особенностей необходимо обратить внимание на специфику погребального обряда в исследованных курганах. К числу наиболее крупных

Рис. 1. Месторасположение могильника Чинета 2 (1), курганы № 30–31 после зачистки насыпей.
Fig. 1. Location of the Chineta burial ground 2 (1), barrows No. 30–31 after cleaning the mounds.

относятся курганы № 21, 31 и 34, диаметр которых составлял от 10,6 до 17,5 м, а высота от 0,6 до 0,85 м. Не менее интересным оказался курган № 28, под каменной насыпью которого обнаружены две параллельные могилы по линии З–В.

Остальная группа раскопанных курганов (№ 16, 19, 22–24, 26–27, 30, 32, 36, 37, 39), несмотря на некоторые отличия в погребальной обрядности и инвентаре, имеет ряд общих или близких признаков по размерам насыпи (небольшие), могил и внутримогильных конструкций. Особо необходимо отметить, что большинство погребенных людей из могильника Чинета-2 были уложены в вытянутом положении на спине и ориентированы головой на восток или юго-восток. Только в курганах № 16, 28 (могила 1), 30 и 32 умершие были ориентированы головой в противоположном направлении – на запад, что не совсем характерно для памятников скифской эпохи этого региона. Важно обратить внимание и на то, что только в шести курганах (№ 21, 26, 29, 31, 34, 36) обнаружено сопроводительное захоронение лошади.

Анализ погребального обряда и сопроводительного инвентаря из курганов могильника Чинета-2 находит аналогии как в материалах пазырыкской культуры, в т. ч. и на соседнем некрополе Ханхаринский дол, так и в памятниках каменской культуры степного и предгорного Алтая (Кубарев, 1987; 1991; 1992; Могильников, 1997; Шульга, 2003; 2015; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 10–17; Дашковский, 2017). Основная масса находок из рассматриваемых курганов, судя по имеющимся аналогиям, относится, вероятнее всего, ко второй половине IV – III вв. до н. э. При этом если материалы из соседнего могильника Ханхаринский дол свидетельствуют о погребении в нем преимущественно носителей пазырыкской культурной традиции, то на некрополе Чинета-2 несколько иная ситуация. В данном случае в материалах погребений прослеживается определенное межкультурное взаимодействие древних кочевников. Вероятно, курганы № 21, 31, 34, 36 можно отнести непосредственно к пазырыкской культуре. В остальных случаях в погребальном обряде, вероятно, имело место смешение пазырыкской культурной традиции и определенного «степного» компонента.

Методика

Изучение керамики проводилось в рамках историко-культурного подхода и основано на особенностях функционирования и распространения систем гончарной технологии (Бобринский, 1978; 1999). Методика выявления сосудов, изготовленных одной группой

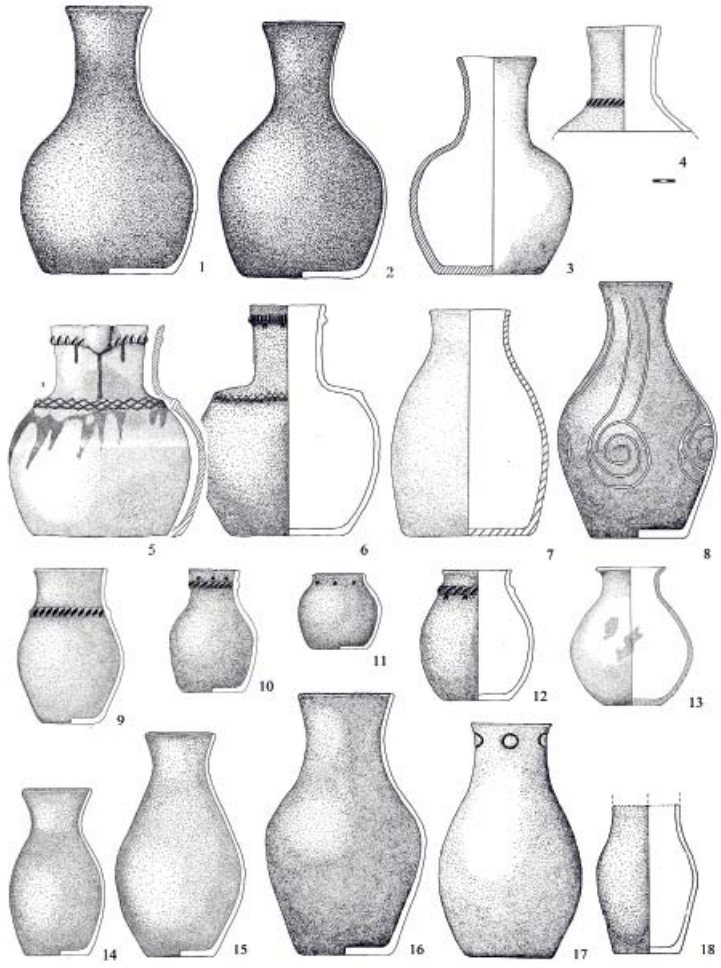


Рис. 2. Кувшины (1–4, 8, 15, 16 – к. 32, 31, 16, 21, 34, 29, 26), крынки (9, 18 – к.28, 23), горшок (11 – к.27), переходной формы (12 – к.24). Сосуды из курганов 32 (1), 31 (2), 16 (3), 21 (4), 39 (5), 22 (6), 19 (7), 34 (8), 28 (9), 27 (10, 11), 24 (12), 36 (13), 29 (14, 15), 26 (16), 28 (17), 23 (18).

Fig. 2. Pitchers (1–4, 8, 15, 16 – K. 32, 31, 16, 21, 34, 29, 26), krynkas (9, 18 – K.28, 23), pot (11 – K.27), transitional form (12 – K.24). Vessels from barrows 32 (1), 31 (2), 16 (3), 21 (4), 39 (5), 22 (6), 19 (7), 34 (8), 28

гончаров, разработана Е.В. Волковой (1998; 2020; 2021). Она основана на представлении о культурных традициях в доремесленном гончарстве как о закрепленных навыках труда, передаваемых из поколения в поколение по родственным каналам и др. (Волкова, 1998, с. 135–136). В тех случаях, когда удается выделить посуду, изготовленную одним мастером или с помощью одних инструментов, можно говорить о синхронизации памятников.

Коллекция включает 18 сосудов. Для технико-технологического анализа отобрано 14 образцов. Для определения степени ожелезненности глин 11 небольших фрагментов дополнительно были нагреты в окислительной среде в муфельной печи при температуре 850 °С. Изучались изломы и поверхности образцов с помощью бинокулярных микроскопов МБС-10 и Stemi-2000-C. При изучении коллекции устанавливались особенности исходного сырья, степень ожелезненности глин, характер содержащихся в

них примесей, использование одной или двух глин, а также рассматривались вопросы выделения культурных традиций в навыках отбора исходного сырья и подготовки формовочных масс, признаки смешения традиций.

К сожалению, в настоящее время по разным причинам большинство сосудов из могильника Чинета-2 находятся в обломках и полное их восстановление или хотя бы стенок от венчика до дна затруднительно или уже невозможно. Фрагменты сосудов крошатся и рассыпаются. Данное обстоятельство не позволяет составить полноценное представление о конструировании изделий. Одна из причин такой сохранности – состав исходного сырья, включающий огромное количество крупных естественных примесей в виде обломков минералов (рис. 5: 1, 2, 5). Реконструкция форм большинства сосудов была выполнена ранее А.Л. Кунгуровым и А.А. Ожигановым. В целом, несмотря на сложности в работе с коллекцией, полученные наблюдения представляют интерес и подобные исследования керамики из курганов пазырыкской культуры проведены впервые.

Материалы и результаты исследования

По форме сосуды традиционно подразделяются на кувшины (14 экз.) (рис. 2: 1–8, 14–17), крынки (2 экз.) (рис. 2: 9, 18), один может быть отнесен к горшкам (рис. 2: 11), и еще один – переходной или кринкообразной формы (рис. 2: 12). Сосуд из кургана 39 имел носик-слив (рис. 2–5).

По высоте сосуды могут быть разделены на две группы: высотой около 30 см (10 экз.) и около 20 см (6 экз.) и один горшочек 11,5 см. Практически у всех сосудов диаметр дна намного превышает диаметр венчика, иногда близок диаметру самой раздутой части тулова (рис. 2: 1–3, 5–7). Кувшины, так же как и керамика из других пазырыкских комплексов, подразделяются на высоко- и низкогорлые (рис. 2: 1–4, 7). Преобладают изделия с высоким горлом (10 экз.), реже встречаются низко- и широкогорлые (по три изделия). Несколько сосудов могут быть отнесены к сосудам с раструбом, особенно выделяются кувшины из кургана № 29.

Большинство изделий имеют оттенки красного цвета, иногда с темными или серыми пятнами. В изломе фрагменты обычно однотонные (прокалены полностью), реже двухцветные или темные. В целом анализ цветовой гаммы свидетельствует об обжиге с доступом кислорода к большей части поверхности изделий, а также о температуре ок. 700 °С. Исключение составляет сосуд черного цвета из кургана № 28. Вероятно, он обжигался при более низких температурах. Скорее всего, обжиг еще двух сосудов (к. № 27) произведен при температуре ниже 700 °С.

Сосуды заглаживались с обеих сторон. В нескольких случаях имеются следы вертикального заглаживания предметом, оставляющим широкие бороздки от дна к тулову, реже – горлу сосуда (рис. 4: 3). Однако в большинстве случаев заглаживание проводилось предметом, не оставляющим видимых следов на поверхности. В трех случаях отмечено лощение. Изнутри заглаживание выполнялось как вертикально, так и горизонтально, в т. ч. по подсушенной основе, и не всегда было тщательным: нередко видны естественные включения в составе формовочных масс.

Большинство сосудов декорированы. На многих (8 экз.) сохранились остатки росписи оранжевой охрой, которая осыпалась, и рисунок, как правило, полностью уже не восстанавливается (рис. 3: 1–3). Местами видны лишь остатки завитков, в одном случая запятая (к. № 29), расположенная горизонтально. На сосуде из к. № 34 есть прочерченный орнамент в

Рис. 3. Сосуды с остатками росписи охрой (1–3) из кургана 29; сосуд из кургана 36 (4), фрагменты этого сосуда с орнаментом (4а) и с примесями в формовочной массе после отслаивания верхнего слоя глины (4б).

Fig. 3. Vessels with remnants of ocher painting (1–3) from barrow 29; vessel from barrow 36 (4), fragments of this vessel with ornament (4a) and impurities in the molding paste after peeling off the top layer of clay (4b).

виде спирали. На шести сосудах имеются налепные рассеченные валики, в т. ч. на двух сосудах по два валика: по краю венчика и в месте перехода горла в тулово (рис. 2: 4–6, 8–10, 12; 4: 1–6, 8). Нижний валик рассечен пересекающимися линиями. На шести изделиях имеются отпечатки предметов с округлым рабочим краю по венчику, в трех случаях в сочетании с валиком (дважды под валиком и в одном – над валиком). На сосуде из к. № 24 отпечатки нанесены, вероятнее всего, трубчатой косточкой диаметром ок. 3 мм. Еще в трех случаях предмет также был круглой формы в сечении. Форму одного рабочего края инструмента (к. 22) определить сложно (рис. 4: 5). Выделяется сосуд с орнаментом в виде «кругов» диаметром ок. 2 см под краем венчика, нанесенным предметом с неровным рабочим краем (рис. 3–4, 4а).

Данные о конструировании сосудов очень фрагментарны из-за того, что большинство изделий представлено обломками. Проводился осмотр днищ, придонных частей, отдельных фрагментов стенок тулова. Днища в большинстве случаев имеют вид диска, который, вероятнее всего, изготовлен с помощью лоскутов. Изго-

Рис. 4. Сосуды и фрагменты сосудов с орнаментом и налепными валиками из курганов 27 (1), 24 (2), 22 (3,5), 28 (4), 39 (6), 23 (7), 21 (8).

Fig. 4. Vessels and fragments of vessels with ornaments and bands from mounds 27 (1), 24 (2), 22 (3, 5), 28 (4), 39 (6), 23 (7), 21 (8).

тавливалось дно отдельно, к тулову крепилось с внешней стороны, о чем свидетельствуют следы их соединения. Исключение составляет сосуд из к. № 28, дно которого прикреплено изнутри. На двух днищах с внешней стороны имеется необычный налеп в виде тонкого короткого жгутика (к. № 19 и 39), который соединяется со жгутом, крепившим днище и тулово (рис. 5: 9). На внешней поверхности днищ сохранились следы подсыпки, как правило, полностью не уничтоженные дальнейшей обработкой и заглаживанием. Лишь изредка дно заглаживалось более тщательно. У одного из узкогорлых кувшинов прослежено, что горло состоит из двух частей.

Исходное сырье и формовочные массы

Все сосуды из рассматриваемых курганов могильника Чинета-2 изготовлены из среднеожелезненного глиноподобного сырья, которое не-

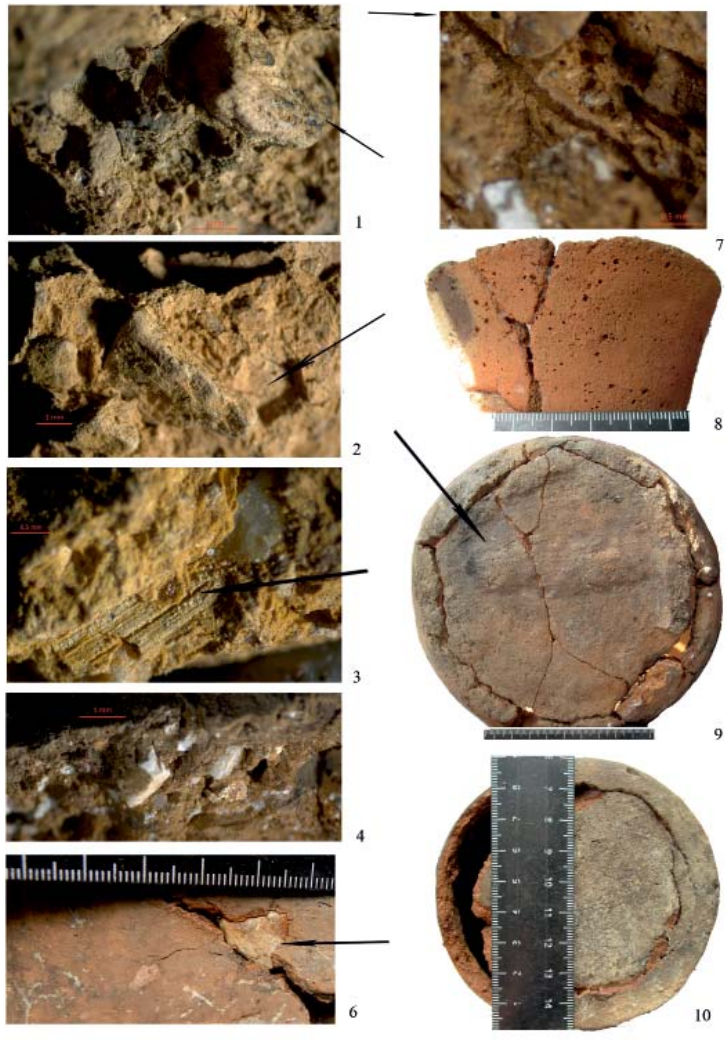


Рис. 5. Образцы с естественными минеральными примесями в исходном сырье (1, 3, 6), с отпечатками растения (3), волоса (7), с кальцитом (4), выгоревшими полостями (8), налеп на дне (9), диск дна (10).

Fig. 5. Samples with natural mineral impurities in the raw material (1, 3, 6), with plant prints (3), hair (7), with calcite (4), burnt cavities (8), plastic on the bottom (9), bottom disc (10).

значительно различается оттенками[2]. Исходное сырье у всех сосудов низкопластичное, концентрация естественных примесей колеблется от 1:2,5–3 до 1:4. Различается не только концентрацией частиц, но их размерами и составом. Преобладают окатанные обломки глинистых минералов. Реже встречаются кусочки кварца. Размер частиц: от пылевидных (ок. 0,5 мм) до 8 мм. Однако в одних образцах размер частиц в основном не более 2 мм, в других – преобладают более крупные частицы. Возможно, в некоторых случаях производилось просеивание сырья с целью удаления наиболее крупных включений перед началом подготовки формовочных масс.

В нескольких образцах зафиксированы практически только обломки глинистых минералов, очень похожих

на шамот, но в отличие от последнего не имеющих никаких включений, при механическом повреждении хорошо видна непотревоженная структура минерала. Кроме того, частицы выделяются формой и окатанностью. Особого внимания заслуживает исходное сырье сосуда из к. № 36, где основной состав примесей состоит из окатанных обломков кварца размерами от 1 до 6 мм (рис. 3: 4б). В этом же образце отмечен бурый железняк, зафиксированный всего дважды в изученной коллекции.

Сравнительный анализ показал, что в целом, несмотря на то, что все сырье характерно для горных районов, а источники имеют большое сходство, все сосуды изготовлены из разных «глин», т. е. нет двух сосудов, изготовленных одновременно из одного замеса. Сосуд из кургана 36, вероятнее всего, изготовлен неместным гончаром или был принесен из другого района. Отметим, что подобное сырье характерно для предгорных районов.

Выделено пять рецептов составления формовочных масс: 1) глиноподобное сырье + навоз (50%); 2) глиноподобное сырье + органический раствор (7,1%); 3) глиноподобное сырье без искусственно введенных примесей (14,4%); 4) глиноподобное сырье + кальцит + навоз (21,4%); 5) глиноподобное сырье + глина + навоз (7,1%).

Наибольшее распространение получил рецепт № 1 (50%). В составе формовочных масс прослеживаются не только отпечатки выгоревшей травы, но и единичные отпечатки волоса (рис. 5: 7). В этой группе выделяется сосуд из к. № 31, в котором очень много округлых полостей от выгоревших частиц (рис. 5: 8). Такие же полости есть и в изломах образца.

К числу необычных относятся рецепты без искусственно введенных примесей (к. № 34, 37) и с органическим раствором (к. № 39). Также необычна фиксация двух глин в сосуде из кургана № 36, который отличается и составом естественных примесей. Оригинален рецепт с кальцитом. Высокая концентрация такой примеси, калиброванность частиц, остроугольность позволяют предположить, что эта примесь была введена искусственно. Рядом с памятником много выходов известняка, есть известняковые пещеры. Вероятнее всего, эти сосуды изготовлены пришлыми гончарами, вводившими в формовочные массы дробленный камень. Местные мастера не добавляли дресву и не использовали глины с содержанием кальцита в таком количестве. Не известно добавление кальцита (известняка) или использование глин с таким содержанием этой примеси и в других районах Горного Алтая (Степанова, 2010; 2015; 2017).

Обсуждение результатов

Суммируя данные, отметим наиболее общие черты, характеризующие коллекцию в целом. Керамика из курганов скифского времени могильника Чинеты-2 изготовлена из местного среднеожелезненного глиноподобного сырья с большим количеством естественных примесей, в которое, как правило, добавляли навоз животных. Характерно изготовление дна сосуда отдельно и соединение его туловом с внешней стороны жгутом. Обжигали керамику с доступом кислорода при температуре ок. 700 °С. Многие сосуды расписаны охрой, украшены валиками и отпечатками незубчатых инструментов. Особенностью коллекции из могильника Чинеты-2 является наличие кувшинов с узким горлом и большим диаметром дна, ненамного меньше диаметра раздутого тулова.

В коллекции из некрополя Чинеты-2 есть сосуды и с необычными чертами. Несколько кувшинов выделяются по ряду признаков одновременно, например, из кургана 28 – по обжигу,

креплению дна, из кургана 36 – по орнаменту, исходному сырью, сосуды из курганов 22, 26 и 27\1 – кальцитом в составе формовочных масс, из кургана 34 – прочерченным орнаментом, кургана 39 – наличием носика-слива. Большинство из перечисленных признаков редки и для пазырыкской керамики в целом, хотя и встречаются, в частности черный цвет, наличие носика-слива, другие выявлены впервые – кальцит в составе формовочных масс.

Проведен сравнительный анализ на выявление сосудов, изготовленных одним мастером или одной группой мастеров. Выделено несколько пар сосудов. Прежде всего обращает на себя внимание сходство форм двух пар сосудов – из курганов № 31 и 32, № 22 и 39 (рис. 2: 1–2, 5–6). К первой паре близок и сосуд из кургана № 16, и, вероятнее всего, к этой группе относится и изделие из кургана № 34 (рис. 2: 3, 8). Вторую пару сосудов (курганы № 22 и 39) объединяет специфичная форма сосудов и наличие двух аналогичных налепных валиков на шейке и под венчиком. В то же время кувшины из курганов № 39 и 22 изготовлены из разного исходного сырья. Большая вероятность, что их изготовил один мастер, но в разное время.

Отметим еще одну пару сосудов – из кургана № 29, которые немного различаются между собой по форме, но тем не менее сходство достаточно велико. Их объединяет и одновременно отличает от других оформление горла и венчика (тонкие стенки, раструб), цвет. С большой долей вероятности они могли быть изготовлены одной группой гончаров (условно третьей).

Есть и другие признаки, которые указывают на то, что некоторые сосуды могли быть изготовлены одним мастером или одной группой мастеров. В частности, на двух кувшинах из курганов № 19 и 39 имеется специфический налеп на дне (рис. 5: 9), назначение которого остается неясным. Подобное не зафиксировано на пазырыкской керамике[3], да и на плоскодонной керамике в целом. В то же время сосуд из кургана № 19 близок к первой группе (курганы № 31 и 32) по диаметру дна, а кувшин из кургана № 39, как уже отмечалось выше, аналогичен изделию из кургана № 22.

Отдельную группу составляют сосуды с кальцитом в формовочной массе из курганов № 27, 22, 26. Эта необычная примесь, вероятнее всего, связана с пришлым населением. Представляет интерес и то, что сосуды из кургана № 27 изготовлены по разным рецептам. Это свидетельствует о том, что они изготавливались из разных замесов.

Таким образом, можно предположить, что каждая пара сосудов (курганы № 31 и 32, курганы № 22 и 39, курганы № 39 и 19, курган № 29) изготовлена в небольшой хронологический промежуток времени. В то же время кувшин из кургана № 19 имеет индивидуальное сходство еще и с сосудами из курганов № 31 и 32, а кувшин из кургана № 22 – с изделиями из курганов № 26 и 27. С учетом индивидуального сходства всех перечисленных изделий можно утверждать, что курганы № 16, 19, 22, 26, 27, 31, 32 и 39 сооружены относительно в небольшой промежуток времени.

Керамика из могильника Чинеты-2 имеет аналогии из других памятников пазырыкской культуры. Например, налепные рассеченные валики встречаются на сосудах из Юго-Восточного и Северного Алтая (Кирюшин, Степанова, 2004; Кубарев, 1987; 1991;1992), в т. ч. по два валика на могильнике Уландрыке-I, к. № 3 (Кубарев, 1987, т. VIII-1). Расписная керамика также известна в этих районах. Отличие состоит в том, что на Средней Катуни и Юго-Восточном Алтае роспись наносилась обычно темной

минеральной краской, а на изделия из некрополя в Чинете-2 – оранжевой охрой. Пожалуй, в настоящее время не известно других коллекций с таким количеством росписей охрой, как из могильника Чинета-2. Минеральная краска не смывается и не реагирует на соляную кислоту, в то время как охра осыпается от незначительного механического воздействия. С одной стороны, это иная традиция украшать сосуды, с другой – орнамент был похожим, например, завитки, но более крупные, как на керамических изделиях из могильников Инской Дол и Ханхаринский Дол (Дашковский, 2023). К отличительным чертам керамического комплекса из Чинеты-2 относится не характерный для керамики пазырыкской культуры орнамент по венчику, нанесенный инструментами с округлым рабочим краем. Неизвестно аналогий и узору в виде крупных кругов под венчиком.

О технологии изготовления пазырыкской керамики в настоящее время известно немного. По результатам изучения исходного сырья и состава формовочных масс 40 сосудов из могильников Верх. Еланда-2 и Тыткескень VI со Средней Катуни отмечено использование аналогичного глиноподобного ожелезненнного сырья (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 90). Технико-технологический анализ состава формовочных масс сосудов из могильников Ханхаринский Дол (17 экз.) и Инской Дол (6 экз.) показал, что они также изготовлены из среднеожелезненного глиноподобного сырья с большим количеством естественных примесей в виде обломков глинистых минералов (размерами до 7 мм) и реже частиц кварца. В пяти случаях зафиксирован известняк, но по крайней мере дважды естественного происхождения. С.И. Руденко подробно описал состав примесей в одном из кувшинов из элитного кургана могильника Туэкты, что позволяет в настоящее время сделать вывод, что кувшин изготовлен из аналогичного сырья с большим количеством крупных естественных примесей, характерного для горной местности (Руденко, 1953). Древняя керамика из Горного Алтая в разные хронологические периоды изготавливалась из подобного сырья (Степанова, 2010; 2015; 2017).

Не отличаются сосуды из могильника Чинета-2 от пазырыкских и по обжигу. В частности, пазырыкские сосуды со Средней Катуни обжигались также с доступом кислорода при аналогичных температурах (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 90). Необходимо подчеркнуть, что большинство сосудов из Горного Алтая пазырыкского периода с других памятников также имеют красноватый цвет разных оттенков (Суразаков, 1989). Как исключение, встречаются изделия черного цвета. Отличают сосуды из могильника Чинеты-2 размеры дна. Для пазырыкской керамики из других районов характерно узкое дно или близкое к диаметру венчика (Руденко, 1953; Кубарев, 1987, 1991, 1992; Кирюшин, Степанова, 2004). С.И. Руденко даже отмечал, что кувшины с узким дном могли быть устойчивы только в специальных валиках (Руденко, 1953, с. 91).

Заключение

Подводя итог, отметим, что на основании индивидуального сходства глиняных сосудов по ряду признаков, связанных с особенностями гончарного производства, можно утверждать, что из 16 курганов из могильника Чинета-2 восемь сооружены в небольшой хронологический промежуток времени, т. к. у мастера выявлены признаки контактов гончаров. Отметим, что кувшины с раструбом имеют близкие аналогии на соседних памятниках Ханхаринский Дол, к. 11, и Инской Дол, к. 1 (Дашковский, 2023).

Несмотря на некоторое своеобразие, керамика из могильника Чинета-2 не имеет принципиальных отличий от пазырыкской. По формам, орнаменту, налепным валикам сосуды из некрополя Чинета-2 имеют аналогии, в частности на памятниках Северного Алтая, Юго-Восточного Алтая. Это позволяет предположить функционирование погребальных комплексов в один хронологический промежуток времени. В настоящее время сложно сказать, как долго могли сохраняться традиции, например, в украшении сосудов налепными валиками. Остается очевидным, что это не несколько лет, но и вряд ли речь идет о столетиях. Эта традиция имела широкое распространение, хотя далеко не все сосуды украшены подобным образом. Результаты изучения керамической посуды из погребальных объектов могильника Чинета-2, подтверждают интенсивные процессы взаимодействия кочевников в Северо-Западном Алтае в скифо-сакский период. Данный регион, расположившийся на стыке низкогорных и степных районов Алтая и прилегающих районов Восточного Казахстан, оказался в орбите влияния «пазырыкцев», а также, вероятно, носителей каменской культурной традиции и сакских племен Казахстана. Дальнейшее изучение полученного материала позволит более обстоятельно реконструировать этнокультурную ситуацию в регионе, а также особенности социальной и проследить особенности взаимодействия кочевников.

Примечания:

[2] Далее будет использован и термин «глина». Однако применение этого термина условно, т. к. из-за огромного количества крупных естественных примесей это сырье не относится к глинам в их традиционном понимании.

[3] Авторами в разное время осмотрено большинство коллекций пазырыкских сосудов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
2. *Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография) / Ред. А.А. Бобринский. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. С. 5–109.
3. *Волкова Е.В.* Древняя глиняная посуда, изготовленная одним мастером (методика выделения и анализ) // Тверской археологический сборник. Вып. 3 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 1998. С. 135–146.
4. *Волкова Е.В.* К методике выделения посуды одного мастера // КСИА. 2020. № 261. С. 328–342.
5. *Волкова Е.В.* Посуда "одного мастера" в керамическом комплексе Балановского могильника // КСИА. 2021. № 264. С. 388–406.
6. *Дашковский П.К.* Результаты изучения погребального обряда кочевников Северо-Западного Алтая скифской эпохи (по материалам могильника Чинета-II) // Тр. V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. II / Ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2017. С. 112–116.
7. *Дашковский П.К.* Чинетинский археологический микрорайон на Алтае: краткий путеводитель // Этнокультурные и религиоведческие исследования в Евразии. Вып. 6. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2023. 72 с.
8. *Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 292 с.
9. *Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.
10. *Кубарев В.Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 302 с.
11. *Кубарев В.Д.* Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.
12. *Кубарев В.Д.* Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 220 с.
13. *Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.: Наука, 1953. 555 с.
14. *Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.: Наука, 1960. 360 с.

15. Степанова Н.Ф. К вопросу о терминологии и типологии керамики раннего железного века Горного Алтая // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. С. 137–145.
16. Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья и формовочных масс керамики эпохи неолита и бронзы Горного Алтая и его северных предгорий // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин, Н.П. Салугина, И.Н. Васильева. М.: ИА РАН, 2010. С. 117–125.
17. Степанова Н.Ф. Культурные традиции в выборе исходного сырья и минеральных примесей при изготовлении керамики по материалам горных, предгорных, степных и лесостепных районов Алтая // Самарский научный вестник. 2015. № 4 (13). С. 90–95.
18. Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья из горных и лесостепных районов Алтая и сопредельных территорий (по материалам керамических комплексов эпохи неолита – раннего железного века) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIII. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2017. С. 401–404.
19. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1989. 214 с.
20. Татаурова Л.В. Керамическое производство Нижней Тары в XVII–XX века (по данным археологии и этнографии). Автореф. дисс… канд. ист. наук. Барнаул, 1997. 18 с.

Информация об авторах:

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор. Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); dashkovskiy@fpn.asu.ru

Степанова Надежда Федоровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия); старший научный сотрудник. Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); nstepanova10@mail.ru

CERAMICS FROM THE SCYTHIAN BURIAL GROUND OF CHINETA-2 (ALTAI)

P.K. Dashkovskiy, N.F. Stepanova

The article presents the results of the study of ceramics discovered during the study of barrows of the Scythian-Saka period at the Chineta 2 burial ground, located in the Krasnoshchyokovo district of the Altai Krai. The site contains signs of the burial rite of the Pazyryk and Kamensk cultures. The study of the pottery collection was carried out within the historical and cultural approach and is based on the features of the functioning and spread of pottery technology systems. As a result of the research, it was found that ceramics are made of local raw materials with a large amount of natural impurities. Ceramics were fired with oxygen access at a temperature of about 700 ° C. Many wares are painted with ochre, decorated with bands and imprints of non- denticulate tools. Despite some originality and the presence of vessels with unusual features for the complex, ceramics from the Chineta-2 burial ground do not differ fundamentally from the Pazyryk one either in the shape of vessels or other signs, but have analogies in the burial sites of the Middle Katun and Southeastern Altai. In the collection from Chineta-2, several pairs of saucers were identified, most likely made by three groups of potters. According to a number of signs of individual similarity of ceramics, it was found that 8 of the 16 barrows were created during short chronological period . The data obtained confirm the processes of close interaction of nomads in the Scythian-Saka period in the Northwestern Altai.

Keywords: archaeology, ceramics, technical and technological analysis, raw material, pottery paste, historical and cultural approach, burial rite, Scythian epoch, Altai.

REFERENCES

1. Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East-European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
2. Bobrinsky, A. A. 1999. In Bobrinsky, A. A. (ed.). *Aktual’nye problemy izucheniia drevnego goncharstva (kollektivnaia monografiia) (Current Issues of Ancient Pottery: Collective Monograph)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 5–109 (in Russian).
3. Volkova, E. V. 1998. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 3. Tver: “Triada” Publ., 135–146 (in Russian).

The research was carried out within the framework of the project "Interdisciplinary study of ancient and medieval societies of Altai" project No. (FZMW-2023-0009) of the State Assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation".

4. Volkova, E. V. 2020. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology*) 261, 328–342 (in Russian).
5. Volkova, E. V. 2021. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology*) 264, 388–406 (in Russian).
6. Dashkovskiy, P. K. 2017. In Derevianko A. P., Tishkin, A. A. (eds.). *Trudy V (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Barnaule – Belokurikhe (Proceedings of the 5th (21th) All-Russia Archaeological Congress in Barnaul-Belokurikha)* II. Barnaul: Altai State University Publ., 112–116 (in Russian).
7. Dashkovskiy, P. K. 2023. *Chinetinskiy arkheologicheskiy mikrorayon na Altae: kratkiy putevoditel'. (Chinetinsky archaeological microdistrict in Altai: a short guide*). Series: *Ethnocultural and religious studies in Eurasia* 6. Barnaul: Altai State University Publ. (in Russian).
8. Kiriushin, Yu. F., Stepanova, N. F. 2004. *Skifskaya epokha Gornogo Altaya. Ch. III: Pogrebal'nye kompleksy skifskogo vremeni Sredney Katuni (Scythian Epoch of Mountain Altai. Part III: Burial Scythian Complexes on the Middle Katun River*). Barnaul: Altai State University Publ. (in Russian).
9. Kiriushin, Yu. F., Stepanova, N. F., Tishkin, A. A. 2003. *Skifskaia epokha Gornogo Altaia. Ch. II: Pogrebal'no-pominal'nye kompleksy pazyrykskoi kul'tury (Scythian Epoch of Mountain Altay. Part II: Burial And Memorial Complexes of Pazyryk Culture).* Barnaul: Altai State University Publ. (in Russian).
10. Kubarev, V. D. 1987. *Kurgany Ulandryka (Barrows of Ulandryk).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
11. Kubarev, V. D. 1991. *Kurgany Yustyda (Barrows of Yustyd).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
12. Kubarev, V. D. 1992. *Kurgany Sailiugema (Barrows of Sailugem).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
13. Rudenko, S. I. 1953. *Kul'tura naseleniia Gornogo Altaia v skifskoe vremia (Culture of the Population of Mountain Altai in the Scythian Time)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
14. Rudenko, S. I. 1960. *Kul'tura naseleniia Tsentral'nogo Altaia v skifskoe vremia (Culture of the Population of Gorny Altai in the Scythian Time)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
15. Stepanova, N. F. 1998. *In Drevnie poseleniya Altaya (Ancient settlements of Altai).* Barnaul: Altai State University Publ., 137–145 (in Russian).
16. Stepanova, N. F. 2010. In Tsetlin, Yu. B., Salugina, N. P., Vasil'eva, I. N. (eds.). *Drevnee goncharstvo. Itogi i perspektivy izucheniia (Ancient Pottery. Study Results and Prospects*). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 117–125. (in Russian).
17. Stepanova, N. F. 2015. In *Samarskiy naychnyi vestnık (Samara Scientific Bulletin)* 13 (4), 90–95 (in Russian).
18. Stepanova, N. F. 2017. In *Problemy arheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij (Problems of archeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories).* Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk History, Arts, Language and Literature Scientific and Research Institute, 401–404 (in Russian).
19. Surazakov, A. S. 1989. *Gornyy Altay i ego severnye predgor'ya v epokhu rannego zheleza. Problemy khronologii i kul'turnogo razgranicheniya (Gorny Altai and its northern foothills in the Early Iron Age. Problems of chronology and cultural differentiation).* Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk History, Arts, Language and Literature Scientific and Research Institute Publ. (in Russian).
20. Tataurova, L. V. 1997. *Keramicheskoe proizvodstvo Nizhney Tary v XVII–XX veka (po dannym arkheologii i etnografii) Ceramic production of bottom containers in the XVII–XX centuries. (According to archaeology and ethnography).* PhD Thesis. Barnaul (in Russian).

About the Authors:

Dashkovskiy Petr K. Doctor of Historical Sciences. Professor. Altai State University, Lenin Ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; dashkovskiy@fpn.asu.ru

Stepanova Nadezhda F. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch RAS, Acad. Lavrentiev Avenue, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; Altai State University. Lenin Ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; nstepanova10@mail.ru

Статья принята в номер 16.07.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/pa2025.1.51.22.34

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СВЯТИЛИЩ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ

© 2025 г. С.А. Яценко

Представлен комплексный анализ наиболее распространенного вида степных святилищ в скифское и сарматское время за 1000 лет (VI в. до н. э. – IV в. н. э.): круглых, с валами и рвами, без кровли. Такие сооружения были распространены на территории от Южного Урала и Устюрта до Днепра. Основные зоны их распространения – низовья Урала и Центральное Предкавказье. Иногда они использовались людьми более поздних культур. Это были объекты местного значения. Святилища в сакральных зонах образовывали скопления; известны и одиночные объекты, не связанные с некрополями. Рассмотрены святилища с разным оформлением внутренней площадки, среди которых – имеющие центральную яму для огненных ритуалов. Важными элементами многих сооружений были алтари, жертвоприношения лошадей, овец и быков. Во многих случаях дары специально портили и ломали, в святилища также попадали более древние артефакты. Предполагаются разные виды ритуалов в них, кроме поминальных. После закрытия святилища его часто изолировали слоем грунта или камней.

Ключевые слова: археология, святилища ранних кочевников Степи, VI в. до н. э. – IV в. н. э., зоны распространения, связь с некрополями, структура внутренней площадки, виды жертвоприношений.

Речь пойдет о самой популярной форме святилищ ранних кочевников степей Восточной Европы и территории Западного Казахстана – *круглых* (реже овальных). Такие грунтовые сооружения окружены обычно земляным валом, огибающим полностью или частично рвом (от взятого для вала-ограды грунта, хотя его подчас еще добавляли со стороны). Гораздо реже они окружены каменной стеной. Для «чистоты картины» здесь пока рассматриваются только те из них, которые *не содержали* на своей площади *одного или нескольких погребений* с полными скелетами умерших. Последние хорошо известны, например, на западе Устюрта (Онгарулы и др., 2017), вокруг склепа на г. Медовой на Кавминводах (Прокопенко, 2022, с. 131) и др. В одних случаях они явно создавались вокруг могилы значимого лица, в других – последнего хоронили на сакральном объекте. Не имеет смысла включать сюда такие специфические сооружения района устья Дона скифского и сарматского времени, как «котлованы-кенотафы» (Беспалый, Головкова, Ларенок, 1989).

Прототипы этих святилищ начали создавать не позже чем в эпоху поздней бронзы племена срубной культурной общности. Таков знаменитый «Пуп земли» в степи у большой излучины Дона, *у станицы Трёхостровской* (Скрипкин, 2013, с. 74–80). Это одиночный искусственный холм высотой 3 м, имеющий, включая внешние валы (шириной до 30 м), диаметр около 200 м (рис. 1: 1). Вначале в центре его была создана гигантская круглая глиняная печь (как сказали бы в Индии – огненный алтарь) диаметром около 40 м, которую заполнили деревьями из пойменных лесов и подожгли. Огонь затем долго поддерживался в XV–XIII вв. до н. э. явно для неких жертвоприношений (следов ремесленного производства здесь нет). Позже печь разрушили, ее остатки рассыпали по площадке. Эти ритуалы – специфика срубной культуры, не известная впоследствии. Затем (видимо, уже в скифское время) площадку «законсервировали» грунтом из рва. На третьем этапе была создана конструкция с крутыми внешними краями, куполообразным центром и ровным дном в промежутке. Под конец всю ее поверхность ритуально «очистили»,

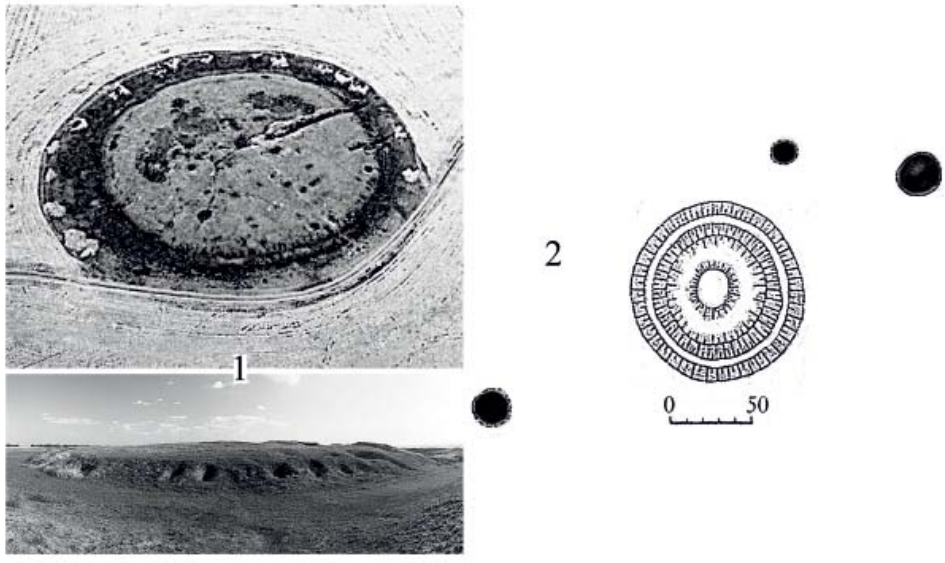


Рис. 1. Святилище у станицы Трёхостровской (фото предоставлены Е.А. Купцовым) и в урочище Горка (основа: Мельник, 2002, рис. 1).

Fig. 1. The sanctuary nearby the village of Trekhostrovskaya (photo by E.A. Kuptsov) and in the Gorka natural landmark (based: Melnik, 2002, Fig. 1).

покрыв слоем мелкой известковой щебенки и окрасив таким образом сооружение в белый цвет. Для большинства взятых здесь на радиоуглеродный анализ остатков дерева датировки поздние, скифской эпохи. В этом необычном комплексе за время раскопок 1997–2003 гг. практически не выявлено находок. При этом вокруг найдено несколько срубных поселений.

На территории собственно европейской Степной Скифии ярким примером таких объектов можно считать сооружение *в урочище Горка* под Кривым Рогом (Мельник, 2002), которое копалось серией траншей. Оно выделяется размерами (диаметр около 115 м) в группе из восьми курганов (рис. 1: 2). На площадке внутри были повсеместно найдены фрагменты костей животных и амфор рубежа IV–III в. до н. э. Среди принесенных в жертву животных – скелеты овец и собаки, конские черепа. В числе приношений также серия разнотипных кремневых орудий и их фрагментов верхнего палеолита и энеолита (древние кремневые орудия встречались среди приношений и в комплексе святилищ на месте Илурата: Ханутина, Хршановский, Яценко, 2024, с. 237), а во рву – кусочки охры.

Однако зонами наиболее активного распространения таких круглых святилищ на сегодня можно считать *Центральное Предкавказье* (особенно Ставрополье) скифского времени (Прокопенко, 2022) и *Южный Урал* от VI в. до н. э. по IV в. н. э., где они насчитываются десятками. Только в курганных группах IV–VI в южноуральской серии некрополей у Лебедевки/Сегизсай в казахстанской части региона (восемь небольших групп с более чем 300 курганами на сырте между реками Колдыгайты и Утва) их выявлено 28, причем в группе VI – 14 (Мошкова, 1984, с. 196), а в Оренбургской области известно более 30, большинство из которых позднесарматские (Моргунова, Купцов, 2017, с. 80). Самая поздняя (рубеж III–IV – начало V вв. н. э.), большая и компактная серия своеобразных святилищ известна

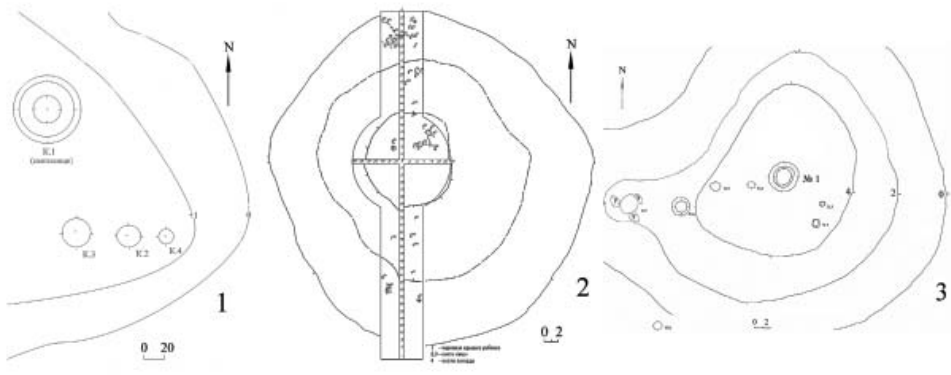


Рис. 2. Расположение святилищ на местности и методы раскопок: 1 – Новопавловка II. Курган 1 (основа: Краева, 2012, рис. 30); 2 – Ушкаттинский II (Шудабай), курган 1 (Гуцалов 2009, рис. 42); 3 – план могильника Ушкаттинский II (основа: Гуцалов 2009, рис. 3).

Fig. 2. Location of sanctuaries at the site and methods of excavation.

также у границы бывшего некрополя боспорского Илурата (Хршановский, 2015, с. 147; Ханутина, Хршановский, Яценко, 2024). Не удивительно, что наиболее основательными, заинтересованными и системными исследователями таких сооружений стали соответственно Ю.П. Прокопенко (Ставрополь), Е.А. Купцов (Оренбург) и В.А. Хршановский (С.-Петербург). Они оказали существенную помощь в написании статьи. При этом такие объекты средне- и позднесарматского времени (начало I – середина III вв.) встречены именно в Азиатской Сарматии, к востоку от Дона. Актуально и предположение, что на деле эти святилища были многочисленными и в других частях европейских и западноказахстанских степей и полупустынь, и все дело в наличии повышенного внимания названных и ряда других исследователей к выявлению и продуманным раскопкам этих специфических, довольно трудоемких для изучения памятников. На Южном Урале, с его особым богатством этих святилищ и изученностью многих из них, специалисты во время разведок уже давно и уверенно относят конкретные их формы к эпохе раннего железа (и последующие работы подтверждают их догадки).

Изучение таких объектов (которые нередко были заметно больше по размеру, чем «обычные» курганы) на практике сталкивается с рядом трудностей. Часто они встречаются на пашне и повреждены распашкой. Нередко в таких случаях их принимали за обычные курганы и «исследовали» в основном с помощью бульдозера. Крупные размеры и необычный характер святилищ (в том числе их важная роль в местном ландшафте) нередко приводят к их исследованию одной или несколькими траншеями (рис. 2: 2). Сдерживающим фактором является и то, что такие объекты (что уж греха таить!) чаще всего не содержат эффектных (а изредка, в комплексах с выраженным огненным ритуалом, вроде Трёхостровской и Шихана, – и вовсе никаких) находок. Однако они могут встречаться и в чисто элитных курганных некрополях, без рядовых могил (среднесарматский Царский у стен г. Танаис) (Яценко, 2016, с. 277–279, рис. 1: 1). В другом известном комплексе у устья Дона – некрополе Высочино V – святилище I в. н. э. (курган 20) (рис. 6: 2) непосредственно соседствовало с компактной группой ритуальных «котлованов-кенотафов» 7, 8, 9 и 17. Но цепочка среднесарматских комплексов от святилища имела

продолжение на восток в виде синхронных погребений исключительно знати (курганы 1, 21, 26, 28 и далее, в группе I – курганы 13 и 8). На запад же «среднесарматскую» цепочку от него продолжали, напротив, бедные впускные могилы в курганах 4, 10 и 12, а далее – элитные курганы 13, 14 и далее, в условно «отделенном» от них некрополе Ново-Александровка (Беспалый, Лукьяшко, 2008, карта 5).

Обычно такие святилища использовались (как одноразово, так и некоторое время) только одной культурной группой. Однако известны случаи, когда к ним возвращались люди другой культуры *несколько веков спустя*. Кроме названного памятника у Трёхостровской это святилище диаметром 76 м (курган Разрытый) IV–III вв. до н. э. под Новочеркасском, где на внутренней площадке есть фрагменты светлоглиняных амфор римского времени (Парусимов, 1992, с. 75). В кургане 6 Переволоцкого I, среди материалов V–IV вв. до н. э., есть единичные фрагменты керамики II–I вв. до н. э. (Григорьева, Рослякова, Купцов, 2023, с. 183). Оставленные в начале V в. святилища у Илурата (комплекс 1972 г., сооружение 230 и др.) в VIII–IX вв. явно посещались хазарскими подданными (Ханутина, Хршановский, Яценко, 2004, с. 234, 237). Любопытно сравнить это с другой ситуацией, когда само создание святилищ, видимо, опиралось на какие-то легенды о прежних «святых местах» (предания о легендарных предках, чудесных событиях и т. п.). Так, новые мобильные обитатели (их поселений поблизости нет) могли воспринимать спустя примерно два поколения эффектные остатки старых больших каменных склепов Илурата II–III вв. прежде всего как кладбище и сооружать у их края комплекс святилищ. В районе Кавминвод известны по нескольку круглых святилищ VI–III вв. до н. э. у подножья отдельно стоящей (священной?) горы Верблюд при том, что синхронных погребальных сооружений здесь нет, а есть более ранние и другой культуры (Рудницкий, Фоменко, 2005, с. 29–31; Прокопенко, 2022, с. 130–131).

Круглые святилища отсутствуют при этом в самых больших скифских (Мамай-Гора) и сарматских (Новый) некрополях, а представлены в малых, принадлежавших небольшой группе кочевых семей. Для первых в таких объектах, думаю, не было необходимости потому, что крупнейшие курганные кладбища и без того основывались у некоего святого места (источник, могила легендарного прародителя и т. п.). В редких случаях встречаются *компактные группы святилищ*, не связанные с синхронным некрополем. Это уже упоминавшиеся скопления их к югу от бывшего боспорского г. Илурат (рис. 4: 2) и у подножья весьма примечательной горы Верблюд у г. Железноводска. Интересно, что такие необычные группы святилищ в обоих случаях привязаны к более ранним могильникам (соответственно – боспорскому и кобанскому). Кроме того, в таких позднейших комплексах, как позднесарматский некрополь Шихан в Зауралье (рис. 5: 1) и у бывшего некрополя городка Илурат (рис. 4: 2), *круглые святилища чередовались с более редкими прямоугольными/квадратными*. Перед нами – два не вполне рядовых памятника, связанных, среди прочего, с интенсивным применением огня. Видимо, сочетание форм круга и квадрата, как и редкость прямоугольных святилищ, тогда еще имело древнюю индоевропейскую символику. Она хорошо отразилась, например, в традиции древних ариев в Индии. У них для жертвоприношений «огненные алтари» этих двух форм, как известно, сочетались, причем круглый алтарь (круглые формы резко преобладают в нашем материале) ассоциировался

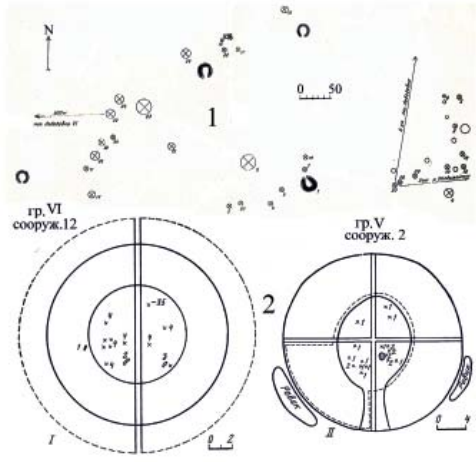


Рис. 3. Могильник Лебедевка: 1 – план группы V (основа: Мошкова, Железчиков, Кригер, 1878, рис. 3); 2 – сооружения 2 и 12 (Мошкова, 1984, рис. 1).

Fig. 3. Lebedevka burial ground.

с земным миром, а квадратный – с небесным миром (Ульциферов, 2013, с. 623), соответственно с мужским и с женским началом (Раевский, 2006, с. 133–134). В некрополе Ушкаттинский II (Шудабай) в восточной части холма рядом находились три святилища (курганы 1, 2, 3) (Гуцалов, 2009, с. 6–13, рис. 8; 42; 47; 55–56; 58; 68). Курган 1 был земляным с небольшими каменными конструкциями, диаметром до 50 м. Два соседних святилища были одного размера (диаметр 6 м), находки в них отсутствовали. Курган 2 имел каменную наброску, а в центре – прямоугольную площадку 3×2 м; древняя дневная поверхность была как минимум на отдельных участках покрыта слоем белого суглинка толщиной 10 см. Курган 3 имел под насыпью овальную каменную граду размером 4,2×3 м. Похоже, два малых святилища, хотя и были созданы, реально по каким-то причинам не функционировали. По справедливому замечанию В.Р. Эрлиха, не святилища, а «именно могильники устраиваются в сакрализованном месте, там же, где находятся святилища» (Лесков и др., 2013, с. 92).

Чаще всего круглые святилища расположены в составе курганных некрополей. Нередко они изначально или в результате современной вспашки и водно-ветровой эрозии имеют внешне облик обычных оплывших курганов. При этом размещение святилища на местности может быть весьма примечательно для общего ландшафта окружающей степи. Например, это край могильника, причем чуть в стороне от остальных объектов, как в Красном Яре (курган 25); подальше, к северу, от мыса у озера (Мещеряков, 2000, рис. 1) или оврага, на высшей точке в округе (Новопавловка II, курган 1) (Краева, 2013, с. 18, рис. 30) (рис. 2: 1); на высоком мысу над р. Илек (Майдан) (Мещеряков, 1997, с. 19, рис. 32). Это может быть вершина отдельного холма с некрополем вокруг нее, как в Ушкаттинском II (Шудабае) (Гуцалов, 2009, с. 6, рис. 3) (рис. 2: 3). Курган 6 в Переволоцком I представлял собой южную оконечность некрополя, вытянутого вдоль р. Самары (Моргунова, Купцов, 2017, с. 80). Святилище Тасатау I (рис. 7) находится у обрыва мыса в большом овраге, у редких в пустыне колодцев (Онгарулы и др., 2017, с. 39, рис. 50). Сооружение А в некрополе Шихан было частью цепочки из четырех святилищ вдоль юго-западного края курганного поля (рис. 5: 1). Однако есть и одиночные комплексы вне синхронных или более ранних некрополей. В их числе яркие комплексы в различных районах степи, такие как Горка, Трёхостровская, Майдан (Мещеряков, 1997, с. 19, рис. 32) и Воровсколесская (Прокопенко, 2022, с. 122–123, 129).

Святилища сооружались обычно из грунта. Но у бывшего некрополя Илурата они, за одним исключением, вырубались на склонах балки в скале в форме цилиндра на глубину 0,5–1,5 м и имели диаметр от 3 до 30 м. Сверху их ограждала каменная

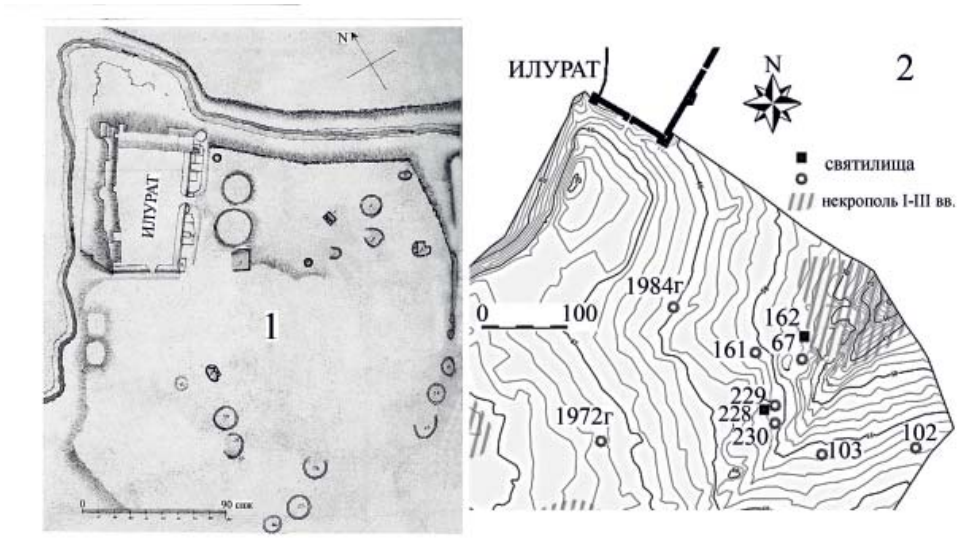


Рис. 4. Круглые святилища на бывшем некрополе боспорского Илурата: 1 – план около 1830 г. (основа: Дюбрюкс, 2010, рис. 54); 2 – современная картина (основа: Хршановский, 2015, рис. 3).
Fig. 4. Round sanctuaries at the former necropolis of Bosporsky Ilurat.

стена (местами сохранилась на высоту 1,5 м) (Яценко, 2023, с. 206–207; Ханутина, Хршановский, Яценко, 2024) (рис. 8). Однослойная каменная ограда встречается и на Южном Урале (Елантау, Ушкаттинский II), а у Татарского городища 2, в кургане 2, кладка была в 2–3 слоя (Прокопенко, 2022, с. 130–131). Другой пример – овальное каменное святилище Тасастау I размером около 7 м. Оно, в отличие от многих соседних, было «простейшего типа» и не имело купола (Онгарулы и др., 2017, с. 39). Об отдельных каменных конструкциях внутри святилищ Ушкаттинского II уже говорилось. Все такие сооружения имели вход, а углубленные – лестницы из 2–4 ступенек. Хотя у них не было перекрытия, но у сооружения 67 у бывшего Илурата каменные стены немного сужались кверху, символически намекая на таковое. Многие святилища имели *вход* (нередко шириной 4–5 м) в разных сторонах, кроме восточной (рис. 6). В Елантау, однако, было пять входов примерно по 1 м в ширину (Гуцулов, Боталов, 1999, с. 70).

Поверхность внутренней площадки для жертвоприношений подчас была весьма неудобной: полусферической (Ушкаттинский II, курган 1) (Гуцалов, 2009, с. 70), а в сооружении 229 у Илурата – в виде воронки (Ханутина, Хршановский, Яценко, 2024, с. 229). Приношения в святилищах распределялись по-разному: несколькими скоплениями, полосами, в ямах, во рву и у края валов, изредка – хаотично по всей поверхности. В кургане 1 у Курганинска под площадку был выровнен более ранний курган, после того как на нем прекратило функционировать кладбище еще эпохи бронзы, включавшее затем 113 сарматских могил. На вершине, в центре и юго-восточном секторе была создана прямоугольная жертвенная площадка размером около 15×4 м (ее центр был поврежден в недавнее время) (Берлизов, 2012, с. 45–46, 50). Сама эта площадка, общий состав обильных приношений и их хаотическое размещение типичны для прямых соседей кубанских сарматов, подвергшихся сильному скифскому влиянию меотов с раннескифского времени (Лесков и др., 2013, с. 72–89). Богатые приноше-

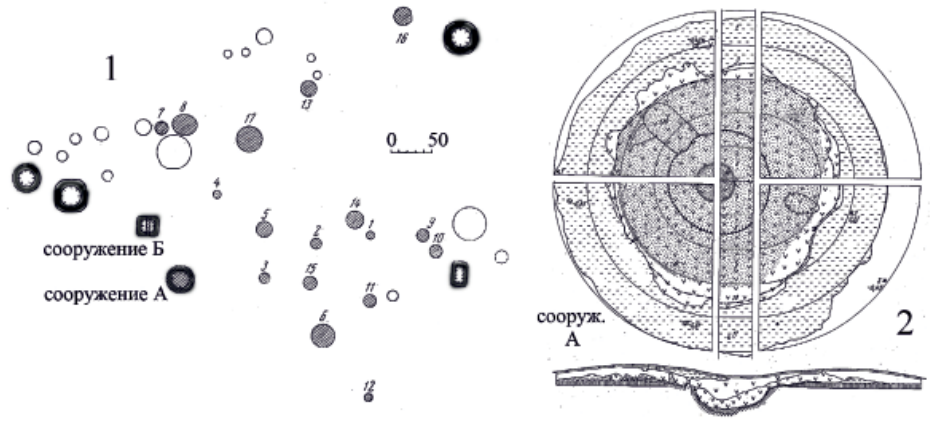


Рис. 5. Могильник Шихан: 1 – общий план; 2 – сооружение А (Смирнов, Попов, 1969, рис. 1; 2).
Fig. 5. Shikhan burial ground.

ния, относящиеся в одном комплексе к мужской и женской субкультурам, известны в Тасастау I, Курганинске, а также в святилище у станицы Исправной (Прокопенко, 2022, с. 123–127). Такой характер комплексов, видимо, говорит об участии знатных женщин в соответствующих ритуалах. Иногда состав артефактов позволяет уточнить характер этого поклонения. Так, в Курганинске была найдена уникальная бронзовая (с дополнительными деталями на железном стержне) фигурка всадника на быке (Берлизов, 2012, с. 50, рис. 5: 13). В текстах алано-осетинского нартовского эпоса есть единственный персонаж, разнообразно связанный с волшебными быками – это Батраз, считающийся развитием образа бога войны («скифского Ареса»); его изображения есть у средневековых аланов (Яценко, 2024, рис. 12: 1–2).

Особое явление – святилища *с большим центральным углублением-ямой*. Это все круглые комплексы у бывшего Илурата (об их размерах уже говорилось), сооружение А в Шихане, а также курган 1 в Богатырских Могилках (Лылова, 1999, с. 12–13). В Шихане центральная яма имела вверху диаметр 6 м и глубину 2 м (рис. 5: 1); в Богатырских Могилах ее диаметр был 40 м по сравнению с диаметром внутренней площадки в 70 м (!), но глубина – всего 30 см. Важно, что такие конструкции имели различные следы интенсивного и *неоднократного использования огня* (в Илурате они особенно заметны в сооружениях 161 и 162). Речь идет о поздних комплексах, созданных после середины II в. н. э.

Важным событием, похоже, было специальное «закрытие» святилища. После прекращения функционирования таких объектов их сакральную поверхность сверху *изолировали (консервировали)* слоем из особого грунта, камней или щебня. В Шихане это был темный грунт (после этого над бывшей ямой для горения совершили жертвоприношение части туши быка), в Ушкаттинском II – белый суглинок толщиной 10 см, в Трёхостровской (на позднем этапе) – мелкая щебенка белого цвета, у бывшего Илурата – мелкие камни (слой их толщиной подчас до 0,5 м). В наземном комплексе Тасастау I замуровали вход. В комплексах у бывшего Илурата перед завершением использования святилищ верующие, похоже, изъяли из них почти все ценные приношения, оставив в основ-

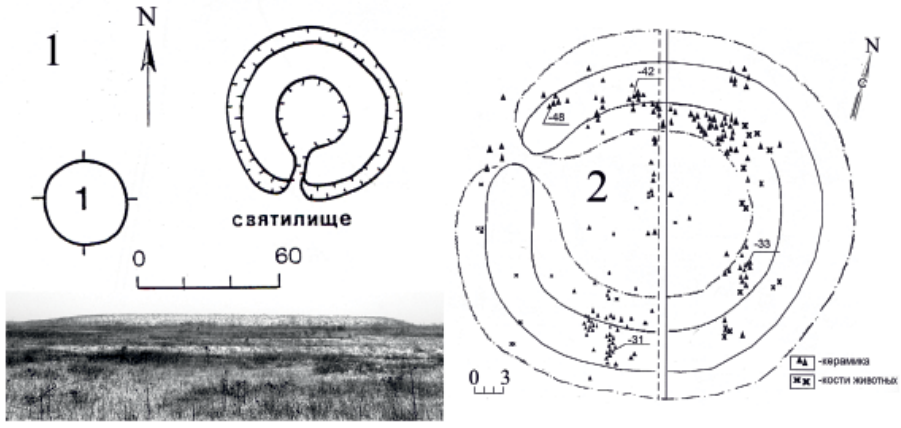


Рис. 6. Святилища с выраженных входом:
1 – Шкуновка II, чертеж (основа: Яблонский, 1991, рис. 24) и фото Е.А. Купцова;
2 – Высочино V, курган 20 (Беспалый, Лукьяшко, 2008, табл. LXXXVI: 9).

Fig. 6. Sanctuaries with a pronounced entrance.

ном битую посуду, кости животных и следы сожжений.

Коснемся теперь некоторых совершаемых в святилищах ритуальных действий. Прежде всего, в ряде таких комплексов имелся *алтарь* разных типов. В Курганинске это каменная плита длиной около 40 см; у Илурата кубический алтарь найден в сооружении 67. Алтарем также служила конструкция из каменей в центре святилища. В Ушкаттинском II она имела диаметр 1,5 м; близок ей алтарь в сооружении 162 у Илурата. В последнем скоплении святилищ встречались в качестве алтарей и старые жернова из соседнего заброшенного Илурата. Аморфность облика части алтарей не обязательно считать примитивом и результатом низких художественных требований. Например, у такого архаичного и сохранившего древние верования индоиранского народа, как кафиры (нуристанцы) Гиндукуша, еще относительно недавно бытовало убеждение, что аморфность формы алтаря воплощает всю сложность и неполную познаваемость божества (Elphinstone, 1839, p. 379). Важными являются элементы *человеческих жертвоприношений*. Это четыре человека в Курганинске (головы и руки, которые были важным материалом не только у скифов по Геродоту (IV, 62), но и у героев алано-осетинского нартовского эпоса), три черепа в кургане 2 у некрополя 2 Татарского городища (Прокопенко, 2022, с. 131), черепная крышка ребенка (Ушкаттинский II) и череп в Елантау (Гуцалов, Боталов, 1999, с. 170). Массовым материалом для приношений были части туш животных (изредка – целые их скелеты), разнотипная посуда из глины, бронзы и дерева (обычно ее немного), предметы конской упряжи и вооружения. Основными приносимыми в жертву животными здесь были наиболее важные в кочевом хозяйстве *лошадь и овца*. Оба вида часто присутствуют вместе: в «кургане Разрытом»; по два коня и барана – в кургане 20 Высочино V; три овцы и четыре конских черепа в скифской Горке. 14 лошадей были помещены в Переволоцком I (это прежде всего кобылы зрелого возраста) (Григорьева, Рослякова, Купцов, 2023, с. 171–174). В ряде комплексов встречены кости *быков* (коров). В том же святилище обнаружены три быка зрелого возраста. В Ушкаттинском II выявлен череп. В Шихане над «законсервиро-

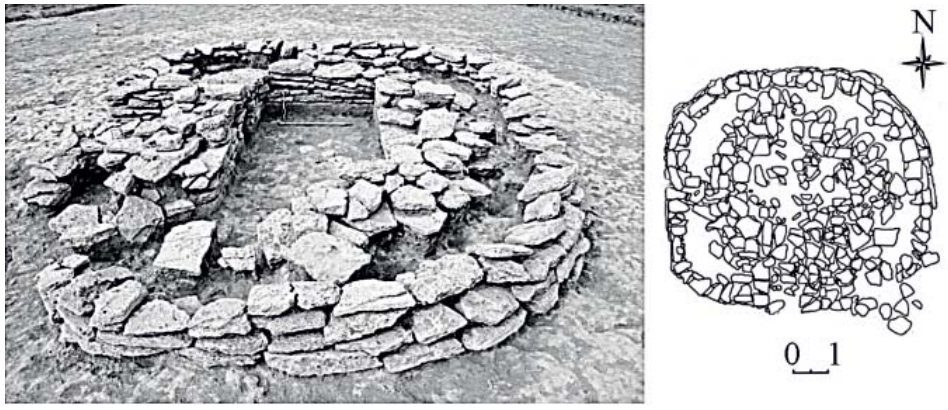


Рис. 7. Святилище «простейшего типа» Тасастау 1 (Онгарулы и др., 2017, рис. 54–55).
Fig. 7. Sanctuary of the “simplest type” Tasastau 1 (Ongaruly et al., 2017, fig. 54–55).

ванной» основной ямой святилища были принесены в жертву части ног. Кости животных в ряде святилищ, как показали материалы Переволоцкого I, находились на открытом воздухе и нередко носят следы погрыза уже на месте собаками, а их обилие говорит о довольно длительном использовании (Григорьева, Рослякова, Купцов, 2023, с. 171–172, 183).

Как уже отмечалось, в ряде комплексов были найдены заведомо древние вещи, в том числе кремневые орудия. Интересна находка в святилище Елантау захороненного по особому обряду в центре сооружения обломка (верхнего конца) каменного изваяния рубежа VI–V вв. до н. э. скифоидного облика (Гуцалов, Боталов, 1999, с. 70–72). Сам факт его обнаружения убеждает авторов в том, что святилище датируется как обломок статуи (никакого иного датирующего материала не выявлено). Представляется, что это ошибка и святилище сооружено позже. Обломок старого изваяния здесь использован как своеобразный фетиш: он «похоронен» на древней дневной поверхности с каменной наброской, лежащим «на спине» и на своеобразной подушке из каменных плит.

Иногда в святилищах мы встречаем *порчу* части или практически всех приносимых в жертву артефактов для того, чтобы они успешно попали в Иной мир духов и покойников. Последнее произошло с богатыми дарами от мужчин и женщин в Курганинске (Берлизов, 2012, с. 46). В Тасастау I это касалось части даров: были разбиты и разбросаны посуда и зеркало (Онгарулы и др., 2017, с. 40). В кургане 20 Высочино V у восстанавливаемых амфор из скоплений всегда отсутствуют предварительно обломанные ножки (Беспалый, Лукьяшко, 2008, с. 88).

В целом изученные комплексы круглых открытых святилищ датируются от VI в. до н. э. по IV в. н. э., то есть они просуществовали на территории от Южного Урала и Устюрта до днепровского Правобережья около 1000 лет. Такие святилища явно были локальными и вряд ли регулярно посещались посторонними, не относившимися к местным небольшим кочевым общинам. Довольно большое разнообразие конструкций, следов ритуальных действий, с одной стороны, подтверждает их локальность, а с другой – подчас говорят о разнообразии поводов для молений. Они вряд ли сводились только к чисто поминальным обрядам, поскольку это трудно доказать для изолированно расположенных комплексов, а также для тех,

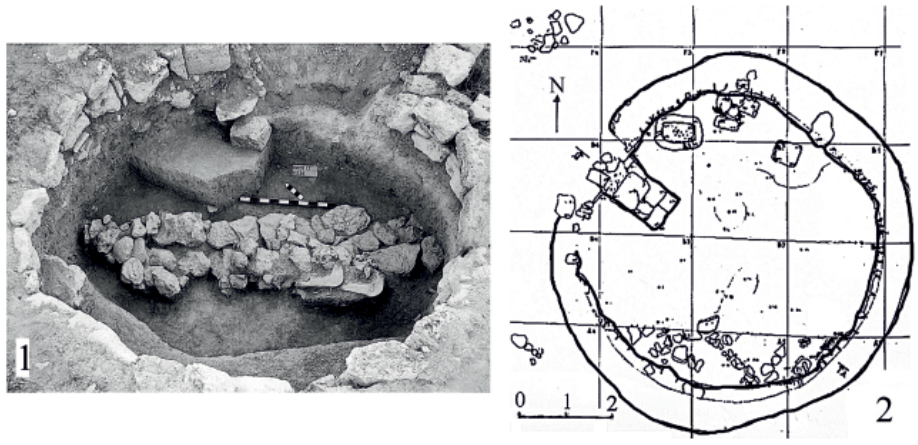


Рис. 8. Святилища на месте бывшего некрополя Илурата: 1 – сооружение 230 (Хршановский, 2015, рис. 2); 2 – сооружение 67 (Яценко, 2023, рис. 1).

Fig. 8. Sanctuaries at the former necropolis of Ilurat.

где были найдены особые статуи божества (всадник на быке в Курганинске). Мы знаем также не локальные, а межрегиональные святилища скифов и сарматов, но в них целенаправленно почитался определенный и уникальный *крупный артефакт*. У западной границы Скифии, на р. Южный Буг, была местность у священного горького источника Эксампей, где некогда по приказу царя Арианта из принесенных каждым воином наконечников стрел, по Геродоту (IV, 81), был отлит огромный котел объемом в 600 амфор как символ единства скифов. На западе Сарматии, у Кривого Рога, мы теперь знаем другое святилище, созданное сарматами на рубеже н. э., где на некоем холме стояла предназначенная для разностороннего обзора каменная стела с изображением личины божества (человека с ушами животного). На ней около трех веков сарматские делегаты из разных регионов и даже люди из отдаленных восточных стран вырезали свои родовые тамги (Яценко, Шевченко, Усенко, 2022, с. 287–297, рис. 6–11).

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическое наследие Волгоградской области / Ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Издатель, 2013. 288 с.

2. *Берлизов Н.Е.* Сарматское святилище в Восточном Закубанье // Историко-краеведческий альманах. Вып. 11 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир, Краснодар, М.: Институт археологии РАН, 2012. С. 45–52.

3. *Беспалый Е.И., Головкова Н.Н., Ларенок П.А.* Поминальные памятники IV в. до н.э. – III в. н. э. Доно-Кагальницкого водораздела // СА. 1989. № 3. С. 154–162.

4. *Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И.* Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино. Т. 1 Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2008. 224 с.

5. *Григорьева И.М., Рослякова Н.В., Купцов Е.А.* Археозоологическое исследование кольцевого сооружения святилища Переволоцкого могильника в Оренбургском Приуралье // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 3 (5). С. 169–186.

6. *Гуцалов С.Ю.* Отчет о раскопках могильника Ушкаттинский II (Шудабай) в 2008 г. / Архив АЛ ОГПУ. 2009.

7. *Гуцалов С.Ю., Боталов С.Г.* Скифское святилище Елантау // Известия Челябинского научного центра РАН. 1999. Вып. 3. С. 70–72.

8. *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. Т. II. Иллюстрации. СПб.: Коло, 2010. 312 с.

9. *Краева Л.А.* Отчет о проведении археологических разведок на территории Соль-Илецкого и Акбулакского районов Оренбургской области в 2012 г. по Открытому листу № 329 / Архив АЛ ОГПУ. 2013.

10. Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья в IV–III вв. до н. э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы. М.: ГМВ, 2013. 184 с.

11. Лылова Е.В. Отчет об археологических разведках в Оренбургском районе Оренбургской области в 1998 году по Открытому листу № 413 / Архив АЛ ОГПУ, 1999.

12. Мельник О. Розкопки святилища IV–III ст. до н.е. біля міста Кривого Рогу // Археологічні відкриття в Україні 2000–2001 рр. / Під ред. Н.О. Гаврилюк. Київ: ІА НАНУ, 2002. С. 183–187.

13. Мещеряков Д.В. Отчет о разведках в Переволоцком и Акбулакском районах и разведках и раскопках в Сакмарском районе Оренбургской области в 1996 г. по Открытому листу № 625 (форма 2) / Архив АЛ ОГПУ, 1997.

14. Мещеряков Д.В. Отчет о раскопках курганного могильника Красный Яр в Илекском районе и разведках в Шарлыкском и Октябрьском районах Оренбургской области в 1999 году // Архив АЛ ОГПУ, 2000.

15. Моргунова Н.Л., Купцов Е.А. Исследование кольцевого святилища сарматской культуры у посёлка Переволоцкого // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Гос. исторический музей Южного Урала, 2017. С. 80–85.

16. Мошкова М.Г. Культовые сооружения Лебедёвского могильника // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Под ред. А.И. Мелюковой, М.Г. Мошковой, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 196–201.

17. Мошкова М.Г., Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Отчет. Археологические работы в Уральской области в 1978 году. М., Уральск, 1978 / Архив Института археологии РАН. Р-1. № 6929.

18. Онгарулы А., Ольховский В., Астафьев А., Дарменов Р. Древние святилища Устюрта и Восточного Приаралья. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. 320 с.

19. Парусимов И.Н. «Курган Разрытый» // Киммерийцы и скифы: Тезисы докладов Международной научной конференции памяти А.И. Тереножкина / Отв. ред. Б.Н. Мозолевский. Мелитополь: Институт археологии НАН Украины, 1992. С. 75.

20. Прокопенко Ю.А. Кольцевые святилища раннего железного века Центрального Предкавказья // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 15 / Отв. ред. Ю.А. Прокопенко. Ставрополь: Печатный двор, 2022. С. 121–149.

21. Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М.: Языки славянских культур, 2006. 600 с.

22. Рудницкий Р.Р., Фоменко В.А. Археологические памятники у горы Верблюд. Пятигорск: Спецпечать, 2005. 88 с.

23. Смирнов К.Ф., Попов С.А. Сарматское святилище огня // Древности Восточной Европы / МИА. № 169 / Отв. ред. Л.А. Евтюхова. М.: Наука, 1969. С. 210–216.

24. Ульциферов О.Г. Культура Индии (прошлое и настоящее). М.: Нобель-пресс, 2013. 686 с.

25. Ханутина З.В., Хршановский В.А., Яценко С.А. Позднеантичные святилища на Илуратском плато // Следы явлений и процессов в археологических памятниках. Материалы международной научной конференции (Пятигорск, 8-10 апреля 2024 г.) / Отв. ред. С.А. Яценко, Е.В. Куприянова. Ставрополь: Печатный двор, 2024. С. 233–246.

26. Яблонский Л.Т. Отчет об археологических разведках на территории Соль-Илецкого и Акбулакского районов Оренбургской области РСФСР по Открытому листу № 33 / Архив АЛ ОГПУ, 1991.

27. Хршановский В.А. Круглые святилища на Илуратском плато. Проблемы хронологии и культурной принадлежности // Таврические студии. Исторические науки. 2015. № 7. С. 142–147.

28. Яценко С.А. Сарматская элита у границ Боспора I–III вв. н.э. // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола / Отв. ред. В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский. СПб.: Палаццо, 2016. С. 276–282.

29. Яценко С.А. О некоторых сармато-аланских элементах в культуре населения позднейшего Илурата // Боспорский феномен: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы, дискуссии. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. В.А. Хршановский. СПб.: Чистый лист, 2023. С. 206–212.

30. Яценко С.А. Две аланские композиции IX-X вв. с антропоморфными изображениями с реки Чемульга в Ингушетии // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 1. С. 106–127.

31. Яценко С.А., Шевченко Е.Б., Усенко Е.П. О серии каменных плит с сарматскими тамгами из Одесского археологического музея // Stratum plus. 2022. № 6. С. 277–311.

32. Elphinstone M. An Account of the Kingdom of Caboul and Its Dependencies in Persia, Tartary and India. Vol. II. London: R. Bentley, 1839.

Информация об авторе:

Яценко Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор. Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва, Россия); sergey_yatsenko@mail.ru

SOME FEATURES OF SANCTUARIES OF THE EARLY NOMADS

S.A. Yatsenko

A comprehensive analysis of the most widespread type of Steppe sanctuaries in the Scythian and Sarmatian times for 1000 years (VI century BC – IV century AD) – round, with ramparts and moats, without a roof covering – is presented. Such structures were common in the area from the Southern Urals and Ustyurt to the Dnieper. The main zones of their spread are the Lower Ural River region and Central Cis-Caucasus. Sometimes they were used by people of later cultures. These were the objects of local importance. Sanctuaries in sacred areas formed clusters; solitary objects are also known, they were not associated with necropolises. Sanctuaries with different interior design are considered, among which are those with a central pit for fire rituals. Altars, horse, sheep and bull sacrifices were important elements of many objects. In many cases, gifts were purposely damaged and broken, and sanctuaries also contained more ancient artifacts. Different types of rituals are assumed to have taken place in them , except for memorial ones. After the sanctuary was closed, it was often covered with earth or stones.

Keywords: archaeology, sanctuaries of the early nomads of Steppe, VI century BC – IV century AD, distribution area, association with necropolises, the structure of the inner zone, types of sacrifices.

REFERENCES

1. In Skripkin, A. S. (ed.). 2013. *Arkheologicheskoe nasledie Volgogradskoy oblasti (Archaeological heritage of the Volgograd region)*. Volgograd: “Izdatel’” Publ. (in Russian).
2. Berlizov, N. E. 2012. In Munchaev, R. M. (ed.). *Istoriko-kraevedcheskii al’manakh (Local History Almanaque)* 11. Armavir, Krasnodar, Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 45–52 (in Russian).
3. Bespalyy, E. I., Golovkova, N. N., Larenok, P. A. 1989. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 3, 154–162 (in Russian).
4. Bespalyi, E. I., Luk'yashko, S. I. 2008. *Drevnee naselenie mezhdurech'ya Dona i Kagalnika. Kurgannyi mogil'nik u s. Vysochino*. T. 1 *(Ancient population of the Don and Kagalnik interfluve. Burial mound at village Vysochino. Vol. 1)* Rostov-na-Donu: Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (in Russian).
5. Grigor'eva, I. M., Roslyakova, N. V., Kuptsov, E. A. 2023. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Vestnik of Orenburg State Pedagogical University)* 3 (5), 169–186 (in Russian).
6. Gutsalov, S. Yu. 2009. *Otchet o raskopkakh mogil'nika Ushkattinskiy II (Shudabay) v 2008 g. (Report on the excavations of the Ushkatty II burial ground (Shudabai) in 2008)*. Archive of the Archaeological Laboratory of the Orenburg State Pedagogical University (in Russian).
7. Gutsalov, S. Yu., Botalov, S. G. 1999. In *Izvestiya Chelyabinskogo nauchnogo tsentra (Proceedings of the Chelyabinsk Scientific Center)* 3, 70–72 (in Russian).
8. Dyubryuks, P. 2010. *Sobranie sochineniy. T. II. Illyustratsii (Collected works. Vol. II. Illustrations)*. Saint Petersburg: “Kolo” Publ. (in Russian).
9. Kraeva, L. A. 2013. *Otchet o provedenii arkheologicheskikh razvedok na territorii Sol'-Iletskogo i Akbulakskogo rayonov Orenburgskoy oblasti v 2012 g. po Otkrytomu listu № 329 (Report on archaeological reconnaissances in the territory of Sol-Iletsk and Akbulak districts of the Orenburg region in 2012 under the Excavation license No. 329)*. Archive of the Archaeological Laboratory of the Orenburg State Pedagogical University (in Russian).
10. Leskov, A. M., Beglova, E. A., Ksenofontova, I. V., Erlikh, V. R. 2013. *Meoty Zakuban'ya v IV-III vv. do n. e. Nekropoli u aula Ulyap. Svyatilishcha i ritual'nye kompleksy (Trans-Kuban Maeotians in the IV-III centuries BC. Necropolises nearby the village of Ulyap. Sanctuaries and ceremonial complexes)*. Moscow: Gosudarstvennyi Muzei Vostoka Publ. (in Russian).
11. Lylova, E. V. 1999. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Orenburgskom rayone Orenburgskoy oblasti v 1998 godu po Otkrytomu listu № 413 (Report on archaeological reconnaissances in the Orenburg district of the Orenburg region in 1998 under the Excavation license No. 413)*. Archive of the Archaeological Laboratory of the Orenburg State Pedagogical University (in Russian).
12. Mel'nik, O. 2002. In Gavrilyuk, N. O. (ed.). *Arkheologichni vidkrittya v Ukraïni 2000–2001 rr. (Archaeological discoveries in Ukraine in 2000–2001)*. Kiïv: IA NANU Publ., 183–187 (in Russian).
13. Meshcheryakov, D. V. 1997. *Otchet o razvedkakh v Perevolotskom i Akbulakskom rayonakh i razvedkakh i raskopkakh v Sakmarskom rayone Orenburgskoy oblasti v 1996 g. po Otkrytomu listu № 625 (forma 2) (Report on reconnaissances in the Perevolotsky and Akbulak districts and reconnaissances and excavations in the Sakmara district of the Orenburg region in 1996 under the Excavation license No. 625 (form 2))*. Archive of the Archaeological Laboratory of the Orenburg State Pedagogical University (in Russian).

14. Meshcheryakov, D. V. 2000. *Otchet o raskopkakh kurgannogo mogil'nika Krasnyy Yar v Ilekskom rayone i razvedkakh v Sharlykskom i Oktyabr'skom rayonakh Orenburgskoy oblasti v 1999 godu (Report on excavations of the Krasny Yar burial mound in the Ilek region and reconnaissances in the Sharlyk and Oktyabrskoye districts of the Orenburg region in 1999)*. Archive of the Archaeological Laboratory of the Orenburg State Pedagogical University (in Russian).

15. Morgunova, N. L., Kuptsov, E. A. 2017. In Tairov, A. D. (ed.). *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale. Sarmaty i ikh okruzhenie (Ethnic relationships in the Southern Urals. Sarmatians and their surroundings)*. Chelyabinsk: State Historical Museum of the Southern Urals, 80–85 (in Russian).

16. Moshkova, M. G. 1984. In Melyukova, A. I., Moshkova, M. G., Petrenko, V. G. (eds.). *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya (Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian Period)*. Moscow: "Nauka" Publ., 196–201 (in Russian).

17. Moshkova, M. G., Zhelezchikov, B. F., Kriger, V. A. 1978. *Otchet. Arkheologicheskie raboty v Ural'skoy oblasti v 1978 godu (Report. Archaeological works in the Ural region in 1978).* The Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, no. 6929. Moscow, Ural'sk (in Russian).

18. Ongaruly, A., Ol'khovskiy, V., Astaf'ev, A., Darmenov, R. 2017. *Drevnie svyatilishcha Ustyurta i Vostochnogo Priaral'ya (Ancient sanctuaries of Ustyurt and the Eastern Aral Sea region)*. Almaty: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan (in Russian).

19. Parusimov, I. N. 1992. *Kimmeriitsy i skify: Tezisy dokladov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamiati A.I. Terenozhkina (The Cimmerians and Scythians: Abstracts of the International Research Conference in Memory of A. I. Terenozhkin)*. Melitopol: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 75 (in Russian).

20. Prokopenko, Yu. A. 2022. In Prokopenko Yu. A. *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the history of culture of the North Caucasus peoples)* 15. Stavropol: "Pechatnyy Dvor" Publ., 121–149 (in Russian).

21. Raevskiy, D. S. 2006. *Mir skifskoy kul'tury (Scythian culture world)*. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ. (in Russian).

22. Rudnitskiy, R. R., Fomenko, V. A. 2005. *Arkheologicheskie pamyatniki u gory Verblyud (Archaeological sites at the Mount Verblyud)*. Pyatigorsk: "Spetspechat'" Publ. (in Russian).

23. Smirnov, K. F., Popov, S. A. 1969. In Evtyukhova, L. A. (ed.). *Drevnosti Vostochnoi Evropy (K 70-letiiu A. P. Smirnova) (Antiquities of Eastern Europe (to the Anniversary of 70 Years from the Birth of A.P. Smirnov))*. Moscow: "Nauka" Publ., 210–216 (in Russian).

24. Ul'tsiferov, O. G. 2013. *Kul'tura Indii (proshloe i nastoyashchee) (Indian Culture (past and present))*. Moscow: "Nobel'-press" Publ. (in Russian).

25. Khanutina, Z. V., Khrshanovskiy, V. A., Yatsenko, S. A. 2024. In Yatsenko, S. A., Kupriyanova, E. V. (eds.). *Sledy yavleniy i protsessov v arkheologicheskikh pamyatnikakh. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Pyatigorsk, 8-10 aprelya 2024 g.) (Traces of Changes and Processes in Archaeological Objects: Proceedings of the International Conrefence (Pyatigorsk, April 8-10, 2024))*. Stavropol: "Pechatnyi dvor" Publ., 233–246 (in Russian).

26. Yablonskiy, L. T. 1991. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh na territorii Sol'-Iletskogo i Akbulakskogo rayonov Orenburgskoy oblasti RSFSR po Otkrytomu listu № 33 (Report on archaeological reconnaissances in the territory of Sol-Iletsk and Akbulak districts of the Orenburg region RSFSR under the Excavation license No. 33)*. Archive of the Archaeological Laboratory of the Orenburg State Pedagogical University (in Russian).

27. Khrshanovskiy, V. A. 2015. In *Tavricheskie Studii. Istoricheskie nauki (Tauric Studies. Historical Sciences)* 7, 142–147 (in Russian).

28. Yatsenko, S. A. 2016. In Zuev, V. Yu., Khrshanovskiy, V. A. (eds.). *Elita Bospora i bosporskaya elitarnaya kul'tura. Materialy mezhdunarodnogo Kruglogo stola (The elite of Bosporus and the Bosporan elitist culture. Proceedings, presented at the international Round table)*. Saint Petersburg: "Palazzo" Publ., 276–282 (in Russian).

29. Yatsenko, S. A. 2023. In Khrshanovskiy, V. A. (ed.). *Bosporskiy fenomen: quarta pars saeculi. Itogi, problemy, diskussii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Bosporanum Phaenomenon: Quarta Pars Saeculi. Results, problems, discussions. Proceedings of the international conference)*. Saint Petersburg: "Chistyy list" Publ., 206–212 (in Russian).

30. Yatsenko, S. A. 2024. In *Vestnik RGGU. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie" (RGGU Bulletin, "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series)* 1, 106–127 (in Russian).

31. Yatsenko, S. A., Shevchenko, E. B., Usenko, E. P. 2022. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* 6, 277–311 (in Russian).

32. Elphinstone, M. 1839. *An Account of the Kingdom of Caboul and Its Dependencies in Persia, Tartary and India*. Vol. II. London: R. Bentley.

About the Author:

Yatsenko Sergey A. Doctor of Historical Sciences. Russian State University for the Humanities. Miusskaya Sq., 6, Moscow, 125047, Russian Federation; sergey_yatsenko@mail.ru

Статья принята в номер 22.08.2024 г.

УДК 902/903; 902.672, 631.4 https://doi.org/10.24852/pa2025.1.51.35.42

К ВОПРОСУ О ЗЕМЛЕДЕЛИИ АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2025 г. А.А. Чижевский, Е.В. Пономаренко, Э.И. Оруджов

Проблема земледелия ананьинской культурно-исторической области – одна из самых острых в современной археологии раннего железного века Волго-Камья. С конца XIX века и вплоть до 80-х гг. XX века считалось неоспоримым существование земледелия на этой территории уже в начале железного века. Однако в 90-е гг. XX века появляются работы, показавшие недостатки и неполную обоснованность этой гипотезы. В результате исследований последних лет удалось получить как косвенные (данные палинологии о наличии пыльцы культурных растений, информация о подсеке, присутствие в коллекциях инструментария для обработки земли), так и прямые (находки ячменя и льна) свидетельства существования ананьинского земледелия. Судя по данным AMS-анализа ячменя из Макарьевского городища, развитое земледелие существовало у населения постмаклашеевской культуры АКИО уже в VIII–V вв. до н. э.

Ключевые слова: археология, Волго-Камье, ранний железный век, постмаклашеевская культура ананьинской культурно-исторической области, палинология, почвоведение, земледелие, подсека.

Впервые проблему появления земледелия в Волго-Камье затронул А.Ф. Лихачев, который считал возможным относить время возникновения этой отрасли хозяйства к бронзовому веку (Лихачев, 1884, с. 28; 1891, с. 164). В рамках бронзового века рассматривался в конце XIX в. и Ананьинский могильник (Чижевский, 2013, с. 65–78).

Мнение о раннем появлении земледелия уже в 20-е годы XX в. поддержал А.В. Шмидт, делая упор на наличие на памятниках ананьинской культуры костяных орудий и кельтов, которые могли использоваться как мотыги, а также на прочной оседлости носителей этой культуры (Шмидт, 1924, с. 303).

Свою законченную форму концепция существования земледелия у ананьинской культуры получила в классической монографии А.В. Збруевой «История населения Прикамья в ананьинскую эпоху» (1952). На основании находок бронзовых серпов, костяных «мотыг», медных мотыжек, кельтов, каменных пестов и зернотёрок она предположила наличие земледелия у носителей ананьинской культурно-исторической области (АКИО). Исходя из находки спёкшегося в единую массу проса на территории Луговской I стоянки эпохи бронзы, она сделала вывод о развитии земледелия на основе проса ещё в бронзовом веке. Другим доказательством она считала находки семян конопли(?), завернутых в материю, из погр. 18 Ананьинского могильника (Алабин, 1860, с. 99). Опираясь на имеющиеся факты, А.В. Збруева пришла к выводу о том, что ананьинское земледелие было подсечно-огневым «с яровыми посевами» и базировалось на мотыжной обработке почвы (Збруева, 1952, с. 45–46, 48; 1960, с. 20). С выводом о том, что ананьинская культура обладала высокой земледельческо-скотоводческой культурой, были согласны О.Н. Бадер и В.А. Оборин (1960, с. 22).

В 90-е гг. XX в. появились работы, подвергающие сомнению существование земледелия у носителей АКИО. В этом ряду работы В.Н. Маркова, Ю.А. Зеленеева и С.В. Кузьминых, которые указывали на отсутствие прямых (зерновых) данных, подтверждающих наличие земледелия в АКИО (Марков, 1994, с. 77; Зеленеев, Кузьминых, 2003, с. 167).

Ещё одним серьезным доводом против гипотезы об ананьинском земледелии был радиоуглеродный анализ проса из Луговской I стоянки, который показал его средневековый возраст (Лыганов, 2021, с. 537).

В качестве одного из косвенных свидетельств, подтверждающих наличие земледелия, ранее привлекались костяные «мотыжки». Они изготавливались из пястных костей крупных копытных животных и рассматривались в качестве орудий обработки земли. В настоящее время эти изделия достаточно уверенно определяются как втоки копий или иных древковых орудий (Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006, с. 48; Черных, Чижевский, 2021, с. 228).

В подтверждение этому выводу приводится два факта: 1) размещение «мотыжек» в могильных ямах на одной линии с наконечниками копий (погр. 112 Зуевского и погр. 19 Мурзихинского II могильников) (Чижевский, Черных, Коренюк, 2021, с. 206; Черных, Чижевский, 2021, с. 228); 2) трасологическое заключение А.Н. Усачука, показавшее, что «мотыжки» не могли быть использованы в качестве земледельческих орудий (Зеленеев, Кузьминых, 2003, с. 167).

Другим фактом, подтверждающим «отсутствие» навыков земледелия у носителей АКИО, было доказательство того, что случайные находки бронзовых серпов-секачей, которые ранее приписывали к АКИО, на самом деле относятся к срубной культурно-исторической общности (Купцова, Лыганов, 2021, с. 372, 392, 393, рис. 12: 10, 13–18).

В это же время появились данные, свидетельствующие в пользу гипотезы о существовании ананьинского земледелия.

В ряду этих свидетельств находка В.А. Ивановым в 1972 г. 45 зерен пшеницы-полбы в неглубокой хозяйственной яме на Ново-Кабановском городище (Обыденнов, Обыденнова, 1998, с. 6). Основная часть керамического комплекса памятника относится к АКИО. Часть глиняной посуды интерпретирована как пьяноборская, однако она имеет значительное сходство с постмаклашеевской керамикой и, вероятнее всего, также относится к АКИО. К сожалению, датировать эти зерна с помощью радиоуглеродного метода не удалось.

Появились и свидетельства выращивания технических культур носителями АКИО: так, пыльцевое зерно льна было обнаружено в насыпи вала Сорочьегорского городища в спорово-пыльцевом спектре V, датированным VI–V вв. до н. э. (Чижевский и др., 2014, с. 257, 259).

При исследовании Троицко-Урайского I городища в слоях ананьинского времени было выявлено значительное количество волосков крапивы, что может быть свидетельством не только использования крапивы для производства тканей (Чижевский, Пономаренко и др., 2019, с. 136), но и выращивания её в качестве технической культуры.

Ещё одним фактором, подтверждающим наличие земледелия, были спорово-пыльцевые исследования на городищах и поселениях АКИО.

Исследование спорово-пыльцевых спектров (СПК) показало явные признаки выращивания культурных растений на Сорочьегорском городище. Они проявлялись начиная от СПК II и до СПК V. СПК II относится к поселению, существовавшему до строительства оборонительного вала. Сам вал сооружался в промежутке от конца VIII до первой половины VII в. до н. э.

Таким образом, начало производства земледельческих работ в окрестностях городища относится, по всей видимости, к VIII в. до н. э. и продолжалось вплоть до окончания существования Сорочьегорского городища

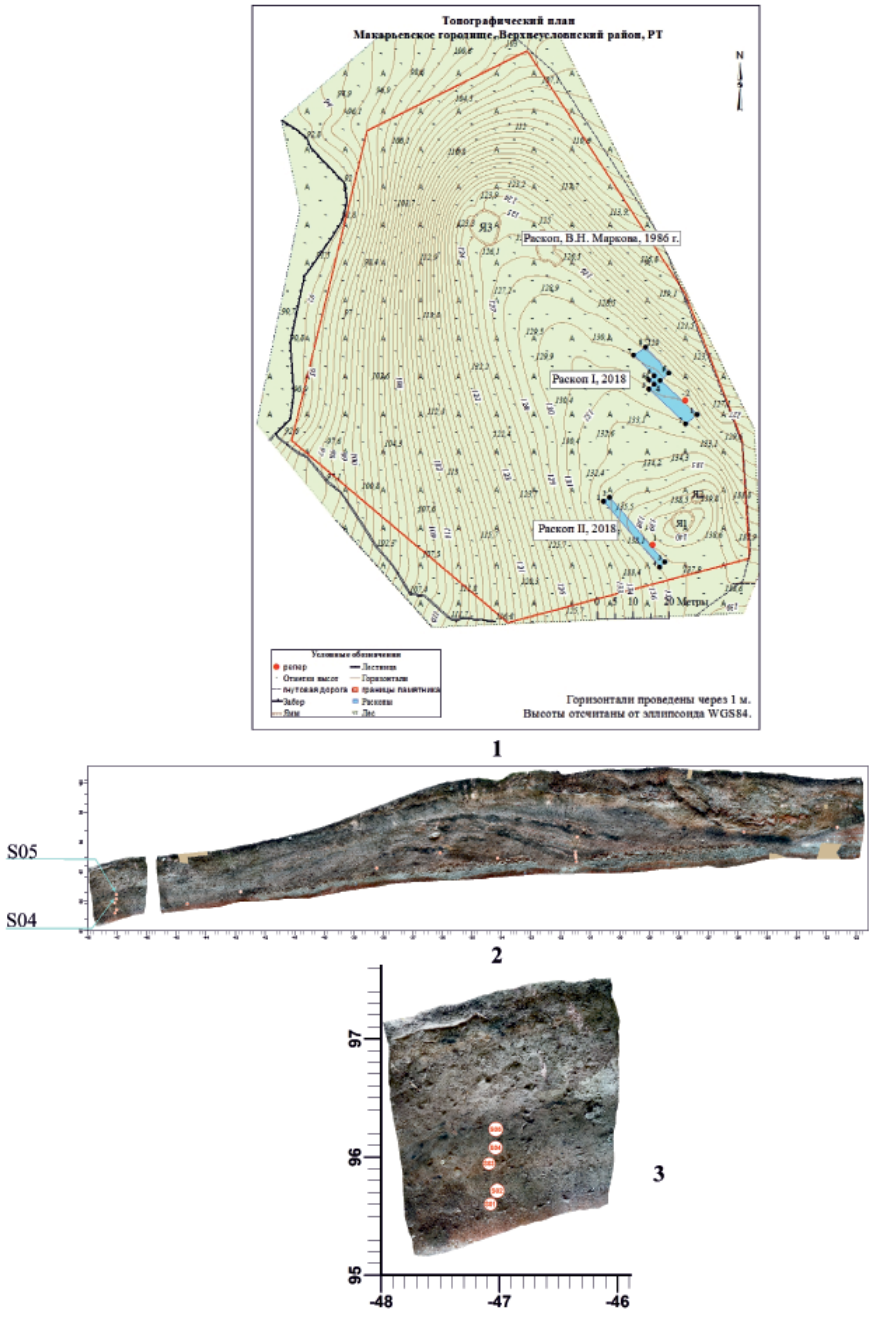


Рис. 1. Макарьевское городище. 1 – топографический план; 2 – ортофото северо-восточной стенки раскопа II 2018 г. (S1–S17 – места получения образцов), 3 – ортофото северо-восточной стенки раскопа II 2018 г., деталь (S4–S5 – образцы, содержащие зерна ячменя) (фото Л.А. Вязова).

Fig.1. Makaryevskoye hillfort.

(СПК V) в VI–V вв. до н. э. (Чижевский, Хисяметдинова, Спиридонова и др., 2014, с. 259; 260; Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 120).

Палинологические исследования вала Маклашеевского II городища выявили в средней части его насыпной толщи, в которой был выявлен СПК

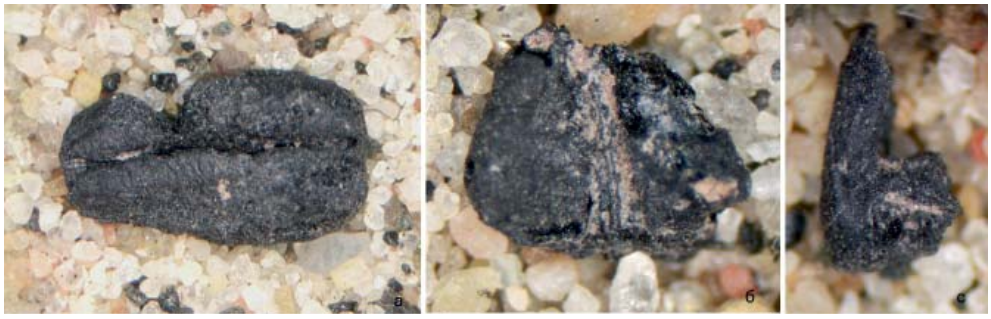


Рис. 2. Находки ячменя на Макарьевском городище: (a) Обугленное зерно ячменя. Слой 5, северная стенка. (b) Обломок обугленного зерна ячменя, ферментированного перед обжигом. Слой 4, северная стенка. (c) Обугленный рахис ячменя. Слой 4, северная стенка.

Fig. 2. Finds of barley at the Makaryevskoye hillfort.

V, крупные зерна пыльцы культурных растений. Время существования этого СПК относится к V в. до н. э. (Алешинская, Чижевский, Спиридонова, 2022, с. 376).

Спорово-пыльцевые спектры, указывающие на использование подсеки в качестве основного способа земледельческих работ, были получены Е.Г. Ершовой при исследовании памятников ананьинского времени в Усадах и городище Гремячий Ключ. На Болгарском городище выжиг леса в ананьинское время был зафиксирован в трех точках, в одной из них (Федосеево Озеро) почвенный горизонт ананьинского времени имел характерные морфологические признаки подсечного слоя (Ponomarenko et al., 2018). Выжиг леса под подсеку в ананьинское время был зафиксирован и в Биляре (исследования Е.В. Пономаренко).

Подтвердилось также наличие специализированных орудий для обработки земли, прежде всего это были железные (Старший Ахмыловский мог.) и бронзовые мотыги (Котловский мог. и гор. Грахань), которые фиксируются на могильниках и поселениях АКИО, а также массивные мотыги, топорообразные и клиновидные предметы из лосиного рога, выявленные на городищах Гремячий Ключ и Сорочьи Горы (Марков, 1987, рис. 7: 12; Чижевский, Хисяметдинова, 2020, рис. 188: 9; 189: 34; Чижевский, Волкова, 2021, рис. 6: 43).

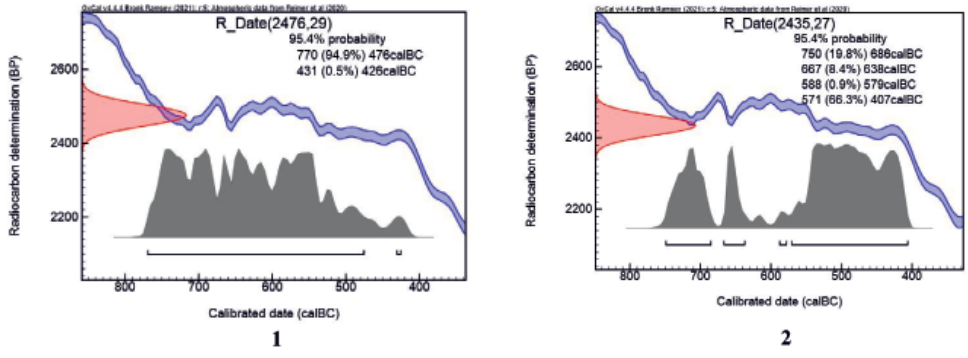


Рис. 3. Макарьевское городище. Данные радиоуглеродного анализа зёрен ячменя. 1 – образец S04; 2 – образец S05.

Fig. 3. Makaryevskoye hillfort. Data from radiocarbon dating of barley grains. 1 – sample S04; 2 – sample S05.

Тем не менее оппоненты гипотезы о существовании земледелия у населения АКИО настаивали на радиоуглеродном датировании непосредственно зерна, а с этим были проблемы, и лишь с началом производства работ на Макарьевском городище эту задачу удалось решить.

Работы под руководством Э.И. Оруджова на Макарьевском городище постмаклашеевской культуры АКИО в Верхнеуслонском районе Республики Татарстан начались летом 2018 г., здесь было разбито два раскопа общей площадью 148 кв. м (рис. 1: 1). Раскоп II площадью 48 кв. м был заложен на оконечности оборонительного вала укрепленного поселения поперек длинной оси насыпи. В северо-восточном профиле раскопа выделено четыре насыпи разновременных валов и два рва (рис. 1: 2). Валы 1–3, ров 1 и нижний слой поселенческой площадки относятся к ананьинскому времени (Старков, 2020). Из насыпей валов и культурных слоев поселенческой площадки ананьинского времени было получено 17 образцов (S01–S17) на спорово-пыльцевой и радиоуглеродный анализы (рис. 1: 2)[1].

В профиле вала, в части, относящейся к площадке Макарьевского городища, в слоях S04 и S05 (рис. 1: 3) найдено зерно сброженного на солод ячменя (рис. 2: a–c). Судя по находке фрагмента колоса, этот ячмень выращивали самостоятельно, а не покупали на стороне. Обугленная солома культурных злаков была обнаружена и в двух других слоях, датирующихся ананьинским временем – S9 и S14. По найденному зерну ячменя лабораторией университета Оттавы (Канада) были получены AMS-датировки. Для образца S4 UOC-16704 получен возраст 2476 ± 29 ^{14}C л. н., калиброванная датировка с вероятностью 2 σ (95%) определена в интервале 770–476 кал. л. н. (OxCal-4.3.). Для образца S5 UOC-16725 получен возраст 2435 ± 27 ^{14}C л. н., калиброванная датировка с вероятностью 2 σ (95%) определена в интервале 571–407 кал. л. до н. э. (OxCal-4.3.) (рис. 2). Медианный календарный возраст ячменя из слоя 4 – 633 кал. л. до н. э., из слоя 5 – 521 кал. л. до н. э.

Представленные выше факты, сочетающие как прямые (находки ячменя и льна), так и косвенные факты (данные палинологии о наличии пыльцы культурных растений, информация о подсеке, присутствие в коллекциях инструментария для обработки земли) неоспоримо свидетельствуют в пользу ананьинского земледелия. Судя по имеющимся AMS-датам, полученным по ячменю, достаточно развитое земледелие существовало у населения постмаклашеевской культуры АКИО уже в VIII–V вв. до н. э.

Традиционные датировки по аналогиям предметов из слоев, содержащих признаки наличия культурных растений на памятниках АКИО, подтверждают этот хронологический диапазон. Судя по палинологическим данным, основным способом обработки земли была подсека.

Примечание:

[1] В разрезе, вскрывающем укрепления и культурный слой поселенческой площадки Макарьевского городища, были выявлены основные стратиграфические слои, из которых отобраны образцы почвы объемом 0,5–2 литра для промывки и анализа макроостатков. Отбор и промывка образцов производились Ю.А. Саловой и Л.А. Вязовым, макроостатки анализировались Е.В. Пономаренко.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алабин П.В.* Ананьинский могильник (близ города Елабуги) // Вестник Императорского Русского Географического общества. Т. 29. СПб., 1860. С. 87–120.

2. *Алешинская А.С., Чижевский А.А., Спиридонова Е.А., Кочанова М.Д.* Маклашеевское II городище, палинологический аспект // Археология Евразийских степей. 2022. № 2. С. 371–381.

3. Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тыс. до н. э.). Ижевск: УдГУ, 2006. 220 с.

4. Бадер О.Н., Оборин В.А. Очерки работ Камской археологической экспедиции в 1955–1956 гг. // Ученые записки ПГУ. Т. XII. Вып. I / Отв. ред. В.Ф. Тиунов. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1960. С. 3–33.

5. Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 326 с.

6. Збруева А.В. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // МИА. № 80. М.: Наука, 1960. С. 10–95.

7. Зеленеев Ю.А., Кузьминых С.В. Рецензия на «Р.Д. Голдина. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет, 1999. 464 с.» // РА. 2003. № 2. С. 165–171.

8. Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. № 3. С. 101–137.

9. Купцова Л.В., Лыганов А.В. Срубная культурно-историческая общность между Волгой и Уралом //Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 368–394.

10. Лихачев А.Ф. Скифский след на Билярской почве // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском университете. Т. V. Казань, 1885. С. 1–33.

11. Лихачев А.Ф. Следы бронзового века в Казанской губернии // Тр. VII АС. Т. 2. М., 1891. С. 125–168.

12. Лыганов А.В. Андроноидные культуры Волго-Камья (луговская и сусканская культуры) // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 522–547.

13. Марков В.Н. Городище Гремячий Ключ // Древности Среднего Поволжья / АЭМК. Вып. 13 / Отв. ред. Б. С. Соловьев. Йошкар-Ола: Мар НИИ, 1987. С.102–130.

14. Марков В.Н. Ананьинская проблема (некоторые итоги и задачи ее решения) // Памятники древней истории Волго-Камья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1994. С. 48–88.

15. Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. Археологические памятники Южного Приуралья эпохи железа (I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.). Уфа: БЭК, 1998. 98 с.

16. Старков А.С. Отчет об археологических раскопках на Макарьевском городище (рубеж III–II тыс. до н.э. – вторая половина I тыс. н. э.) в Верхнеуслонском районе республики Татарстан в 2018 году. Т. I. Казань, 2020 / НФ МАРТ ИА АН РТ.

17. Черных Е.М., Чижевский А.А. Ананьинская культурно-историческая область. Вятско-ветлужская культура (гребенчато-шнуровой керамики) // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. III / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 217–241.

18. Чижевский А.А. Начальный период изучения археологии эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье. Кабинетно-аналитические исследования // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 64–103.

19. Чижевский А.А., Волкова Е.В. Ананьинская культурно-историческая область. Постмаклашеевская культура. Памятники белогорского типа // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 162–185.

20. Чижевский А.А., Пономаренко Е.В., Вязов Л.А., Хисяметдинова А.А., Блинников М.С. Оборонительные сооружения и палеоландшафт Троицко-Урайского I городища // Поволжская археология. 2019. № 3 (29). С. 128–146.

21. Чижевский А.А., Черных Е.М., Коренюк С.Н. Ананьинская культурно-историческая область. Ананьинская классическая культура (шнуровой керамики) // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. III / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 186–216.

22. Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А. Оборонительные сооружения мысовых городищ Волго-Камья в раннем железном веке и раннем средневековье // Археология Евразийских степей. 2020. № 2. 1–277 с. (Монография в журнале).

23. Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Асылгараева Г.Ш. Результаты комплексного исследования Сорочьегорского городища // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология Евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред.: С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 241–262.

24. Шмидт А.В. Рец.: А.М.Тальгрен. L'epoque dite d'Ananino dans la Russie orientale / SMYA. 1919. T. 31:1 // Борьба классов. 1924. №1–2. С. 300–305.

25. Ponomarenko E., Ershova E., Tomson P., Bakumenko V. A multi-proxy analysis of sandy soils in historical slash-and-burn sites: Karula case study // Quaternary International. 2018. Vol. 516. P. 190–206. DOI: 10.1016/j.quaint.2018.10.016

Информация о авторах:

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); chijevski@mail.ru

Пономаренко Елена Викторовна, кандидат биологических наук, адъюнкт-профессор, факультет географии. Оттавский университет (г. Оттава, Канада); ecosystemarchaeology@gmail.com

Оруджов Эдуард Игоревич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); orudzhov.eduard@mail.ru

TO THE QUESTION OF AGRICULTURE IN THE ANANYINO CULTURAL AND HISTORICAL REGION

A.A. Chizhevsky, E.V. Ponomarenko, E.I. Orudzov

The issue of agriculture in the Ananyino cultural and historical region is one of the most acute in modern archaeology of the Volga region in the Early Iron Age. Since the end of the XIX century and up to the 80s of the XX century, it was considered indisputable that agriculture existed in this area already in the early Iron Age. However, in the 90s of the XX century, there appeared works that showed the shortcomings and incomplete validity of these views. As a result of studies in recent years, it was possible to receive both indirect (palynology data on the presence of pollen from cultivated plants, information about swidden agriculture, the presence of tools for cultivating the land in collections) and direct (barley and flax finds) evidence of the existence of Ananyino agriculture. Judging by the AMS analysis of barley from the Makaryevskoye hillfort, developed agriculture existed among the population of the post-Maklasheevka culture of ACHR already in the VIII–V centuries BC.

Keywords: archaeology, Volga-Kamye, Early Iron Age, post-Maclashean culture of Ananyino cultural and historical region, palynology, soil science, agriculture, subsector.

REFERENCES

1. Alabin, P. V. 1860. In *Vestnik Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva (Bulletin of the Imperial Russian Geographical Society)* 29. Saint Petersburg, 87–120 (in Russian).
2. Aleshinskaya, A. S., Chizhevskiy, A. A., Spiridonova, E. A., Kochanova, M. D. 2022. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 371–381 (in Russian).
3. Ashikhmina, L. I., Chernykh, E. M., Shatalov, V. A. 2006. *Vyatskiy kray na poroge zheleznogo veka: kostyanoy inventar' anan'inskoy epokhi (I tys. do n.e.) (Vyatka Region on the Threshold of the Iron Age: Bone Inventory of Ananyino Period (1st Millennium B.C.))*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
4. Bader, O. N., Oborin, V. A. 1960. In Tiunov, V. F. (ed.). *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta. (Scientific Bulletin of the Perm State University)* 12(1). Perm: "Permskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 3–33 (in Russian).
5. Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
6. Zbrueva, A. V. 1960. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 80. Moscow: "Nauka" Publ., 10–95 (in Russian).
7. Zeleneev, Yu. A., Kuz'minykh, S. V. 2003. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* 2, 165–171 (in Russian).
8. Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 101–137 (in Russian).
9. Kuptsova, L. V., Lyganov, A. V. 2021. In Sitdikov, A. G.; Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyy vek (Eneolithic and Bronze Age)* Series: Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 368–394 (in Russian).
10. Likhachev, A. F. 1885. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* 5. Kazan, 1–33 (in Russian).
11. Likhachev, A. F. 1891. In *Trudy VII arkheologicheskogo s"ezda v Iaroslavle v 1887 g. (Proceedings of the 7th Archaeological Congress in Yaroslavl)* 2. Moscow, 125–168 (in Russian).
12. Lyganov, A. V. 2021. In Sitdikov, A. G.; Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyy vek (Eneolithic and Bronze Age)* Series: Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 522–547 (in Russian).
13. Markov, V. N. 1987. In Soloviev, B. S. (ed.). *Drevnosti Srednego Povolzh'ia (Antiquities of the Middle Volga Region)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and

Ethnography of the Mari Land) 13. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 102–130 (in Russian).

14. Markov, V. N. 1994. In Starostin, P. N. (ed.) *Pamiatniki drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Sites of the Ancient History of the Volga-Kama Region)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, 48–88 (in Russian).

15. Obydennov, M. F., Obydennova, G. T. 1998. *Arkheologicheskie pamyatniki Yuzhnogo Priural'ya epokhi zheleza (I tys. do n.e. – I tys. n.e.) (Archaeological Sites of the Southern Urals during the Iron Age (1st Millennium B.C. – 1st Millennium A.D.))*. Ufa: "BEK" Publ. (in Russian).

16. Starkov, A. S. 2020. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na Makar'evskom gorodishche (rubezh III–II tys. do n.e. – vtoraya polovina I tys. n. e.) v Verkhneuslonskom rayone respubliki Tatarstan v 2018 godu. (Report on archaeological excavations at the Makaryevskoye hillfort (the turn of the III – II millennium BC – the second half of the I millennium AD) in the Verkhny Uslon district of the Republic of Tatarstan in 2018)*. Vol. I. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

17. Chernykh, E. M., Chizhevskiy, A. A. 2021. In Sitdikov, A. G.; Chizhevsky, A. A. (eds.). *Ranniy zheleznyy vek (The early Iron Age)* Series: Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 217–241 (in Russian).

18. Chizhevsky, A. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 2 (4), 64–103 (in Russian).

19. Chizhevsky, A. A., Volkova, E. V. 2021. In Sitdikov, A. G.; Chizhevsky, A. A. (eds.). *Ranniy zheleznyy vek (The early Iron Age)*. Series: Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 162–185 (in Russian).

20. Chizhevskiy, A. A., Ponomarenko, E. V., Vyazov, L. A., Khisyametdinova, A. A., Blinnikov, M. S. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 3 (29), 128–146 (in Russian).

21. Chizhevsky, A. A., Chernykh, E. M., Korenyuk, S. N. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Ranniy zheleznyy vek (The early Iron Age)* Series: Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 186–216 (in Russian).

22. Chizhevsky, A. A., Khisyametdinova, A. A. 2020. *Oboronitel'nye sooruzheniya mysovykh gorodishch Volgo-Kam'ya v rannem zheleznom veke i rannem srednevekov'e (Defensive Structures of the Forts on Promontories of the Volga-Kama Region in the Early Iron and Early Middle Ages)*. Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 2, 1–277 (Monograph in the journal) (in Russian).

23. Chizhevsky, A. A., Khisyametdinova, A. A., Spiridonova, E. A., Aleshinskaia, A. S., Kochanova, M. D., Asylgaraeva, G. Sh. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 241–262 (in Russian).

24. Shmidt, A. V. 1924. In *Bor'ba klassov (Struggle of Classes)* (1–2), 300–305 (in Russian).

25. Ponomarenko, E., Ershova, E., Tomson, P., Bakumenko, V. 2018. In *Quaternary International* 516, 190–206. DOI: 10.1016/j.quaint.2018.10.016

About the Authors:

Chizhevsky Andrei A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijevski@mail.ru

Ponomarenko Elena V. Candidate of Biological Sciences. Adjunct Professor, Geography Faculty, Ottawa University. Simard Hall, 60 University, Ottawa ON Canada K1N 6N5; ecosystemarchaeology@gmail.com

Orudzhov Eduard I. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; orudzhov. eduard@mail.ru

Статья принята в номер 12.09.2024 г.

УДК 903 https://doi.org/10.24852/pa2025.1.51.43.52

НОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ МОГИЛЬНИКА АКБУЛАК II. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛЕВОГО СЕЗОНА 2023 ГОДА[1]

© 2025 г. А.А. Бисембаев, А.И. Хаванский

В статье рассматриваются погребальные комплексы гунно-сарматского времени могильника Акбулак II. Данный могильник расположен на юге Актюбинской области Республики Казахстан. В полевом сезоне 2023 года были продолжены исследования на могильнике Акбулак II, раскопаны один «гантелевидный» объект № 12 и курганы № 5, 6, 8, 9. По раскопанным объектам четко прослеживается тенденция – усложнение обрядовых черт в наземной конструкции, это дополнительное подчеркивание статуса погребенного, так как высота и размеры исследованных объектов были близки. Такую же роль играет и усложнение конструкции могильной ямы. Исследованные памятники показали значимость территории Западного Казахстана для выяснения культурогенеза кочевых сообществ эпохи Великого переселения народов. Получена представительная коллекция артефактов по вооружению, украшениям, конскому снаряжению и бытовым предметам. В целом исследованные комплексы укладываются в период второй половины II в. н. э. – III в. н. э.

Ключевые слова: археология, Западный Казахстан, гунно-сарматское время, могильник Акбулак II, погребальный обряд.

На территории Актюбинской области в последние годы активизировались исследования, направленные на изучение памятников первых веков нашей эры. В данный период, II–IV вв. н. э., на территории Западного Казахстана в целом и Актюбинской области в частности проживало кочевое население, оставившее яркие и неординарные памятники, а сама эпоха получила название «Великое переселение народов».

Говоря об общих чертах периода, необходимо отметить, что начинает доминировать северная ориентировка погребенных. Во-вторых, антропологический анализ костных останков показывает резкий всплеск монголоидности. В-третьих, увеличивается объем вещей, имеющих южноказахстанское (среднеазиатское) происхождение. Все вышеуказанные аспекты иллюстрируют собой значительные политические события, происходившие в восточной части степей Евразии. Образование государства хунну, затем его распад под влиянием китайской дипломатии, порожденные под воздействием этого государства миграции нашли отражение в археологических памятниках отдаленной от Монголии территории – Западного Казахстана.

Наличие среднеазиатских вещей в погребениях рассматриваемого региона – показатель сложившихся отношений мигрировавших на территорию Казахстана хунну (сюнну) и государства Кангюй. Интересен археологический момент, присутствующий в позднесарматских погребениях, он имеет антропологическое выражение. Для памятников этого периода характерно присутствие черепов с явно выраженной деформацией. Элита общества (хуннская) принесла в западноказахстанский регион новую моду, новый «обычай» – изменение формы черепа, связанное с тугой перебинтовкой голов младенцев в районе лба и затылка и приводящее к «вытягиванию» головы, диспропорциональному с нашей точки зрения. В то же время переселение населения из Центральной Азии

[1] Работа выполнена по программе ФНИ BR20280993 «Казахстан в древности и средневековье: систематизация и анализ археологических источников».

на рубеже эр сгруппировало «котел» новых миграций, породив новый очаг экспансии на запад в степях Южного Приуралья.

Природно-географические условия Западного Казахстана являются условием густоты и плотности размещения памятников по различным эпохам, а многочисленность объектов гунно-сарматского времени говорит о максимальном совпадении условий «новой родины» с исходной территорией проживания.

Пустынные степи охватывают большую часть Западного Казахстана. На севере граница с зоной типчаковых степей, они почти вплотную подходят к отрогам Общего Сырта, а на юге примыкают к обширным массивам Рын-песков и не менее обширным белополынным и чернополынным пустыням на бурых почвах. Южная граница пустынных степей может быть проведена от железнодорожной станции Сайхин к пескам Джаскус – Кум (севернее Урды) и отсюда извилистой линией вдоль окраины песков Нарын до районов Камыш-Самарских озер и далее на Саралжин и зимовку Бис-Кудук. В Зауралье эта граница спускается к югу до Базар-Тобе, от которого направляется к оз. Итмурун-Куль и низовьям Джаксыбая, до среднего течения р. Эмба в Западное Примугоджарье, междуречье Иргиза и Тургая (Атлас КазССР, 1982, с. 78–79). Авторам ранее приходилось анализировать влияние природно-географических аспектов на характер и расположение памятников кочевого населения в раннем железном века и Средневековье (Бисембаев, Ахатов, 2015, с. 31–35).

Первые памятники кочевников начала нашей эры, содержащие погребения с северной ориентировкой, деформацией черепов погребенных, с китайским и римским «импортом», были исследованы в Актюбинской области в 80-х годах XX в. С.Ю. Гуцаловым, материалы работ которого попали в обобщающую монографию С.Г. Боталова (Боталов, 2009, с. 194–205). Интересные материалы из прямоугольного сооружения-«святилища» Сарытау I были получены в 1992 году, а именно два бронзовых и один железный колокольчик были выявлены в одном из «входных» всхолмлений (Бисембаев, Дуйсенгали, 2008; Бисембаев, Дуйсенгали, 2009).

Если говорить о собственно характеристиках памятников этого периода – первых веков нашей эры, то следует остановиться на некоторых моментах. Начиная с середины II в. до IV в. нашей эры по территории Западного Казахстана распространились памятники, коренным образом отличающиеся от объектов предыдущих веков и в то же время содержащие определенную преемственность. Все это вкупе позволило патриарху археологии Б.Н. Гракову в своей классической работе "ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ: пережитки матриархата у сарматов» (Граков, 1947, с. 100–121) выделить памятники начала нашей эры в IV ступень – аланскую, или шиповскую, культуру. Позднее внутреннее содержание культуры было обрисовано К.Ф. Смирновым (Смирнов, 1950), работавшей в Западном Казахстане М.Г. Мошковой (Мошкова, 1982) и исследователем Среднего и Нижнего Поволжья А.С. Скрипкиным (Скрипкин, 1984).

Плановые исследования в полевом сезоне 2018 года были направлены южнее, именно в зону сухих степей, на границу с полупустыней, что наиболее отчетливо прослеживается в бассейне Уила. Данные полевые исследования являются логическим продолжением проекта «Пространственный анализ и архитектоника памятников гунно-сарматского периода Актюбинской области (II–IV вв. н. э.)». Первым этапом было проведение дешифровки космических снимков в программе SASPlanet. Положитель-

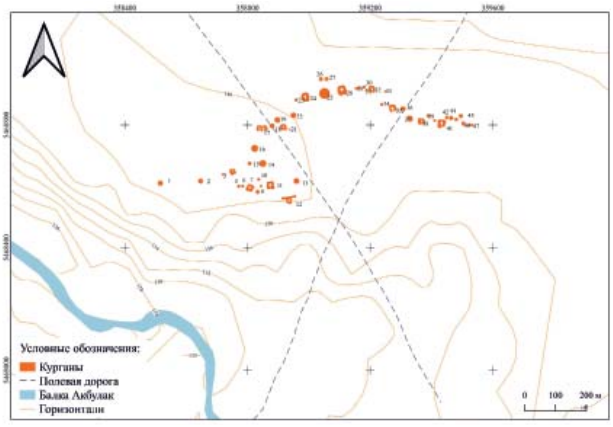


Рис. 1. План могильника Акбулак II.

Fig. 1. Plan of Akbulak II burial ground.

ной чертой данной программы является ее общедоступность, набор карт различного масштаба, а главное – спутниковых снимков высокого разрешения. В рамках камерального этапа было проведено детальное изучение космических снимков Уилского и Хобдинского районов с предварительным разделением их на условные участки-полигоны. Результаты работ получили свое отражение в ряде публикаций (Бисембаев, Хаванский и др., 2019)

После анализа космических снимков было проведено натурное обследование выявленных объектов. Обследование состояло из осмотра территории памятника, сбора подъемного материала, определение GPS-координат объектов, описание памятника и проведение тахеометрической съемки. Сопоставление результатов анализа космоснимков и натурного обследования показало, что некоторые детали объектов фиксируются только на космоснимках. Так, кольцевой ров, особенно мелкий, может практически не фиксироваться визуально, между тем на материале космического наблюдения рвы четко выделяются от окружающего рельефа более темным оттенком. Также валы и рвы подквадратных склеповых объектов («святилищ») могут выделяться на окружающей местности на 10 см и слабо читаться в рельефе. Однако на космических снимках они распознаются за счет разницы цветов.

По итогам полевых работ результаты анализа космических снимков получили практически 100-процентное подтверждение на местности. Была проведена детальная тахеометрическая съемка на 10 погребально-поминальных полях (могильниках) и отдельных объектах. Общее число выявленных объектов (курганов, гантелевидных курганов, склепообразных «святилищ») превысило 250 (Дуйсенгали, Мамедов, Баиров, 2018, с. 237–241).

В полевом сезоне 2023 года были продолжены исследования на могильнике Акбулак II (рис. 1), раскопаны один «гантелевидный» объект № 12 и курганы № 5, 6, 8, 9. Перед экспедицией стояла задача изучить пять объектов, расположенных в непосредственной близости друг от друга, создающих компактным расположением одну группу внутри могильника, объединяющую погребенных по ряду признаков (родственных, клановых, социальных и т. д.). В данной работе будут приведены пока краткие характеристики исследованных памятников.

Курган № 8 расположен в западной группе могильника Акбулак II, между двумя прямоугольными сооружениями в 400 метрах к югу от кургана № 30 могильника Акбулак I. Исследуемый объект четко выделяется на местности возвышением около 0,3 м и скоплением полынно-ковыльных ассоциаций. Вершина уплощенная, повреждена грызунами. Диаметр кургана около 10 метров, вокруг наблюдается кольцевой ров шириной

от 1,6 до 2 метров и глубиной около 0,2 м. Курган разбит на четыре сектора двумя перпендикулярными бровками С–Ю и З–В. В СВ секторе после снятия дернового грунта прослеживаются плотные скопления светлой материковой глины: либо остатки могильного выкида, либо руинированные следы погребальной наземной конструкции.

Наиболее отчетливо следы данной конструкции прослеживаются на стратиграфическом срезе З–В в северо-восточном и юго-восточном секторах в виде четко выделяющегося уплотнения из светлой материковой глины, лежащего на срезанной подушке из светлой глины. Начало приходится на 3 м от 0 отметки. Ширина этого уплотнения около 80 см. Вероятно, готовилась погребальная площадка со срезкой рыхлого дернового слоя и заливкой глиняной площадки как фундамента под строение наподобие «мазара». На даный момент трудно утверждать, какой формы было это строение. Судя по остаткам уплотнений по материковой глине, оно имело форму неправильного овала, образовавшегося в результате распада изначально высокой, до 1,5 метров, земляной конструкции, эрозии и выветривания. В юго-западном секторе поднят обломок красноглиняной гончарной керамики – 1,30 к западу, 50 см к югу и глубина залегания 30 см. Фрагмент представляет собой часть тулова с остатками ручки в верхней части кувшиновидного сосуда.

Пятно могильной ямы, отличавшейся темным перемешанным грунтом на фоне светлого цвета материка, было расчищено в СЗ и ЮЗ секторах. Восточный край могильной ямы ровный, прямой, вытянут по линии С–Ю со смещением на запад. Западная сторона ямы разрушена грабительским перекопом.

Заполнение могильной ямы: перемешанный грунт темного цвета, местами плотный, результат попадания воды в яму, местами рыхлый. Ближе ко дну к темному грунту добавляется песок. В заполнении могильной ямы на стыке входной ямы и подбоя были найдены фрагмент керамики лепного сосуда серого цвета и трубчатые кости рук.

Входная яма: 2,2×0,6×1,1 м; далее переход в подбой: 2,4 м, ширина 0,8 м, высота 0,6 м – отделен от входной ямы ступенькой высотой 0,2 м. Дно подбоя и вход ямы были покрыты заливкой из белой глины. Под скелетом, вероятно, был тонкий слой деревянного настила и органики. Погребение ограблено, и вероятно, что после ограбления продолжительное время находилось в открытом состоянии, о чем свидетельствует слой 10–15 см затечного грунта под сводом подбоя.

Кости погребенного потревожены и смещены с мест, лежали на разных уровнях. В непотревоженном положении находился лишь позвоночный столб. Часть большебедренных костей ног была расчищена в южной половине ямы. Одна лежала вдоль ямы, в середине. Трубчатые кости рук, ключицы, кости ступней ног, ребра, кисти рук и тазовые лежали практически вместе в центре ямы. Череп и нижняя челюсть отсутствуют. Кости в плохом состоянии. В южной половине найдены несколько частей, принадлежащих деревянносу сосуду с бронзовыми обоймами, прикрепленными по кромке верха. Здесь же найдены небольшие фрагменты, вероятно принадлежащие железному кинжалу. На фрагментах сохранились частички ножен, покрашенных в красный цвет (рис. 2).

Следующим объектом исследования был выбран **курган № 5**, расположенный в 50 метрах к западу от кургана № 8. Рядом, почти смыкаясь полами, расположен небольшой курган № 6. Исследуемый объект разбит на четыре сектора с оставлением стратиграфичских разрезов по меридиану

Рис. 2. Фото погребения 1 кургана 8.
Fig. 2. Photo of 1 burial of barrow 8.

и широте. Видимая высота кургана около 25 см, диаметр порядка 9 метров, ров не кольцевой, а с разрывами с юго-запада и северо-востока.

Между курганами № 8 и № 5, 6 располагается прямоугольное «святилище», являющееся, вероятно, основой формирования данной погребальной группы. Северо-западнее, несколько обособленно в 40 метрах, располагается еще одно прямоугольное святилище. Раскоп доведен до глубины 35–40 см по краям секторов и порядка 60 см в центре. Могильное пятно зафиксировано в центре со смещением к югу неправильной формы, вытянутой по линии С–Ю. Пятно могильной ямы было расчищено в центре насыпи. Оно располагалось в ЮЗ и ЮВ секторах раскопа. Пятно прямоугольной формы. Засыпь однородная, песчаная. Под западной стенкой оставлен подбой.

Погребение в вытянутом положении, головой на СЗ. Длинные кости рук и ног смещены с места. Череп с признаками деформации. За головой и у ног стояли два сосуда – лепных горшка. Также у ног в яме были найдены 43 альчика и кость крупного животного (межпозвоночная пластина?). Железный нож лежал между левой рукой и грудной клеткой. Он был завернут в тканевый чехол. Размеры: длина черешка 6 см, ширина 1,5 см; деревянная рукоять, спинка лезвия слегка изогнута. У ног располагался лепной сосуд кострового обжига со следами нагара как с наружней стены, так и с внутренней. По венчику к шейке нагар фиксируется вкруговую. Сосуд горшковидной формы с округлым неустойчивым дном. Тулово слабо выражено, плавно переходит в округленое дно. Шейка короткая, переходящая в отогнутый венчик. Верх венчика уплощен. Тулово яйцевидной формы. Высота 12,5 см, диаметр венчика 11,5 см. У изголовья стоял лепной сосуд красного цвета. Тесто хорошего качества. Реплика на хорезмскую керамику. Следы нагара фиксируются только с одной стороны тулова. По нижней части тулова заметен кольцевой след от подставки. Тулово бомбовидной формы ярко выражено по месту сильно выделенных плечиков. Тулово к низу плавно переходит в скругленное устойчивое дно. Шейка высокая, переходящая в слегка раздутое горло. Высота 14,5 см, горло 9 см, ширина тулова 14,5 см (рис. 3).

Курган № 6 небольшого размера, располагался почти вплотную к кургану № 5, немного северо-восточнее. Объекты почти смыкаются полами. Курган небольшого размера, диаметром около 8 метров и видимой высотой на дневной поверхности около 20 см, порос полынными и ковыльными ассоциациями и имеет следы жизнедеятельности грызунов. Уровень раскопа в ценре доведен до глубины 45 см. Отчетливо в северной части раскопа виднеется темный ров в северо-западном и северо-восточном секторах.

Могильную яму в полном объеме проследить не удалось. Безинвентарное захоронение располагалось в

Рис. 3. Фото погребения 1 кургана 5.
Fig. 3. Photo of burial 1 of barrow 5.

центре кургана, по линии С–Ю. Оно представляло собой скорченное захоронение мужчины на левом боку. Кости ног были прижаты коленями к животу, в ступнях скрещены. Руки согнуты в локтях, кистями притянуты к голове. Разрозненные кости правой руки, вероятно, перемещены грызунами. Череп раздавлен, одельные фрагменты вынесены выше. Общая поза погребенного говорит о жертвоприношении. Контур могильной ямы прослеживается за спиной и под тазовыми костями погребенного. В целом погребальный обряд выполнен небрежно, наспех. Следы могильного выкида на бровках не прослеживаются. Засыпь твердая, первоначально приводила к выводам об ограблении объекта в древности. После расчистки стало понятно, что погребение принадлежит представителю зависимого сословия, засыпанному грунтом, вынутой из неглубокой ямы, сразу после погребения. Глубина погребения составляет всего 45 см от уровня материка (рис. 4).

Гантелеобразный объект № 12, самый южный в данной группе памятников, ближе к южному, несколько обрывистому склону хребта, на котором расположены могильники Акбулак, северный склон пологий, плавно спускающийся в пойму Уила.

Объект представляет собой два небольших округлых возвышения диаметром по 6,5 метра, соединенных перемычкой по линии З–В, длиной около 50 метров. Оба возвышения растрассированы на четыре сектора с оставлением бровок по широте и меридиану. Кроме того, сделаны три дополнительных шурфа в соединительную перемычку – один в центре и по одному ближе к возвышениям, для выявления конструктивных особенностей (рис. 5). На космоснимке в середине перемычки с южной стороны фиксируется светлое пятно, похожее на дополнительный элемент конструкции, но при внимательном осмотре выяснилось, что это «проплешина» в траве, не имеющая к конструкции «гантели» отношения. Могильная яма расчищена в западном возвышении. Мужское погребение с северной ориентировкой сопровождал выразительный инвентарь: железный меч в остатках деревянных, окрашенных в красный цвет ножен, остатки нагайки, с бронзовыми оковками ручки, уздечный набор, деревянная посуда с оковками, курильница, бронзовый массивный римский ковш с остатками железной ручки (рис. 6), весьма схожий по форме с происходящим из кургана 6 могильника Целинный I из раскопок С.Ю. Гуцалова (Боталов, Гуцалов, 2000, с. 100, рис. 33, 31), но превосходящий его значительно по размерам.

Курган № 9 располагался севернее кургана № 8, на равном расстоянии между прямоугольными объектами № 7 и № 11. По внешним характеристикам он схож с курганом № 8. Диаметром порядка 9 метров и высотой около 30 см. Выделялся возвышением и скоплением на поверхности полынных ассоциаций. Ров прослеживался

Рис. 4. Фото погребения 1 кургана 6.

Fig. 4. Photo of burial 1 of barrow 6.

отдельными фрагментами с севера и с юга от объекта, не образуя единого кольца. Поверхность имеет следы активной жизнедеятельности грызунов. Могильная яма неправильной подпрямоугольной формы, глубиной 145 см от уровня материка, достигнутого при раскопе. Имеет дополнительные ступеньки с южного короткого торца ямы и у длинной западной стенки, которые, вероятно, были оставлены для спуска тела в узкую и глубокую в целом могилу. Общая длина могилы 225 см при максимальной ширине 100 см на поверхности. В донной части могильная яма не превышает по ширине 65 см.

На дне могилы вытянуто на спине располагался скелет пожилой женщины со следами теменной деформации черепа. Руки вытянуты вдоль тела, ноги расположены прямо, ступни развалены в стороны. Скелет не потревожен грызунами, добравшимися до дна могильной ямы. Кости плохой сохранности, слоятся. У погребенной на кистях правой и левой рук были расчищен браслеты из бусин. На шее находилось ожерелье, продетое на бронзовую проволоку, на которую было нанизано множество бусин, в том числе с бронзовыми спиралевидными завитками. Железные ножницы с одним кольцом. Диаметр кольца 4 см, длина 13 см. Кроме того, погребенную сопровождали железный нож с костяной рукояткой, меловая пирамидка, точильный камень с отверстием, раковина, пряслице биконической формы, керамическое. На левом виске была серьга из серебра (погребение) плохой сохранности, округлой формы, диаметром 2,5 см. Нижняя часть одной стороны оформлена спиралевидной обмоткой, в которую вдевался противоположный конец с игольчатым окончанием (рис. 7).

Рис. 5. Фото раскопа «гантелевидного» кургана 12.

Fig. 5. Photo of the excavation of “dumbbell-shaped” barrow 12.

В общих чертах можно сказать следующее. Если в «гантелевидном» сооружении, исследованном летом 2018 года, женское погребение располагалось в восточном возвышении, то последнее из объекта № 12 содержало мужское погребение в западном возвышении, что, несомненно, имеет отпределенную смысловую, семантическую составляющую. Еще более интересна «связка» курганов № 5 и № 6, содержащих погребение жрицы и ее раба. Женский скелет с гадальными костями отличает худое, субтильное телосложение с абсолютно гладкими трубчатыми костями, без бугристостей, подчеркивающих физи-

Рис. 6. Фото погребения 1 «гантелевидного» кургана 12.

Fig. 6. Photo of burial 1 of the “dumbbell-shaped” barrow 12.

ческую нагрузку при жизни. При этом небрежно похороненный в скорченном виде костяк говорит о достаточно крепком развитии при жизни его обладателя. Системы разнообразных наземных сооружений еще предстоит расшифровать в будущем. Несомненно то, что подчинены одной идее, выстраивающей иерархию расположения погребальных объектов в пространстве и времени.

Подводя определенные итоги, можно сказать, что для Западного Казахстана в целом и территории Актюбинской области в частности памятники II–IV вв. нашей эры в результате последних исследований начинают обретать свои ареалы распространения, общие характерные признаки и основные знаковые черты. Сплошные разведки и применение ГИС-технологий, по сути, «подняли» целый пласт памятников в знакомых районах, где ранее виделись в основном объекты сако-сарматского времени. Огромные размеры могильных полей говорят о длительной их эксплуатации, а также о значительном скоплении населения в регионе перед основным походом на запад. Ранее подобный ареал скопления памятников этого времени был выявлен гораздо западнее, в долине реки Жигерлен, на территории соседствующей Западно-Казахстанской области РК (Боталов, Бисембаев 2002, с. 106–118). Гунно-сарматский период, или эпоха Великого переселения народов, представляет собой очень яркий отрезок истории, с отголосками на значительном удалении. Он имеет широкий территориальный охват (от границ Китая до Испании) и эпохальный результат – падение Западной Римской империи. Это время привлекает внимание исследователей по всему миру. Планомерные, целенаправленные исследования вкупе с результатами случайных находок прошедшего полевого сезона в Западном Казахстане пополнили этот пласт новыми важными материалами. По раскопанным объектам четко прослеживается тенденция – усложнение обрядовых черт в наземной конструкции, это дополнительное подчеркивание статуса погребенного, так как высота и размеры исследованных объектов были близки. Такую же роль играет и усложнение конструкции могильной ямы. Исследованные памятни-

Рис. 7. Фото погребения 1 кургана 9.

Fig. 7. Photo of burial 1 of barrow 9.

ки показали значимость территории Западного Казахстана для выяснения культурогенеза кочевых сообществ эпохи Великого переселения народов. Получена представительная коллекция артефактов по вооружению, украшениям, конскому снаряжению и бытовым предметам. В целом исследованные комплексы укладываются в период второй половины II в. н. э. – IV в. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атлас Казахской ССР. Т. 1. Москва: ГУГиК, 1982. 81с.
2. *Бисембаев А.А., Ахатов Г.А.* Природно-географические аспекты локализации памятников раннего железного века и средневековья Западного Казахстана // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры искусств (ВСГАКИ). 2015. № 2 (9). С. 31–35.
3. *Бисембаев А.А., Дуйсенгали М.Н.* Новые материалы гуннского времени с территории Актюбинской области // Уфимский археологический вестник. 2008. Вып. 8. С. 99–101.
4. *Бисембаев А.А., Дуйсенгали М.Н.* К вопросу о гуннских погребальных объектах в Западном Казахстане // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2009. № 1 (268). С. 28–34.
5. *Бисембаев А.А., Хаванский А.И., Ахатов Г.А., Дуйсенгали М.Н., Мамедов А.М., Бидагулов Н.Т., Уразова А.Б., Амелин В.А., Баиров Н.М.* Работы последних лет на памятниках ранних кочевников Илекского микрорайона (предварительные итоги) // Археология Казахстана. 2019. № 1. 2019. С. 99–115.
6. *Боталов С.Г.* Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск: Рифей, 2009. 672 с.
7. *Боталов С.Г., Бисембаев А.А.* Новые материалы по культуре гуннов Западного Казахстана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2002. Вып. 1. С. 108–116.
8. *Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю.* Гунно-сарматы Урало-казахстанских степей. Челябинск: Рифей, 2000. 267 с.
9. *Граков Б.Н.* ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ: пережитки матриархата у сарматов // Вестник древней истории. 1947. № 3. С. 100–121.
10. *Дуйсенгали М.Н., Мамедов А.М., Баиров Н.М.* Предварительные итоги исследования погребально-поминальных комплексов поздней древности бассейна р. Уил // “Маргулановские чтения – 2018. Духовная модернизация и археологическое наследие (19–20 апреля 2018 года)” / Гл. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы-Актобэ: Типография ЖК С.Т. Жанәділов, 2018. С. 237–241.
11. *Мошкова М.Г.* Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане // КСИА. Вып. 170 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1982. С. 80–87.
12. *Скрипкин А.С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1984. 149 с.
13. *Смирнов К.Ф.* Сарматские племена Северного Прикаспия. // КСИИМК. Вып. XXXIV / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР, 1950. С. 97–114.

Информация об авторах:

Бисембаев Арман Ауганович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); доцент. Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова (г. Актобе, Казахстан), abissembaev@mail.ru

Хаванский Алексей Иванович, кандидат исторических наук, доцент. МГТУ им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)» (г. Москва, Россия); старший преподаватель. Московский энергетический институт» (г. Москва, Россия); arkaim01@yandex.ru

NEW BURIALS OF THE HUNNIC PERIOD FROM THE AKBULAK II BURIAL GROUND. 2023 FIELD SEASON RESEARCH RESULTS

A.A. Bisembaev, A.I. Khavansky

The article deals with the burial assemblages of the Hunno-Sarmatian period at the Akbulak II burial ground. This burial ground is located in the south of the Aktobe region of the Republic of Kazakhstan. In the 2023 field season, research was continued at the Akbulak II burial ground, one “dumbbell-shaped” object No. 12 and barrows No. 5,6,8,9 were excavated. A clear trend can be seen from the excavated objects: the complication of ritual features in the ground structure, this is an additional emphasis on the status of the buried person, since the height and dimensions of the objects studied were close. The same role plays the

The work was carried out as a part of Fundamental scientific research (FSR) program BR20280993 “Kazakhstan in ancient times and the Middle Ages: systematization and analysis of archaeological sources.”

complication of the design of the burial pit. The studied sites showed the significance of the territory of Western Kazakhstan for clarifying the cultural genesis of nomadic communities of the Migration Period. A representative collection of artifacts on weaponry, jewelry, horse equipment and household items was obtained. In general, the studied sites fit into the period of the second half of the II century AD – III century AD.

Keywords: archaeology, Western Kazakhstan, Hunno-Sarmatian period, Akbulak II burial ground, burial rite.

REFERENCES

1. 1982. *Atlas Kazakhskoy SSR (Atlas of the Kazakh SSR).* Vol. 1. Moscow: "GUGiK" Publ. (in Russian).
2. Bisembaev, A. A., Akhatov, G. A. 2015. In *Vestnik Vostochno-Sibirskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury iskusstv (VSGAKI) (East-Siberian State Institute of Culture (VSGIK))* 2 (9), 31–35 (in Russian).
3. Bisembaev, A. A., Duysengali, M. N. 2008. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 8, 99–101 (in Russian).
4. Bisembaev, A. A., Duysengali, M. N. 2009. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan. Seriia obshchestvennykh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* 1 (268), 28–34 (in Russian).
5. Bisembaev, A. A., Khavanskiy, A. I., Akhatov, G. A., Duysengali, M. N., Mamedov, A. M., Bidagulov, N. T., Urazova, A. B., Amelin, V. A., Bairov, N. M. 2019. In *Arkheologiya Kazakhstana (Kazakhstan Archaeology)* 1, 99–115 (in Russian).
6. Botalov, S. G. 2009. *Gunny i tiurki (istoriko-arkheologicheskaia rekonstruktsiia) (Huns and Turks (Historical and Archaeological Reconstruction).* Cheliabinsk: "Rifean" Publ. (in Russian).
7. Botalov, S. G., Bisembaev, A. A. 2002. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of History and Archaeology of Western Kazakhstan)* 1, 108–116 (in Russian).
8. Botalov, S. G., Gutsalov, S. Yu. 2000. *Gunno-sarmaty Uralo-kazakhstanskikh stepei (The Huns/ Sarmatians of the Ural-Kazakhstan Steppes)*. Cheliabinsk: "Rifei" Publ. (in Russian).
9. Grakov, B. N. 1947. In *Vestnik drevney istorii* (*Journal of Ancient History*) 3, 100–121 (in Russian).
10. Duysengali, M. N., Mamedov, A. M., Bairov, N. M. 2018. In Baitanayev, B.A. (ed.). *Margulanovskie chteniya – 2018. Dukhovnaya modernizatsiya i arkheologicheskoe nasledie (19–20 aprelya 2018 goda) (Margulan Readings – 2018. Spiritual Modernization and Archaeological Heritage (April 19–20, 2018)).* Almaty-Aktobe: ZHK "S. T. Zhanədílov Tipografy" Publ., 237–241 (in Russian).
11. Moshkova, M. G. 1982. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 170. Moscow: "Nauka" Publ., 80–87 (in Russian).
12. Skripkin, A. S. 1984. *Nizhnee Povolzh'e v pervye veka nashei ery (The Lower Volga Region in the First Years of the Current Era).* Saratov: Saratov University (in Russian).
13. Smirnov, K. F. 1950. In Udal'tsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 23. Moscow- Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 97–114 (in Russian).

About the Authors:

Bisembaev Arman A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str. 28, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; Associate Professor. Aktobe Regional University named after K. Zhubanov. Aliya Moldagulova Ave., 34, Aktobe, 030000, Republic of Kazakhstan; abissembaev@mail.ru

Khavansky Alexey I. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. The Bauman Moscow State Technical University, 2nd Baumanskaya str., 5, Moscow,105005, Russian Federation; National Research University "Moscow Energy Institute", Krasnokazarmennaya str., 14, p. 1; Lefortovo, 111250, Moscow, Russian Federation; arkaim01@yandex.ru

Статья принята в номер 16.07.2024 г.

УДК 902/903 562/569 https://doi.org/10.24852/pa2025.1.51.53.66

НОВЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ИЗ КАТАКОМБ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА ПЕРИОДА ГОСУДАРСТВА КАНГЮЙ I–IV ВВ.

© 2025 г. А.Н. Подушкин

Статья посвящена новым материалам в виде археологических комплексов, полученных из раскопок катакомбных погребальных сооружений могильника Культобе в Южном Казахстане I–IV вв., которые в историческом, этнокультурном и хронологическом контекстах связаны с государством Кангюй. Исследования иллюстрируют факт функционирования «Т»-образных дромосных катакомб с коллективными погребениями в качестве семейных (клановых) склепов, в которых практикуют разновременные впускные захоронения в рамках религиозного дуализма и других верований (культ огня) со сложной обрядностью (имитация в подземной конструкции «потустороннего жизненного пространства», «жертвенная пища») и соответствующей погребальной атрибуцией. Информативно насыщенные археологические комплексы из катакомб включают керамику (столовую, кухонную и ритуальную), дистанционное оружие (фрагменты костяных накладок на лук, наконечники стрел), защитный доспех (панцирная пластина), бытовые предметы (ножи, пряжки, оселки, косметические приборы) и массу украшений: наборные ожерелья, браслеты, серьги из бус и подвесок; браслеты из бронзы, ювелирные изделия из золота и серебра (серьги, перстни). Хроноиндикаторы позволяют определить временные границы полученного нового археологического материала из катакомб могильника Культобе Южного Казахстана в пределах I–IV вв.

Ключевые слова: археология, Южный Казахстан; Кангюй; катакомба; впускные захоронения; археологический комплекс; погребальный инвентарь.

В региональном и географическо-ландшафтном плане могильник Культобе фиксируется в Южном Казахстане (средняя Сырдарья, бассейн р. Арысь), в равнинной зоне. Памятник находится на гребневидных лессовых останцах правой надпойменной террасы реки Арысь, в 2,5 км к северу от городища Культобе, насыпи курганов могильника вытянуты одной-двумя параллельными цепочками более чем на два километра в направлении север – юг. Он представляет собой вариант могильника, сочетающего в себе расположение цепочкой и бессистемного расположения насыпей, включает в себя до ста курганов, при этом выделяются локальные группы курганов. Планировка насыпей каплевидная, со смещенной от центра максимальной точкой по высоте; наиболее крутой склон, как правило, северный, реже – восточный. Насыпи курганов однородные по составу, сложены из лёсса. Средние размеры курганов могильника Культобе от 10–30 и более метров в основании при высоте от 1,5 до 2,5 м.

В течение полевого сезона 2023 года раскопкам подверглась южная оконечность центральной группы насыпей могильника Культобе, в частности курган 30, а также одиночный курган в 200 м к западу от центральной группы насыпей.

Курган 30 имеет сложенную из лёсса, хорошо выраженную и профилированную каплевидную в плане насыпь размерами в основании 19,5×13,5 м, высотой 1,3–1,4 м, вытянутую по длинной оси в почти правильном направлении север – юг; наиболее крутой склон северный. Археологические работы в кургане 30 позволили в южном секторе, со значительным смещением от максимальной высотной точки и центра насыпи, ближе к кромке, на средней глубине от 4 до 4,5 м, вскрыть трехчастное катакомбное погребальное сооружения «Т»-образной планировки, где дромос-коридор перпендикулярно при-

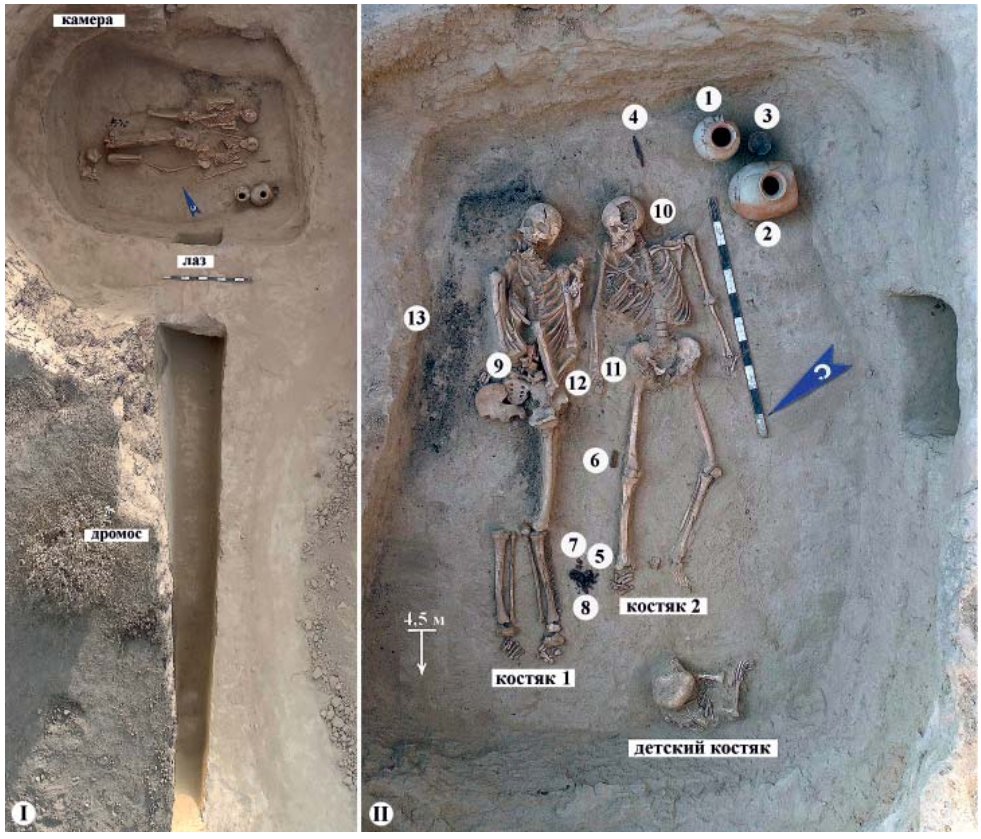


Рис. 1. Могильник Культобе, центральная группа насыпей, катакомба 30:
I – «Т»-образная катакомба с траншейным дромосом (внешний вид);
II – погребение и экспликация инвентаря.
Fig. 1. Kultobe burial ground, central group of mounds, catacomb 30.

мыкает к подземной сводчатой погребальной камере.

Общая конструкция катакомбы 30 включает в себя следующие составляющие элементы: длинный узкотраншейный бесступенчатый дромос-коридор с пандусным наклонным спуском в сторону лаза и погребальной камеры; прямоугольный в разрезе короткий лаз и овально-прямоугольную в плане погребальную камеру со сглаженными углами и прямым сводом (рис. 1: I). Место соединения лаза с камерой фиксируется наличием ступеньки высотой 0,2 м, проём лаза со стороны дромоса заложен горизонтальной (и вертикальной) кладкой на глиняном растворе из квадратного (прямоугольного) массивного кирпича-сырца. Кроме всего, большая часть дромоса выходит за пределы насыпи, то есть не перекрывается последней.

В катакомбе 30 обнаружено коллективное, судя по половому и возрастному составу и количественному присутствию инвентаря, единовременное погребение одной семьи, включающее трёх человек (антропологические заключения предварительны): мужчину средних лет (костяк 1; располагался вдоль северной стенки камеры, на углевой подстилке; рис. 1: II–13); женщину средних лет (костяк 2; находился в центре камеры, на плетёной камышовой подстилке); ребёнка малолетнего возраста (детский костяк; фиксируется вблизи нижних конечностей женщины; рис. 1: II).

Рис. 2. Могильник Культобе, центральная группа насыпей, катакомба 30. Археологический комплекс.

Fig. 2. Kultobe burial ground, central group of mounds, catacomb 30. The archaeological complex.

Обряд погребения: трупоположение в вытянутом состоянии на спине, изголовьем на восток (рис. 1: II). Сопровождающий погребальный инвентарь включает керамику, бытовые предметы и изделия из железа, камня и украшения.

Керамический комплекс характеризуется сосудами столового и ритуального назначения и включает:

– **кувшин грушевидный** с выраженной горловиной, желобчатой петлевидной вертикальной ручкой, верхнее основание которой крепится чуть ниже венчика, а нижнее – к плечику сосуда. Изделие выполнено на гончарном круге, из качественного теста, хорошо обожжено, украшено кольцевым заострённым кверху валиком-каннелюрой на горловине, покрыто пятнами и мазками ангоба коричневого, светло-серого цветов, а также ангобными брызгами и потёками (фиксируются следы горизонтального рельефно-выпуклого станкового рифления) (рис. 2: 1);

– **яйцевидно-горизонтальная фляга** классической формы с «обрезанной» боковиной-дном и короткой горловиной. Сосуд сделан на круге из качественного теста, хорошо обожжён, покрыт ангобом как коричневого, так и светло-серого цветов, украшен также кольцевыми мазками тёмно-коричневого и чёрного ангоба (рис. 2: 2);

– **чашевидная курильница на короткой врезной снизу кольцевой ножке-поддоне** (в средней по высоте части ножка перехвачена кольцевым валиком). Сосуд ручной работы, сделан из грубого, с большими примесями шамота, дресвы и растительности теста, внешняя поверхность покрыта ангобом светло-коричневого оттенков, а внутренняя часть чаши имеет следы сжигания в ней органического материала (рис. 2: 3).

Изделия из железа включают: нож бытовой черешковый с лёгкой «горбинкой» в месте соединения черешка и основания лезвия (артефакт имел деревянную ручку, а лезвие находилось в сложносоставных ножнах из дерева и кожи) (рис. 2: 4); предмет неизвестного предназначения вытянутой прямоугольной формы, имеющий круглую центральную часть с штырём-фиксатором и боковые пластины (предположительно накладка на деревянную основу) (рис. 2: 5); части плоской скобы-пластины на деревянную основу (рис. 2: 6); фрагменты от клинкового оружия, меча или кинжала (мелкие части клинка и черешка) (рис. 2: 7–8); пряжка поясная с кольцевой рамкой и подвижным язычком (рис. 2: 9).

Украшения представлены двумя крупными кольцевыми серьгами, выполненными из накрученной на сыромятную (тканевую) основу тонкой спирали из золота (концевые части серёг имеют отверстия) (рис. 2: 11–12), и кольцом из серебряной расплющенной проволоки (рис. 2: 13), а **ритуальные артефакты** включают находку каменного подвесного амулета из сланца коричневого цвета (рис. 2: 10).

Местонахождение погребального инвентаря на уровне пола камеры фиксируется таким образом (рис. 1: II; экспликация): керамика располагалась в северо-восточном углу компактной группой, в вертикальном положении, ближе к изголовью костяка 2 (1–3); нож отмечен также в изголовье костяка 2 (4); предмет неизвестного предназначения зафиксирован в группе железных артефактов между нижними конечностями погребённых (5), здесь же найдены фрагменты от железного меча (кинжала) (7–8); части длинной плоской скобы-пластины лежали у соединения правых бедренной и берцовой костей костяка 2 (6); поясная пряжка обнаружена практически на тазе костяка 1 (9); серьги золотые лежали вблизи черепной коробки костяка 2 (10); серебряное кольцо находилось на кисти правой руки костяка 2 (11), а каменный амулет располагался вблизи левого бедра костяка 1 (12).

Одиночный курган на окраине центральной группы насыпей могильника Культобе. Он расположен 200 м к западу от указанной группы, имеет слегка «каплевидную» округлую планировку со слабо выраженными пологими склонами; насыпь размерами 16×14 м сложена из лёсса, её высота 1,5 м. В юго-западном секторе насыпи, со смещением от условной точки центра и максимальной высоты (около 5 м), на глубине 4,2 м от уровня дневной поверхности, была обнаружена погребальная конструкция в виде трёхчастной «Т»-образной катакомбы с траншейного типа длинным узкотраншейным дромосом, которая включает: бесступенчатый дромос, арковидный в разрезе лаз, который закладывался со стороны дромоса вертикальной выкладкой сырцовым прямоугольной формы кирпичом (при закладке использовался также битый кирпич-сырец, причём такая закладка выступала наружу из проёма лаза в дромос), и сводчатую полую погребальную камеру овально-квадратной планировки размерами 2,3×2,3 при высоте прямого свода 0,9 м. Вся конструкция катакомбы вытянута в направлении юго-запад – северо-восток (рис. 3: I).

В ходе работ на обмазанном и затёртом глиной полу погребальной камеры, почти на всей площади, зафиксированы фрагменты плетёной камышовой подстилки, на которой располагались останки восьми изрядно потревоженных костяков и многочисленные артефакты. При этом большая часть костяков (кроме одного) в целом сохраняет анатомическое положение, что даёт основание реконструировать обряд погребения как трупоположение на спине с ориентацией изголовья

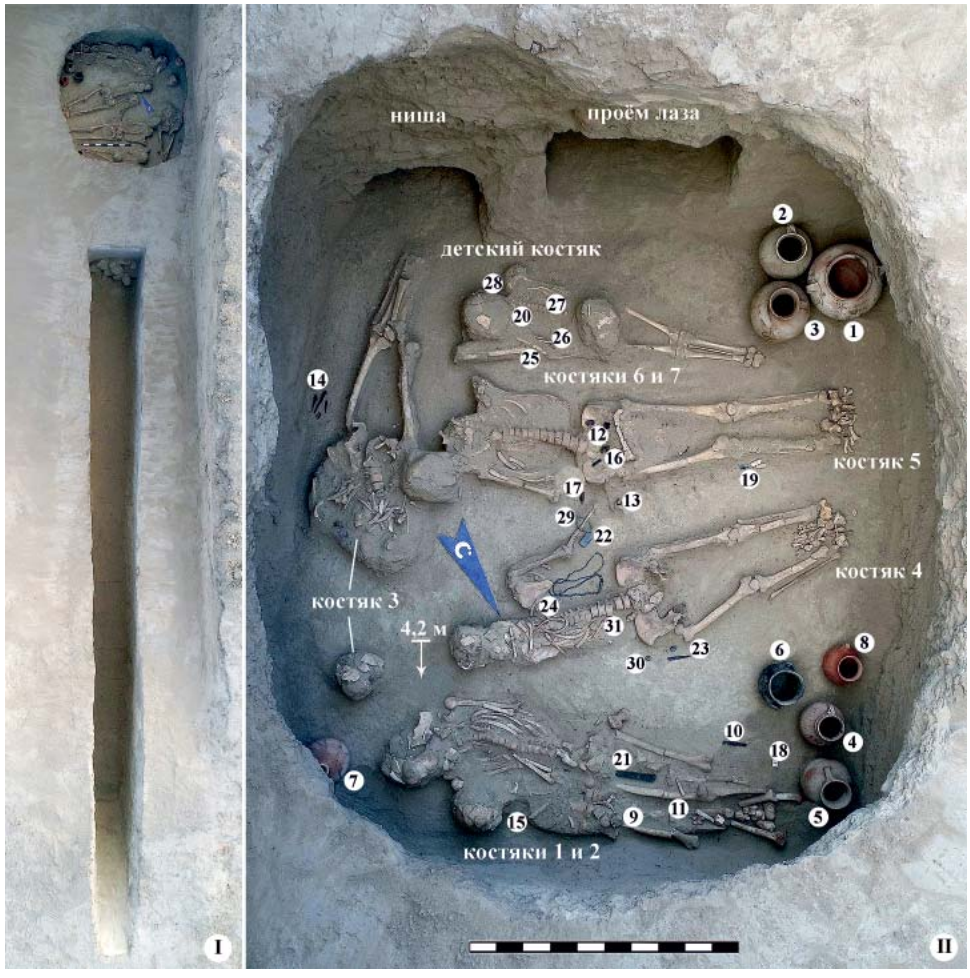


Рис. 3. Одиночный курган к западу от центральной группы насыпей могильника Культобе:
I – «Т»-образная катакомба с узкотраншейным дромосом (внешний вид);
II – погребение и экспликация инвентаря.

Fig. 3. A solitary barrow to the west of the central group of mounds of the Kultobe burial ground.

преимущественно на восток (рис. 3: II). В числе конструктивной особенности катакомбы одиночного кургана отметим присутствие достаточно высокой ступеньки высотой 0,7 м в месте соединения дромоса с камерой (что определяет существенную разницу уровня полов) и наличие в северной стенке камеры, у входного проёма лаза, утопленной вглубь аркообразной в разрезе ниши (в ней ничего не обнаружено) (рис. 3: II).

Предварительные антропологические и краниологические выводы, касающиеся погребённых в катакомбе одиночного кургана, говорят о существенных половозрастных различиях (захоронены младенцы, подростки, люди зрелого и пожилого возрастов обоих полов), а расположение артефактов и различные по сохранности костяки (и те и другие нарушены в ходе вторичных погребальных манипуляций) свидетельствуют о впускных разновременных погребениях, очерёдность которых установить сложно.

Между тем некоторую закономерность в обрядовых действиях по осуществлению захоронений в этой

катакомбе всё же можно выявить. Например, хорошо фиксируются следующие группы погребённых (рис. 3: II):

– **группа 1:** костяки 1 и 2 у северной стенки погребальной камеры (нарушенные кости молодых мужчины и женщины явно перемещены, вероятно, из центра камеры для осуществления на освободившемся месте следующих захоронений);

– **одиночный костяк 3** зрелого мужчины, расположенный вдоль восточной стенки камеры. Судя по остаткам разложившегося дерева у этого костяка (вблизи и под этим ним фиксируется деревянный тлен), часть которых напоминает фрагменты обработанных прямоугольных и квадратных в сечении брусков и плоских досок, этот усопший был помещён на деревянный настил (возможно, это остатки пола сборно-разборного каркаса гробовища);

– **группа 2:** костяки 4 и 5, принадлежащие женщине и мужчине среднего возраста, в анатомическом порядке в центре камеры;

– **группа 3:** костяки подростков 6 и 7 мужского и женского полов, а также младенческий костяк.

Археологический комплекс одиночной катакомбы включает керамику, оружие и бытовые изделия из железа, камня, кости и украшения.

Керамика представлена семью сосудами столового назначения и одним кухонным горшком. Вся столовая посуда сделана на гончарном круге и вращающейся подставке из качественного, почти без примесей теста, хорошо обожжена в керамической печи; кухонный горшок выполнен вручную из пористого теста с примесями шамота, дресвы и растительности (обожжён посредственно).

Она включает:

– **горшок шаровидный** почти без горловины, с крутыми выраженными плечиками, на которые прикреплены две желобчатые вертикальные петлевидные ручки и венчиком, слегка отогнутым наружу. Сосуд по всей поверхности покрыт белесым ангобом, поверх которого нанесены ангобные пятна коричневого, чёрного цветов, а также ангобные потёки, начинающиеся от венчика и плечиков и тонкими струями опускающиеся сверху к донцу (кроме всего, на горшке отмечен выполненный тёмным ангобом круглый солярный знак с функцией тамгообразного знака) (рис. 4: 1);

– **кувшин 1 грушевидный** с выраженной горловиной и вертикальной желобчатой петлевидной ручкой на ней, верхнее основание которой крепится к рельефно-выпуклой кольцевой каннелюре ниже венчика, а верхнее – к плечику сосуда. Сосуд от горловины до донца украшен станковым концентрическим рифлением, покрыт светло-коричневым, почти белесым ангобом, поверх которого отмечены ангобные пятна коричневого цвета, каплевидные брызги и потёки чёрного ангоба (рис. 4: 2);

– **кувшин 2 грушевидный** с короткой горловиной и вертикальной желобчатой петлевидной ручкой на ней, верхнее основание которой крепится к выпуклому кольцевому валику ниже венчика, а верхнее – к плечику сосуда. Кувшин покрыт светло-коричневым ангобом, поверх которого отмечены ангобные пятна коричневого цвета и потёки чёрного ангоба (рис. 4: 3);

– **кувшин 3 грушевидный** также с короткой горловиной и вертикальной петлевидной ручкой на ней, верхнее основание которой крепится к выпуклому кольцевому валику ниже венчика (слегка нарушен в ходе формовки сосуда), а верхнее – к плечику сосуда. Тулово кувшина носит концентрические пальцевые следы, оставленные в результате вращения подставки при формовке, сосуд покрыт коричнево-серым ангобом, поверх которого отмечены ангобные пятна коричневого

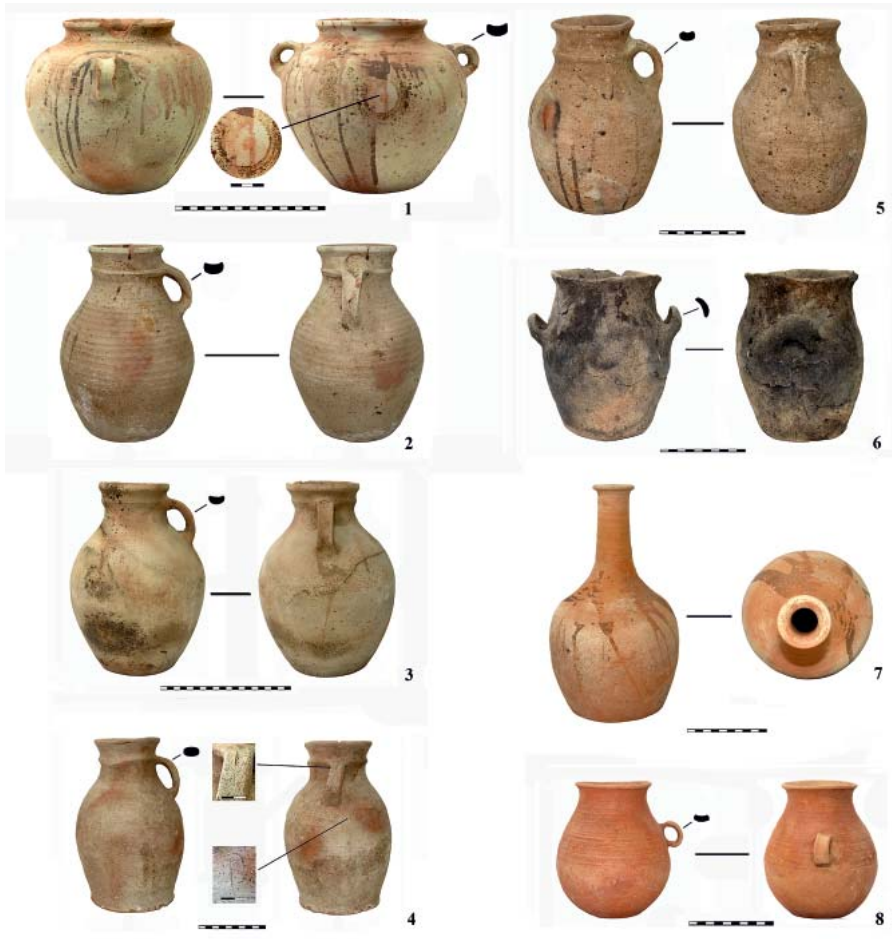


Рис. 4. Одиночный курган-катакомба к западу от центральной группы насыпей могильника Культобе. Керамический комплекс.

Fig. 4. A solitary barrow-catacomb to the west of the central group of mounds of the Kultobe burial ground. Pottery assemblage.

и чёрного цвета. Кроме того, на нём отмечены прорисованные по сырой глине тамгообразные знаки (на ручке – вертикальная полоса, на тулове у нижнего основания ручки – антропоморфный знак) (рис. 4: 4);

– **кувшин 4 грушевидный** с короткой горловиной и вертикальной желобчатой петлевидной ручкой на ней, верхнее основание которой крепится к выпуклому кольцевому валику ниже венчика, а верхнее – к плечику сосуда. Сосуд от горловины до донца украшен станковым концентрическим рифлением, покрыт серовато-коричневым ангобом, поверх которого отмечены ангобные пятна-«глазки» ярко-коричневого цвета, а также потёки и брызги чёрного ангоба (рис. 4: 5);

– **горшок грушевидный** кухонный со слабо выраженной горловиной и плечиками, на которых фиксируются две горизонтальные петлевидные ручки. Сосуд не имеет декора, его поверхность носит следы использования на открытом огне (закопчена) (рис. 4: 6);

– **кувшин 5 грушевидный без ручек** с высокой тонкой горловиной, крутыми плечиками и венчиком, слегка отогнутым наружу. Поверхность сосуда неравномерно покрыта ангобами

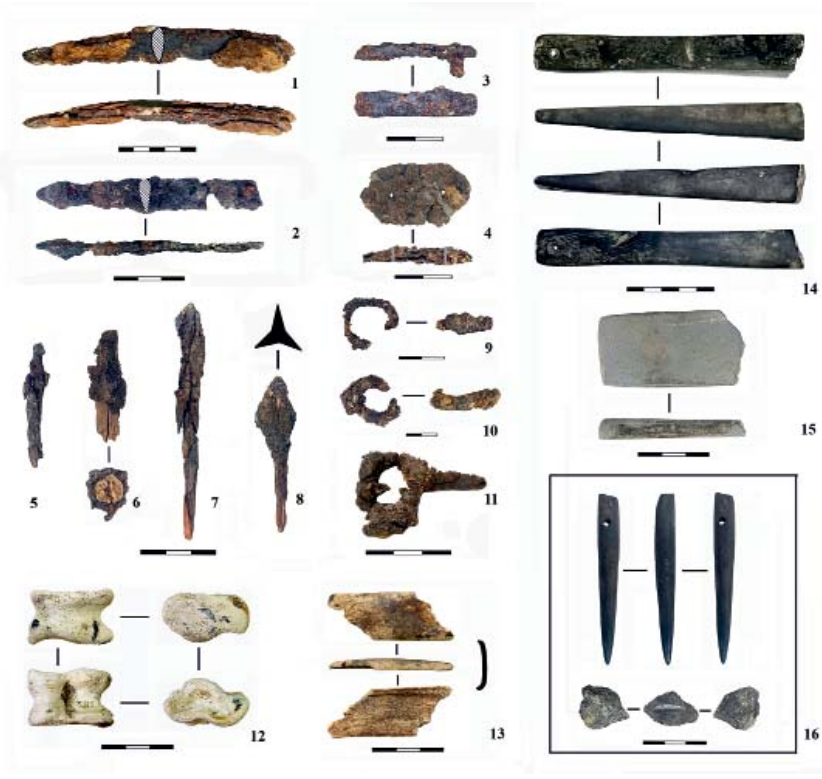


Рис. 5. Одиночный курган-катакомба к западу от центральной группы насыпей могильника Культобе. Погребальная атрибуция: изделия из железа, кости, камня.

Fig. 5. A solitary barrow-catacomb to the west of the central group of mounds of the Kultobe burial ground. Burial attribution: items made of iron, bone, stone.

светло-коричневого, коричневого цветов, поверх которой нанесены мазки и потёки ангобом более тёмных оттенков (от коричневого до чёрного). Кроме всего, от основания горловины вверх к венчику отмечены спиралевидные концентрические выпуклые рифы, выполненные в ходе формовки кувшина (рис. 4: 7);

– **кружка грушевидная** со слабо выраженной горловиной, плавными плечиками и вертикальной желобчатой петлевидной ручкой, крепящейся на тулове сосуда. Кружка украшена от венчика до середины тулова станковым горизонтальным концентрическим рифлением, покрыта ангобом красно-коричневого цвета (рис. 4: 8).

Изделия из железа представлены: концевым фрагментом лезвия от крупного ножа или иного режущего инструмента (орудия) – например, серпа (рис. 5: 1); фрагментом лезвия малого ножа (рис. 5: 2); скобой-накладкой со стерженьком-фиксатором (рис. 5: 3); овально-прямоугольной панцирной пластиной с двумя сквозными отверстиями (рис. 5: 4); черешковыми наконечниками стрел: с остроконечной ударной головкой (рис. 5: 5–6), безлопастной трёхгранный с вытянутой ударной головкой (рис. 5: 7) и трёхлопастной с ромбическим контуром ударной головки (рис. 5: 8); круглыми кольцами с небольшой печаткой и без печатки (рис. 5: 9–10); округлым рамчатым артефактом с конусовидным выступом, напоминающим пряжку с подвижным язычком или колчанный крюк (рис. 5: 11).

Артефакты из кости включают астрагал от овцы (рис. 5: 12) и фраг-

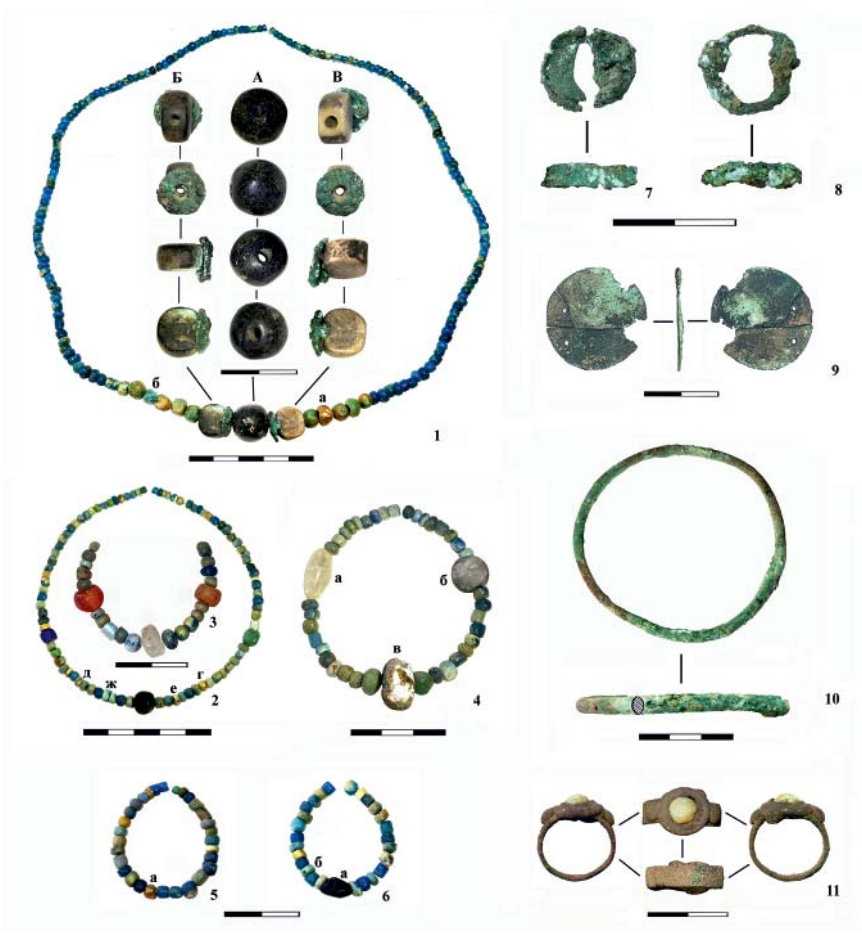


Рис. 6. Одиночный курган-катакомба к западу от центральной группы насыпей могильника Культобе. Погребальная атрибуция: украшения.

Fig. 6. A solitary barrow-catacomb to the west of the central group of mounds of the Kultobe burial ground. Burial attribution: decorations.

мент концевой накладки на деревянную основу лука (рис. 5: 13).

Артефакты из камня состоят из многофункционального оселка-кайрака характерной вытянутой формы с отверстием в утолщённой части, в котором в качестве рабочих задействованы все четыре грани (обычно используются две) (рис. 5: 14); прямоугольной формы лощила с двумя рабочими полированными поверхностями (рис. 5: 15) и косметического прибора в виде остроконечника с отверстием в утолщённой части (сурьматаш) и кусочка графита с выраженным в нём желобком, выработанным в результате контакта с сурьматашем (рис. 5: 16).

Украшения в одиночной катакомбе представлены в целом единообразным комплектом наборных изделий из стеклянных бус в сочетании с различными подвесками из кости и камня (нагрудное ожерелье, ручные браслеты, серьги), куда также входят бронзовый браслет, серебряный перстень с печаткой и вставкой-«глазком» из голубой стекловидной пасты, декоративные пластины.

Сюда входят:

– **нагрудное большое ожерелье.** Состоит из более чем 170 стеклянных

бусин круглой, овальной, цилиндрической и гранёной форм различного цветов и яркости: голубого, светло-синего, синего, зелёного (рис. 6: 1). При этом выделяется композиция их трёх самых больших по размерам компонентов в виде круглой (центральной) каменной подвески из полированного камня почти чёрного цвета (рис. 6: 1А), по обе стороны которой находились таблеткообразные подвески из так же полированной и жжёной кости, на которые крепились функционально-декоративные бронзовые округлые пластины (рис. 25: 1Б, 1В);

– **нагрудное малое (детское) ожерелье.** Собрано из 19 бусин и трёх каменных подвесок (сердолик, горный хрусталь) (рис. 6: 3);

– **ручной браслет 1.** Количественно включает около 90 стеклянных бус и одну круглую каменную подвеску чёрного цвета (рис. 6: 2);

– **ручной браслет 2.** Состоит из 37 стеклянных бус и трёх каменных подвесок: округло биконической (хорошо полированный горный хрусталь) (рис. 6: 4а), круглой (гипс) (рис. 6: 4в) и таблеткообразной (полированный серый сланец) (рис. 6: 4б);

– **серьги** (два экземпляра). Каждая серьга включает от 27 до 30 мелких бусин, одну подвеску или выделяющуюся крупную бусину (рис. 6: 5, 6а).

Кроме всего, в составе как большого ожерелья, так и ручных браслетов и серёг встречены бусины с подглазурным нанесением золота (рис. 6: 1а, 2г–е, 5а) и сделанные из египетского фаянса (рис. 6: 1б; 2ж; 6б). Отметим также читающиеся визуально различия в качественных цветовых и содержательных параметрах бусин, подвесок нагрудного большого ожерелья (связано с костяком 4) и остального комплекта наборных изделий (имеют отношение к костякам 6, 7 и детскому).

Другие артефакты, имеющие отношения к украшениям и декоративной атрибутике, включают бронзовый круглый браслет из овального в разрезе прута (рис. 6: 10), серебряный перстень с печаткой и вставкой-«глазком» из голубой стекловидной пасты (рис. 6: 11), декоративную плоскую круглую пластину с отверстиями (рис. 6: 9) и предметы неопределённого назначения (рис. 6: 7–8).

Местонахождение погребального инвентаря в одиночной катакомбе следующее (рис. 3: II; экспликация инвентаря): посуда в составе горшка и двух кувшинов в вертикальном положении компактной группой находилась в западном углу погребальной камеры, у нижних конечностей третьей группы костяков (1–3); в северном углу располагалась группа керамики из двух кувшинов, кухонного горшка и кружки, которые стояли вблизи нижних конечностей первой группы костяков (4–6, 8); в восточном углу, в вертикальном положении, зафиксирован кувшин с высокой горловиной без ручек, поставленный у черепной коробки костяка 2 первой группы костяков (7); в районе таза костяка 1 найдена концевая часть режущего предмета из железа (9), а у левого бедра костяка 2 лежали фрагменты лезвия железного бытового ножа (10); между костяками 1 и 2 находилась железная узкая пластина со штырьком-фиксатором (11), а панцирная железная пластина обнаружена на тазе костяка 5 (12); в районе кисти правой руки костяка 5 найдены железные кольца (13), наконечники стрел компактной группой лежали слева костяка 3 (14); части железных декоративных артефактов зафиксированы у черепной коробки костяка 1 (15), а железный колчанный крюк находился на тазе костяка 5 (16); железный наконечник с остатками круглого древка лежал вблизи таза костяка 5 (17); астрагал от овцы располагался рядом с группой керамики в северном углу камеры (18), части концевой накладки на лук обнаруже-

ны справа берцовых костей костяка 5 (19); каменный оселок-кайрак найден у таза костяка 2 (21), а каменное лощило находилось вблизи костей левой руки костяка 4 (22); косметический прибор (каменный сурьматаш и графитовая основа) зафиксирован у таза костяка 4, справа (23); большое наборное ожерелье найдено в районе грудной клетки костяка 4 (24), два наборных браслета обнаружены у костяка 6 (25–26), малое наборное ожерелье найдено на детском костяке (27), а наборные серьги – у черепной коробки костяка 6 (28); браслет бронзовый находился непосредственно на костях левой руки костяка 4 (29), а серебряный перстень – справа таза этого костяка (30); декоративная пластина и мелкие предметы из бронзы обнаружены рядом с позвоночником костяка 4 (31).

Опираясь на факт функционирования катакомбы как семейного склепа, с достаточной долей уверенности можно реконструировать последовательность захоронений в катакомбе одиночного кургана следующим образом: вначале в камеру были помещены тела усопших, которым принадлежали костяки 1 и 2, причём в центр погребальной камеры (начальный, первый по времени акт). Затем сюда похоронили мужчину в деревянном гробовище (костяк 3), при этом его расположили вдоль восточной стенки камеры изголовьем на север, перпендикулярно уже лежащим костякам в центре камеры с традиционной ориентацией изголовья на восток (второй по времени акт). Потом в камеру, после перемещения останков костяков 1 и 2 к северной стенке, на освободившееся центральное место были помещены костяки 4 и 5, причём голова усопшего мужчины (костяк 5) расположилась на костяке 3 (третий по времени акт). Завершающей манипуляцией всего цикла начальных и впускных погребений в этой катакомбе можно считать захоронение группы костяков 3, включающей останки двух подростков и грудного младенца (завершающий по времени акт). В последнем случае возможен вариант, когда все костяки (4–7 и детский) могли поместить в камеру одновременно, так как между ними возможны родственные связи (муж, жена и дети, то есть полноценная семья, единовременная смерть которой могла быть связана с природными и социальными катаклизмами – война, эпидемия и т. п.).

Отметим, что такой процесс изначально определялся конструктивной особенностью катакомбы как универсального погребального подземного сооружения, рассчитанного на то, чтобы в будущем, без особых трудовых затрат, осуществить впускные захоронения. Например, полая погребальная камера всегда располагалась ближе к кромке курганной насыпи (почти никогда под центром), дромос по большей части не пересыпался насыпью кургана и порой далеко выходил за её пределы, а кирпичная закладка проёма дромоса в камеру была многофункциональной, то есть собиралась и разбиралась в зависимости от необходимости очередного захоронения.

Этнокультурные и хронологические выкладки

Остановимся на некоторых аналогиях и параллелях археологическому материалу в этнокультурном и хронологическом контекстах. В качестве индикаторов здесь можно отметить несколько реалий, дающих основание для соответствующих выводов. Отметим в первую очередь катакомбу – так, «Т»-образная трёхчастная катакомба со ступенчатым (пандусным) узкотраншейным дромосом как погребальная конструкция и функциональный по назначению склеп широко практиковалась в среде сарматских и кангюйских племенных объединений Южного Казахстана в первые века до н. э. – первые века нашей эры (Мак-

симова и др., 1968, с. 193–201, рис. 8; Нурмуханбетов, 1975, с. 106–115, рис. 2 и 3; табл. III; Подушкин, 2000, с. 53–65; 77–81).

Как уверенный индикатор выступает керамический комплекс катакомбы 30 могильника Культобе и одиночного кургана на западной окраине этого могильника, который родственен по происхождению и ключевым параметрам (форма и назначение посуды, приёмы декора), и отмечен на многих погребальных памятниках арысской культуры Южного Казахстана второго каратобинского этапа – культуры государства Кангюй, датируемого первыми веками до н. э. – первыми веками н. э. (Подушкин, 2000, с. 132–135).

В рамках керамического комплекса отдельно отметим курильницу. Аналогичные ритуальные чашевидные сосуды на высокой ножке, назначение которых в погребальной обрядности связано с огнём, распространены в памятниках среднесарматской культуры первых веков до н. э. – первых веков н. э. (Смирнов, 1973, с. 166–179; Мошкова, 1989, с. 190; 202; табл. 80; Медведев, 2008, с. 55–56).

В роли хроноиндикаторов также выступают бытовые изделия и оружие из железа. Например, ножи со слегка изогнутой спинкой («горбинкой»), а также черешковые трёхлопастные наконечники стрел с ромбическим контуром ударной головкой достаточно широко распространены в среде кангюйско-сарматского народонаселения Центральной (Средней) Азии и Южного Казахстана (средняя Сырдарья) в I в до н. э. – IV в. н. э. (Максимова и др., 1968, с. 224, табл. XVII: 1–2, 7, 23; с. 75, рис. 32: 3–5; Литвинский, 1965, с. 84, рис. 7: 26–31).

В качестве косвенного индикатора можно привлечь факт присутствия лука в одиночной катакомбе (части концевой накладки на деревянную основу). Костяные накладки на сложносоставной лук характерны для времени I в. до н. э. – III в. н. э., они отмечены в погребальных памятниках казахстанско-среднеазиатского региона и более восточных территорий и широко бытовали у сюнну, сарматов и Кангюй в первые века до н. э. – первые века нашей эры (Бернштам, 1950, с. 66–67; Литвинский, 1966, с 68; Худяков, 1986, с. 25–30; рис. 2, рис. 3).

В кангюйско-сарматской этнической среде имело место распространение косметического прибора в комплекте «каменный сурьматаш – графитовая основа», который отмечен в памятниках Средней Азии и Казахстана в первых веках н. э. (Литвинский, 1978, с. 127–132; Горбунова, 1981, с. 178–180, рис. 37: 3).

Дают основания для хронологических заключений и украшения – так, овальные (округлые) бусины с под глазурным нанесением золота, изготовленные в Египте, а затем в Северном Причерноморье, широко известны в сарматских памятниках первых веков до н. э. – первых веков н. э. (Алексеева, 1984, с. 238–239, табл. CLVI: 1–10; 20; 22; 26). Отмечены они и в джетыасарской культуре этого же времени (Левина, Довгалюк, 1995, с. 205–212: рис. 1–3). Аналогичным образом, в указанное время и сарматской среде на Южном Урале, в Поволжье и Северном Причерноморье имели хождение округло-овальные бусы из египетского фаянса (Мошеева, 2010, с. 152–161, рис. 1: 1–14; 20–28, 39, 57; рис. 2: 13–16; 21–22; Мошеева, 1995, с. 40–46; Алексеева, 1975, с. 31, табл. 5: 11–13).

Корреляция приведённых выше аналогий и хронологических выкладок позволяет отнести новые археологические материалы из катакомбы 30 и одиночного кургана на западной окраине могильника Культобе ко времени I в. до н. э. – III в. н. э., а в этнокультурном плане связать его с государственным объединением Кангюй.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. ГІ-12. М.: Наука, 1978. 120 с.
2. *Алексеева Е.М.* Бусы и подвески // Античные государства Северного Причерноморья / Археология СССР / Отв. ред. Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков. Москва: Наука, 1984. С. 237–239.
3. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина» / МИА. № 14 / Сост. под рук. А.Н. Бернштама М.-Л: АН СССР, 1950. 160 с. + XCV табл.
4. *Горбунова Н.Г.* Древний ферганский косметический прибор // Культура и искусство Древнего Хорезма / Отв. ред. М.А. Итина. Москва: Наука, 1981. С. 178–183.
5. *Левина Л.М., Довгалюк Н.П.* Бусы из джетыасарских памятников // Джетыасарская культура. Ч. 5 / Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 5 / Ред. А.Н. Седловская. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 202−228.
6. *Литвинский Б.А.* Сложносоставной лук в древней Средней Азии (к проблеме эволюции лука на Востоке) // Советская археология. 1966. № 4. С. 51–69.
7. *Литвинский Б.А.* Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы (Археологические и этнографические материалы по истории культуры и религии Средней Азии). М.: Наука, 1978. 216 с. + 36 табл.
8. *Литвинский Б.А.* Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. 1965. № 2. С. 75–91.
9. *Максимова А.Г., Мерщиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Древности Чардары. Алма-Ата: Наука, 1968. 263 с.
10. *Медведев А.П.* Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус, 2008. 252 с.
11. *Мошеева О.Н.* Ожерелье из Аршань Зельменя II // Древности Волго-Донских степей. Вып. 5. Волгоград, 1995. С. 40–46.
12. *Мошеева О.Н.* Египетский фаянс в сарматских погребениях Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВГУ, 2010. С. 147–169.
13. *Мошкова М.Г.* Среднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1989. С. 177–191.
14. *Нурмуханбетов Б.Н.* Катакомбы Борижарского могильника // Древности Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1975. С. 106–115.
15. *Подушкин А.Н.* Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н. э. – VI в. н. э. Туркестан: Изд-во МКТУ имени Х.А. Ясави, 2000. 201 с.
16. *Смирнов К.Ф.* Курильницы и туалетные сосудики Азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности / Отв. ред. Р.М. Мунчаев, В.И. Марковин. М.: Наука, 1973. С. 166–179.
17. *Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 269 с.

Информация об авторе:

Подушкин Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Центр археологии, Южно-Казахстанский государственный педагогический университет им. У. Жанибекова (г. Шымкент, Республика Казахстан); p_a_n_alex@mail.ru

NEW BURIAL COMPLEXES FROM THE CATACOMBS OF THE KANGJY STATE PERIOD (I–IV CENTURIES) IN THE SOUTH KAZAKHSTAN

A.N. Podushkin

The article deals with the new materials in the form of archaeological complexes, obtained during excavations of catacomb burial structures of the Kultobe burial ground of the I–IV centuries in the Southern Kazakhstan, which in historical, ethnic, cultural and chronological contexts are associated with the Kangju state. Research illustrates the fact of the functioning of T-shaped dromos catacombs with collective burials as family (clan)vaults, where they practice multi-time inlet burials within the framework of religious dualism and other beliefs (cult of fire) with complex rituals (imitation of the “otherworldly life” in the underground structure space", "sacrificial food") and the corresponding burial attribution. Informative archaeological complexes from the catacombs include tableware, kitchenware and ritualware, distance weapons (fragments of bone bow plates, arrowheads), protective armour (armour plates), household items (knives, buckles, hones, cosmetic items) and a lot of jewelry: necklaces, bracelets, earrings made of beads and pendants; bronze bracelets, gold and silver jewelry (earrings, rings). Chrono-indicators make it possible to determine the time limits of the obtained new archaeological material from the catacombs of the Kultobe burial ground in Southern Kazakhstan within the I–IV centuries.

Keywords: archaeology, Southern Kazakhstan, Kangju, catacomb, inlet burials, archaeological complexe, burial goods.

REFERENCES

1. Alekseeva, E. M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Alekseeva, E. M. 1984. In Koshelenko, G. A., Kruglikova, I.T., Dolgorukov, V.S. (eds.). *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya (Ancient states of the Northern Black Sea region)*. Series: Archaeology of the USSR. Moscow: "Nauka" Publ., 237–239 (in Russian).
3. In Bernshtam, A. N. (ed.). 1950. *Trudy Semirechenskoy arkheologicheskoy ekspeditsii. «Chuyskaya dolina» (Proceedings of the Semirechensk archaeological expedition. "Chui Valley").* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 14. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
4. Gorbunova, N. G. 1981. In Itina, M. A. (ed.). *Kul'tura i iskusstvo drevnego Khorezma (Culture and Art of Ancient Khorezm).* Moscow: "Nauka" Publ., 178–183 (in Russian).
5. Levina, L. M., Dovgalyuk, N. P. 1995. In Sedlovskaya, A. N. (ed.). *Dzhetyasarskaya kul'tura (Dzhetyasar culture)* 5. Series: *Nizov'ia Syrdar'i v drevnosti (Lower Reaches of the Syr Darya in Antiquity)* 5. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 202−228 (in Russian).
6. Litvinskii, B. A. 1966. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 4, 51–69 (in Russian).
7. Litvinskii, B. A. 1978. *Orudiia truda i utvar' iz mogil'nikov Zapadnoi Fergany (Arkheologicheskie i etnograficheskie materialy po istorii kul'tury i religii Srednei Azii) (Implements and Utensils from Burial Grounds of West Fergana (Archaeological and Ethnographic Materials on the History of Culture and Religion of Central Asia))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
8. Litvinskii, B. A. 1987. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 75–91 (in Russian).
9. Maksimova, A. G., Mershchiev, M. S., Vainberg, B. I., Levina, L. M. 1968. *Drevnosti Chardary. (Antiquities of Chardara).* Alma-Ata: "Nauka"Publ. (in Russian).
10. Medvedev, A. P. 2008. *Sarmaty v verkhov'yakh Tanaisa (The Sarmatians in the Upper Reaches of the Tanais*). Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).
11. Mosheeva, O. N. 1995. In *Drevnosti Volgo-Donskikh stepei (Antiquities of Volga-Don Steppes)* 5. Volgograd, 40–46 (in Russian).
12. Mosheeva, O. N. 2010. In Skripkin, A. S. (ed.). *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 11. Volgograd: Volgograd State University, 147–169 (in Russian).
13. Moshkova, M. G. 1989. In Rybakov, B. A. (ed.). *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (Steppes of the European Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period)*. Moscow: "Nauka" Publ., 177–191 (in Russian).
14. Nurmukhanbetov, B. N. 1975. In Kadyrbaev, M. K. (ed.). *Drevnosti Kazakhstana (Antiquities of Kazakhstan).* Alma-Ata: "Nauka" Publ. 106–115 (in Russian).
15. Podushkin, A. N. 2000. *Arysskaya kul'tura Yuzhnogo Kazakhstana IV v. do n. e. – VI v. n. e. (Aryss culture of Southern Kazakhstan of the IV century BC – VI century AD)*. Turkestan: Publishing house of MKTU named after Kh.A. Yasawi Publ. (in Russian).
16. Smirnov, K. F. 1973. In *Kavkaz i Vostochnaya Evropa v drevnosti (Ancient Caucasus and Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 166–179 (in Russian).
17. Khudiakov, Yu. S. 1986. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii (Armament of the Medieval Nomads of the Sourthern Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Author:

Podushkin Alexander N. Doctor of Historical Sciences, Professor. Center for Archeology, South Kazakhstan Pedagogical University named after Ozbekali Zhanibekov, A. Baitursynov street № 13, Shymkent city, 160012, Republic of Kazakhstan; p_a_n_alex@mail.ru

Статья принята в номер 23.08.2024 г.

УДК 902.2/902.3 https://doi.org/10.24852/pa2025.1.51.67.78

ЗАСЕЛЕНИЕ БАССЕЙНА СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ КУРЫ В ЭПОХУ БРОНЗЫ (НА ОСНОВЕ ЭТНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НЕКОТОРЫХ ПАМЯТНИКОВ ГЯНДЖА-ГАЗАХСКОГО РЕГИОНА АЗЕРБАЙДЖАНА)

© 2025 г. Ш.Н. Наджафов, В.А. Асадов

Изучение проблемы заселения бассейна среднего течения Куры (Гянджа-Газахский регион) в период бронзы позволяет в некоторой степени восстановить древнюю демографию региона, хозяйственную жизнь и общественную структуру общества бронзового периода. На всех трёх этапах периода бронзы общественная жизнь, связанная с естественно-географическими условиями, развивалась в едином ключе, выбор места для поселений населения, заселявшего бассейн, под влиянием социально-экономических и хозяйственных факторов дал интенсивный толчок процессу заселения нагорных, предгорных и равнинных зон. Общественная жизнь бассейна среднего течения Куры, обладающей выгодными естественно-географическими условиями, в период бронзы характеризуется высоким развитием всех отраслей. Результаты проведённых раскопок позволяют говорить, что в отмеченный период большинство участков бассейна среднего течения Куры были более плотно заселены. Поселения, обладающие бóльшими участками, являются примерами этого. У поселений подобного типа имеется много своеобразных характерных черт. Ведущиеся археологические раскопки позволяют постепенно прослеживать уровень развития отдельных участков быта, хозяйственную деятельность, религиозные воззрения и идеологические взгляды древнего населения, а также общественно-экономические, социальные, идеологические изменения, происходящие в жизни населения периода бронзы. Начиная с периода средней бронзы стали осваиваться высокогорные зоны и появились поселения. В этот период в равнинных и относительно предгорных зонах селились земледельческие племена, а в нагорных зонах в основном полукочевые скотоводы. Развитие земледелия и скотоводства стало причиной важных изменений в обществе, формирования различных социальных групп в период бронзы.

Ключевые слова: археология, Азербайджан, бассейн среднего течения Куры, период бронзы, заселение, естественно-географические условия, археологические раскопки, поселения, могильные памятники.

Исследования показывают, что памятники кура-араксинской культуры в бассейне среднего течения Куры расположены в виде определённых групп, в основном на равнинах, на побережьях рек. Часть памятников находится на месте халколитических поселений, а часть возведены на новых местах. Многослойные памятники кура-араксинской культуры встречаются на Газахской равнине, на берегах реки Куры. Поселения были возведены на берегу реки, на территориях с удобным рельефом. Газахская равнина, сопредельная с высокогорными хребтами Малого Кавказа, была очень выгодна для земледелия и скотоводства. Несомненно, одной из причин долговременного заселения этой территории древними людьми было полноводие таких рек, как Джогазчай, Акстафачай, Гасансу, Заямчай, Гянджачай и т. д., и то, что они в летнее время не высыхали. Рельеф местности позволяет посредством искусственных каналов орошать посевные участки.

Памятники, находящиеся в Гянджа-Газахской зоне и входящие в Мингечаурскую группу, были возведены в зоне соединения горного хребта с низменностью, на берегах полноводных рек. Окружающий их равнинный и горный рельеф был выгоден для развития земледелия и скотоводства, составляющего основную деятельность племён кура-араксинской культуры. Памятники бассей-

нов Гянджачая, Гошгарчая, Джайирчая, Курекчая, Инджечая по своим топографическим свойствам схожи с другими памятниками. Они также возведены на участках бассейнов рек, благоприятных для земледелия и скотоводства. Исследование этих памятников показывает, что поселения сначала возводились на равнинных местах, а затем в результате интенсивного проживания приняли форму холмов. Расположение здесь поселений в компактном виде и поблизости друг от друга указывает на то, что в них проживали члены общин, происходящих из одного племени.

Нахождение поселений на территориях соединения высоких гор и низменностей создало условия для развития земледелия и скотоводства. Географическая позиция территории также создала условия для интенсивного заселения людей в III тысячелетии до н. э. Толщина культурного слоя в 1–2 м на поселениях указывает на большую продолжительность здесь оседлого образа жизни.

При возведении поселений были выбраны выгодные позиции для земледелия и полукочевого скотоводства, что было связано с особенностями развития племён, создающих эту культуру. Изучение архитектуры и строительной технологии жилищных зданий указывает на сохранение и развитие халколитических традиций в период кура-араксинской культуры.

Начиная с III тыс. до н. э. начинает ускоренно развиваться скотоводство, возникают первоначальные скотоводческие племена, патриархальная племенная структура, формируясь, превращается в ведущую силу общества. Скотоводство начинает сосредоточиваться в основном в нагорных и предгорных районах. Жители бронзового века начинают переходить с побережий рек на широкие равнины и возводить новые поселения. Остеологические материалы, полученные во время раскопок, проведённых на поселениях, доказывают, что специализация скотоводства разделила ее на отдельные отрасли, такие как овцеводство, коневодство и верблюдоводство. Развитие скотоводства как основной хозяйственной отрасли позволило широко использовать яйлажные (летние) пастбища в III тыс. до н. э. А это, в свою очередь, привело к возникновению в нагорных местах временных поселений в бассейне среднего течения Куры (Хошбулаг, Чобандашы и др.). Остеологические материалы доказывают, что овцеводство занимало более высокую позицию в скотоводческом хозяйстве в III тыс. до н. э. Таким образом, в период ранней бронзы предгорья и равнины были заселены земледельческими племенами, нагорные территории и летние пастбища же – скотоводческими.

Во время средней бронзы начинаются новые качественные изменения в экономической и общественной жизни племён, как занимающихся земледелием, так и скотоводством. Формируется полукочевое скотоводство. Скотоводческие племена, переселяющиеся в летние месяцы в горы, выбирали выгодные поселения для стоянок в благоприятных местах. Уже в период средней бронзы широко распространяется возведение поселений в горных местностях. Земледельческие же племена продолжали вести оседлый образ жизни. Но земледельческое хозяйство стало более усовершенствованным, расширялась сеть искусственного орошения. Сдвиги, происходящие в экономической жизни, приводили к важным изменениям также в общественных отношениях. Специализированные хозяйственные отрасли стали причиной концентрации больших стад скота или формирования постоянных запасов пищи, возникновения межплеменных противоречий и столкновений. А это привело к укреплению оборонительных

сооружений. Начали появляться поселения с оборонительными ограждениями. Оборонительные заграждения вокруг поселений бассейна среднего течения Куры возведены из сырцовых кирпичей, глинобита и камней.

В период средней бронзы одной из основных отраслей хозяйства было скотоводство. По остеологическим материалам, полученным во время исследования памятников, видно, что в этот период численность мелкого рогатого скота увеличилась, развилось полукочевое яйлажное скотоводство. Памятники, расположенные в высокогорных и предгорных зонах Азербайджана, связаны с этим процессом. Встреченные памятники периода средней бронзы в высокогорных зонах Кедабекского и Дашексанского районов, показывают, что в этот период часть племён, обитавших на территории Азербайджана, вела полукочевой образ жизни (Исмаилзаде, 2008).

Полное заселение нагорных и высокогорных зон Азербайджана произошло в период средней и поздней бронзы. В этот период также в бассейне среднего течения Куры возникли сильные скотоводческие племена.

В период бронзы и на последних его этапах произошли решающие перемены в структуре поселений. Начали появляться поселения, участки которых были более 2–3 гектаров (комплекс поселения Гёл Ери). Достоверность этого факта доказывают такие факты, как увеличение специализированных функций во II тыс. до н. э., полученные на основе археологических материалов и сравнительных анализов, а также увеличение самих поселений.

Материальные источники, обнаруженные на памятниках бронзового периода Гянджа-Газахского региона, позволяют относительно точно восстановить хозяйственную структуру древнего общества бассейна Куры. Благоприятные естественно-географические и климатические условия, а также наземные и подземные богатства способствовали культурному развитию обитавших здесь местных племён в период бронзы. Этот регион, обладавший локальными свойствами, более наглядно выявившимися в период бронзы и раннего железа, входил в ареал своеобразной ходжалы-кедабекской культуры, определённо отличающейся от культур местного Южного Кавказа (Наджафов, 2013, с. 88–89).

Постепенно, с появлением более усовершенствованных железных орудий и мотыжного земледелия в периоды средней бронзы и поздней бронзы – раннего железа, пахотные участки значительно увеличились. На основе археологических доказательств было определено, что уже в конце периода бронзы пахотные участки и пригодные к пашне невозделанные земли вокруг крупных поселений были полностью освоены местными жителями. Предполагается, что пригодные для богарного земледелия предгорные участки Гянджа-Газахского региона были в таком же положении. Несомненно, что увеличение численности и расширение пахотных участков было связано с увеличением численности населения. Этот фактор очень ясно отражается в топографии, планировке и структуре поселений того периода (Nəcəfov, 2013, s. 170).

На заселение людей влияли как естественно-географические факторы, так и экономические причины. Но исследования доказывают, что экономические причины были тесно связаны с естественно-географическими условиями.

В период бронзы наряду с равнинами и долинами рек с крупными и средними бассейнами заселялись также предгорные и нагорные зоны. Поселения, где начиная с периода халколита продолжалась жизнь, к концу бронзового периода превращаются

в тесно заселённые пункты (поселения Гёл Ери, Мусакей, Ганлы Тойре и Оджагтепе). Некоторые ныне сохранившиеся многослойные поселения, раскопки которых пока не ведутся, являются подобными поселениями периода бронзы.

Географическая выгодность отмеченного региона дала толчок формированию здесь очень высокой культуры на всех этапах бронзового периода. В результате археологических исследований было определено, что в период бронзы во многих местах бассейна Куры заселение было плотным. Одним из фактов, доказывающих это, является многочисленность поселений и обладание большими участками. Бассейн среднего течения Куры богат поселениями. Имеются общие особенности, совокупно характеризующие эти памятники. Некоторые же выделяются своими особенностями. Существуют поселения на широких равнинах, значительно отдалённых от берегов таких рек, как Акстафачай, Джогазчай, Товузчай, Заямчай, Инджесу. Представляется невозможным, что когда-то на этих территориях протекали реки или же их рукава. Потому что структура рельефа не даёт этому оснований. Факты же дают основание решительно сказать, что в средних и на последних этапах периода бронзы население региона выбирало для проживания крупные поселения, расположенные на широких равнинах (Дурнатепе, Тойретепе, Таватепе и др. поселения) (Nəcəfov, 2013).

Орудия труда, собранные на Бабадервише, Сарытепе и Кичиктепе, указывают на довольно широкое распространение парного землепашества не только в отмеченном регионе, но и вообще на всей территории Южного Кавказа. Изучая ареал распространения первоначальной кура-араксинской культуры, а затем культуры периода средней бронзы в регионе, становится ясно, что в отмеченные периоды абсолютное большинство участков, пригодных к пашне, были заселены отдельными племенами. В период средней бронзы нагорная территория региона стала заселяться и начали возникать временные поселения. Как правило, можно сказать, что в этот период предгорья и равнины были заселены земледельческими, нагорные территории и яйлаги же – скотоводческими племенами. Земледельческое и скотоводческое хозяйство, приведшее к ряду важных изменений в развитии общества бронзового периода, создало условия для формирования отдельных социальных групп и соответственно этому общественного самосознания (Крупнов, 1964). Кура-араксинская культура наряду с общими свойствами, развиваясь, подверглась в некоторой степени процессу локализации в регионе. Это выявляется при сравнении отличительных свойств керамики Гянджа-Газахского региона с керамикой Кедабекской и Гарабахской группы.

Памятники, расположенные в бассейне среднего течения Куры, входящие в Мингечаурскую группу, возведены на территории слияния горных хребтов с низменностями, на берегах полноводных рек. Окружавший их равнинный и горный рельеф был благоприятен для развития земледелия и скотоводства, составляющих основное занятие племён кура-араксинской культуры. Памятники бассейнов Курекчая, Геранчая и Гянджачая по своим топографическим особенностям схожи с другими памятниками. Они также возведены в части речных долин благоприятной для земледелия и скотоводства части. Исследование этих памятников показывает, что поселения сначала возводились на равнинных местах, и в результате накопления культурного слоя получили вид холма. Расположение здесь поселений в виде групп и вблизи друг к другу указывает на обитание в них

членов общин, происходящих из одного племени. В малой части памятников, входящих в эту группу, был прослежен незначительный культурный слой. Несомненно, что это было связано с развитием полукочевого скотоводства и естественными условиями территории. Потому что уменьшение воды и высыхание полноводных рек в определённые сезоны года производили своё влияние на жизнь населения. Но изобильные луговые участки, расположенные вдоль Гянджачайского бассейна, в течение определённого времени создали условия для использования этой территории в качестве места обитания.

Поселения периода ранней бронзы бассейна среднего течения Куры расположены в стратегически и хозяйственно выгодных позициях. Нахождение поселений на стыке высокогорных и низменных территорий, создало условия для развития земледелия и скотоводства (İsmayılov, 1980). Географическая позиция территории также создала условия для интенсивного заселения людей в III тыс. до н. э. Фиксирование культурного слоя толщиной в 2–4 метра в поселениях указывает на продолжительность здесь оседлого проживания. Жилые здания, относящиеся к изначальному этапу кура-араксинской культуры, в основном круглые в плане. Дома возведены поблизости друг от друга, с определёнными переходами между собой. Вероятно, жилые здания были связаны друг с другом узкими улицами. Принадлежавшие к раннему этапу дома с круглой планировкой возведены из глинобита, стоящего на фундаменте, сложенном из булыжников, или же из сырцовых кирпичей (Нариманов, 1987).

На втором большом этапе развития бронзового периода в экономической и общественной жизни племён, занимающихся как земледелием, так и скотоводством, происходят новые качественные изменения. Полукочевое скотоводство становится одним из отраслей хозяйства. Кочевавшие в самые жаркие летние месяцы на горы племена возводили постоянные стоянки в благоприятных участках. Иногда временные стоянки также превращались в постоянные поселения. Это явление означало ускоренное заселение нагорных территорий. Примером этому служит поселение Чобандашы и пещеры на территории Акстафинского района. Племена, занимающиеся земледелием, опять же заселяя равнинные и предгорные зоны, создали значительные качественные изменения в отраслях своего занятия.

Наличие крупных стад скота, богатых запасов зерна приводило к возникновению межплеменных противоречий, которые заканчивались столкновениями, а это естественно влияло также на конфигурацию поселений. Поселения стали максимально увеличивать свою обороноспособность. Поселения с оборонительными фортификациями и сооружениями возникли именно в этот период. Обитатели региона, знакомые с совершенной строительной техникой, в качестве строительного материала использовали сырцовые кирпичи, глинобит, камни, тростники. Иногда оборонительные фортификации сложной структуры еще больше укреплялись четырехугольными башнями (Кушнарева, 1973). В этот период, а также в конце периода бронзы, наряду с Сарытепинскими, Бабадервишскими, Мингечаурскими постоянными поселениями с крепостями или без заграждений, начали создаваться сезонные места обитания. Многочисленность населения показывает широкое распространение жилищ типа полуземлянок в период поздней бронзы (поселения Ястытепе, Новрузлутепе, Гияметтепе).

В Гянджа-Газахском регионе, называемом нами бассейном среднего

течения Куры, создатели памятников бронзового периода являлись племенами, несущими одинаковые этнические особенности и занимающиеся летне-зимним скотоводством.

Начиная со среднего этапа периода ранней бронзы на высокогорных хребтах Малого Кавказа, в том числе на территории Дашкесана, Кедабека, Гёйгёла и Келбаджара, шел процесс интенсивного заселения (Кесаманлы, 1999). В связи с возникновением яйлажного скотоводства на отмеченных территориях были возведены сооружения, имевшие целью временное укрытие. Люди того периода днём пасли скот на плодородных пастбищах, а ночью с целью безопасности загоняли их в эти сооружения (Акстафинский район, Чобандашы). Древние скотоводы заселялись на самых богатых пастбищах, на конкретных позициях (Nəcəfov, 2013, s. 172).

Изучение истории заселения высокогорных территорий бассейна среднего течения Куры скотоводческими племенами, несомненно, возможно лишь археологическими исследованиями. С этой точки зрения особенно надо отметить археологические раскопки, проводимые И. Джафарзаде на Хошбулагском плато. Раскопки здесь кургана, относящегося к периоду ранней бронзы, основательно доказывают, что высокогорные территории Малого Кавказа начали заселяться скотоводческими племенами уже в период кура-араксинской культуры (Джафарзаде, 1976).

В Азербайджане укреплённое поселение периода ранней бронзы на высокогорном хребте было впервые обнаружено в 70-е годы XX века в верхнем течении Тертерчая – на территории, называемой Язюрду. Здесь были зафиксированы круглые и овальные строительные остатки. Материально-культурные образцы, взятые с памятника, были отнесены к III тыс. до н. э. (Исмаилов, 1977). Г.С. Исмаилзаде отмечает, что петроглифы на высокогорных участках таких территорий, как Язюрду, Тахта, Истису, Залха, Гарагел, Залхагел, Алагел и др., были вырезаны яйлажными скотоводами. А это доказывает, что население, занятое летне-зимним скотоводством, в то же время обладало высоким мировоззрением и духовной культурой. Надо отметить, что на этих территориях имеются все еще неизученные поселения и наскальные рисунки. Г.С. Исмаилзаде относит самые древние образцы Келбаджарских рисунков к IV–III тыс. до н. э. – к периоду начала заселения скотоводческими племенами высокогорных территорий Азербайджана, самые поздние рисунки же к концу II – началу I тыс. до н. э. (Исмаилов, 1977, с. 97).

Поселение периода ранней бронзы в Келбаджаре, называемое Язюрду, находится на берегу реки Гараархач. Это поселение окружено оборонительной стеной двухметровой толщины. На территории Дашкесана и в горных местах Товузского района, хоть и частично, исследованы строительные остатки, внутри некоторых из них получены подъёмные богатые археологические материалы. Было определено, что все эти сооружения были построены древним скотоводческим населением. Эти открытые сооружения типа землянок были использованы как укрытия для людей, так и для скота. Без всякого сомнения, все эти сооружения носили сезонный характер. Остатки каменных сооружений же на территории Кедабека являются фундаментами жилишь типа землянок, где в связи с летним скотоводством проживало осёдло-земледельческое – скотоводческое население предгорных и равнинных территорий.

В строительстве отмеченных жилищ и землянок не был использован какой-либо укрепляющий раствор. В кладке в основном использовались крупные (50–60×30–40 см) камни, а

промежуток между ними заполнен камнями малого размера. Высота стен, вероятнее всего, не была более 1,5 м. Несомненно, фактор естественно-географических условий должен здесь браться за основу: в качестве строительного материала использовались крупные скальные куски и тяжёлые булыжники (Исмаилов, 1977).

Находки, полученные во время раскопок, состоят из остатков керамических сосудов. Они были обнаружены на всем участке раскопок. Несколько из этих керамических образцов относятся к периоду поздней бронзы – раннего железа, остальные к Средним векам. Керамические изделия периода поздней бронзы – раннего железа оранжевого цвета и слабо обожжены. В состав глины добавлен крупный песок. Все фрагменты этих керамических сосудов относятся к туловищам не очень больших сосудов.

В начале III тыс. до н. э. скотоводство стало более ускоренно развиваться, скотоводческие племена отделились от земледельческих. Скотоводы стали селиться на нагорных и предгорных территориях.

Несколько поселений периода средней бронзы возведены на месте предыдущих поселений периода ранней бронзы. Эти поселения по своим топографическим свойствам не отличаются от поселений периода ранней бронзы. Они были возведены на берегах полноводных рек, на благоприятных территориях для земледелия и скотоводства. Памятники второй группы возведены на выгодных стратегических и торговых позициях, а это указывает на большую роль торговых связей в жизни людей в период средней бронзы. Несомненно, что выгодная позиция территории с древних времён привлекала внимание людей. Исследование памятников периода средней бронзы указывает на то, что в этот период население Азербайджана состояло из племён, ведущих оседлый и полукочевой образ жизни.

Строительные остатки древних жилищ, принадлежащих скотоводам бронзового периода, находятся в нагорных яйлагах на территории Кедабека и Дашкесана. Эти яйлаги, обладающие равнинным рельефом, полноводными родниками, окружённые горными хребтами и ущельями горных рек, были очень благоприятными с точки зрения заселения древних скотоводов, удержания под полным контролем стад. Существование в Кедабеке поселений с оборонительными заграждениями также можно объяснить благоприятными условиями, большим проживанием здесь древних скотоводов. Некоторые из этих сооружений круглые. Надо отметить, что круглые постройки в период ранней бронзы были строительной формой, распространённой как на Южном Кавказе, так и в древних восточных государствах.

Как известно, в периоды поздней бронзы и раннего железа в конце II – начале I тыс. до н. э. на территории Азербайджана в связи с высоким развитием яйлажного скотоводства процесс заселения высокогорных территорий также стал интенсивен (İsmayılov, 1980).

Желание присвоить более широкие пастбища превратилось в основную причину межплеменных столкновений. Это придало столкновениям грабительскую сущность.

Во время конфликтов основной целью древних скотоводов было также обогатиться за счет захвата скота. Появление временных построек и жилищ в яйлагах, в том числе в регионе Малого Кавказа, также произошло именно по этой причине. В этих постройках древние скотоводы защищали себя и свой скот во время межплеменных столкновений. Эти постройки служили также для защиты скота от природных бедствий и

хищных животных (Расулоглы, 1993, с. 90–93).

В других частях Малого Кавказа также встречаются постройки такого типа. Как видно, на территории Азербайджана на высокогорных территориях постройки, принадлежавшие древним скотоводам, начали строиться с периода ранней бронзы, в периоды поздней бронзы раннего железа этот процесс еще больше ускорился. Черепки средневековых керамических сосудов, полученных во время раскопок, указывают на долговременное использование этих стоянок. Даже вблизи некоторых таких сезонных стоянок были обнаружены средневековые мусульманские могилы. Местоположение этих могил, не имеющих никакой эпитафии, обозначается лишь маленькими надгробными камнями.

Археологические исследования, проведённые в долине между Большим и Малым Кавказом – на Гянджа-Газахской равнине, исследование и сравнительный анализ поселений и погребальных памятников, наряду с еще одним доказательством принадлежности этих памятников скотоводческим племенам бронзового периода, позволяет получать определенную информацию о скотоводческом хозяйстве, материальной культуре древнего населения этого региона.

По нашему мнению, единственной причиной возникновения поселений на высокогорных территориях бассейна среднего течения Куры было яйлажное скотоводство. Это в первую очередь подтверждается идентичностью археологических материалов, выявленных с этих мест.

В результате археологических раскопок, проведённых на поселениях периода бронзы, стало известно, что на среднем этапе периода ранней бронзы мелкий рогатый скот по поголовью относительно превышал количество крупного рогатого скота. Это отличие на последующем этапе выявляется еще резче. Именно ускоренное увеличение количества мелкого рогатого скота стало причиной возникновения яйлажного скотоводства. Потому что для того, чтобы пасти овец, требуются новые пастбища. О.Г. Абибуллаев, основываясь на раскопках многослойного древнего поселения Кюлтепе I, пишет: «Более ускоренное увеличение мелкого рогатого скота на среднем этапе периода ранней бронзы становится причиной изменений в скотоводческом хозяйстве. Происходит переход от оседлого скотоводства к яйлажному скотоводству» (Абибуллаев, 1982, с. 216).

Вообще мнения исследователей об истории заселения и освоения подобных высокогорных плато всего Кавказа древними людьми различны. Заселение альпийских лугов, без сомнения, в основном было связано с возникновением яйлажного скотоводства. Многие исследователи отдают предпочтение мнению о создании этого вида хозяйства в период поздней бронзы (вторая половина II тыс. до н. э.). На самом деле археологические раскопки поселений этого периода указывают на высокое развитие скотоводства, абсолютное численное превосходство поголовья мелкого рогатого скота, составляющего основу яйлажного скотоводства, над крупным рогатым скотом.

Материально-культурные образцы позволяют высказаться о заселении высокогорных плато Кавказа в более древние времена охотничьими, скотоводческими и земледельческими племенами.

На основе остеологических материалов, обнаруженных в культурных слоях исследованных поселений (Бабадервиш, Сарытепе, Сарвантепе, Ястытепе, Гаргалартепеси, Оджагтепе, Ганлы Тойре, Тойретепе, Гияметтепе. Гёл ери и т. д.), можно выдвинуть предположение о возникновении

яйлажного скотоводства начиная еще со среднего этапа периода ранней бронзы.

В.Г. Алиев отметил, что увеличение количества скота, ускоренное увеличение поголовья мелкого рогатого скота в стадах создало потребность в летних пастбищах (Əliyev, 1992, s. 18). Вследствие этого возникло яйлажное скотоводство.

Многие исследователи, говоря об истории возникновения яйлажного скотоводства в каком-то одном конкретном регионе, не очень обращали внимание на естественно-географические, климатические условия данной территории. Но эти вопросы являются самыми важными условиями для возникновения и развития упомянутой хозяйственной отрасли. О.Г. Абибуллаев, привлекая внимание именно к этим факторам, справедливо отмечает, что пастбища на равнинных территориях Азербайджана, и особенно Нахичевани, в летний сезон, желтея, погибают, другие земельные участки же использовались для земледелия. Поэтому многочисленные стада скота в период бронзы можно было обеспечить пищей лишь посредством яйлажного скотоводства (Абибуллаев, 1982, с. 218).

Возможности скотоводческих племён бассейна среднего течения Куры в период бронзы были широкими. Богатые обильными пастбищами альпийские луга гор Малого Кавказа, Газахской равнины превратились в основной источник пищи. Таким образом, первые полукочевые скотоводы выбрали для себя стоянкой альпийские луга Малого Кавказа, в летние месяцы, поднимаясь в горы, возвели поселения. Циклопические сооружения, могильники, молельни, наскальные рисунки, обнаруженные в нагорных и предгорных местах бассейна Куры, говорят о далёком прошлом, этническом происхождении, древней культуре нашего народа (Əliyev, 1992, s. 18).

Присвоение, наряду со стадами скота, также пастбищных участков, столкновение интересов из-за пастбищ стали главными причинами межплеменных противоречий. Во время яйлажного скотоводства среди членов племени были вооружённые люди, и они занимались охраной племени и стад от неизбежной опасности. Оружие разного вида, обнаруженное на памятниках, относящихся к бронзовому периоду: наконечники копий и стрел, кинжалы, секиры и т. д. – ещё раз подтверждают эту мысль (Абибуллаев, 1982, с. 128, 216).

В последней четверти III тыс. до н. э. в связи с окончанием кура-араксинской культуры в истории бассейна среднего течения Куры и соседних территорий начался новый этап. Начиная с этого периода на территориях, где в своё время распространялась кура-араксинская культура, одним из заметных событий было значительное увеличение продуктивности за счёт развития скотоводства. Естественные условия бассейна Средней Куры, обладающей богатыми яйлагами, создавали большие возможности для развития скотоводства (İsmayılov, 1980). Содержание коров и овец превратилось в основное занятие и богатство населения на территории Азербайджана. Важной стороной является то, что развитие скотоводства в основном происходило за счёт увеличения численности овец. А это основательно меняло систему скотоводства. Уже в конце бронзового периода и в период железа хозяйство яйлажного скотоводства вполне сформировалось. Увеличение численности заселяющего страну населения за счет увеличения числа овец и повышения трудовой продуктивности было одной из важных причин распространения племён.

Скотоводческие племена, отделившиеся от общего единства, превратились в хозяев территорий, богатых медными и железными залежами. Не-

которые из этих территорий вскоре превратились в центры горнорудных дел и обработки металла. Некоторые поселения на территории Дашкесана и Кедабека могут быть этому примером. Занятие скотоводческими племенами ведущих позиций, возникновение полукочевого скотоводства, развитие металлообработки, тесные связи с цвилизациями Ближнего Востока и Передней Азии в последние периоды кура-араксинской культуры и в начале периода средней бронзы привели к значительному развитию плодотворных сил, созданию излишней прибавочной продукции, углублению общественного расслоения, важным изменениям в экономической, политической и духовной жизни племён, заселяющих этот регион.

Все эти изменения не могли не оказывать влияние также на этнополитические процессы. Археологические материалы указывают на многократное увеличение населения, возникновение крупных племенных союзов, осложнение межплеменных отношений, возрастание локальных военных столкновений. В связи с заселением скотоводческими племенами новых территорий, можно сказать, во всех местах Малого Кавказа начало увеличиваться число поселений, а также укреплённых крепостей.

В период поздней бронзы в бассейне Средней Куры постоянные поселения с оборонительными крепостьями и без ограждений встречались в Сарытепе, Гёйгёль, Мингечаур, Бабадервиш IV и др. местах. Жилые помещения же были полуземлянками и наземными. Полуземлянки иногда были четырехугольными (Мингечевир, Гёйгель), а иногда круглыми (Акстафа, Ястытепе) в плане, сверху были накрыты камышом и соломой. Стенки полуземлянок хорошо обтёсаны, обмазаны глиной и сверху сооружены особенные дымоходы для проникновения сверху света и выхода дыма. В полуземлянке, обнаруженной на поселении Ястытепе, в углах стенок были даже установлены специальные места для сидения. Вдоль стен были обнаружены следы столбов, служивших для поддержания потолочного прикрытия полуземлянок, состоящего из камыша и соломы, а в середине – места очажных сооружений. На таких поселениях Газахского района, как Сарытепе, Сарвантепе и Бабадервиш IV, выявились наземные постройки сложной структуры. Иногда, обнаруженные в четырехугольном плане, эти жилища были разделены перегородками на разные части: жилая часть, кухня, хозяйственный склад были отделены друг от друга.

Самые плотно заселённые поселения ходжалы-кедабекских жителей в период поздней бронзы находились в нагорных и предгорных зонах.

Артефакты, полученные во время археологических исследований и раскопок, позволяют проследить последовательную динамику заселения нагорных, предгорных и равнинных зон бассейна среднего течения Куры охотничьими, скотоводческими и земледельческими племенами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абибуллаев О.А.* Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку: Элм, 1982. 315 с.
2. *Джафарзаде И.М.* Хачбулагская археологическая экспедиция 1960 года // Материальная культура Азербайджана. Т. VIII / Отв. ред. Р.М. Вахидов. Баку: Элм, 1976. С. 15–45.
3. *Исмаилзаде Г.С.* Азербайджан в системе раннебронзовой культурной общности Кавказа. Баку: Nafta-Press, 2008. 303 с.
4. *Исмаилов Г.С.* Исследования наскальных изображений в верховьях р. Тертер // Археологические открытия 1976 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1977. С. 491–492.
5. *Кесаманлы Г.П.* Археологические памятники эпохи бронзы и раннего железа Дашкесанского района. Баку: Агридаг, 1999. 179 с.

6. Крупнов Е.И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность // СА. 1964. № 1. С. 26–44.
7. Кушнарева К.Х. К вопросу об экономических связях населения Южного Кавказа в эпоху энеолита и бронзы // Тезисы докладов Сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент: ФАН, 1973.
8. Наджафов Ш.Н. Некоторые результаты исследований памятников эпохи бронзы на территории Гянджа-Казахского региона / Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования. Тезисы научной конференции молодых учёных Санкт-Петербурга (С.-Петербург, 22–23 апреля 2013 г.) / Отв. ред. В.А. Алекшин. СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 88–89.
9. Нариманов И.Г. Культура древнего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана (эпоха энеолита VI–IV тыс. до. н. э.). Баку: Элм, 1987. 260 с.
10. Расулоглы Т. Циклопические сооружения на территории Азербайджана. Баку, 1993, 145 с.
11. Əliyev V.H. Gəmiqayada aparılmış arxeoloji tədqiqatlar // Azərbaycanda arxeologiya və etnoqrafiya elmlərinin son nəticələrinə həsr olunmuş elmi konfransın materialları. Bakı: Bilik, 1992. S. 33–36.
12. İsmayılov Q.S. İlk tunc dövründə Azərbaycan ərazisində yaşayan tayfaların ictimai həyatı və dini təsəvvürləri // Tarix, ictimaiyyət, coğrafiya tədrisi. 1980. № 2. S. 38–44.
13. Nəcəfov Ş.N. Tunc dövrünün mədəni-tarixi inkişafının təbii coğrafi şərait amili (Gəncə-Qazax bölgəsi üzrə etnoarxeoloji tədqiqat) / II Elm Festivalı çərçivəsində gənc almilərin respublika elmi konfransının materialları. Bakı: 05-07 mart, 2013. S. 170–173.

Информация об авторах:

Наджафов Шамиль Надирович, доктор философии по истории (к.и.н.), доцент, ведущий научный сотрудник. Институт археологии и антропологии Национальной Академии наук Азербайджана (НАНА) (г. Баку, Азербайджан); shamil_necefov@mail.ru

Асадов Вагиф Арифович, доктор философии по истории (к.и.н.), доцент, ведущий научный сотрудник. Институт археологии и антропологии Национальной Академии наук Азербайджана (НАНА) (г. Баку, Азербайджан); Vaqif-amea@mail.ru

SETTLING OF THE MIDDLE KURA BASIN IN THE BRONZE AGE (ETHNIC AND ARCHAEOLOGICAL RESEARCH BASED ON THE ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE GANJA-GAZAKH REGION OF AZERBAIJAN)

Sh.N. Najafov, V.A. Asadov

The study of the issue of settling of the Middle Kura basin (Ganja-Gazakh region) during the Bronze Age allows us to partially reconstruct the ancient demography of the region, as well as the economic and social structure of Bronze Age society.

At all three stages of the Bronze Age, the social life, connected with natural and geographical conditions, developed in a single key; the choice of settlement sites by the population, settling the basin, under the influence of social and economic factors gave a powerful incentive to the process of settlement of upland, foothill and plain areas.

The social life of the middle Kura River basin, possessing favorable natural and geographical conditions during the Bronze Age, is characterized by high development. The results of the conducted excavations allow us to say that in the noted period the majority of sites of the middle Kura River basin were densely populated. The settlements with larger plots are exemplary indicators of this. Settlements of this type have many peculiar characteristic features. The ongoing archaeological excavations allow us to follow gradually the level of development of everyday life and economy, religious and ideological views of the ancient population, as well as social and economic, ideological changes taking place in the life of the population of the Bronze Age period. From the Middle Bronze Age onward, the mastering of high mountain areas began, and settlements emerged. During this period, agricultural tribes settled in the plains and partially in the foothill zones, while semi-nomadic cattle-breeders primarily settled in the mountainous areas. The development of agriculture and cattle-breeding led to significant advances in the social and economic life of society during the Bronze Age and caused the formation of various social groups.

Keywords: archaeology, Azerbaijan, Middle Kura basin, Bronze Age, settlement, natural-geographical environment, archaeological excavations, residential sites, grave monuments.

REFERENCES

1. Abibullaev, O. A. 1982. *Eneolit i bronza na territorii Nakhichevanskoy ASSR (Eneolite and bronze on the territory of the Nakhichevan ASSR).* Baku: “Elm” Publ. (in Russian).
2. Dzhafarzade, I. M. 1976. In Vakhidov, R. M. (ed.). *Material'naya kul'tura Azerbaydzhana (Material Culture of Azerbaijan)* Vol. 8. Baku: “Elm” Publ., 15–45 (in Russian).
3. Ismailzade, G. S. 2008. *Azerbaydzhan v sisteme rannebronzovoy kul'turnoy obshchnosti Kavkaza (Azerbaijan in the system of the Early Bronze Age cultural community of the Caucasus).* Baku: “Nafta-Press” Publ. (in Russian).
4. Ismailov, G. S. 1977. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1976 goda (Archaeological Discoveries of 1976)*. Moscow: “Nauka” Publ., 491–492 (in Russian).
5. Kesamanly, G. P. 1999. *Arkheologicheskie pamyatniki epokhi bronzy i rannego zheleza Dashkesanskogo rayona (Archaeological sites of the Bronze Age and early Iron Age of the Dashkasan district)*. Baku: “Agridag” Publ. (in Russian).
6. Krupnov, E. I. 1964. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 26–44 (in Russian).
7. Kushnareva, K. Kh. 1973. In *Tezisy dokladov Sessii, posvyashchennoy itogam polevykh arkheologicheskikh issledovaniy 1972 goda v SSSR (Abstracts of the Session devoted to the results of field archaeological research in 1972 in the USSR),* Tashkent: “Fan” Publ.
8. Nadzhafov, Sh. N. 2013. In Alekshin, V. A. (ed.). *Aktual’naia arkheologiia: arkheologicheskie otkrytiia i sovremennye metody issledovaniia (Current Archaeology: Archaeological Discoveries and Modern Methodology)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 88–89 (in Russian).
9. Narimanov, I. G. 1987. *Kul'tura drevnego zemledel'chesko-skotovodcheskogo naseleniia Azerbaidzhana (epokha eneolita VI–IV tys. do. n.e.) (The culture of the ancient agricultural and cattle breeding population of Azerbaijan (Chalcolithic Age 6th–4th millennia BC))*. Baku: “Elm” Publ. (in Russian).
10. Rasulogly, T. 1993. *Tsiklopicheskie sooruzheniya na territorii Azerbaydzhana (Cyclopean structures on the territory of Azerbaijan).* Baku (in Russian).
11. Əliyev, V. H. 1992. In *Azərbaycanda arxeologiya və etnoqrafiya elmlərinin son nəticələrinə həsr olunmuş elmi konfransın materialları (Materials of the scientific conference on the latest results of archeology and Ethnography in Azerbaijan)*. Bakı: “Bilik” Publ., 33–36 (in Azerbaijan).
12. İsmayılov, Q. S. 1980. In *Tarix, ictimaiyyət, coğrafiya tədrisi (History, public, geography teaching)* 2, 38–44 (in Azerbaijan).
13. Nəcəfov, Ş. N. 2013. In *II Elm Festivalı çərçivəsində gənc almilərin respublika elmi konfransının materialları. Bakı: 05-07 mart (Materials of the Republican scientific conference of young almis within the framework of the II Science Festival. Baku: 05-07 March),* 170–173 (in Azerbaijan).

About the Authors:

Najafov Shamil N. PhD of History. Associate Professor. Institute of Archaeology & Anthropology, Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS). H. Cavid ave. 115, Baku, AZ1143, Azerbaijan Republic; shamil_necefov@mail.ru

Asadov Vagif A. PhD of History. Associate Professor. Institute of Archaeology & Anthropology, Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS). H. Cavid ave 115, Baku, AZ1143, Azerbaijan Republic; Vaqif-amea@mail.ru

Статья принята в номер 16.07.2024 г.

УДК 902.01 https://doi.org/10.24852/pa2025.1.51.79.92

ЧЕРКАСКУЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА: ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ[1]

© 2025 г. О.Н. Корочкова, И.А. Спиридонов

Появление новых материалов, полученных в последние годы в Зауралье, позволяет наметить новые исследовательские ракурсы в изучении черкаскульской культуры, занимающей центральное положение в рамках обширной андроноидной общности XVII–XV вв. до н. э. Сложение культуры протекало в лесостепных ландшафтах восточных склонов Среднего Урала на фоне магистрального федоровского импульса и вовлеченности в процессы взаимодействия разнокультурных групп местного населения, представленных в том числе памятниками коптяковской культуры. Для более поздних этапов истории характерен заметный дрейф в степную зону. Приуроченность основной территории черкаскульской культуры к меднорудным месторождениям Уральской горно-металлургической области дает основания рассматривать ее как основного поставщика металла в безрудные районы. Специфику орудийного набора составляли изделия дербеденовской группы.

Ключевые слова: археология, бронзовый век, Зауралье, Уральская горно-металлургическая область, андроноидная общность, металлопроизводство, дербеденовская группа, федоровская, коптяковская, сусканская культура.

Отличительной особенностью эпохи палеометалла Урала и Западной Сибири является ярко выраженная скоротечность бронзового века, высокая степень динамичности протекавших здесь процессов с весьма короткими хронологическими интервалами археологических культур. В центре внимания данной публикации – феномен черкаскульской культуры, локализованной на западном фланге обширной андроноидной общности. Благодаря вышедшей недавно работе А.Ф. Шорина «История изучения черкаскульской культуры на современном этапе» (Шорин, 2023), мы избавлены от необходимости историографического экскурса и готовы принять участие в обсуждении обозначенных ключевых вопросов с точки зрения новых данных и авторских подходов.

Выделенная в 1960-е гг. К.В. Сальниковым (Сальников, 1964) черкаскульская культура трактовалась как «культура лесного андрона». По мере дальнейшего археологического изучения Зауралья территориальные контуры этого образования заметно изменились, было обосновано выделение обширной андроноидной общности, сложившейся на северной периферии андроновского ареала (Косарев,1981, с. 132–162; 1983). Хронологические рамки культуры опираются на весьма ограниченную выборку дат и определяются в диапазоне XVII–XVI/XVI–XV вв. до н. э. (Епимахов и др., 2023, с. 231; Шорин, 2023, с. 50). В рамках андроноидной общности черкаскульские комплексы отличаются рядом специфических особенностей. Так, если пахомовская, сузгунская, еловская, сусканская, луговская культуры локализованы преимущественно в пределах конкретного ландшафта (лесостепь, подтаежная зона), черкаскульская распространена в разных ландшафтно-климатических зонах – от горно-лесного до степного Зауралья. Отдельные черкаскульские проявления, которые хорошо регистрируются находками керамики с тальковой примесью, отмечены на Алтае (Федорук, 2008, рис. 2, *6–9*), в Северном Казахстане (рис. 1).

Столь ярко выраженное мериди-

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РНФ 24-28-00470 «Короткий бронзовый век Урала».

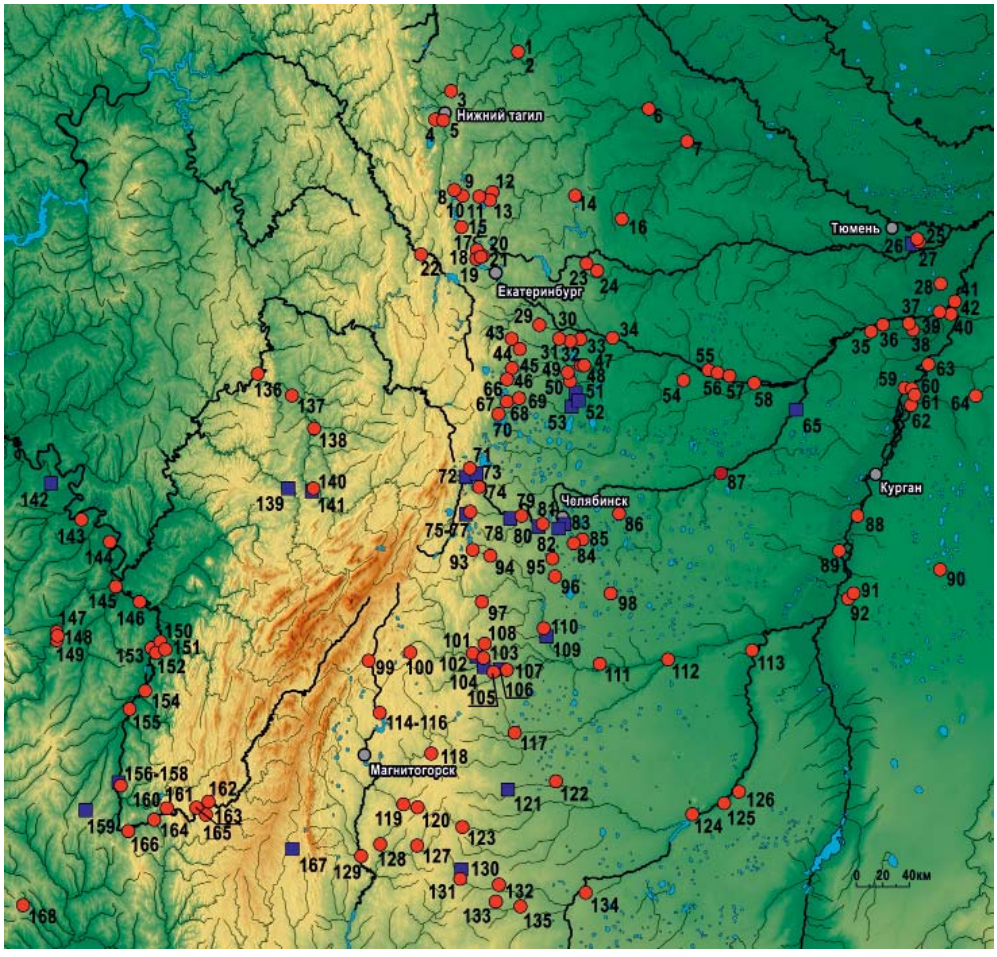


Рис. 1. Карта памятников черкаскульской культуры. 1 – Юрьинское IV, 2 – Кокшарово I, 3 – Балакино I, 4 – Береговая I, 5 – VI Разрез, 6 – Мокино, 7 – Булановское, 8 – Шигирский Исток III, 9 – Шайтанское Озеро II, 10 – Шайтанское 4-6, 11 – остров Сосновый I, 12 – Шайдуриха I, 13 – Молебный Остров I-III, 14 – Покровское I, 15 - Таватуй XXXI. 16 – Ирбитское озеро I, 17 – Коптяки I-VI, 18 – Гать I, 19 – Новая III, 20 – Калмацкий Брод, 21 – Палатки I-II, 22 – Бойцы I, II, 23 – Беткулово IV, 24 – Куртугуз VIII, 25 – Курья I, 26 – Перейминский. 27 – Дуванское XVII, 28 – Черемуховый Куст, 29 – Березовое I, 30 – Карасье I, 31 – Троицкое II-III, 32 – Тыгиш, 33 – Сунгуль I-II, 34 – Лужки I, 35 – Ольховка, 36 – Хрипуновское I, 37 – Верхне Ингальский Борок II, 38 – Нифаки. 39 – Сосновка-5, 40 – Щетково, 41 – Имбиряй 2, 3, 42 – Большой Имбиряй-10, 43 – Багаряк VI, 44 – Щелкун V, 45 – Черкаскуль II, 46 – Воскресенское, 47 – Колпаковское, 48 – Межовское, 49 – Б. Куяш, 50 – Чесноковская Пашня, 51 – Ново-Буринский, 52 - Больше-Караболкский, 53 – Большеказакбаевский 2, 54 – Макарьевское, 55 – Замараевское, 56 – Сухрино III, 57 – Вробьевское, 58 – Боборыкино I, II, VI, 59 – Волосниково, 60 – Усть-Суерское III, 61 – Высокая Грива, 62 – Камышное I, 63 – Ново-Шадрино VII, 64 – Погодаево, 65 – Дачное-2, 66 – Кисегач II-III, 67 – Киреты I, 68 – Касли III, VI, 69 – Б. Аллаки I-II, 70 – озеро Кривое, 71 – Усть-Миасское IV, 72 – Березки V, X, 73 – Перевозный I, 74 – М. Липовый IX, 75 – В Воротах, 76 – Липовая Курья, 77 – Кордон Миассово I, 78 – Туктубаево, 79 – Трубный, 80 – Черняки II, 81 – Миасское, 82 – Смолино, 83 – Сухомесово, 84 – Мочище, 85 – Шатрово VII, 86 – Таукаево 1, 87 – Б. Субботино I, 88 – Камышное II, 89 – Язево I-II, 90 – Челноково, 91 – Отнога I, 92 – Алабуга I (хутор Андроник), 93 – Чебаркуль III, 94 – Камбулат II, 95 – Коркино I, 96 – Шибаево, 97 – Старокумлякское, 98 – Буташ 2, 99 – Бакшай, 100 – Ахуново, 101 – Степное VIII, XI, 102 – Степное 25, 103 – Степное XXI, 104 – Путиловскяа Заимка II, 105 – Стрелецкое 1, 106 – Приплодный Лог I, 107 – Черноречье 2, 108 – В. Санарка I, 109 – Кинзерский, 110 – д. Сосновка, 111 – Каменная Речка III, 112 – Соколок I, 113 – Загаринское, 114 – Нижне-Спасское, 115 – Спасское, 116 – У Спасского моста, 117 – Дружный I, 118 – Малая Березовая 4, 119 – Куйсак I, 120 – Лебяжье VI, 121 – Новонико-

лаевский IV, 122 – Кулевчи, 123 – Коноплянка 2, 124 – Алексеевское, 125 – Садчиковское, 126 – Конезавод III, 127 – Черкассы II, 128 – Ильяска I, II, 129 – Кизильское, 130 – Синташтинский Большой курган, 131 – Мирный II–III, 132 – Левобережное (Синташта II), 133 – Атамановка V, 134 – Шукубай II, 135 – Берсуат XVIII, 136 – Усть-Айская, 137 – Сосновка, 138 – Якушевское, 139 – Ахуновские курганы, 140 – Нижнеибраевское, 141 – Юкаликулево, 142 – Тартышевский I, 143 – Ахметовская I, 144 – Кумлекуль, 145 – Чесноковская I, 146 – Ибрагимовская I, 147 – Старо–Яппаровская III, 148 – Казангуловское I, 149 – Калиновка I-III, 150 – Утяшевская, 151 – Зириковская, 152 – Курмантаевская (Старокурманкеево-1), 153 – Нижне-Тюкунская, 154 – Инзелга , 155 – Юрак-тау, 156 – Юмаковское-2, 157 – Красногорский-1, 158 – Юмаковский 2, 159 – Юматинский, 160 – Азануй I, 161 – Верхнебиккузино-1 (Айратово), 162 – Капова пещера (Шульган-Таш), 162 – Максютово-2, 164 – Юмагузино-1-2, 165 – Таш-Мурун, 166 – Тюбяк, 167 – Тавлыкаево, 168 – Горный.

Fig. 1. Map of monuments of Cherkaskul culture.

ональное расположение черкаскульских памятников нуждается в специальном анализе и интерпретациях. Ключевыми для обсуждения будут являться следующие вопросы: происхождение, связи, специфика хозяйства, металлопроизводства, факторы мобильности. При обсуждении этих проблем мы отталкивались от характеристики универсальных (в рамках андроноидной общности) и специфических признаков археологической культуры, на основе которых была составлена детальная карта археологических памятников (рис. 1).

Имея собственный взгляд на некоторые «черкаскульские проблемы» и следуя избранной логике работы, вначале мы должны охарактеризовать основные признаки культуры. Задача, казалось бы, несложная, учитывая, что такая характеристика уже неоднократно была дана в работах К.В. Сальникова (1967, с. 354–374), Л.П. Хлобыстина (1976, с. 49–63), М.Ф. Косарева (1981, с. 132–141), М.Ф. Обыденнова и А.Ф. Шорина (1995), А.В. Матвеева (2007). Воспользуемся ими, но акцентируем некоторые актуальные моменты, которые проливают дополнительный свет на проблему генезиса и связей черкаскульской культуры. Именно последнее обстоятельство и позволит более четко определить ее преимущественную хронологическую позицию, периоды «лесной и степной» истории, территорию.

Керамика черкаскульской культуры обладает целым рядом устойчивых культурных признаков, которые отличают ее на любой территории в любом археологическом контексте. Какие детали придают ей столь узнаваемый облик? Тальковая примесь, преобладание сосудов горшечных и горшечно-баночных плоскодонных форм, цилиндрическая форма короткой шейки, ярко выраженное деление посуды на группу, украшенную меандровыми бордюрами, и посуду с монотонным орнаментом из зигзагов и разнонаклонных оттисков штампа, обилие желобчатого декора и оригинальная основа меандра (змейка, уточка, ромб и др.). Отметим также присутствие в орнаментике комплексов горно-лесного Зауралья элементов, характерных для таежных культур (скобки, маленькие ямки) (Старков, 1970, рис. 3; Обыденнов, Шорин, 1995, с. 48–49). На некоторых сосудах есть ручки, расположенные на переходной зоне от шейки к плечику или на крышке сосуда. Добавим к описанному сервизу еще один тип изделий – глиняные тарелки. В настоящее время они известны только на одном памятнике – VI Разрезе Горбуновского торфяника и составляют весьма солидную серию из более 300 экз. Представлены невысокими круглыми емкостями диаметром 13–39 см, украшенными по внешнему краю лаконичным узором из «елочки», оттисков гладкого, гребенчатого или дуговидного штампа. Более трети изделий снабжены фризом из орнитоморфных изображений (Чаиркина, 2022, с. 263, рис.

172–178). Еще один тип керамической посуды, который стоит упомянуть, – это немногочисленные миниатюрные толстостенные сосуды на поддонах (Старков, 1970, рис. 7, *1*; Петрин и др., 1993, рис. 40, *13*). Подобные изделия известны на поселениях пахомовской культуры (Корочкова, 2010, рис. 8, 18; Ткачев, Ткачева, 2006, рис. 4, *1*). Судя по ошлакованным стенкам, некоторые из них использовались как тигли.

И несколько слов о соотношении черкаскульских и межовских керамических комплексов. Мы не склонны рассматривать их в качестве маркеров разных культур. Характерной особенностью андроноидных керамических комплексов является наличие двух групп посуды, одна из которых украшена сложным геометрическим орнаментом, а другая чередующимися бордюрами разнонаклонных оттисков (Старков, 1970, с. 102; Хлобыстин, 1976, с. 58–59; Корочкова, 2010, с. 56–60). Баланс различных групп посуды действительно колеблется на разных памятниках и, не исключено, может иметь качества хронологического порядка, однако, учитывая короткие интервалы культур бронзового века Урала, вряд ли стоит придавать ему принципиально важное значение. Гораздо более убедительным аргументом выделения ранних и поздних комплексов могли бы стать свидетельства межкультурных связей, соответствующие культурно-хронологической периодизации региона. Такие данные есть. В частности, ранним признаком можно считать свидетельства федоровско-черкаскульских связей, а поздним – контакты с алексеевско-саргаринскими группами населения (Корочкова, 2010, с. 82–85; Григорьев, 2019, с. 110–114; Епимахов и др., 2023, с. 230–231).

Полностью или достаточно исследованных черкаскульских **поселений** известно не так много (рис. 1). В горно-лесном Зауралье явно прослеживается преобладание озерных поселений над речными, в лесостепи и степи они располагались на дюнах, невысоких мысах в долинах рек. Среди них есть крупные (9–15 тыс. кв. м), средние и малые (около 1,5 тыс. кв. м). Размеры жилищ также заметно различаются. На севере черкаскульского ареала жители предпочитали компактные каркасные постройки площадью 20–40 кв. м, в степной полосе – обширные сооружения площадью 100–300 кв. м (Обыденнов, Шорин, 1995, с. 6–10; Матвеев, 2007, с. 11; Пантелеева, 2024, с. 65). Отметим также наличие многокамерных построек (пос. Сухрино III), близких тем, которые известны на поселениях пахомовской культуры (Ткачев, Ткачева, 2006, рис. 1). Подобные особенности жилой архитектуры соответствуют ландшафтным особенностям указанных регионов и отражают специфику жизнеобеспечивающих стратегий населения, основу которого составляло **многоотраслевое хозяйство** (Косарев, 1981, с. 221–223, 226–228). В лесостепи и степи состав стада был близок андроновскому, основу которого составляли крс и мрс, в горно-лесной части население было ориентировано также на охоту и рыболовство (Косинцев, Бобковская, 1997, табл. 3; Костомарова, 2019, с. 53–55).

Особенности жизнеобеспечивающих стратегий отразились и в **вещевом комплексе**. В горно-лесном Зауралье черкаскульские слои изобилуют многочисленными каменными орудиями, среди которых особенно много наконечников стрел, скребков специфической формы, ножей. При этом исследователи отмечают известную деградацию кремневой индустрии в сравнении с более ранними этапами древней истории Среднего Зауралья. Характерной особенностью камнеобработки черкаскульской культуры являются ударная и контрударная техники расщепления, ориентированные на получение заготовок для произ-

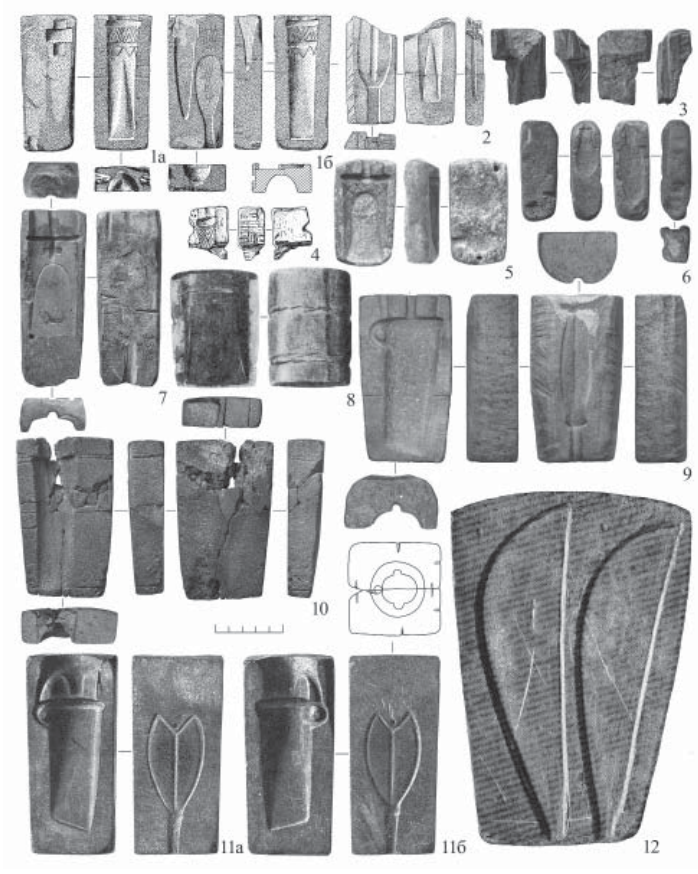


Рис. 2. Литейные формы. 1 а, б, 4 – Липовая Курья (по Хлобыстин, 1976, рис. 15); 2 – пос. Палатки I (по Викторова, 2008, рис. 8); 3 – пос. Коркино I; 5 – пос. Чебаркуль III (Алаева, 2019, рис. 1, б); 6 – оз. Сунгуль; 7 – Остров Сосновый I (рисунок В.И. Стефанова); 8 – Кокшарово I (по Старков, 1970, рис. 4, 4); 9, 10 – пос. Шигирский Исток III (фото И.А. Спиридонова); 11а, б – с.н. у с. Макарьевское (по Дмитриев, 1930, рис. 2); 12 – с.н. у с. Воскресенское (по Tallgren, 1916, fig. 37).

Fig. 2. Casting moulds.

водства бифасов, в отличие от традиционной для этой территории технологии призматического расщепления на основе ручного отжима (Усачева и др., 2023, с. 123–124). Обилие каменных орудий в обиходе населения, обитавшего в зоне локализации меднорудных месторождений, требует особого внимания и интерпретаций. В лесостепи и степи комплекты каменных орудий немногочисленны и представлены преимущественно орудиями для металлообработки, кожевенного промысла, прядения (Костомарова, 2019, с. 55–59).

Благодаря открытиям последних лет существенно дополнились представления о характере **металлопроизводства** черкаскульского населения. В ассортимент входили серпы с крюком и серпы-косари, однолезвийные ножи и ножи-кинжалы с кольцевым упором, втульчатые долота и топоры-кельты (с пещеркой и арочной фаской; с лобным ушком и арочной фаской; боковым ушком и скошенным лезвием), ассоциируемые с орудиями лобойковско-дербеденовской и сосново-мазинской групп. В этом ряду выделяется серия литейных форм (рис. 2), обнаруженных на территории, приуроченной к верховьям Пышмы, Исети и Миасса и входившей в ядро Среднеуральского центра Уральской горно-металлургической области (далее – ГМО) (Богданов и др., 2023, рис. 1). Такая концентрация литейных форм может расцениваться как весьма убедительный аргумент существования здесь собственного металлопроизводства, наследовавшего в том числе достижения ранее существовавшего коптяковско-сейминского центра, для которого характерна ярко выраженная двухкомпонентность основных технологических традиций – степной и сейминско-турбинской (Корочкова и др., 2020, с. 166–170). Это отвечает

модели «постсейминского вклада» в формирование «дербедено-лобойковских инноваций» (Бочкарев, 1994, с. 73). Преобладание степных стандартов в морфологии собственно металлических изделий и литейных матриц Уральской ГМО соответствует алгоритмам Волго-Уральского очага культурогенеза (Бочкарев, 2017, с. 160), который представлял конгломерат самых разнообразных достижений и традиций бронзового века, но степной компонент, воплощенный в археологических комплексах «синташта – петровка – алакуль – федоровка», был магистральным.

На определяющую роль этого компонента указывают близкие системы **погребальной обрядности** федоровской и черкаскульской культур (мог. Кинзерский, Туктубаево, Ново-Буринский, Больше-Караболкский, Березки V б, г, е, Перевозный I-а, Большеказабаевский, Кордон Миассово, Приплодный Лог, Новониколаевский курган IV). Что объединяет зауральские некрополи – каменные оградки, индивидуальные погребения, кремация наряду с ингумацией, оригинальный комплект погребального инвентаря, включающий сосуды характерного облика, в том числе глиняные блюда. Специально отметим отсутствие жертвенников. Весьма знакомый набор признаков, который так характерен для федоровских погребальных комплексов. Может сложиться впечатление, что только керамика определяет иную культурную принадлежность. Однако более детальный анализ свидетельствует о заметных отклонениях от строгого федоровского канона. Для черкаскульских могильников, наряду с монументальными мегалитическими сооружениями, характерны миниатюрные оградки, окружавшие одну могилу (Петрин и др., 1993, рис. 48, 52). В свое время исследователи совершенно справедливо, с нашей точки зрения, называли их обкладками (Петрин, Шорин, 1976, с. 194), настолько они не были похожи на федоровские ограды. Ограды Кинзерского и Туктубаевского могильников вполне федоровской архитектуры, но вместе с тем туктубаевский ансамбль отличается – здесь три ограды пристроены друг к другу (Кузьмина, 1973, рис. 2). Такой прием ни разу не был зафиксирован в федоровских курганах. Другая приметная особенность – «траншейные» могилы, раскопанные в Больше-Караболкском (7×1,5 м) и Ново-Буринском (6,5×2,2 и 3,1–1,3 м) некрополях (Сальников, 1959, с. 174). На подобную особенность черкаскульских сооружений обратил внимание В.И. Стефанов в связи с анализом материалов кургана 19 Большеказакбаевского 2 могильника, под насыпью которого была раскопана цепочка из четырех могил в виде длинной и узкой траншеи с перемычками (12×1–1,2 м). Такие цепочки ям являются своего рода прототипом более поздних траншейных погребений (Корякова, Стефанов и др., 2005, с. 159).

Добавим к перечисленным объектам выявленный на могильнике Кордон Миассово особый тип поминальных сооружений – каменные кладки без признаков погребений (Шорина А.А., Шорин А.Ф., 2017, с. 439–440). Подобные каменные выкладки известны на андроновском мог. Урефты I (Стефанов, Корочкова, 2006, рис. 17А; 20, *2*; 27).

Высокая степень вариативности культовых сооружений свидетельствует об активных процессах культурогенеза, сопровождавшихся формированием новых символических практик. Наиболее яркие акты манифестации зафиксированы в пограничных районах. Так, на северной окраине черкаскульского ареала, в горно-лесном Зауралье, раскопаны остатки культовой площадки на VI Разрезе Горбуновского торфяника. Именно отсюда происходит коллекция из 300 блюд-тарелок

(Чаиркина, 2022, с. 263). Выделяется и самое северное одиночное погребение Кокшарово I (Старков, 1970, с. 106–110), как правило, черкаскульские погребения устраивались на территории многомогильных некрополей. На южном фланге, на р. Уй в пограничье лесостепи и степи, черкаскульские погребальные сооружения мог. Приплодный Лог представляли собой монументальные прямоугольные каменные ограды размерами 10–13×6–9 м, сооруженные в виде вертикально врытых плит или цистовой кладки, оборудованные специальными тамбурами из вертикально врытых плит. Здесь же зафиксирован обычай сооружения «траншейных» могил, крестовидной ямы и следы огненных церемониалов (Малютина, 1984, рис. 2, 3). Высокая степень трудозатрат характерна для индивидуального захоронения в ограде Новониколаевского IV кургана (Куприянова и др., 2021, с. 159). В этом же ряду отметим менгиры, обнаруженные на памятниках Ахуново I (Петров, Кириллов, 2007) и Степное 25 (Куприянова и др., 2020), которые использовались в культовых практиках степного населения, в том числе черкаскульского, на протяжении всего бронзового века.

Таким образом, черкаскульская культура по своим основным признакам позиционируется как типичная культура андроноидной общности, для которой характерна комплексная экономика, позволявшая гибко реагировать на климатические вызовы суббореала, вызванные сменяющимися периодами ксеротерма и похолодания. Существование устоявшихся меридиональных коридоров, вовлеченность в сложные технологии металлопроизводства стимулировало присущие любой скотоводческой культуре процессы освоения новых территорий. Логичным и даже предопределенным в таком ракурсе представляется черкаскульский дрейф вдоль Уральского хребта, определявшийся характером долин основных рек (Пышма, Исеть, Миасс, Тобол). Весьма заметным является «башкирский анклав» черкаскульской культуры, который рассматривается как результат протекания здесь процессов взаимодействия носителей федоровской, черкаскульской и срубной традиций (Обыденнов, Шорин, 1995, с. 50; Лыганов и др., 2019, с. 59). В степном Зауралье черкаскульские коллективы оказывались на территории преимущественного распространения алексеевско-саргаринской культуры, которая к тому времени переживала неизбежные в условиях повышенной мобильности (Епимахов, 2010, с. 48) процессы дезинтеграции. Модели взаимодействия алексеевско-саргаринских и черкаскульских групп населения нуждаются в более взвешенной оценке, поэтому выделим их как приоритетные для понимания процессов культурогенеза в степном Зауралье в конце бронзы.

Очевидная динамика и характер связей позволяют предполагать, что сложение черкаскульской культуры протекало в лесостепных ландшафтах восточных склонов Среднего и Южного Урала и прилегающих районов равнинного Зауралья. Взгляды исследователей на этот счет совпадают. Разночтения касаются оценки роли федоровской культуры. **Сложение** черкаскульской культуры представляется как результат процессов аккультурации местного населения и носителей федоровских традиций (Сальников, 1967, с. 363–364; Хлобыстин, 1976, с. 58–62; Корочкова, 2010, с. 73–80; Григорьев, 2019, с. 110), как дивергенция федоровской культуры (Матвеев, 2007, с. 30–37) либо как вызревание черкаскульских и федоровских традиций на сопредельных территориях и близкой подоснове (Косарев, 1981, с. 141; Обыденнов, Шорин, 1995, с. 43–48).

Являясь сторонниками первой вер-

сии, считаем важным подчеркнуть вовлеченность в эти процессы разнокультурных групп местного населения, представленных в том числе памятниками коптяковской культуры. Примечательно, что близкие процессы исследователи отмечают для Прикамья и Поволжья (Лыганов и др., 2019, с. 59). Федоровский компонент в андроноидных культурах выражен наиболее отчетливо, что объясняется механизмами воздействия магистральной культуры, обладавшей высокой мобильностью и мотивацией к освоению новых территорий группами скотоводческого населения (Корочкова, Усманова, 2020, с. 57–60).

Развитие скотоводства в рамках ареала имело ограниченные перспективы, особенно уязвимы в этом отношении были обитатели горно-лесного Зауралья. В лесостепном Притоболье основные угодья приходилось делить с носителями пахомовской культуры (Корочкова, 2010, рис. 1; Матвеев, Костомаров, 2011, с. 53). Заметное продвижение в степную зону передает составленная, благодаря прежде всего исследованиям на территории Челябинской области, карта памятников (рис. 1). Коллеги специально подчеркивают приуроченность черкаскульских поселков местам прежнего обитания носителей синташтинской, петровской, алакульской и федоровской культур (Куприянова и др., 2021, с. 160; Пантелеева, 2024; Епимахов и др., 2023, с. 225–226; Григорьев, 2008; Костомаров, Булакова, 2023, с. 335). На протяжении бронзового века обустраивались одни и те же площадки, преимущество которых было оценено еще в начале II тыс. до н. э. и соответствовало потребностям экономики того времени, основанной на продуктивном скотоводстве и пастушеской модели металлопроизводства (Ткачев, 2017). Составленная карта нуждается в более детальной оценке представительности черкаскульских артефактов в составе комплексов, включающих материалы федоровской, пахомовской, алексеевско-саргаринской культур. Это позволит выявить ядро культуры, локальные варианты, векторы ее мобильности и модели взаимодействия.

Приуроченность черкаскульских памятников к центрам Уральской ГМО (Богданов и др., 2023, рис. 1) прямо сообщает о том, что среди культур андроноидной общности именно черкаскульская претендует на роль поставщика металла в безрудные районы. Подобная картина соответствует модели иткульского горно-металлургического очага раннего железного века (Бельтикова, 2005; Борзунов, 2014). Данная версия нуждается в проверке современными исследовательскими процедурами, в частности методами изотопного анализа металлических предметов, обнаруженных в составе комплексов андроноидной общности, равно как и культур-потребителей иткульского очага. Исследовательские перспективы подобной работы опираются на базу данных, которая сейчас формируется благодаря ведущимся исследованиям (Ткачев, 2022).

И еще один сюжет, который требует внимания. Речь идет о соотношении черкаскульских и сусканских комплексов. Не исключено, что на западе андроноидные образования будут иметь сложные конфигурации, близкие тем, которые демонстрируют черкаскульско-федоровские, пахомовско-черкаскульские, бархатовско-сузгунские памятники восточного фланга андроноидного ареала. Если исходить из ярко выраженного фактора повышенной мобильности носителей федоровских традиций, которые сохранили свой культурный портрет вплоть до Минусинской котловины, то не исключены близкие процессы и в западном направлении. В этом смысле особого внимания заслуживает версия коллег о различных «формулах»

сложения сусканской и луговской культур (Лыганов и др., 2019), хронологический диапазон которых, XVII–XV вв. до н. э., в калиброванных значениях совпадает с черкаскульским (Лыганов, 2018, с. 129). При общем сходстве моделей взаимодействия, в основе которых лежали диалог и взаимные контакты, в реальности они отличались, что естественным образом сказывалось на характере локальных комбинаций археологических признаков. Андроновская общность, как впоследствии и андроноидная, представляют единство множеств, за каждым из которых стоит собственная история.

Т. о., в качестве приоритетных тем на повестку дня выходят проблемы специфики символических практик черкаскульской культуры, датировки и характера связей с носителями пахомовских, сусканских традиций – основных акторов андроноидной общности, которая с учетом включения в ее состав памятников сузгунской и луговской культур приобретает характер масштабного образования позднего бронзового века. Не исключено, что в рамках этого образования, в частности в степном Приуралье, будут выделены комплексы специфического культурного облика, сформировавшиеся по сходному алгоритму – на местной основе, археологически представленном в том числе срубно-алакульскими памятниками, под влиянием магистрального федоровского импульса. Особого внимания заслуживают модели взаимодействия с группами населения алексеевско-саргаринской культуры. Ярко выраженный таежный компонент памятников северной окраины черкаскульского ареала на повестку дня выводит проблему верификации конкретных археологических образований, соответствующих такому влиянию.

Одним из ключевых факторов культурогенеза и характера коммуникаций в рамках общности являлись достижения в области критической технологии бронзового века – металлопроизводства бронзы, воплощенные в металлических предметах лобойковско-дербеденовской группы, наследовавших традиции металлопроизводства андроновского типа. Исследователи прямо связывают производство орудий дербеденовской подгруппы с носителями черкаскульской культуры (Бочкарев, 2017, с. 172–173), что требует уточнения хронологии и специфики металлопроизводства, ассоциируемого с подобными изделиями. Высокая степень мобильности, обусловленная характером скотоводства, в стаде которого в это время увеличивается роль лошади, определяющая роль Уральской ГМО как основного сырьевого и инновационного центра металлопроизводства, ярко выраженного на этом фоне разделения труда, пограничное положение Урала между культурами европейской и азиатской части Евразийской/Западноазиатской металлургической провинции, обеспечили сложные конфигурации информационных связей.

Сформулированные выше замечания являются прежде всего приглашением к дискуссии, на которую авторы рассчитывают в рамках проведения конгресса, являющегося авторитетной площадкой для научного диалога.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алаева И.П.* Металлические орудия и изделия финала бронзового века Южного Зауралья // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): материалы международной конференции. Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.) / Отв. ред А.В. Поляков, Е.С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 270–272. DOI: 10.31600/978-5-907053-35-9-270-272

2. Бельтикова Г.В. Среда формирования и памятники Зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири / Отв. ред. В.А. Борзунов. Екатеринбург: УрГУ, 2005. С. 162–186.

3. Борзунов В.А. Гамаюнские, иткульские и «гамаюно-иткульские» древности: история изучения и проблема интерпретации // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований / Отв. ред. Г.П. Визгалов, О.В. Кардаш. Екатеринбург: Магеллан, 2014. С. 212–245.

4. Бочкарев В.С. Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (по материалам эпохи поздней бронзы юга Восточной Европы) // Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит-средневековье) / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: СПбГУ, 1994. С. 66–75.

5. Бочкарев В.С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // Stratum plus. 2017. С. 159–204.

6. Богданов С.В., Булатов В.А., Корочкова О.Н., Спиридонов И.А., Ткачев В.В. Депонирование элементов исходных руд и лигатур в металле бронзового века Зауралья // Вестник Санкт-Петербургского Университета. История. 2023. Т. 68. № 4. С. 1104–1140. DOI: 10.21638/spbu02.2023.415

7. Викторова В.Д. Новации и традиции в культурах древнего населения верховьев реки Исети (эпоха раннего металла) // Наука. Общество. Человек:

8. Вестник Уральского отделения РАН. 2008. № 1 (23). С. 31–45.

9. Григорьев С.А. Пространственный анализ памятников эпохи бронзы Южного Зауралья // Вопросы археологии Урала / Отв. ред В.Т. Ковалева. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. № 25. С. 175–193.

10. Григорьев С.А. Стратиграфия поселения Мочище в Южном Зауралье // РА. 2019. № 1. С. 101–114.

11. Дмитриев П.А. Литейная форма Шадринского музея // ТСА РАНИОН. 1930. С. 53–60.

12. Епимахов А.В. «Темные века» эпохи бронзы Южного Зауралья // РА. 2010. № 2. С. 39–50.

13. Епимахов А.В., Пантелеева С.Е., Корякова Л.Н., Краузе Р., Столарчик Э. Хронологическое Соотношение культурных традиций бронзового века в Южном Зауралье (срубно-алакульские и черкаскульские древности) // Археология Евразийских степей. 2023. № 3. С. 224–234. DOI:10.24852/2587-6112.2023.3.224.234

14. Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург: УралЮрИздат, 2010. 104 с

15. Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Спиридонов И.А. Святилище первых металлургов Среднего Урала. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2020. 214 с.

16. Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Микрюкова О.В., Берсенева Н.А., Шарапова С.В. Позднебронзовый могильник близ села Больше-Казакбаева на севере Челябинской области // Археология Урала и Западной Сибири. К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга / Науч. ред. В.А. Борзунов. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005. С. 147–161.

17. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 277 с.

18. Косарев М.Ф. Андроноидные культуры Зауралья и Западной Сибири // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: БашГУ, 1983. С. 3–8.

19. Косинцев П.А., Бобковская Н.Е. Костные остатки с черкаскульского поселения Ольховка в Приисетье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1997. № 1. С. 127–132.

20. Костомаров В.М., Булакова Е.А. Нижнее Притоболье в эпоху бронзы: географические паттерны и культурные ареалы // Уфимский археологический вестник. 2023. Т. 23, № 2. С. 331–343. DOI:10.31833/uav/2023.23.2.011

21. Костомарова Ю.В. Реконструкция основных элементов экономики населения черкаскульской культуры позднего бронзового века лесостепного Притоболья // Поволжская археология. 2019. № 3 (29). С. 51–64. DOI:10.24852/pa2019.3.29.51.64

22. Кузьмина Е.Е. Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников федоровского типа на Урале // Проблемы археологии Урала и Западной Сибири / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1973. С. 153–164.

23. Куприянова Е.В., Петров Н.Ф., Батанина Н.С., Плешанов М.Л., Иванов А.А. Новый памятник – одиночный курган Новониколаевский IV в свете изучения погребальной обрядности черкаскульской культуры // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2021. № 3 (39). С. 149–164. DOI:10.32516/2303-9922.2021.39.11

24. Куприянова Е.В., Стоколос В.С., Петров Н.Ф., Батанина Н.С. Могильник Степное 25: культурный синкретизм на границе степи. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2020. 155 с.

25. Лыганов А.В. Андроноидные традиции в культурах позднего бронзового века лесостепного Поволжья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018. С. 128–130.

26. Лыганов А.В., Морозов В.В., Азаров Е.С. Луговские I и II стоянки и проблемы соотношения черкаскульской, луговской и межовской культур в Нижнем Прикамье // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 38–98.

27. Малютина Т.С. Могильник Приплодный Лог I // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Межвузовский сборник / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: ЧГУ, 1984. С. 58–79.

28. Матвеев А.В. Черкаскульская культура Зауралья // AB ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», 2007. С. 4–42.

29. Матвеев А.В., Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1. С. 46–55.

30. Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры бронзового века древних уральцев (Черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. 196 с.

31. Пантелеева С.А. Поселение Коноплянка 2 – новый памятник черкаскульской культуры в степном Зауралье (результаты исследований на линии 1) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 1 (64). С. 59–68.

32. Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Шорин А.Ф. Археологические памятники Аргазинского водохранилища (эпоха камня и бронзы). Новосибирск: Наука, 1993. 212 с.

33. Петрин В.Т., Шорин А.Ф. Исследования на Южном Урале // Археологические открытия 1975 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1976. С. 194.

34. Петров Ф.Н., Кириллов А.К. Исследования мегалитического комплекса Ахуново в 2003 г. // Уфимский археологический вестник. 2007. Вып. 6–7. С. 19–23.

35. Сальников К.В. Раскопки у села Ново-Бурино (1948 год) // СА. Вып. XXIX-XXX / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. Москва: Изд-во АН СССР, 1959. С. 172–185.

36. Сальников К.В. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы // Вопросы археологии Урала. Вып. 6 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1964. С. 5–23.

37. Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 407 с.

38. Старков В.Ф. Кокшарово I – многослойный памятник неолита и бронзы в Среднем Зауралье // РА. 1970. № 1. С. 97–108.

39. Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I – зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2006. 160 с.

40. Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Культурные комплексы поселения Оськино Болото (по материалам раскопок 2005 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. № 7. С. 241–248.

41. Ткачев В.В. Формирование культурного ландшафта Уральско-Мугоджарского региона в позднем бронзовом веке: освоение меднорудных ресурсов и стратегия адаптации к условиям горно-степной экосистемы // Stratum Plus. 2017. № 2. С. 205–230.

42. Ткачев В.В. Технологии горно-металлургического производства бронзового века в эволюции культурно-исторического ландшафта уральского региона / Российский научный фонд. 2022. Отчет о НИР № 21-78-20015.

43. Усачева И.В., Спиридонов И.А., Корочкова О.Н. К постановке проблемы маркеров каменных индустрий эпохи энеолита и бронзы горно-лесного Зауралья // Уральский исторический вестник. 2023. № 2 (79). С. 116–126. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-2(79)-116-126

44. Федорук А.С. Культурогенез древнего населения степного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-2 (60). С. 202–209.

45. Хлобыстин Л.П. Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Ленинград: Наука, 1976. 65 с.

46. Чаиркина Н.М. Торфяниковые памятники Урала, Восточной и Западной Европы. СПб.: Нестор-История, 2022. 368 с.

47. Шорин А.Ф. История изучения черкаскульской культуры на современном этапе // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 2 (61). С. 45–57. DOI:10.20874/2071-0437-2023-61-2-4

48. Шорина А.А., Шорин А.Ф. Исследования памятника Кордон Миассово 1 в горно-лесном Зауралье // Археологические открытия 2017 г. / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2019.

49. С. 439–441.

50. Tallgren A.M. Colletion Zauassailov au Musee historique de Finlande a Helsingfors. Helsingfors, 1916. 47 pp.

Информация об авторах

Корочкова Ольга Николаевна, доктор исторических наук, профессор. Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург, Россия); Olga.Korochkova@urfu.ru. ORCID:0000-0003-4597-92194

Спиридонов Иван Андреевич, научный сотрудник, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург, Россия); z-is5@mail.ru. ORCID:0000-0002-9121-0585

CHERKASKUL CULTURE: DISCUSSION ASPECTS OF THE STUDY

O.N. Korochkova, I.A. Spiridonov

New archaeological materials from the Trans-Urals allow us to outline new research perspectives in the study of the Cherkaskul culture. Cherkaskul culture occupied a central position within the vast Andronoid community of the XVII–XV centuries BC. The formation of culture took place within the forest-steppe landscapes of the eastern slopes of the Middle Urals. It happened due to the interaction of main Andronovo (Fedorovo) impulse and multicultural groups of the local population, which are represented, besides other aspects, by monuments of the Koptyakov culture. The drift into the steppe zone was characteristic for the later stages of cultural development. The main area of the Cherkaskul culture included a zone of copper-ore deposits of the Ural mining and metallurgical region. These features allow us to consider the Cherkaskul culture as the main supplier of metal to the ore-free areas. The specifics of tools made up of metal products of the Derbeden type.

Keywords: archaeology, Bronze Age, Trans-Urals, Ural mining and metallurgical region, Andronoid community, metal production, Derbeden, Fedorovo, Koptyakovo, Suskan culture.

REFERENCES

1. Alaeva, I. P. 2019. In Polyakov, A. V., Tkach. E. S. (eds.). *Drevnosti Vostochnoy Evropy, Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v kontekste svyazey i vzaimodeystviy v evraziyskom kul'turnom prostranstve (novye dannye i kontseptsii). T. II. Svyazi, kontakty i vzaimodeystviya drevnikh kul'tur Severnoy Evrazii i tsivilizatsiy Vostoka v epokhu paleometalla (IV–I tys. l. do n.e.) (Antiquities of East Europe, South Asia and South Siberia in the context of connections and interactions within the Eurasian cultural space (new data and concepts) II. Connections, contacts and interactions between ancient cultures of Northern Eurasia and civilizations of the East during the Palaeometal period (IV–I mil. BC))*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, Nevskaya tipografiya, 270–272 (in Russian).

2. Bel'tikova, G. V. 2005. In Borzunov, V. A. (ed.). *Arkheologiia Urala i Zapadnoi Sibiri (Archaeology of the Urals and Western Siberia*). Ekaterinburg: Ural State University, 162–186 (in Russian).

3. Borzunov, V. A. 2014. In Vizgalov, G. P., Kardash, O. V. (eds.). *Problemy sokhraneniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya: istoriya, metody i problemy arkheologicheskikh issledovaniy (Problems of preservation and use of cultural heritage: history, methods and problems of archaeological research).* Ekaterinburg: “Magellan” Publ., 212–245 (in Russian).

4. Bochkarev, V. S. 1994. In Savinov, D. G. (ed.). *Kul'turnye translyatsii i istoricheskiy protsess (paleolit-srednevekov'e) (Cultural translation and historical process (Paleolithic-Middle Ages)).* Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., 66–75 (in Russian).

5. Bochkarev, V. S. 2017. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 159–204 (in Russian).

6. Bogdanov, S. V., Bulatov, V. A., Korochkova, O. N., Spiridonov, I. A., Tkachev, V. V. 2023. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya (Vestnik of Saint Petersburg University. History)* 68 (4), 1104–1140 (in Russian).

7. Viktorova, V. D. 2008. In *Nauka. Obshchestvo. Chelovek:*

8. *Vestnik Ural'skogo otdeleniya RAN (Science. Society. Human:*

9. *Bulletin of the Ural Branch RAS)* 1 (23), 31–45 (in Russian).

10. Grigor'ev, S. A. 2008. In Kovaleva, V. T. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Urals Archaeology)* 25. Ekaterinburg; Surgut: “Magellan” Publ., 175–193 (in Russian).

11. Grigor'ev, S. A. 2019. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* 1, 101–114 (in Russian).

12. Dmitriev, P. A. 1930. In *Trudy sektsii arkheologii Instituta arkheologii i iskusstvoznaniia Rossiiskoi Assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (Proceedings of the Archaeology Section of the Institute of Archaeology and Art Studies of the Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences)*, 53–60 (in Russian).

13. Epimakhov, A. V. 2010. In *Rossiyskaya arkheologiya* (*Russian Archaeology*) (2), 39–50 (in Russian).

14. Epimakhov, A. V., Panteleeva, S. E., Koryakova, L. N., Krauze R., Stolarchik, E. 2023. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 224–234. DOI:10.24852/2587-6112.2023.3.224.234 (in Russian).

15. Korochkova, O. N. 2010. *Vzaimodeistvie kul'tur v epokhu pozdnei bronzy (andronoidnye drevnosti Tobolo-Irtysh'ia) (Antiquities of the Andronovo Cultural Circle of the Tobol and Irtysh).* Ekaterinburg: “UralIurIzdat” Publ. (in Russian).

The work was supported by RSF grant 24-28-00470 “Short Bronze Age of the Urals”

16. Korochkova, O. N., Stefanov, V. I., Spiridonov, I. A. 2020. *Svyatilishche pervykh metallurgov Srednego Urala (Sacred Place of the First Metallurgists in the Middle Ural).* Ekaterinburg: Ural University Publ. (in Russian).
17. Koryakova, L. N., Stefanov, V. I., Mikryukova, O. V., Berseneva, N. A., Sharapova, S. V. 2005. In Borzunov, V. A. (ed.). *Arkheologiia Urala i Zapadnoi Sibiri. K 80-letiiu so dnia rozhdeniia Vladimira Fedorovicha Geninga (Archaeology of the Urals and Western Siberia. To the 80th Anniversary of Vladimir Fedorovich Gening)*. Ekaterinburg: Ural State University, 147–161 (in Russian).
18. Kosarev, M. F. 1981. *Bronzovyi vek Zapadnoi Sibiri (Bronze Age of Western Siberia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
19. Kosarev, M. F. 1983. In Zdanovich, G. B. (ed.). *Bronzoviy vek stepnoy polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya (The Bronze Age in the Steppe Zone of the Ural-Irtysh Interfluve).* Chelyabinsk: Bashkir State University, 3–8 (in Russian).
20. Kosintsev, P. A., Bobkovskaya, N. E. 1997. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* 1, 127–132 (in Russian)
21. Kostomarov, V. M., Bulakova, E. A. 2023. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 23 (2), 331–343 (in Russian).
22. Kostomarova, Yu. V. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 3 (29), 51–64 (in Russian).
23. Kuz'mina, E. E. 1973. In Smirnov, A. P. (ed.). *Problemy arkheologii Urala i Zapadnoy Sibiri (Issues of archaeology of the Urals and Western Siberia)*. "Nauka" Publ., 153–164 (in Russian).
24. Kupriyanova, E. V., Petrov, N. F., Batanina, N. S., Pleshanov, M. L., Ivanov, A. A. 2021. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Vestnik of Orenburg State Pedagogical University)* 3 (31), 149–164 (in Russian). URL: http://www.vestospu.ru/archive/2021/articles/11_3_2021.html (in Russian).
25. Kupriyanova, E. V., Stokolos, V. S., Petrov, N. F., Batanina, N. S. 2020. *Mogil'nik Stepnoe 25: kul'turnyy sinkretizm na granitse stepi (Stepnoe 25 burial ground: cultural syncretism on the border of the steppe)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University (in Russian).
26. Lyganov, A. V. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21th Urals Archaeological Congress))*. Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 128–130 (in Russian).
27. Lyganov, A. V., Morozov, V. V., Azarov, E. S. 2019. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 38–98 (in Russian).
28. Malyutina, T. S. 1984. In Zdanovich, G. B. (ed.). *Bronzovyi vek Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia (Bronze Age of the Ural-Irtysh Interfluve)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 58–79 (in Russian).
29. Matveev, A. V. 2007. In Matveeva, N. P. (ed.). *AB ORIGINE. Problemy genezisa kul'tur Sibiri (B ORIGINE: Issues of the Genesis of Siberian Cultures).* Tyumen: "Vektor Buk" Publ., 4–42 in Russian).
30. Matveev, A. V., Kostomarov, V. M. 2011. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* 1, 46–55 (in Russian).
31. Obydennov, M. F., Shorin, A. F. 1995. *Arkheologicheskie kul'tury bronzovogo veka drevnikh ural'tsev: (Cherkaskul'skaya i mezhovskaya kul'tury) (Archaeological cultures of the Bronze Age of the ancient Ural population: (Cherkaskul and Mezhovo cultures))*. Yekaterinburg: Ural State University Publ. (in Russian).
32. Panteleeva, S. A. 2024. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* 1 (64), 59–68 (in Russian).
33. Petrin, V. T., Nokhrina, T. I., Shorin, A. F. 1993. *Arkheologicheskie pamiatniki Argazinskogo vodokhranilishcha (epokha kamnia i bronzy) (Archaeological Sites of Argasi Reservoir (the Stone and Bronze Age)).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
34. Petrin, V. T., Shorin, A. F. 1976. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1975 goda (Archaeological Discoveries of 1975)*. Moscow: "Nauka" Publ., 194 (in Russian).
35. Petrov, F. N., Kirillov, A. K. 2007. In *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 6–7, 19–23 (in Russian).
36. Sal'nikov, K. V. 1959. In Rybakov, B. A. (ed.). *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 29–30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 172–185 (in Russian).
37. Sal'nikov, K. V. 1964. In Gening, V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Problems of the Urals Archaeology)* 6. Sverdlovsk, 5–23 (in Russian).
38. Sal'nikov, K. V. 1967. *Ocherki drevnei istorii Iuzhnogo Urala (Essays on the Ancient History of the Southern Urals*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
39. Starkov, V. F. 1970. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* 1, 97–108 (in Russian)
40. Stefanov, V. I., Korochkova, O. N. 2006. *Urefty I – zaural'skiy pamyatnik v andronovskom kontekste (Urefty I – a Trans-Ural monument in the Andronovo context)*. Ekaterinburg: Ural University Publ. (in Russian).
41. Tkachev, A. A., Tkacheva, N. A. 2006. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* 7, 241–248 (in Russian).
42. Tkachev, V. V. 2017. In *Stratum Plus. Archaeology and cultural anthropology* (2), 205–230 (in Russian).

43. Tkachev, V. V. 2022. *Tekhnologii gorno-metallurgicheskogo proizvodstva bronzovogo veka v evolyutsii kul'turno-istoricheskogo landshafta ural'skogo regiona (Technologies of mining and metallurgical production of the Bronze Age in the evolution of the cultural and historical landscape of the Ural region)*. Russian Science Foundation. Research Report No. 21-78-20015. (in Russian).
44. Usacheva, I. V., Spiridonov, I. A., Korochkova, O. N. 2023. In *Ural'skii istoricheskii vestnik (Ural Historical Journal)* 2 (79), 116–126 (in Russian).
45. Fedoruk, A. S. 2008. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta (Izvestiya of Altai State University)* 4-2 (60), 202–209 (in Russian).
46. Khlobystin, L. P. 1976. *Poselenie Lipovaia Kur'ia v Iuzhnom Zaural'e (The Settlement of Lipovaya Kurya in the Southern Trans-Urals).* Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
47. Chairkina, N. M. 2022. *Torfyanikovye pamyatniki Urala, Vostochnoy i Zapadnoy Evropy (The Ural, Eastern and Western Europe peat bog sites)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
48. Shorin, A. F. 2023. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* 2 (61), 45–57 (in Russian).
49. Shorina, A. A., Shorin, A. F. 2019. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya 2017 g. (Archaeological Discoveries of 2017).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 439–441 (in Russian).
50. Tallgren, A. M. 1916. *Colletion Zauassailov au Musee historique de Finlande a Helsingfors*. Helsingfors.

About the Authors:

Korochkova Olga N. Doctor of Historical Sciences. Ural Federal University. Mira street, 19, Ekaterinburg, 620062, Russian Federation; Olga.Korochkova@urfu.ru

Spiridonov Ivan A. Ural Federal University. Mira street, 19, Ekaterinburg, 620062, Russian Federation; z-is5@mail.ru

Статья принята в номер 26.07.2024 г.

УДК:902/904 https://doi.org/10.24852/pa2025.1.51.93.101

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НАСЕЛЕНИЯ БЫСТРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ[1]

© 2025 г. С.С. Радовский

В статье рассматривается история изучения погребального обряда населения быстрянской культуры северных предгорий Алтая скифо-сакского времени. Приведены взгляды ряда учёных на основные культуроопределяющие характеристики ритуальной практики обозначенной общности. В целом отмечено единство позиций исследователей, касающихся этой проблематики (сооружение курганов из камня и земли; наличие под насыпью одной могилы; устройство деревянной погребальной камеры; ориентировка людей головой в западный сектор горизонта; наличие сопроводительных захоронений лошадей в южной части могильной ямы; и др.). Расхождения позиций археологов относительно некоторых аспектов погребальных традиций «быстрянского» населения объясняется вводом в научный оборот новых данных, позволяющих конкретизировать некоторые особенности ритуальной практики, а также отнесением учёными к быстрянской культуре тех или иных могильников.

Ключевые слова: археология, Алтай, скифо-сакское время, быстрянская культура, погребальный обряд, ритуал захоронения, историография.

Быстрянская культура северных предгорий Алтая является одной из наименее изученных общностей скифо-сакского времени. Несмотря на значительное количество материалов, полученных в ходе исследований погребальных и поселенческих комплексов, их целенаправленный анализ осуществлялся лишь фрагментарно. При этом обряд захоронения, зафиксированный в ряде могильников, довольно часто рассматривался археологами. Данное обстоятельство позволяет нам представить взгляды учёных на указанный аспект изучения быстрянской культуры.

Впервые интерпретация материалов северных предгорий Алтая скифо-сакского времени была осуществлена в 1930–1940-е гг. после исследования серии памятников (Бийск-I, II, Сростки-II, Быстрянка, Красный Яр (Каменка) и др.). Л.А. Евтюхова и С.В. Киселёв (1941, с. 91–92), опираясь на отчёт С.М. Сергеева (1935), при публикации раскопок могильника Быстрянка (Быстрянского) разделили раскопанные объекты на два типа: «большие курганы, обложенные камнем с отдельной второй камерой для лошадей, и земляные однокамерные курганчики» (Евтюхова, Киселёв, 1941, с. 92). При этом учёные не нашли оснований для разграничения данных групп по времени сооружения.

С.М. Сергеев использовал вид надмогильной конструкции в качестве критерия при выделении групп погребальных сооружений в остальных исследованных им комплексах. Так, он отнёс курганы некрополя Красный Яр (Каменка) к двум типам – небольшим с земляной насыпью и более крупным, имеющим каменную обкладку (Сергеев, 1946, с. 289).

В.Н. Полторацкая, разделив надмогильные сооружения некрополя Березовка-I (раскопки С.М. Сергеева 1930 г.) аналогичным образом, объяснила различия в конструкции насыпей хронологическим разрывом. Земляные курганы были ею отнесены к «большереченскому этапу» большереченской культуры, а каменно-земляные – к «бийскому» (Полторацкая, 1961, с. 84–88). Исследовательница определила, что в материалах рас-

[1] Исследование выполнено при поддержке программы развития АлтГУ «Приоритет 2030» (академическая мобильность).

сматриваемого могильника разница во времени сооружения погребений также подтверждается различиями в ритуале захоронения и особенностями инвентаря (Полторацкая, 1961, с. 84–88).

На своеобразие материалов могильников предгорий Алтая скифо-сакского времени немного ранее обратил внимание М.П. Грязнов. Археолог рассматривал данные комплексы в контексте характеристики бийского и березовского этапов большереченской культуры, однако отметил более сложный погребальный обряд в некрополях Бийск-I, Сростки-II и Быстрянка (Быстрянский) (Грязнов, 1956, с. 97), выделяющийся, помимо прочего, сопроводительными захоронениями верхового коня (там же, с. 98). Данную особенность исследователь объяснял соседством населения северных предгорий со степными районами Горного Алтая (Грязнов, 1956, с. 98).

Особое значение в изучении быстрянской культуры имеют работы М.П. Завитухиной (Завитухина, 1961, с. 89–108; 1962, с. 28–30; 1966а, с. 51–53; 1966б, с. 61–77). Исследовательница дала подробную характеристику материалов комплексов Бийск-I, II, Сростки-II и Быстрянка (Быстрянский) (раскопки М.П. Грязнова, М.Н. Комаровой и С.М. Сергеева) и одной из первых высказала мысль о том, что территория, на которой находятся данные памятники, является «связующим звеном между районами оседлой и кочевой групп племён» (Завитухина, 1961, с. 108). Археолог отметила особенности каждого из обозначенных могильников, разделила погребения некрополя Быстрянка по типу насыпи и неоднократно указывала на единство комплексов предгорий по ряду характеристик (Завитухина, 1966б, с. 61–62). При этом М.П. Завитухина, к сожалению, не сделала обобщающих выводов относительно погребального обряда, ограничившись лишь описанием данных памятников.

Тезис о пограничной территории предгорий, высказанный М.П. Завитухиной, в дальнейшем был развит В.А. Могильниковым и А.П. Уманским (1981, с. 81–85). Исследователи на основе анализа объектов, содержавших сопроводительные захоронения коней (Юбилейный, Быстрянка, Сростки-II, Бийск-I, II, Лебяжье (Тесьпа)) определили, что для данных некрополей характерно погребение людей в деревянной камере, головой на запад, при этом лошади были размещены в южной части ямы и ориентированы в ту же сторону, что и человек (Могильников, Уманский, 1981, с. 81–84). Сочетание характеристик погребального обряда населения лесостепной и горной частей Алтая в указанных комплексах исследователи объяснили «синкретичностью» культуры, оставившей памятники северных предгорий (Могильников, Уманский, 1981, с. 85).

Несколько более подробная характеристика погребального обряда населения северных предгорий Алтая скифо-сакского времени была дана Т.Н. Троицкой (1985, с. 105–106). Обобщение сведений осуществлено исследовательницей на основе анализа материалов комплексов Бийск-I, II, Быстрянка, Красный Яр (Каменка), Сростки-II, Березовка-I, Юбилейный-II, III, Аэродромный и Новообинка. Археолог отметила, что для данных могильников характерны захоронения под курганной насыпью и сопровождение некоторых погребённых лошадью в одной могиле с человеком или в отдельной яме; погребальная камера представлена срубом в один венец, перекрытым накатом из одного или нескольких рядов бревен; умершие укладывались вытянуто на спине, реже скорчено на боку, головой на юго-запад, иногда на северо-запад (Троицкая, 1985, с. 105–106).

Указанные некрополи Т.Н. Троицкая отнесла к «пазырыкско-шибинскому» кругу памятников (Троицкая, 1985, с. 105–106).

Наиболее развёрнутую характеристику погребального обряда населения северных предгорий Алтая скифо-сакского времени представил А.С. Суразаков. По материалам десяти могильников (Аэродромный, Бийск-I, II, Быстрянка, Карагуж, Красный Яр (Каменка), Лебяжье, Сростки-II, Юбилейный-II, III), включающих 50 захоронений, археолог выделил «чумышско-ишинскую» группу памятников (Суразаков, 1989, с. 131–132). Исследователь установил, что рассматриваемым комплексам присущи следующие черты: расположение курганов в некрополях в основном без определённого порядка; насыпи в подавляющем большинстве земляные, диаметром 6–15 м и высотой до 1 м; под надмогильной конструкцией находится преимущественно одна яма глубиной до 3 м, ориентированная в широтном направлении с отклонениями; на дне могил устанавливались, как правило, деревянные погребальные камеры, зачастую в виде рам с перекрытием; умершие укладывались вытянуто на спине головой на запад, с преимущественным отклонением к юго-западу; количество захоронённых в одной яме колеблется в пределах одного-двух; в изголовье обычно размещались сосуды, мясная пища и металлический нож; в могилах достаточно часто обнаруживались различные украшения, при этом оружия зафиксировано немного; сопроводительные конские захоронения совершались вдоль южной стенки ямы черепом в ту же сторону, что и человек (Суразаков, 1989, с. 132–133). Исследователь отметил особенности материалов каждого могильника и отклонения от вышеописанных характеристик. Помимо этого, на основе погребального обряда А.С. Суразаков обосновал отличие «чумышско-ишинской группы памятников» от пазырыкской и каракобинской культур (Суразаков, 1989, с. 134–135). Примечательно, что к последней группе археолог отнес курганы могильника Быстрянка, в которых зафиксированы погребальные камеры в виде каменных ящиков.

В 1980–2000-е гг. погребальные комплексы северных предгорий Алтая исследовались С.М. Киреевым. Изученные материалы позволили археологу выделить на указанной территории быстрянскую культуру скифо-сакского времени (Киреев, 1992б, с. 55–56). Учёный отнёс к ее основным характеристикам следующие признаки: сооружение больших могильных полей; расположение курганов микроцепочками (от двух до шести объектов) или крупными рядами; наличие детских погребений и ритуальных сопроводительных овальных выкладок в околокурганном пространстве; надмогильные конструкции представляют собой каменные, каменно-земляные и земляные насыпи; характерной чертой каменных курганов, по мнению исследователя, всегда являются кольцевые выкладки из крупных валунов по периметру насыпи; в подавляющем большинстве случаев под насыпью имеется по одной глубокой могиле, ориентированной по линии восток – запад с некоторыми отклонениями; глубина могил связана с возрастом, полом и, возможно, социальным положением умерших; часто в ямах встречаются следы огня (угли, обгоревшие остатки дерева, зольные пятна, прокалы почвы); погребальные камеры разнообразны (рама, перекрытие, сруб, каменный ящик, обкладка из валунов по периметру дна); умершие уложены в вытянутом положении на спине, головой на запад с небольшими отклонениями (северная группа) или же на правом боку с согнутыми ногами, черепом в том же направлении (южная группа);

в изголовье, как правило, размещались кости барана и глиняные сосуды, иногда керамика устанавливались в ногах. В насыпях курганов или около них при раскопках встречаются остатки тризны (фрагменты посуды, кости лошадей и овец) (Киреев, 1992а, с. 56–57).

В качестве одного из отличительных признаков быстрянской культуры С.М. Киреев выделил традицию устройства сопроводительных захоронений лошадей в некоторых курганах, чаще всего с каменными насыпями. Археологом рассмотрены следующие варианты погребений с конем: в отдельной от человека яме; в смежных могилах с одним перекрытием; вместе с человеком в одной яме, преимущественно в южной части (за срубом, без дополнительных конструкций или на «приступке»; на перекрытии сруба; за специальной перегородкой). Животные ориентированы головой в западный сектор горизонта (Киреев, 1992а, с. 57–58). Разнообразие погребального обряда населения северных предгорий Алтая скифо-сакского времени С.М. Киреев объяснил участием в её сложении разных групп населения в результате «тихих миграций» (Киреев, 1994, с. 118–120). Всего к быстрянской культуре исследователь отнёс 12 могильников: Аэродромный, Березовка, Бийск-I, II, Быстрянка, Енисейское-IV, Красный Яр (Каменка), Майма-VI, VII, XIX, Сростки-II, Юбилейный (Киреев, 1992а, с. 56).

Погребальный обряд населения быстрянской культуры рассматривал также М.Т. Абдулганеев. Исследователь к «быстрянским» могильникам отнёс только те комплексы, которые имеют следующие черты обрядности: одиночные подкурганные погребения в глубоких ямах; различного рода внутримогильные сооружения (рамы, перекрытия, срубы, обкладка дна могилы камнями); преимущественное положение погребенного вытянуто на спине, ориентированного головой в западный сектор горизонта; сопроводительные захоронения лошади вместе с человеком в южной части могильной ямы (на ее дне, на перекрытии камеры или на приступке, в подбое); фиксация в захоронении следов «огня»; размещение в могиле сосудов и мясной пищи; наличие в насыпях остатков «тризны» – фрагментов керамики и костей животных (Абдулганеев, 2001, с. 285–287). Исходя из приведённых характеристик к рассматриваемой общности были отнесены некрополи Аэродромный, Бийск-I, II, Енисейское-IV, Красный Яр (Каменка), Майма-XIX, Маяцкие Бугры, Сростки-II, Тесьпа (Лебяжье), Юбилейный-II. Ранее М.Т. Абдулганеев совместно с А.Л. Кунгуровым (1996, с. 143–155) писали ещё о четырёх могильниках (Боровое-V, VI, ЦРК, Широкий Лог – II). Примечательно, что комплексы скифо-сакского времени Березовка-I и Быстрянка (земляные курганы) археолог рассматривал в рамках бийского этапа большереченской культуры, а объекты с каменно-земляными насыпями последнего некрополя были отнесены им к раннескифскому времени (Абдулганеев, 2001, с. 285–286).

В работе, посвящённой конскому снаряжению Алтая скифо-сакского времени, П.И. Шульгой отдельно был рассмотрен погребальный обряд быстрянской культуры. Помимо 12 могильников, обозначенных С.М. Киреевым, археологом в рамках данной общности рассматривался ещё ряд некрополей (Боровое-V, VI, Лебяжье, Маяцкие Бугры, Первомайский, Степной Чумыш – II, III, ЦРК, Широкий Лог – II) (Шульга, 2015, с. 17). П.И. Шульга отметил, что у учёных недостаточно оснований для отнесения к быстрянским комплексам могильников Кузнецк-1/4, 1/5 и Чултуков Лог – I, так как черты их погребального обряда и инвентаря

имеют существенные отличия от основных характеристик рассматриваемой общности (Шульга, 2015, с. 17). Исследователь отметил, что, судя по имеющимся материалам, некоторые черты ритуальной практики населения быстрянской и пазырыкской культур сложились уже в финале раннескифского периода на Алтае или сопредельных территориях (Шульга, 2015, с. 11–12, 16).

На основе имеющихся материалов П.И. Шульга (2015, с. 11–12; 16–18) охарактеризовал погребальную практику населения быстрянской культуры следующим образом: могильники устраивались цепочками или без определённого порядка; насыпи преимущественно земляные или каменно-земляные; более одной могилы под надмогильной конструкцией отмечено только в нескольких случаях; погребальные камеры довольно разнообразны, что, по мнению археолога, зависело от влияния обрядности других культур на ту или иную группу быстрянского населения; умершие погребались вытянуто на спине, головой ориентировались на запад или с отклонением к юго-западу; подхоронения лошадей совершались вдоль южной стенки могилы на перекрытии погребальной камеры или за её пределами; кони были уложены черепом в ту же сторону, что и человек (Шульга, 2015, с. 11–12; 16–18). Исследователь также сделал вывод о том, что совокупность элементов обряда захоронений быстрянской культуры имеет явные отличия от погребальных традиций населения соседних территорий и «вместе с тем, она как бы образована путем совмещения черт, характерных для окружающих каменской, староалейской и пазырыкской культур» (Шульга, 2015, с. 18). Учёный указал на «намеренно» противоположный ритуал захоронения погребённых в быстрянской и пазырыкской культурах, из чего он, принимая во внимание ряд сходных черт, предположил родственность племён обеих общностей (Шульга, 2015, с. 18).

Характеристика погребального обряда населения быстрянской культуры представлена Я.В. Фроловым (История Алтая…, 2019, с. 235–238). Археолог отметил распространение насыпей из земли, камня, а также комбинированных сооружений; под курганом обычно располагалась одна могила, глубиной от 1,5 до 3 м; погребальная камера в основном представляет собой раму, реже сруб с перекрытиями; умершие укладывались на спине, головой ориентировались в западный сектор горизонта; значительная часть погребений сопровождалась захоронением взнузданных лошадей, уложенных с юга от человека на специальной приступке; умершие снабжались керамическими сосудами, заупокойной пищей и металлическими ножами, фиксируются и другие категории инвентаря; в мужских погребениях часто обнаруживают предметы вооружения. Отклонения погребального обряда от приведённого стандарта исследователь объяснил контактами рассматриваемого населения с культурами сопредельных территорий, в частности с «пазырыкцами» Горного Алтая (История Алтая…, 2019, с. 236–237). Важно отметить наблюдение Я.В. Фролова о том, что ориентировка на юго-запад характерна для комплексов северной части ареала быстрянской культуры, а на северо-запад – южной (История Алтая…, 2019, с. 235–236). Помимо могильников, относимых к данной общности другими исследователями, археолог, судя по всему, рассматривает в рамках быстрянских комплексов некрополи Точилинский Елбан и Сибирка (История Алтая…, 2019, рис. 2.137.-1; 2.140.-3).

В целом при анализе работ исследователей наблюдается единство взглядов авторов на основные культу-

роопределяющие характеристики погребального обряда населения северных предгорий Алтая скифо-сакского времени. Вместе с тем в некоторых случаях археологи указывают черты ритуала, не фиксирующиеся в трудах других учёных. Обозначенную ситуацию частично можно объяснить появлением новых данных, позволяющих конкретизировать некоторые особенности погребальной практики. Кроме этого, приведённые характеристики зависели от отнесения археологами к быстрянской культуре тех или иных могильников.

В последние годы представлена развернутая характеристика некоторых аспектов погребального обряда населения быстрянской культуры (Радовский, Серегин, 2019, с. 17–33; 2020а, с. 83–94; 2020б, с. 20–37; 2021, с. 76–83; Радовский, 2023, с. 86–92). Кроме этого, исследуются новые объекты (Казаков и др., 2015, с. 103–109; 2016, с. 126–132; Телеков, 2019, с. 486–487; Тишкин, Русанов, 2021, с. 321–330; Папин и др., 2022, с. 677–682; Киреев, Радовский, 2023, с. 42–61) и вводятся в научный оборот материалы ранее раскопанных некрополей (Киреев, 2020, с. 163–168; Казаков, Фролов, 2021, с. 200–205; Радовский, 2021, с. 132–137; и др.). Перспективы изучения быстрянской культуры связаны с анализом предметного комплекса, уточнением хронологии памятников, определением эволюции погребального обряда, а также реконструкцией социальной структуры рассматриваемого населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдулганеев М.Т.* О компонентах сложения быстрянской культуры // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории / Отв. ред. Л.А. Чиндина. Томск: ТГУ, 2001. С. 285–287.
2. *Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л.* Курганы быстрянской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Л. Кунгуров. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 143–155.
3. *Грязнов М.П.* История древних племён Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка / МИА. № 48. М.: Изд-во Наука, 1956. 160 с.
4. *Евтюхова Л.А., Киселёв С.В.* Отчёт о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. Вып. 16 / Под. ред. Д.Н. Эдинга. М.: ГИМ, 1941. С. 75–117.
5. *Завитухина М. П.* Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // Эпоха бронзы и раннего железа Сибири и Средней Азии / Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 3 / Ред. М.И. Артамонов. Л.: Изд. Гос. Эрмитажа, 1961. С. 89–108.
6. *Завитухина М.П.* Второй Бийский могильник // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XXII. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. С. 28–30.
7. *Завитухина М.П.* Курганный могильник Сростки-II на Алтае // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XXVII. Изд-во Гос. Эрмитажа, 1966а. С. 51–53.
8. *Завитухина М.П.* Курганы у с. Быстрянского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 г.) // АСГЭ. Вып. № 8 / Ред. М.И. Артамонов. Л.: Советский художник, 1966б. С. 61–77.
9. Древнейшая эпоха, древность и средневековье / История Алтая: в 3-х т. Т. I / Ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа, 2019. 392 с.
10. *Казаков А.А., Семибратов В.П., Редников А.А., Матренин С.С., Григоров Е.В.* Исследование погребального комплекса быстрянской культуры Каменка в Советском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXI / Отв. ред. А.А. Тишкин, В.П. Семибратов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 103–109.
11. *Казаков А.А., Семибратов В.П., Ситников С.М., Матренин С.С., Григоров Е.В.* Новые исследования погребений быстрянской культуры на могильнике Каменка в Советском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXII / Отв. ред. А.А. Тишкин, В.П. Семибратов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. С. 126–132.
12. *Казаков А.А., Фролов Я.В.* Курганный могильник эпохи железа Усть-Белокуриха-3: аварийные раскопки 1990 г. в зоне строительства автодороги Бийск – Белокуриха // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVII / Гл. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. С. 200–205.
13. *Киреев С.М.* Погребения быстрянской культуры // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий / Отв. ред. Я.А. Пустогачев, А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992а. С. 54–58.
14. *Киреев С.М.* Работы на Майминском комплексе в 1990–1991 гг. // Проблемы сохране-

ния, использования и изучения памятников археологии. Вып. 3 / Ред. В.Н. Елин, В.А. Кочеев, В.И. Соенов, А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992б. С. 55–56.

15. Киреев С.М. Роль миграционных процессов в сложении быстрянской культуры // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 118–120.

16. Киреев С.М. Погребение лошадей на могильнике быстрянской культуры Майма-VII // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 6 / Отв. ред. Н.П. Матвеева, Н.Е. Рябогина. Тюмень: Изд-во ТюмНЦ СО РАН, 2020. С. 163–168.

17. Киреев С.М., Радовский С.С. Сосуды с «трубчатым носиком-сливом» в материалах быстрянской и синхронных культур Алтая // Народы и религии Евразии. 2023. № 3 (28). С. 42–61.

18. Могильников В.А, Уманский А.П. Курганы раннего железного века на Чумыше // КСИА. Вып. 167 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука. 1981. С. 80–86.

19. Папин Д.В., Демин М.А., Савко И.А., Федорук А.С. Особенности погребальной практики населения предгорного Алтая раннего железного века по материалам могильника Усть-Иша-5 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том XXVIII / Гл. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. С. 677–682.

20. Полторацкая В.Н. Могильник Березовка I // Эпоха бронзы и раннего железа Сибири и Средней Азии / Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 3 / Ред. М.И. Артамонов. Л.: Изд. Гос. Эрмитажа, 1961. С. 74–88.

21. Радовский С.С. Исследования С.М. Сергеева на погребальном комплексе у с. Майма-Чергачак // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). Вып. 16 / Ред. Т.К. Щеглова, М.А. Демин, Н.С. Грибанова, Н.Н. Головченко. Барнаул: АГПУ, 2021. С. 132–137.

22. Радовский С.С. Коллективные захоронения быстрянкой культуры Алтая скифо-сакского времени // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2023. № 3 (131). С. 86–92.

23. Радовский С.С., Серегин Н.Н. Топография и планиграфия некрополей быстрянской культуры Алтая скифо-сакского времени // Народы и религии Евразии. 2019. № 4 (21). С. 17–33.

24. Радовский С.С., Серегин Н.Н. Ориентировка погребенных в некрополях быстрянской культуры северных предгорий Алтая (скифо-сакское время) // Северные Архивы и Экспедиции. 2020а. Т. 4. № 4. С. 83–94.

25. Радовский С.С., Серегин Н.Н. Погребальные сооружения населения быстрянской культуры скифо-сакского времени (северные предгорья Алтая) // Северные Архивы и Экспедиции. 2020б. Т. 4. № 1. С. 20–37.

26. Радовский С.С., Серегин Н.Н. Сопроводительные захоронения лошадей в погребальном обряде населения быстрянской культуры Алтая скифо-сакского времени // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2021. № 2 (118). С. 76–83.

27. Сергеев С.М. О резных костяных украшениях конской узды из «скифского» кургана на Алтае // СА. 1946. № 8. С. 289–292.

28. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во: Горно-Алт. отд-ние, 1988. 214 с.

29. Телеков Г.С. Работы на территориях Онгудайского и Майминского районов // Археологические открытия 2017 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2019. С. 486–487.

30. Тишкин А.А., Русанов Г.Г. Случайные находки на территории Алтайского края и Республики Алтай // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVII / Гл. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. С. 321–330.

31. Троицкая Т.Н. Культуры скифо-сибирского круга в лесостепном Приобье // Проблемы древних культур Сибири / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск, 1985. С. 104–115.

32. Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. Ч. II (VI–III вв. до н. э.). Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 322 с.

Информация об авторе

Радовский Святослав Сергеевич, младший научный сотрудник. Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия), radovskiy1996@mail.ru

BURIAL RITE OF THE BYSTRYANKA CULTURE BEARERS: HISTORIOGRAPHICAL ASPECT

S.S. Radovsky

The article deals with the history of the study of the burial rite of the Bystryansk culture population, occupied the northern foothills of Altai in the Scythian-Saka period. The views of a number of scientists on the main culture-defining characteristics of the ritual practice of

The study was supported by the AltSU development program “Priority 2030” (academic mobility).

the community under study are presented. In general, the unity of positions of researchers regarding this issue has been noted (construction of barrows of stone and earth; presence of a single burial under the mound; construction of a wooden burial chamber; orientation of the deceased with the head towards the western sector of the horizon; presence of accompanying burials of horses in the southern part of the burial pit, etc.). The divergences of archaeologists' views on some aspects of the Bystryanka population burial traditions are explained by the introduction of new data into scientific discourse, which makes it possible to specify some features of ritual practice, as well as the attribution by scientists of certain burial grounds to the Bystryanka culture.

Keywords: archaeology, Altai, Scythian-Saka period, Bystryanka culture, burial rite, historiography.

REFERENCES

1. Abdulganeev, M. T. 2001. In Chindina, L. A. (ed.). *Prostranstvo kul'tury v arkheologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaya Sibir' i sopredel'nye territorii: Materialy XII Zapadno-Sibirskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii (The space of culture in the archaeological and ethnographic dimension. Western Siberia and adjacent areas: Materials of the XII West Siberian archaeological and ethnographic conference).* Tomsk: Tomsk State University, 285–287 (in Russian).
2. Abdulganeev, M. T., Kungurov, A. L. 1996. In Kiryushin, Yu. F., Kungurov, A. L.(eds.). *Pogrebal'niy obryad drevnikh plemen Altaya (Burial Rite of the Ancient Tribes of the Altai)*. Barnaul: State University, 143–155 (in Russian).
3. Gryaznov, M. P. 1956. *Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka (History of the ancient tribes of the Upper Ob region according to excavations near the village of Bolshaya Rechka)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 48. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences (in Russian).
4. Evtyukhova, L. A., Kiselev, S. V. 1941. In Eding, D. N. (ed.). *Raboty arkheologicheskikh ekspeditsii (Activities of Archaeological Expeditions).* Series: Proceedings of the State Historical Museum 16. Moscow: State Historical Museum, 75–117 (in Russian).
5. Zavitukhina, M. P. 1961. In Artamonov, M. I. (ed.). *Epokha bronzy i rannego zheleza Sibiri i Sredney Azii (Bronze and Early Iron ages in Siberia and Central Asia).* Series: Arkheologicheskii sbornik gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Collection of Papers the State Hermitage Museum) 3. Leningrad: The State Hermitage Museum, 89–108 (in Russian).
6. Zavitukhina, M. P. 1962. In *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage museum)* 22. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 28–30 (in Russian).
7. Zavitukhina, M. P. 1966. In *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage museum)* 27. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 51–53 (in Russian).
8. Zavitukhina, M. P. 1966. In Artamonov, M. I. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 8. Leningrad: "Sovetskii khudozhnik" Publ., 61–77 (in Russian).
9. In Tishkin, A. A. (ed.). 2019. *Drevneyshaya epokha, drevnost' i srednevekov'e. Istoriya Altaya: v 3-kh t. (Prehistory, Antiquity and Middle Ages. History of Altai: in 3 vol.)* 1. Barnaul: Altai State University Publ.; Belgorod: "Konstanta" Publ. (in Russian).
10. Kazakov, A. A., Semibratov, V. P., Rednikov, A. A., Matrenin, S. S., Grigorov, E. V. 2015. In Tishkin, A. A., Semibratov, V. P. (eds.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediia Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 21. Barnaul: Altai State University Publ., 103–109 (in Russian).
11. Kazakov, A. A., Semibratov, V. P., Sitnikov, S. M., Matrenin, S. S., Grigorov, E. V. 2016. In Tishkin, A. A., Semibratov, V. P. (eds.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediia Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 22. Barnaul: Altai State University Publ., 126–132 (in Russian).
12. Kazakov, A. A., Frolov, Ya. V. 2021. In Tishkin, A. A. (ed.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediia Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 27. Barnaul: Altai State University Publ., 200–205 (in Russian).
13. Kireev, S. M. 1992. In Pustogachev, Ya. A., Surazakov, A. S. (eds.). *Problemy izucheniya istorii i kul'tury Altaya i sopredel'nykh territoriy (Issues of studying the history and culture of Altai and adjacent territories)*. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk History, Arts, Language and Literature Scientific and Research Institute, 54–58 (in Russian).
14. Kireev, S. M. 1992. In Elin, V. N., Kocheev, V. A., Soenov, V. I., Surazakov, A. S. (eds.). *Problemy sokhraneniya, ispol'zovaniya i izucheniya pamyatnikov arkheologii (Issues of conservation, use and study of archaeological sites)* 3. Gorno-Altaisk History, Arts, Language and Literature Scientific and Research Institute, 55–56 (in Russian).
15. Kireev, S. M. 1994. In Kiriushin, Yu. F. (ed.). *Paleodemografiia i migratsionnye protsessy v Zapadnoi Sibiri v drevnosti i srednevekov'e (Paleodemography and Migration Processes in Western Siberia in Antiquity and the Middle Ages*). Barnaul: Altai State University Publ., 118–120 (in Russian).

16. Kireev, S. M. 2020. In Matveeva, N. P., Ryabogina, N. E. (eds.). *Ekologiia drevnikh i traditsionnykh obshchestv (Ecology of Ancient and Traditional Societies)* 6. Tyumen: Tyumen Scientific Centre SB RAS, 163–168 (in Russian).
17. Kireev, S. M., Radovskiy, S. S. 2023. In *Narody i religii Evrazii (Nations and Religion of Eurasia)* 3 (28), 42–61 (in Russian).
18. Mogil'nikov, V. A, Umanskiy, A. P. 1981. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 167. Moscow: "Nauka" Publ., 80–86 (in Russian).
19. Papin, D. V., Demin, M. A., Savko, I. A., Fedoruk, A. S. 2022. In Derevianko, A. P. (ed.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Etnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)* 28. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 677–682 (in Russian).
20. Poltoratskaya, V. N. 1961. In Artamonov, M. I. (ed.). *Epokha bronzy i rannego zheleza Sibiri i Sredney Azii (Bronze and Early Iron ages in Siberia and Central Asia).* Series: Arkheologicheskii sbornik gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Collection of Papers the State Hermitage Museum) 3. Leningrad: The State Hermitage Museum, 74–88 (in Russian).
21. Radovskiy, S. S. 2021. In Shcheglova, T. K., Demin, M. A., Gribanova, N. S., Golovchenko, N. N. (eds.). *Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e, Priirtysh'e i na Altae (arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya i muzeevedenie) (Field research in the Upper Ob region, Irtysh region and Altai (archaeology, ethnography, oral history and museology))* 16. Barnaul: Altai State Pedagogical University Publ., 132–137 (in Russian).
22. Radovskiy, S. S. 2023. In *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy: sbornik nauchnykh trudov (Review of the Laboratory of ancient technologies: a collection of scientific papers)* 3 (131), 86–92 (in Russian).
23. Radovskiy, S. S., Seregin, N. N. 2019. In *Narody i religii Evrazii (Nations and Religion of Eurasia)* 4 (21), 17–33 (in Russian).
24. Radovskiy, S. S., Seregin, N. N. 2020. In *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii (Northern Archives and Expeditions)* 4 (4), 83–94 (in Russian).
25. Radovskiy, S. S., Seregin, N. N. 2020. In *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii (Northern Archives and Expeditions)* 4 (1), 20–37 (in Russian).
26. Radovskiy, S. S., Seregin, N. N. 2021. In *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy: sbornik nauchnykh trudov (Review of the Laboratory of ancient technologies: a collection of scientific papers)* 2 (118), 76–83 (in Russian).
27. Sergeev, S. M. 1946. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 8, 289–292 (in Russian).
28. Surazakov, A. S. 1988. *Gornyy Altay i ego severnye predgor'ya v epokhu rannego zheleza. Problemy khronologii i kul'turnogo razgranicheniya (Surazakov A.S. Mountainous Altai and its northern foothills in the Early Iron Age. Issues of chronology and cultural differentiation)*. Gorno-Altaisk: Altai book publishing house. Gorno-Altai branch Publ. (in Russian).
29. Telekov, G. S. 2019. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2017 g. (Archaeological Discoveries of 2017).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 486–487 (in Russian).
30. Tishkin, A. A., Rusanov, G. G. 2021. In Tishkin, A. A., (ed.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediia Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 27. Barnaul: Altai State University Publ., 321–330 (in Russian).
31. Troitskaya, T. N. 1985. In Vasil'evskiy, R. S. (ed.). *Problemy drevnikh kul'tur Sibiri (Issues of ancient cultures of Siberia)*. Novosibirsk, 104–115 (in Russian).
32. Shul'ga, P. I. 2015. *Snariazhenie verkhovoi loshadi v Gornom Altae i Verkhnem Priob'e. Ch. II (VI–III vv. do n.e.). (Saddle Horse Gear in Mountain Altai and Upper Ob Area. Part II (6th – 3rd centuries B.C.).* Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ. (in Russian).

About the Author:

Radovsky Svyatoslav S. Altai State University. Lenin Ave., 61, Barnaul, 656049, Russia, https://orcid.org/ 0000-0001-8668-3831, radovskiy1996@mail.ru

Статья принята в номер 22.08.2024 г.

УДК 539.1.07, 902/903 https://doi.org/10.24852/pa2025.1.51.102.111

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ АРХЕОМЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ШЛАКА МЕТОДОМ РЕНТГЕНОФЛУОРЕСЦЕНТНОГО АНАЛИЗА

© 2025 г. И.А. Шаронов, А.С. Алибеков, М.А. Реутова, У. Хайдаров, О. Минджи

Представлены результаты рентгенофлуоресцентного анализа образца древнего шлака из железоплавильной печи, найденной в предгорьях Нуратинского хребта в Узбекистане. Основной целью работы является рассмотрение влияния прессования порошковых проб шлака на результаты рентгенофлуоресцентного анализа. Показано, что возможно делать рентгенофлуоресцентный анализ порошка археометаллургического шлака без его прессования. Сделано сравнение результатов измерений аналитических проб шлака, выполненных на разных энергодисперсионных спектрометрах (ручной спектрометр Vanta Element-S и настольный спектрометр Shimadzu EDX-7000). Отмечено, что надо контролировать нормировку регистрируемых результатов, выдаваемых протоколами измерений спектрометров.

Ключевые слова: археометаллургия, шлак, рентгенофлуоресцентный анализ, элементный состав, энергодисперсионный спектрометр, пробоподготовка, прессование порошковых проб.

Объектами культурного наследия являются не только произведения живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства и т. д., но и археологические объекты, доносящие до нас ценные сведения о жизнедеятельности древних народов. Одной из ключевых проблем изучения археологических артефактов является идентификация находок, так как их происхождение является хорошим индикатором перемещений и контактов доисторических народов. К важным археологическим артефактам следует отнести объекты археометаллургии, которыми являются не только различные металлические изделия, но и древние металлургические шлаки. Традиционные исследования по археологии бронзового и железного века обычно сводятся к поиску и изучению металлических изделий, распределение которых считается основным источником информации о возникновении и развитии в древности металлургического производства. Однако эти изделия могли быть изготовлены где угодно, когда угодно и только потом по торговым путям или иными способами перемещены в те места, где они были найдены археологами. В отличие от металлических изделий шлаки обычно остаются рядом с теми местами, где металл выплавлялся из руды (плавильные шлаки) и где в дальнейшем металлический полуфабрикат перерабатывался в металлические слитки и различные изделия (кузнечные шлаки).

Шлак является хорошим индикатором применяемой древними людьми технологии, он может многое рассказать о способах плавки руды и кузнечной обработки металла, конструкциях металлургических печей, различных ингредиентах, использованных в процессе плавки и т. д. Поэтому изучение распределения и состава шлаков может дать более правильное представление о развитии древней металлургической деятельности человека и используемых им технологий, чем только на основе изучения распределения готовых металлических изделий. Значимость изучения древнего металлургического шлака и других продуктов археометаллургии нашла свое отражение в множестве исследований с помощью современных аналитических методов (например: Alibekov, 2023; Bita Sodaei, 2017; Bottaini, 2012; Given, 2013; Kicinska, 2021; Mantler, 2000; Nakanishi, 2008; Scott, 2016; Sheikh, 2010; Su Kyoung

Park, 2019; Theeraporn, 2014; Tsaimou, 2015; Tumiati, 2005; Tylecote, 2002; Vania, 2011; Young, 2023; Wenk, 2019; Анкушев, 2017; Водясов, 2010, 2017; Иноятов, 2008; Кожевников, 2004; Рузанова, 2016; Шаронов, 2022). Отметим, что важность использования современных аналитических методов при изучении археологических находок отмечается также в документах Международного агентства по атомной энергии (например: IAEA, 2008, 2017).

Представленная работа связана с комплексом наших исследований металлургического шлака и других продуктов археометаллургии, найденных в древних металлургических плавильных и кузнечных печах в Узбекистане. В рамках этих исследований рассмотрен образец шлака из древней железоплавильной печи, найденной в Нуратинских горах, которые были одним из центров археометаллургии на территории Узбекистана. Образец исследовался с помощью энергодисперсионного рентгенофлуоресцентного анализа (РФА), широко применяемого в международной археологической практике для определения элементного состава различных археологических находок. Этот метод основан на том, что при облучении вещества рентгеновским излучением возникает вторичное рентгеновское характеристическое излучение от возбужденных атомов химических элементов, содержащихся в веществе. При этом атомам каждого химического элемента соответствуют присущие только ему спектральные линии. Сравнение характеристик этого вторичного излучения (энергии, интенсивности характеристических линий) с характеристиками излучения известных образцов сравнения (эталонов) позволяет говорить о количественном содержании химических элементов в пробе.

При исследовании многоэлементных проб с неизвестным составом наиболее удобным считается метод фундаментальных параметров (МФП), не требующий наличия разнообразных образцов сравнения. МФП основан на определении содержания элементов путем использования теоретически рассчитанных фундаментальных физических параметров (спектральное распределение, вероятность флуоресценции, массовые коэффициенты поглощения рентгеновского излучения) и известных физических и инструментальных параметров, включая характеристики используемого спектрометра (характеристики рентгеновской трубки и детектора, расстояние между рентгеновской трубкой и образцом, расстояние между образцом и детектором и др.).

РФА позволяет проводить качественный и количественный элементный анализ самых разнообразных материалов с достаточно высокой точностью. Одно из главных достоинств РФА есть возможность неразрушающего анализа исследуемых объектов. Это особенно важно при изучении археологических артефактов. Методические аспекты РФА, результаты первых исследований по решению различных прикладных задач, включая археологические, рассмотрены в научных работах начиная с уже пятидесятых годов прошлого столетия (например: Young, 1957; Bernard, 1970). Теоретические основы рентгенофлуоресцентного анализа и применение его приложений подробно описаны в многочисленных руководствах по РФА (например: IAEA-TD-950, 1977; IAEA-TD-1456, 2005; Van Grieken; 1993; Beckhoff B., 2006; Rousseau, 2009; Min Yao, 2015; Schramm, 2016).

Несколько десятков лет назад рентгеноспектральный флуоресцентный анализ позволял получать данные только о химических элементах, атомные веса которых больше атомного веса Ca (Young, 1957). Тогда из

Рис. 1. Фрагменты археометаллургического шлака.
Fig. 1. Fragments of archaeometallurgical slag.

рассмотрения выпадали элементы K, S, P, Si, Al, Mg, Na, важные для изучения химического состава археологических находок. Современные РФА-спектрометры позволяют определять в материалах элементы начиная с натрия (например, энергодисперсионные спектрометры SHIMADZU EDX-7000, RIGAKU (^{11}Na – ^{92}U) и др.) и с углерода (например, энергодисперсионный спектрометр SHIMADZU EDX-8000P/EDX-8100P (^{6}C – ^{92}U)). В археологической практике широко применяются также ручные РФА-спектрометры (Vanta, Brucker, Skyray Explorer и др.), способные определять элементы с ^{12}Mg, которые изначально предназначались для использования в различных отраслях промышленности (геологическая разведка, горное дело, металлургия и др.) и в экологическом мониторинге. Это связано с тем, что при изучении археологических артефактов очень важна возможность использования неразрушающего метода анализа не только в лабораторных условиях, но и в условиях in situ.

Метод РФА не требует сложной пробоподготовки, но пренебрегать ей полностью нельзя, так как это может сказаться на результатах измерения. Идеальная проба должна:

- быть представительной, то есть воспроизводить состав материала;
- быть максимально однородной;
- иметь ровную поверхность;
- соответствовать требованиям РФА по гранулометрическому составу.

Для приготовления порошкообразных проб плотные материалы (горные породы, шлаки, почва и другие подобные материалы) должны быть раздроблены до фракций 3–5 мм и тщательно перемешаны. Раздробленный материал превращают в мелкий порошок. Гранулометрический состав пробы после измельчения должен быть не более 50–70 мкм (желательно не менее 90–95% образца). Сложность анализа многоэлементных порошковых

Рис. 2. Порошок шлака в измерительной кювете.
Fig. 2. Slag powder in the measuring cuvette.

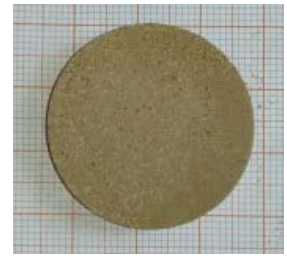


Рис. 3. Таблетка из спрессованного шлака.
Fig. 3. Tablet of pressed slag.

Таблица 1

Результаты количественного анализа шлака, показанные спектрометром Vanta

Element	P		PBA		TBA-1		TBA-2	
	% и ppm	(3σ)	% и ppm	(3σ)	% и ppm	(3σ)	% и ppm	(3σ)
Fe	45,45% (86,9%)	0,38	23,66% (84,7%)	0,20	29,15% (86,4%)	0,26	20,62% (86,6%)	0,19
Si	6,93%	0,12	1,27%	0,10	1,06%	0,11	8600	1000
Al	1,68%	0,14	4,70%	0,08	3,94%	0,08	2,78%	0,06
S	1210	110	819	74	959	88	453	76
Ca	9190	160	4885	80	5323	94	4024	74
Mn	1268	91	586	50	771	61	503	48
Co			900	150	810	190	1280	150
As	388	26	202	13	232	15	198	12
Для элементов с C_V>0,1%	55,3%		29,6%		34,2%		23,4%	
Для элементов с C_V<0,1%	0,2%		0,9%		1,0%		1,7%	

В скобках даны результаты, показанные для железа спектрометром Shimadzu EDX-7000. Концентрации менее 1% показаны в ppm.

проб методом РФА в том, что в дополнение к межэлементному влиянию и общей неоднородности пробы могут проявляться эффекты, связанные с размером частиц в пробе. Эффекты, связанные с неоднородностью и размером частиц в пробах, можно минимизировать, если порошок прессовать в таблетки одинаковой плотности с ровной поверхностью (так называемое таблетирование). Прессование делается с помощью лабораторных прессов с использованием специальных калиброванных пресс-форм под давлением 5–20 тонн. В случае, если собственные связующие свойства порошка недостаточны для изготовления твердой таблетки, используются связующие компоненты. Эти компоненты должны обладать хорошей собственной связующей способностью и не должны содержать химических элементов, мешающих проведению правильного анализа. Кроме того, связующий компонент должен: обладать низким поглощением рентгеновских лучей; быть устойчивым в условиях рентгеновского излучения, а также вакуума (для измерений в среде «вакуум»); не должен приводить к появлению межэлементных влияний (матричные эффекты). На практике в качестве связующего компонента наиболее часто используют чистую борную кислоту, этилцеллюлозу, воск.

Насколько эта процедура, требующая гидравлического пресса и пресс-форм со стандартными калибрами, критична для археологов при проведении рутинных исследований продуктов археометаллургии? Мы попытались ответить на этот вопрос, выполнив элементный анализ образца нуратинского археометаллургического шлака.

Для проведения пробных исследований со дна печи были взяты два образца шлака (рис. 1), из которых после измельчения была подготовлена обобщенная проба. Из обобщенной пробы были изготовлены три аналитические пробы – мелкодисперсный порошок (далее упоминается под кодом P), порошок со связующим (код PBA) и прессованную таблетку со связующим (код TBA) (рис. 2 и 3). С помощью доступного нам пресса, обеспечивающего давление до 5 тонн, не удалось спрессовать твердую таблетку из чистого шлакового порошка. Поэтому прессование было сделано с использованием в качестве связующе-

Таблица 2

Относительное содержание некоторых химических элементов в пробах (в %), определенное с помощью спектрометров Vanta и EDX-7000

Sample	P		PBA		TBA-1		TBA-2	
Element	Vanta	EDX-7000	Vanta	EDX-7000	Vanta	EDX-7000	Vanta	EDX-7000
Fe	81,9	86,9	77,5	84,7	82,9	86,4	82,2	86,6
Al	3,0		4,2		3,0		3,4	
Si	12,5	10,9	15,4	13,0	11,2	11,3	11,1	10,9
Ca	1,66	1,07	1,60	1,15	1,51	1,15	1,60	1,23
Co			0,30		0,23		0,51	
Mn	0,23	0,25	0,19	0,27	0,22	0,24	0,20	0,27
S	0,22	0,20	0,27	0,24	0,27	0,30	0,18	0,29
As	0,07		0,07		0,07		0,08	
Cu	0,07	0,11	0,08	0,09	0,07	0,13	0,08	0,11
Zn	0,04	0,08	0,04	0,06	0,05		0,05	0,07
Sr	0,02		0,01	0,04	0,03		0,02	0,06
K		0,44		0,50		0,47		0,47

го порошка борной кислоты (H_3BO_3). При весовом соотношении «шлак : борная кислота, 5:3» удалось получить твердую таблетку с удельной плотностью 2,1 г/см^3. Для измерения порошки насыпались в стандартные полиэтиленовые кюветы, применяемые в РФА. Насыпная плотность порошковой пробы после уплотнения порошка в кювете составила 1,5 г/см^3 для чистого порошка и 1,1 г/см^3 для порошка, смешанного со связующим. Пробы накрывались специальной проленовой пленкой во избежание загрязнения окна детектора спектрометра (окно ручного спектрометра прижималось к поверхности проб).

Для проведения измерений использовался предоставленный Фондом культурного наследия Республики Корея (Korea Cultural Heritage Foundation) ручной энергодисперсионный РФА-спектрометр Vanta Element-S с рентгеновской трубкой с Ag-анодом, кремниевым дрейфовым детектором SDD, коллиматором 10 мм. Измерения проводились в режиме «Геохимия» (three beam GeoChem, 50 kV), в воздушной атмосфере. Использован алгоритм фундаментальных параметров, автоматически рассчитывающий поправки на межэлементные влияния.

Часть полученных результатов измерений (концентрации CV в весовых процентах и в ppm, в соответствии с протоколом измерений спектрометра Vanta Element-S) приведена в таблице 1 (таблетка из шлака измерялась с двух сторон, которые обозначены TBA-1 и TBA-2).

В этой таблице мы не приводим данные о содержании элементов P, Cl, V, Cu, Zn, Sr, Y, Mo, Sn, Ba, Bi, концентрация которых менее 0,5% и их вклад в общую массовую долю в совокупности определенных элементов составляет 0,2–1,7%. На долю всех определенных спектрометром Vanta элементов в общем составе проб приходилось S = 55,5% (проба P), S = 30,5% (PBA), S = 35,2% (TBA-1) и S = 25,1% (TBA-2).

Дополнительно сделан сравнительный анализ этих же проб на энергодисперсионном РФА-спектрометре Shimadzu EDX-7000 с рентгеновской трубкой с Rh-анодом, с кремниевым дрейфовым детектором SDD, с использованием метода фундаментальных параметров, в воздушной атмосфере. Были получены другие показания. Так, например, процентное содержание железа в пробах P, PBA, TBA-1 и TBA-2 было показано равным 86,9%, 84,7%, 86,4% и 86,6%

соответственно. Такую разницу в показаниях можно объяснить тем, что спектрометр EDX-7000 выдал результаты, нормированные на 1,0 (сумма концентраций всех определенных элементов 100%). Мы пересчитали концентрации элементов с учетом коэффициентов $K = C_V^{100} / S$ (для пробы Р вычисленный коэффициент равен K = 1,80, для РВА – K = 3,28, для ТВА-1 – K = 2,84 и для ТВА-2 – K = 3,98) и получили результаты, приведенные в таблице 2.

Видна некоторая разница между результатами, даваемыми спектрометрами Vanta Element-S и Shimadzu EDX-7000, например, для концентраций железа в пробах Р, РВА, ТВА-1, ТВА-2: 86,9%, 84,7%, 86,4%, 86,6% (EDX-7000) и 81,9%, 77,5%, 82,9%, 82,2% (Vanta). Это можно объяснить разными условиями измерений, в частности геометрией измерений. Облучение проб и детектирование характеристического излучения на спектрометре EDX-7000 проводится в измерительной камере снизу через дно измерительной кюветы, установленной в позиционном лотке прибора и затянутое защитной проленовой пленкой. Измерения с помощью ручного спектрометра Vanta проводились при непосредственном контакте измерительного окна спектрометра с верхней поверхностью проб через два слоя защитной проленовой пленки (наша и пленка измерительного окна спектрометра).

Полученные предварительные результаты позволяют сказать:

– высокое содержание железа в исследованном шлаке говорит о том, что он является продуктом древнего железоплавильного производства;

– для оценки количественного элементного состава археометаллургических шлаков допустимо проводить измерения без дополнительного таблетирования проб;

– результаты измерений одних и тех же образцов, выполненных на РФА-спектрометрах различного типа, могут различаться из-за разной геометрии измерений и разного времени измерений;

– следует контролировать нормировку регистрируемых результатов, выдаваемых протоколом измерений спектрометров, чтобы избежать существенных различий в получаемых результатах, как, например, результаты по концентрации железа, полученные на спектрометре Vanta и Shimadzu (табл. 1);

– возможно использование археологами ручного РФА-спектрометра типа Vanta Element-S при элементном анализе археометаллургических находок.

Надо сказать, что на результаты измерений при прочих равных условиях (образец, геометрия измерений, используемые аналитические приложения и др.) влияет также атмосфера измерений – среда «воздух», или «гелий», или «вакуум». Выбор среды измерений доступен на оснащенных дополнительным оборудованием настольных РФА-спектрометрах, например на таких, как спектрометры Shimadzu, Rigaku, Epsilon и др. Заметим, что некоторые ручные РФА-спектрометры могут работать в составе с настольными рабочими станциями, также позволяющими проводить измерения в различных средах. Например, спектрометр OURSTEX 100FA: измерительная камера его рабочей станции позволяет проводить измерения в среде «вакуум».

Дополнительно заметим, что для проведения рутинных анализов с использованием ручных спектрометров желательно использовать спектрометры совместно с рабочей станцией – полностью экранированным (4π-экранирование, система «закрытый луч») настольным стендом, позволяющим проводить измерения с соблюдением необходимой радиационной

безопасности персонала, с повторяемостью геометрии измерений образцов, с возможностью управления спектрометром через компьютер с помощью специальной программы, имеющей удобный пользовательский интерфейс.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анкушев М.Н., Юминов А.М., Блинов И.А., Котляров В.А.* Металлургические шлаки древнего Рудника Воровская Яма (Южный Урал) // // Геоархеология и археологическая минералогия – 2017. Научное издание. Материалы IV Всероссийской молодежной научной школы. Екатеринбург – Миасс: Институт минералогии УрО РАН, 2017. С. 128–133.
2. *Водясов Е.В., Зайцева О.В.* Металлургический шлак как археологический источник: проблемы и перспективы изучения // Культура как система в историческом контексте: опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV международной. Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции / Отв. ред. М.П. Черная. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 400–403.
3. *Водясов Е.В., Зайцева О.В.* Что может рассказать археологу железный шлак? // Вестник Томского государственного университета. История. Проблемы археологии, этнографии и социальной антропологии. 2017. № 47. С. 107–115.
4. *Иноятов А.Х., Муминов И.Т., Рашидова Д.Ш., Холбаев И., Худайбердиев А.Т., Юлчиев А., Крахмаль К.А., Плещенко И.В., Азимов А., Алибеков А., Мухамедов А.К., Сафаров А.Н., Салихбаев У.С., Хатамов Ш.* Радиоактивность и элементный состав шлаков древних металлургических производств // Атомная энергия. 2008. Т. 105(2). С. 170–173.
5. *Кожевников Н.О.* Шлаки и другие материальные свидетельства древней металлургии железа // Известия лаборатории древних технологий. Вып. 2 / Отв. ред. А.В. Харинский. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. С. 188–192.
6. *Рузанова С.А.* Металлопроизводство на территории Северной Бактрии (результаты исследования материалов с поселения Кампыртепа) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 4. С. 20–33.
7. *Шаронов И.А., Алибеков А.С., Ахмедов Я.А., Салимов М.И., Сандибоев А.Н., Холматов А.* Нейтронно-активационный и гамма-спектроскопический анализ при исследовании некоторых объектов археометаллургии // Научный вестник Самаркандского Государственного Университета. Серия по точным и естественным наукам. 2022. № 3(133). С. 120–132.
8. *Alibekov A., Ivanov A., Mukhamedov A., Rakhimov K., Khasanov Sh., Akhmedov Y., Sharonov I. Neutron activation analysis of archaeometallurgical ancient artifacts found in Uzbekistan //* Journal of Radioanalytical and Nuclear Chemistry. 2023. 332. P. 1883–1891.
9. *Bernard J.D., Fleuzence A.* Dosage par fluorescence de Fe, Mn, Ti, K, Si, Al dans les compases ceramigiues a base de silice et d alumine // Bulletin de la societe francaise de ceramigues. 1970. V. 89. P. 61–70.
10. *Bita Sodaei, Poorya Kashani.* Analytical Assessment of Chaltasian Slag: Evidence of Early Copper Production in the Central Plateau of Iran // Interdisciplinaria Archaeologica. Natural Sciences in Archaeology. 2017. Vol. VIII. Iss. 2. P. 137–144.
11. *Bottaini C.E., A.L.M. Silva, D.S. Covita, L.M. Moutinhob and J. F. C. A. Veloso*. Energy dispersive X-ray fluorescence analysis of archeological metal artifacts from the Final Bronze Age // X-Ray Spectrometry. 2012. 41. P. 144–14.
12. *Given Michael, A. Bernard Knapp, Jay Noller, Luke Sollars and Vasiliki Kassianidou.* Archaeometallurgical Finds and Analytical Results // Landscape and interaction. The Troodos archaeological and environmental survey project, Cyprus. Volume 1. Methodology, analysis and interpretation / Council for British Research in the Levant, Oxbow Books and the authors, 2013. Ed: Thomas F.Tartaron. P. 237–253.
13. Handbook of Practical X-Ray Fluorescence Analysis / Eds. B.Beckhoff, B.Kanngiesser, N.Langhoff, R.Wedell, H.Wolff. Springer-Verlag, Berlin-Heidelberg. 2006. 898 p.
14. Handbook of X-ray spectrometry: Methods and techniques / ed. Van Grieken, R.E., Markowicz, A.A. Marcel Dekker, Inc; New York, 1993. 718 p.
15. IAEA, 2008. Applications of Nuclear Analytical Techniques to Investigate the Authenticity of Art Objects // IAEA Radiation Technology Series. Report of the Final Research Coordination Meeting. Coordinated Research Project. 2008. Cuzco, Peru. 175 p.
16. IAEA, 2017. Uses of Ionizing Radiation for Tangible Cultural Heritage Conservation // IAEA Radiation Technology Series. 2017. No. 6. IAEA, Vienna. 241 p.
17. IAEA-TD-1456. In situ applications of X ray fluorescence techniques. Final report of a coordinated research project // IAEA-TECDOC-1456. IAEA, Vienna, 2005. 251 p.
18. IAEA-TD-950. Sampling, storage and sample preparation procedures for X ray fluorescence analysis of environmental materials // IAEA-TECDOC-950. IAEA, Vienna, 1997. 55 p.
19. *Kicinska, Alicja. Physical and chemical characteristics of slag produced during Pb refining and the environmental risk associated with the storage of slag //* Environment Geochemical Health. 2021. 43. P. 2723–2741.

20. Mantler Michael and Manfred Schreiner. X-Ray Fluorescence Spectrometry in Art and Archaeology // X-Ray Spectrometry. 2000. 29. P. 3–17.

21. Min Yao, Dongyue Wang, Min Zhao. Element Analysis Based on Energy-Dispersive X-Ray Fluorescence // Advances in Materials Science and Engineering, vol. 2015, Article ID 290593, 7 pages. 2015. https://doi.org/10.1155/2015/290593

22. Nakanishi, A. Mössbauer study of ancient iron smelting slag in Japan // Hyperfine Interactions. 2008. 186(1-3). P. 135–139.

23. R.M.Rousseau. The Quest for a Fundamental Algorithm in X-Ray Fluorescence Analysis and Calibration // The Open Spectroscopy Journal. 2009. 3. P. 31–42.

24. Schramm, Rainer. X-Ray Fluorescence Analysis: Practical and Easy. 2nd edition / Bedburg-Hau, FLUXANA, 2016. 104 p.

25. Scott RB, Eekelers K, Degryse P. Quantitative Chemical Analysis of Archaeological Slag Material Using Handheld X-ray Fluorescence Spectrometry // Applied Spectroscopy. 2016. 70(1). P. 94–109.

26. Sheikh M.R., Acharya B.S., Gartia R.K. Characterization of iron slag of Kakching, Manipur by X-ray and optical spectroscopy // Indian Journal of Pure & Applied Physics. 2010. Vol. 48. P. 632-634.

27. Su Kyoung Park, In Cheol Kwon, Su Jeong Lee et al. Microstructural Analysis of Slags using Raman Micro Spectroscope // Journal of Conservation Science. 2019. Vol. 35. No. 2. P. 145–152.

28. Theeraporn Chuenpee, Krit Won-In, Surapol Natapintu, Isao Takashima. Archaeometallurgical Studies of Ancient Iron Smelting Slags from Ban Khao Din Tai Archaeological Site, Northeastern Thailand // Journal of Applied Sciences. 2014. 14. P. 938–943.

29. Tsaimou C., Petros E. Tsakiridis, Paschalis Oustadakis. Analytical and Technological Evaluation of Ancient Lead Slags from Lavrion, Attica Greece // Mediterranean Archaeology and Archaeometry. 2015. Vol. 15. No. 2. P. 113–117.

30. Tumiati S., P. Casartelli, A. Mambretti and S. Martin. The ancient mine of Servette (Saint-Marcel Val d'Aosta, western Italian Alps): a mineralogical, metallurgical and charcoal analysis of furnace slags // Archaeometry. 2005. 47, 2. P. 317–340.

31. Tylecote R.F. A history of metallurgy. Second Edition / Maney Publishing for the Institute of Materials. London. 2002. 205 p.

32. Vania S.F. Muralha, Thilo Rehren, Robin J.H. Clark. Characterization of an iron smelting slag from Zimbabwe by Raman microscopy and electron beam analysis // Journal of Raman Spectroscopy. 2011. Vol. 42, Iss. 12. P. 2077–2084.

33. Wenk Hans-Rudolf, Rong Yu, Nobumichi Tamura, Duri Bischoff and Walter Hunkeler. Slags as Evidence for Copper Mining above Casaccia, Val Bregaglia (Central Alps) // Minerals. 2019. 9, 292. 19 p. Doi:10.3390/min9050292 www.mdpi.com/journal/minerals. https://escholarship.org/uc/item/54d0b2nq

34. Young S.G., J. Valdez, M. Espy, A. Edgar, J. Brett, M. T. Pettes, C. Mathers, M. Barbour, B.M. Patterson. Analysis of Coronado State Historic Site artifacts using X-rays // X-Ray Spectrometry. 2023. P. 1–14.

35. Young W.Y., Whitmore F.E. Analysis of oriental ceramic Wares by non Destructive X-ray Methods // Far Eastern ceramic Bulletin. 1957. N.9. P. 1–27.

Информация об авторах:

Шаронов Иосиф Алексеевич, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник, заведующий уникальным объектом, ядерно-физическая лаборатория. Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова (г. Самарканд, Узбекистан); jsharonov@gmail.com

Алибеков Акбар Сувонович, младший научный сотрудник, ядерно-физическая лаборатория. Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова (г. Самарканд, Узбекистан); akbaralibekov@gmail.com

Реутова Марина Аркадьевна, кандидат химических наук, старший научный сотрудник, заведующая лабораторией химико-технологического исследования, реставрации и консервации археологических материалов. Самаркандский институт археологии им. Я. Гулямова (г. Самарканд, Узбекистан); mreutova@gmail.com

Хайдаров Умиджон Эркин Угли, младший научный сотрудник, ядерно-физическая лаборатория. Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова (г. Самарканд, Узбекистан); xaydarovumid02@gmail.com

Минджи О., исследователь, Корейский фонд культурного наследия (г. Сеул, Республика Корея); minjeestsr93@gmail.com

ON THE STUDY OF ARCHAEOMETALLURGICAL SLAG BY X-RAY FLUORESCENCE ANALYSIS METHOD

I.A. Sharonov, A.S. Alibekov, M.A. Reutova, U. Khaidarov, OH Minjee

The results of X-ray fluorescence analysis of an ancient slag sample from an iron-smelting furnace found in the foothills of the Nurata Ridge in Uzbekistan are presented. The main purpose of the work is to consider the influence of pressing of powdered slag samples on the results of X-ray fluorescence analysis. It is demonstrated that it is possible to make X-ray fluorescence analysis of powder of archaeometallurgical slag without pressing it. Comparison of the results of measurements of analytical slag samples made on different energy dispersive spectrometers (manual spectrometer Vanta Element S and desktop spectrometer Shimadzu EDX-7000) was made. It is noted that it is necessary to control the normalisation of the registered results given by the measurement protocols of spectrometers.

Keywords: archaeometallurgy, slag, X-ray fluorescence analysis, elemental composition, energy dispersive spectrometer, sample preparation, pressing of powder samples.

REFERENCES

1. Ankushev, M. N., Yuminov, A. M., Blinov, I. A., Kotlyarov, V. A. 2017. *Geoarkheologiia i arkheologicheskaia mineralogiia –2017. Nauchnoe izdanie. Materialy IV Vserossiiskoi molodezhnoi nauchnoi shkoly (Geoarchaeology and Archaeological mineralogy - 2017. Scientific Publication. Proceedings of the 4th All-Russian Youth Scientific School).* Ekaterinburg – Miass: Institute of Mineralogy. Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 128–133 (in Russian).

2. Vodyasov, E. V., Zaitseva, O. V. 2010. In Chernaya, M. P. (ed.). *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt zapadno-sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy (Culture as a System in a Historical Context: the Experience of West Siberian Archaeological and Ethnographic Meetings)*. Tomsk: "Agraf-Press" Publ., 400–403 (in Russian).

3. Vodyasov, E. V., Zaitseva, O. V. 2017. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia (Bulletin of the Tomsk State University: History)* 47, 107–115 (in Russian).

4. Inoyatov, A. Kh., Muminov, I. T., Rashidova, D. Sh., Kholbaev, I., Khudayberdiev, A. T., Yulchiev, A., Krakhmal', K. A., Pleshchenko, I. V., Azimov, A., Alibekov, A., Mukhamedov, A. K., Safarov, A. N., Salikhbaev, U. S., Khatamov, Sh. 2008. In *Atomnaya energiya (Atomic Energy)* 105(2), 170–173 (in Russian).

5. Kozhevnikov, N. O. 2004. In Kharinskiy, A. V. (ed.). *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii (Reports of the Laboratory of Ancient Technologies)* 2. Irkutsk: Irkutsk State Technological University Publ., 188–192 (in Russian).

6. Ruzanova, S. A. 2016. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* 4, 20–33 (in Russian).

7. Sharonov, I. A., Alibekov, A. S., Akhmedov, Ya. A., Salimov, M. I., Sandiboev, A. N., Kholmatov, A. 2022. *Nauchnyy vestnik Samarkandskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya po tochnym i estestvennym naukam (Scientific Bulletin of Samarkand State University. Series on exact and natural sciences)* 3(133), 120–132 (in Russian).

8. Alibekov, A., Ivanov, A., Mukhamedov, A., Rakhimov, K., Khasanov, Sh., Akhmedov, Y., Sharonov, I. 2023. In *Journal of Radioanalytical and Nuclear Chemistry* 332, 1883–1891.

9. Bernard, J. D., Fleuzence, A. 1970. In *Bulletin de la societe francaise de ceramigues*. Vol. 89, 61–70.

10. Bita Sodaei, Poorya Kashani. Analytical Assessment of Chaltasian Slag: Evidence of Early Copper Production in the Central Plateau of Iran // Interdisciplinaria Archaeologica. Natural Sciences in Archaeology. 2017. Vol. VIII. Iss. 2. P. 137–144.

11. Bottaini, C. E., A.L.M. Silva, D. S. Covita, L.M. Moutinhob and J. F. C. A. Veloso. 2012. In *X-Ray Spectrometry* 41, 144–14.

12. Given, Michael, A. Bernard, Knapp, Jay, Noller, Luke, Sollars and Vasiliki, Kassianidou. 2013. In Thomas F.Tartaron (ed.). *Landscape and interaction. The Troodos archaeological and environmental survey project, Cyprus. Volume 1. Methodology, analysis and interpretation.* Council for British Research in the Levant, Oxbow Books and the authors, 237–253.

13. In B. Beckhoff, B. Kanngiesser, N. Langhoff, R. Wedell, H. Wolff. Eds. 2006. *Handbook of Practical X-Ray Fluorescence Analysis*. Springer-Verlag, Berlin-Heidelberg.

14. In Van Grieken, R. E., Markowicz, A. A. (eds.). 1993. *Handbook of X-ray spectrometry: Methods and techniques.* Marcel Dekker, Inc; New York.

15. IAEA. 2008. Applications of Nuclear Analytical Techniques to Investigate the Authenticity of Art Objects. *IAEA Radiation Technology Series*. Report of the Final Research Coordination Meeting. Coordinated Research Project. Peru.

16. IAEA. 2017. Uses of Ionizing Radiation for Tangible Cultural Heritage Conservation. *IAEA Radiation Technology Series.* 6. IAEA, Vienna.

17. IAEA-TD-1456. 2005. In situ applications of X ray fluorescence techniques. Final report of a

coordinated research project. *IAEA-TECDOC-1456.* IAEA, Vienna.
18. IAEA-TD-950. 1997. Sampling, storage and sample preparation procedures for X ray fluorescence analysis of environmental materials. *IAEA-TECDOC-950. IAEA*, Vienna.
19. *Kicinska, Alicja. 2021. In Environment Geochemical Health* 43, 2723–2741.
20. Mantler, Michael and Manfred, Schreiner. 2000. In *X-Ray Spectrometry* 29, 3–17.
21. Min, Yao, Dongyue, Wang, Min, Zhao. 2015. *Element Analysis Based on Energy-Dispersive X-Ray Fluorescence.* Advances in Materials Science and Engineering, vol. 2015, Article ID 290593, 7 pages. https://doi.org/10.1155/2015/290593
22. Nakanishi, A. 2008. In *Hyperfine Interactions* 186(1-3), 135–139.
23. R. M. Rousseau. 2009. In *The Open Spectroscopy Journal* 3, 31–42.
24. Schramm, Rainer. 2016. *X-Ray Fluorescence Analysis: Practical and Easy*. 2nd edition. Bedburg-Hau, FLUXANA.
25. Scott, RB, Eekelers, K., Degryse, P. 2016. In *Applied Spectroscopy* 70 (1), 94–109.
26. Sheikh, M. R., Acharya, B. S., Gartia, R. K. 2010. In *Indian Journal of Pure & Applied Physics.* Vol. 48, 632–634.
27. Su Kyoung Park, In Cheol Kwon, Su Jeong Lee et al. 2019. In *Journal of Conservation Science.* Vol. 35 (2), 145–152.
28. Theeraporn Chuenpee, Krit Won-In, Surapol Natapintu, Isao Takashima. 2014. In *Journal of Applied Sciences*. 14, 938–943.
29. Tsaimou, C., Petros, E. Tsakiridis, Paschalis, Oustadakis. 2015. In *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*. 15(2), 113–117.
30. Tumiati S., P. Casartelli, A. Mambretti and S. Martin. 2005. In *Archaeometry.* 47, 2, 317–340.
31. Tylecote, R. F. 2002. *A history of metallurgy. Second Edition*. Maney Publishing for the Institute of Materials. London.
32. Vania S.F. Muralha, Thilo Rehren, Robin J.H. Clark. 2011 In *Journal of Raman Spectroscopy.* 42 (12), 2077–2084.
33. Wenk Hans-Rudolf, Rong Yu, Nobumichi Tamura, Duri Bischoff and Walter Hunkeler. 2019. In *Minerals.* 9. 292. 19 p. Doi:10.3390/min9050292 www.mdpi.com/journal/minerals. https://escholarship.org/uc/item/54d0b2nq
34. Young, S.G., J. Valdez, M. Espy, A. Edgar, J. Brett, M. T. Pettes, C. Mathers, M. Barbour, B.M. Patterson. 2023. In *X-Ray Spectrometry,* 1–14.
35. Young, W.Y., Whitmore, F.E. 1957. In *Far Eastern ceramic Bulletin* 9, 1–27.

About the Authors:

Sharonov Iosif A. Candidate of Physical and Mathematical Sciences. Samarkand State University named after Sh.Rashidov. University boul., 15, Samarkand, 140104, Uzbekistan; jsharonov@gmail.com

Alibekov Akbar S. Samarkand State University named after Sh.Rashidov. University boul., 15, Samarkand, 140104, Uzbekistan; akbaralibekov@gmail.com

Reutova Marina A. Candidate of Chemical Sciences. Samarkand Institute of Archaeology named after Ya. Gulyamov; Abdullaeva St., 3, Samarkand, 140061, Uzbekistan; mreutova@gmail.com

Khaidarov Umidjon E. Samarkand State University named after Sh.Rashidov. University boul., 15, Samarkand, 140104, Uzbekistan; xaydarovumid02@gmail.com

Minjee OH. Korea Cultural Heritage Foundation, (06153) 406, Bongeunsa-ro, Gangnam-gu, Seoul, Republic of Korea; minjeestsr93@gmail.com

Статья принята в номер 11.10.2024 г.

Раннесредневековые культуры Степной Евразии: истоки, их влияние на сопредельные территории*

УДК 903.27+7.031.1/3+75.041 https://doi.org/10.24852/pa2025.1.51.112.119

«ТАШТЫКСКИЕ» ГРАВИРОВКИ ФИГУР В ДЛИННОПОЛЫХ ОДЕЖДАХ, СРЕДНЕВЕКОВАЯ КИТАЙСКАЯ КАРТИНА «КОЧЕВНИКИ» И КОНТАКТЫ МОНГОЛОВ С КЫРГЫЗАМИ

© 2025 г. А.В. Варенов

В этой статье перечислены основные идеи, связанные с интерпретацией фигур в длиннополых одеждах (так называемых «сапожков»), выгравированных на Ошкольской писанице и других близлежащих памятниках наскального искусства северной Хакасии. Рассмотрены аргументы С.В. Панковой в пользу их трактовки как манихейских или несторианских жрецов и таштыкского возраста этих изображений. Предпринята попытка найти для рассматриваемых фигур альтернативную интерпретацию и датировку. В качестве иконографически близкой аналогии предложена китайская картина XIII в. «Кочевники», на которой показаны женщины в бокках – головных уборах монгольской знати. Сделан вывод, что на китайском средневековом свитке «Кочевники» изображена свадебная процессия, а наскальные гравировки «сапожков» в Хакасии отражали матримониальные контакты вождей енисейских кыргызов с монгольской знатью.

Ключевые слова: Ошкольская писаница, северная Хакасия, фигуры в длиннополых одеждах, китайская картина «Кочевники», монголо-цзиньские отношения, матримониальные контакты.

Введение

Ошкольская писаница – один из самых интересных памятников наскального искусства северной Хакасии с древними гравировками. Она известна также как «писаница у улуса Подкамень», в литературе существуют и иные наименования. Памятник был впервые открыт и обследован в конце XIX – начале XX вв. экспедицией Й-Р. Аспелина, а потом А.В. Адриановым (Панкова, 2012, с. 76). На плоскости первого первого яруса в числе прочих гравировок присутствуют фигурки-«сапожки» – схематичные изображения людей в длиннополых одеждах (рис. 1). Похожие рисунки имеются и на других плоскостях Ошкольской писаницы, а также на близлежащих памятниках, например, на курганных плитах у деревни Подкамень (рис. 2: 1, 3). Всего, по данным С.В. Панковой, известно более 30 фигур в длиннополых одеяниях и с высокими головными уборами, размещенных на тринадцати скальных плоскостях, все на северо-западе Хакасии, в ограниченном районе радиусом не более 20 км (Панкова, 2013, с. 143).

Наскальные изображения фигур в длиннополых одеждах

Еще Й-Р. Аспелин высказал предположение, что фигуры в длиннополых одеждах изображали жрецов. Эта версия была подхвачена многими более поздними исследователями. Расходились они только во мнениях, жрецы какой именно религии представлены на скалах – манихейства или несторианства. И.Л. Кызласов считал фигуры в длиннополых одеяниях изображениями женщин – так называемых «дипломатических невест», привозимых на Енисей посольствами из Китая, что и обусловило специфический внешних облик изображенных (Кызласов, 2001, с. 156). Открытие Чульской писаницы, среди фигур в длиннополых одеждах которой при-

* Материалы VI Международного конгресса археологии евразийских степей.

Рис. 1. Ошкольская писаница. 1 – Ошкольская писаница, плоскость 1, ярус 1, 2 – Ошкольская писаница, плоскость 1, ярус 1 (центр). По: (1 – Панкова, 2012, с. 83, рис. 8; 2 – Панкова, 2012, цветная вклейка, верх).

Fig. 1. Oshkol petroglyphs.

сутствуют явные изображения женщин, послужило веским аргументом в пользу подобного мнения (рис. 2: 4). Публикатор памятника писал о двух молодых принцессах – дипломатических невестах, участвующих в представленной на скале «процессии» (Рыбаков, 2011, с. 100–101).

Практически все исследователи единодушно относили и относят изображения в длиннополых одеждах к таштыкскому времени, как бы ни менялись их представления о хронологии этой культуры. Правда, фигуры в длиннополых одеяниях отсутствуют на найденных в погребениях многочисленных таштыкских миниатюрах, вырезанных на деревянных планках (т. е. «выпадают из известного репертуара таштыкских образов»), а в наскальных гравировках не взаимодействуют явным образом с бесспорно таштыкскими персонажами (Панкова, 2013, с. 143).

В надежде найти дополнительные обоснования таштыкского возраста фигур в длиннополых одеждах С.В. Панкова детально проанализировала связанные с ними реалии. Она рассмотрела аналогии выгравированным на скалах головным уборам и прическам, одеяниям, дополнительным деталям одежды и сопровождающим «долгополых» предметам среди живописи, книжных миниатюр, фресок и погребальных рельефов Китая и Восточного Туркестана (Панкова, 2013, с. 146–155).

Особое внимание было уделено раннесредневековым головным уборам, так называемым *тунтяньгуань*, правда характерным лишь для мужчин-китайцев и в основном императорского ранга. Получилось, что практически все привлеченные исследовательницей для сопоставления изображения соответствуют таштыкскому времени, что создало логическое кольцо, поскольку оказались отобраны лишь параллели с требуемой априорно датой. В этой связи безусловного внимания как аналогия хакасским гравировкам, на наш взгляд, заслуживает средневековая китайская картина «Кочевники» (番骑图 Фаньци ту).

Средневековая китайская картина «Кочевники»

До недавнего времени картина «Кочевники» (番骑圖 *Фаньци ту*) (26,2×143,5 см, шелк, тушь, краски, музей Гугун, Пекин) практически единодушно приписывалась Ху Хуаню 胡环 (Ху Хуаю 胡镶) – этническому киданю (契丹 *цидань*), жившему в национальном государстве Ляо (遼, 916–1125 гг.) в первые десятилетия его существования, то есть, согласно традиционной китайской хронологии, в эпоху Пяти династий (907–960 гг. н. э.) (Чжунго жэньу, 2004 с. 56; Чжунго лидай, 2004, с. 520). Даты X в. для картины «Кочевники» придерживались и такие отечественные исследователи монгольского костюма, как М.В. Горелик и Н.В. Хрипунов, которые привлекали ее в качестве

Рис. 2. Фигуры в длиннополых одеждах и картина «Кочевники». 1, 3 – рисунки на плитах курганов близ улуса Подкамень, 2 – фрагмент картины «Кочевники», 4 – Чульская писаница. (По: 1, 3 – Панкова, 2013, с. 142, рис. 32, 1, 2; 2 – Варенов, Пан, 2022, с. 24, рис. 1, 1; 4 – Рыбаков, 2011, с. 100, рис. 1).

Fig. 2. Figures in long robes and “Nomads” painting (“Fanqi tu”).

важного изобразительного источника (Горелик, 2009; Хрипунов, 2012).

Однако около 15 лет тому назад известный историк искусства профессор Сюй Банда (徐邦达, 1911–2012 гг.) обратил внимание, что на картине изображены женщины в характерных для монгольского времени головных уборах – *бокках* и, следовательно, она не могла быть создана ранее частичного (первая половина XIII в.) или полного (эпоха Юань, 1279–1368 гг.) завоевания Китая монголами (Сюй Банда). Проведенное нами независимое исследование, не учитывающее присутствие на персонажах *бокк* и их датировку, также показало, что картина «Кочевники» не может принадлежать кисти художника Ху Хуаня (Ху Хуая), жившего в конце IX – начале X века. Она создана гораздо позже и должна датироваться серединой XIII века (Варенов, Пан, 2022, с. 38–39).

Впервые о Ху Хуане сказано в знаменитом трактате по истории китайской живописи «Записки о живописи: что видел и слышал» (圖畫見聞誌*Тухуа цзянь вэнь чжи*) Го Жосюя (郭若虛, XI в.). Относя его к мастерам фигуративной живописи (*жэньу хуа* 人物畫) конца эпохи Тан (618–907 гг. н. э.), Го Жосюй пишет следующее: «Ху Хуай, родом из Фаньяна. Писал чужеземных лошадей. Хотя его искусство излишне богато деталями, но кисть ясна и сильна. Что до изображений хижин под небом, различной утвари, стрельбы на охоте, одушевленных и неодушевленных предметов, то во всем он (проникал) в самую суть необычного. При изображении грив и хвостов верблюдов и лошадей, одежд людей и шкур животных он привязывал к кисти волчью шерсть и брызгал тушью, чтобы передать их тонкость и силу» (Го Жо-сюй, 1978, с. 43).

На картине «Фаньци ту» нет подписи или печати автора (Фаньциту). Одной из причин ее отнесения к творчеству Ху Хуаня послужило, возможно, введение в живописную композицию рисунков верблюдов и лошадей в технике, отвечающей ее характеристике, данной Го Жосюем (Чжунго мэйшу, 1984, рис. 56, с. 110–112; Чжунго жэньу, 2004, с. 56; Чжунго лидай, 2004, с. 520–521).

Показано девять фигур, движущихся справа налево, т. е. от начала свитка в его глубину. Впереди процессии верхом едут двое мужчин, отворачивающих лица от встречного ветра (рис. 3: 1). За ними пешком идут две женщины, кутающиеся в длинные, свободно волочащиеся по земле одеяния, из-под которых едва выглядывают концы их остроносой обуви. На женщинах высокие головные уборы с красным верхом, их лица почти до самых глаз закрыты белыми матерчатыми повязками. Младшая из женщин ведет нагруженную поклажей верблюдицу, за матерью следует маленький верблюжонок (рис. 3: 2).

Рис. 3. Картина «Кочевники» («Фаньци ту»). 1 – фрагмент (левая часть); 2 – фрагмент (центр); 3 – фрагмент (правая часть). По: (Чжунго мэйшу, 1984, рис. 56. с. 109).

Fig. 3. “Nomads” painting (“Fanqi tu”).

Мы считаем эту женщину младшей по возрасту и, видимо, по статусу. У нее, в отличие от спутницы, яркий румянец во всю щеку и красного цвета лишь являющаяся частью бокки наплечная накидка, а не вся одежда. На одном уровне с верблюжонком движется спешившийся всадник, ведущий в поводу своего коня. Замыкает процессию мужчина в шапке с красным верхом, едущий на белой лошади, с уздечки которой свисает красная кисть как символ его знатности (рис. 3: 3). Между верблюдицей с поклажей и замыкающим всадником в верхней части изобразительного поля свитка помещено собственноручно написанное цинским императором Цяньлуном стихотворение с оценкой картины (Варенов, Пан, 2022, с. 24–25).

Вот как описывал М.В. Горелик монгольский женский костюм, представленный на этом свитке: «На картине неизвестного китайского художника начала X в., изображающей зимнюю перекочевку монголов, мы видим зимний наряд монголки: халат подпоясан, нижняя часть лица закрыта белым платком, на головной – «национально-монгольский» убор – бохтог (европейцы называли его «бокка», китайцы, – «гугу» или «гугугуань») надет войлочный или фетровый, в общем толстый и плотный чехол с черным козырьком и несколькими завязками сзади, а покрывало, прикрепленное сзади к круглой шапочке, составлявшей основу бохтога, не свисает, как обычно назад и не наброшено на плечи, а сколото под горлом, так что монгольская матрона предстает тщательно укутанной, закрытой, прежде всего от ветра» (Горелик, 2009, с. 458) (рис. 2: 2).

О бокках и свадьбах

О бокках пишут многие европейские, ближневосточные и китайские путешественники, посещавшие в XIII–XIV вв. Монгольскую империю и образовавшиеся после ее распада государства. Синхронные этим описаниям изображения монгольских женских головных уборов происходят преимущественно из Ирана и из Китая, на золотоордынских территориях их нет (Макласова, 2019). Зато археологические находки остатков бокк в XX в. попадались только в золотоордынских погребениях (Мыськов, 1995). Исключения очень немногочисленны. Первые археологические остатки бокки с территории Китая опубликованы только самом начале XXI в. (Су Дун, 2001).

Что касается времени, когда существовал обычай носить *бокки*, то, по мнению китайских исследователей, самое раннее упоминание этого головного убора встречается в «Тайной истории Монголов» («Сокровенном сказании») в рассказе о том, как овдовевшая в 1170 г. мать будущего

Чингисхана пыталась выжить и добыть еду себе и детям. Одно из самых поздних упоминаний *бокки* есть в книге «Обычаи северных варваров» (北虏风俗 *Бэйлу фэнсу*), составленной при империи Мин в год *цзя-у* правления под девизом Ваньли (万历, 1594 г.), где отмечается, что жены знатных монголов носят длинное красное платье и высокую шляпу. Далее там же сообщается, что *бокку* надевает девушка, выходящая замуж (Гугугуань).

Таким образом, фигуры на картине «Кочевники» можно расценивать как изображение свадебной процессии. И у новобрачной с этого полотна был реальный прообраз. Речь идет о чжурчжэньской принцессе княжества Ци (岐国公主 *Циго гунчжу*, точные даты рождения и смерти неизвестны), четвертой дочери седьмого цзиньского императора Вэй-шао-вана (卫绍王, правл. 1208–1213 гг., личные имена Ваньянь Юнцзи 完颜永济 и Ваньянь Синшэн 完颜兴胜, 1168–1213 гг.) (Воробьев, 1983, с. 110). Незадолго до его воцарения, в 1206 г. монгольский вождь Темуджин был провозглашен Чингисханом. В 1211 г. он начал войну против Цзинь. На первых порах чжурчжэни успешно обороняли города, но терпели поражение в поле (Ваньянь Юнцзи).

В 1211 г. Ваньянь Юнцзи разжаловал военачальника Хушаху (胡沙虎), отвечавшего за оборону Западной столицы чжурчжэней (совр. Датун), но бросившего город на произвол судьбы. Через год, в 1213 г., Ваньянь Юнцзи простил Хушаху и призвал его для обороны Средней столицы (Яньцзин, совр. Пекин), где находился императорский двор. Хушаху и там пренебрегал своими обязанностями. Когда в августе 1213 г. Ваньянь Юнцзи попытался урезонить Хушаху, тот поднял мятеж, захватил столицу и сверг императора с престола, вскоре отравив его. В сентябре 1213 г. Хушаху сделал новым императором Сюань-цзуна (宣宗, правл. 1213–1224 гг., личное имя Ваньянь Сюнь 完顏珣, 1163–1224 гг.) и потребовал разжаловать предшественника в простолюдины. Но через месяц Хушаху был убит, а в 1216 г. Сюань-цзун посмертно реабилитировал Ваньянь Юнцзи с титулом Вэй-шао-вана (каковым тот обладал до вступления на престол) (История золотой империи, 1998, с. 196–200).

Новый цзиньский правитель вступил с монголами в переговоры о мире, и в марте 1214 г. соглашение было подписано. Одним из условий снятия осады оказалось предоставление Чингисхану невесты из рода чжурчжэньских императоров. На тот момент среди дочерей действующего и бывших цзиньских императоров имелось семь незамужних девушек. Выбор пал на принцессу Ци, дочь убитого незадолго до того Ваньянь Юнцзи (Вэй-шао-вана). Принцесса согласилась поехать на север к монголам ради спасения родины (Циго гунчжу).

В качестве сопровождающих ей выделили десять офицеров и сто солдат, а как подарки при заключении мира – пятьсот юношей и девушек, три тысячи комплектов вышитых одежд, три тысячи лошадей, много золота и серебра, драгоценные нефриты. Мать девушки, дама Циньшэн из рода Юань (钦圣夫人袁氏 *Циньшэн фужэнь Юань ши*), также сопровождала ее в Монголию. Циньшэн – титул наложницы пятого ранга в империи Цзинь (Циньшэн фужэнь). Монголы называли новую ханшу «принцесса-императрица» (公主皇后 *гунчжу хуан-хоу*). Чингисхан относился к ней очень хорошо, а поскольку принцесса была из знатной семьи, специально создал для нее четвертый ордо (дворец). Детей у принцессы Ци не было, но она прожила долгую жизнь. Когда Великим ханом стал Ариг-Буга (1219–1266 гг., правл. 1259–1264 гг.), она была еще жива (Циго гунчжу).

Надо сказать, что новообретенное родство с Чингисханом цзиньскому Сюань-цзуну не очень помогло. По-

сле отступления монголов от Средней столицы он решил перенести свой двор в Южную столицу (Бяньцзин, совр. Кайфэн). Чингисхан посчитал это нарушением соглашения и, используя сдавшиеся ему чжурчжэньские отряды, вновь окружил и в 1215 г. взял Яньцзин (Воробьев, 1975, с. 124).

Известная нам история замужества принцессы Ци и данные о ее жизни у монголов позволяют предположить, что картина «Кочевники» могла быть написана по ее заказу в середине XIII в. и изображать ее собственную свадебную процессию. Выходящая замуж девушка – это принцесса Ци, которая идет рядом со своей матерью, дамой Циньшэн, сопровождающей ее в Монголию. Принцесса ведет в поводу верблюдицу, нагруженную приданым. Таким образом, вероятно, символически представлены «подарки» (одним из них была и сама новобрачная), которыми цзиньский Сюань-цзун заплатил за снятие осады со своей столицы.

Невеста еще не облачилась в полный женский наряд (красного цвета у нее лишь являющаяся частью бокки наплечная накидка, а не все платье), поскольку реально свадьба состоялась уже на территории Монголии. Мать и дочь показаны в одеждах жен монгольской знати, видимо, с учетом их текущего на момент создания картины статуса. Замыкающий процессию мужчина в шапке с красным верхом, с узды коня которого свисает красная кисть (также являющаяся символом знатности), может быть либо монгольским послом, либо самим будущим мужем принцессы – Чингисханом.

Заключение

Все сказанное выше позволяет предположить, что концентрация наскальных гравировок фигур в длиннополых одеждах в междуречье Белого и Черного Июсов могла отражать матримониальные контакты монгольской знати (в том числе и западномонгольской, т. е. джунгаров) с представителями политического центра енисейских кыргызов, который располагался в указанном районе вплоть до XVII в. (Панкова, 2002, с. 139).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Варенов А.В., Пан Т.А.* Средневековая китайская картина «Кочевники» и проблема ее атрибуции // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 4. С. 21–41. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-21-41
2. *Воробьев М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь (X в.–1234 г.). М.: Наука, 1975. 448 с.
3. *Воробьев М.В.* Культура чжурчжэней и государства Цзинь. М.: Наука, 1983. 368 с.
4. *Го Жо-сюй.* Записки о живописи: Что видел и слышал. М.: Наука, 1978. 240 с.
5. *Горелик М.В.* Монгольский костюм и оружие в XIII–XIV веках: традиции имперской культуры // Золотоордынское наследие. Материалы международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.). Казань, 17 марта 2009 года» / Отв. ред. И.М. Миргалиев. Казань: Фэн, 2009. С. 450–462.
6. История Золотой империи / Пер. Г.М. Розова, коммент. А.Г. Малявкина / Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. 288 с.
7. *Кызласов И.Л.* О свадебном наряде средневековых хакасок // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). Т. 1 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский историко-краеведческий музей, 2001. С. 152–168.
8. *Макласова Л.Э.* Проблема понимания форм «боктаг» в различных источниках XIII – нач. XV в. // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16-21 сентября 2019 г.). В 2-х кн. Кн. 1 / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 222–226.
9. *Мыськов Е.П.* О некоторых типах головных уборов населения Золотой орды // РА. 1995. № 2. С. 36–43.
10. *Панкова С.В.* К интерпретации загадочных фигур из Хакасии // История и культура Востока Азии. Т. 2 / Отв. ред. С.В. Алкин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. С. 135–140.
11. *Панкова С.В.* Ошкольская писаница в Хакасии // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. Труды САИПИ. Вып. IX / Отв. ред. О.С. Советова, Г.Г. Король. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. С. 76–96.

12. Панкова С.В. Изображения на курганных плитах у д. Подкамень на севере Хакасии // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1 (5). Серия: Археология. Вып. 1. С. 125–158.
13. Рыбаков Н.И. Отдельная манихейская миссия на Июсы // Наскальное искусство в современном обществе. Т. 2 / Труды САИПИ. Вып. VIII / Сост. Л.Н. Ермоленко, О.С. Советова, Е.А. Миклашевич, А.Н. Мухарева, А.Е. Рогожинский, В.Ф. Чирков. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 100–109.
14. *Хрипунов Н.В.* Одежда знати Великой империи монголов в 1207–1266 гг. // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5 / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фолиант; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 363–393.
15. Ваньянь Юнцзи. URL: https://baike.baidu.com/item/完颜永济/6891441 (Дата обращения 21.01.2024) (на кит.яз.)
16. Гугугуань (бокка). URL: https://baike.baidu.com/item/罟罟冠/1086739 (Дата обращения 21.01.2024) (на кит.яз.)
17. Су Дун. И цзянь Юаньдай гугугуань (苏东。一件元代姑姑冠) Бокка эпохи Юань // Нэймэнгу вэньу каогу. 2001. № 2. С. 99–100 (на кит. яз.)
18. Сюй Банда. URL: https://baike.baidu.com/item/徐邦达/1070459 (Дата обращения 21.01.2024) (на кит.яз.)
19. Фаньциту. URL: https://baike.baidu.com/item/番骑图/22909789 (Дата обращения 21.01.2024) (на кит.яз.)
20. Цигo гунчжу. URL: https://baike.baidu.com/item/岐国公主/5164307 (Дата обращения 21.01.2024) (на кит.яз.)
21. Циньшэн фужэнь. URL: https://baike.baidu.com/item/钦圣夫人/15650133 (Дата обращения 21.01.2024) (на кит.яз.)
22. Чжунго жэньу хуа минцзо цзяньшан (中国人物画名作鉴赏。张弘主编) Собрание шедевров китайской фигуративной живописи / Отв. ред. Чжан Хун. Пекин: Юаньфан чубаньшэ, 2004. 242 с. (на кит. яз.)
23. Чжунго лидай минхуа цзяньшан (中国历代名画鉴赏。蒋文光主编). Собрание известных китайских картин прошлого / Отв. ред. Цзян Вэньгуан. Пекин: Цзиньдунь чубаньшэ, 2004. 2546 с. (на кит. яз.)
24. Чжунго мэйшу цюаньцзи. Хуйхуапянь 2. (中国美术全集。绘画编 2。隋唐五代绘画。金維諾主编). Полное собрание китайского изобразительного искусства. Живопись. Т. 2. Суй, Тан, Пять династий / Отв. ред. Цзинь Вэйно. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1984. 30 + 50 с., 179 л. цв. илл. (на кит. яз.)

Информация об авторе:

Варенов Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск, Россия); avvarenov@mail.ru Scopus Author ID 57189442974, WoS Researcher ID IST-6876-2023, RSCI Author ID 556744, SPIN 3690-2300

"TASHTYK" CARVINGS OF FIGURES IN LONG ROBES, MEDIEVAL CHINESE PAINTING "NOMADS" AND MONGOL-KYRGYZ CONTACTS

A.V. Varenov

This article lists the main interpretations of figures in long robes (so-called "boots") engraved on the planes of the Oshkolskaya Pisanitsa and other neighboring rock carvings of Northern Khakassia. S.V. Pankova's arguments in favor of their interpretation as Manichaean or Nestorian priests and attribution to the time of Tashtyk culture are considered. The author presents alternative interpretation and dating of figures in long robes. A Chinese painting of the XIII century "Nomads", depicting two women in boqtag – traditional headdress of Mongol nobles, is proposed as an iconographic close analogy to Khakas rock art "boots". The author suggests that the Chinese medieval scroll "Nomads" depicts a Mongolian wedding procession and rock engravings of figures in long robes in Khakassia reflected matrimonial contacts of Yenisei Kyrgyz leadership with Mongol nobles.

Keywords: Oshkol petroglyphs, Northern Khakassia, figures in long robes, Chinese painting "Nomads", Mongol-Jin relationship, matrimonial contacts.

REFERENCES

1. Varenov, A. V., Pan, T. A. 2022. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 21 (4), 21–41 (in Russian).
2. Vorob'ev, M. V. 1975. *Chzhurchzheni i gosudarstvo Tszin' (X v.–1234 g.). (The Jurchens and the Jin State (10th c. – 1234))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
3. Vorob'ev, M. V. 1983. *Kul'tura chzhurchzheney i gosudarstva Tszin' (Culture of the Jurchens and the Jin State)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

4. Go Zho-syuy. 1978. *Zapiski o zhivopisi: Chto videl i slyshal (Notes on painting: What I saw and heard).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
5. Gorelik, M. V. 2009. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Politicheskaia i sotsial'no-ekonomicheskaia istoriia Zolotoi Ordy (XIII–XV vv.)». 17 marta 2009 g (Heritage of the Golden Horde. Proceedings of the International Scientific Conference “Political and Social-Economic History of the Golden Horde (13th – 15th cc.).” March 17, 2009.)* 1. Kazan: “Fan” Publ., 450–462 (in Russian).
6. In Larichev, V. E. (ed.). 1998. *Istoriya Zolotoy imperii (The History of the Golden Empire)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography Publ. (in Russian).
7. Kyzlasov, I. L. 2001. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletiia n.e. (iz istorii kostiuma) (The Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (from the History of Costume))* 2. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 152–168 (in Russian).
8. Maklasova, L. E. 2019. In Bazarov, B. V., Kradin, N. N. (eds.). *Kochevye imperii Evrazii v svete arkheologicheskikh i mezhdistsiplinarnykh issledovaniy. V 2 kn. Kn. 1 (Nomadic Empires of Eurasia in Archaeological and Interdisciplinary Studies). In two wolumes. Vol. 2.* Ulan-Ude: Buryatia Scientific Science Center SB RAS Publ., 222–226 (in Russian).
9. Mys'kov, E. P. 1995. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 36–43 (in Russian).
10. Pankova, S. V. 2002. In Alkin, S. V. (ed.). *Istoriya i kul'tura Vostoka Azii (History and culture of the East of Asia).* Vol. 2. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography, 135–140 (in Russian).
11. Pankova, S. V. 2012. In Sovetova, O. S., Korol, G. G. (ed.). *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii v iskusstve Severnoi i Tsentral'noi Azii (Iconographic and Technological Traditions in the Art of North and Central Asia).* Moscow, Kemerovo: “Kuzbassvuzizdat” Publ., 76–96 (in Russian).
12. Pankova, S. V. 2013. In *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya (Scientific review of Sayano-Altai)* 1(5), 125–158 (in Russian).
13. Rybakov, N. I. 2011. In Ermolenko. L. N. et al (comp.). *Naskal'noe iskusstvo v sovremennom obshchestve (Rock art in modern society)* 2. Series: Proceedings of the Siberian Association of Researchers of Prehistoric Art VIII. Kemerovo: “Kuzbassvuzizdat” Publ., 100–109 (in Russian).
14. Khripunov, N. V. 2012. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (The Golden Horde Civilization)* 5. Kazan: “Foliant” Publ.; Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 363–393 (in Russian).
15. Van'yan' Yuntszi. URL: https://baike.baidu.com/item/完颜永济/6891441 (accessed 21.01.2024) (in Chinese).
16. Guguguan' (bokka). URL: https://baike.baidu.com/item/罟罟冠/1086739 (accessed 21.01.2024) (in Chinese).
17. Su Dun. 2001. In *Neymengu ven'u kaogu* 2, 99–100 (in Chinese).
18. Syuy Banda. URL: https://baike.baidu.com/item/徐邦达/1070459 (accessed 21.01.2024) (in Chinese).
19. Fan'tsitu. URL: https://baike.baidu.com/item/番骑图/22909789 (accessed 21.01.2024) (in Chinese).
20. Tsigo gunchzhu. URL: https://baike.baidu.com/item/岐国公主/5164307 accessed 21.01.2024) (in Chinese).
21. Tsin'shen fuzhen'. URL: https://baike.baidu.com/item/钦圣夫人/15650133 (accessed 21.01.2024) (in Chinese).
22. In Chzhan Khun (ed.). 2004. *Chzhungo zhen'u khua mintszo tszyan'shan (*中国人物画名作鉴赏。张弘主编*) Sobranie shedevrov kitayskoy figurativnoy zhivopisi (Collection of masterpieces of Chinese figurative painting).* Pekin: “Yuan'fan chuban'she” Publ. (in Chinese).
23. In Tszyan Ven'guan (ed.). 2004. *Chzhungo liday minkhua tszyan'shan (*中国历代名画鉴赏。蒋文光主编*). Sobranie izvestnykh kitayskikh kartin proshlogo (A collection of famous Chinese paintings of the past).* Pekin: “Tszin'dun' chuban'she” Publ. (in Chinese).
24. In Tszin' Veyno. 1984. *Chzhungo meyshu tsyuan'tszi. Khuykhuapyan' 2. (*中国美术全集。绘画编 2。隋唐五代绘画。金維諾主编*). Polnoe sobranie kitayskogo izobrazitel'nogo iskusstva. Zhivopis'. T. 2. Suy, Tan, Pyat' dinastiy (The complete collection of Chinese fine art. Painting. Vol. 2. Sui, Tang, Five Dynasties).* Pekin: “Ven'u chuban'she” Publ. (in Chinese).

About the Author:

Varenov Andrey V. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Novosibirsk State University, Pirogov St. 1, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; avvarenov@mail.ru Scopus Author ID 57189442974 WoS Researcher ID IST-6876-2023 RSCI Author ID 556744 SPIN 3690-2300

Статья принята в номер 08.07.2024 г.

УДК 903.2 (571.15):902 https://doi.org/10.24852/pa2025.1.51.120.127

О ГЕНЕЗИСЕ АЛТАЙСКОГО ВАРИАНТА КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2025 г. А.А. Казаков

В работе рассмотрены основные сложности в изучении кулайских материалов, выделены универсалии, характерные для формирования локальных вариантов кулайской культуры в различных регионах. На основе анализа имеющихся источников выделен один из этапов, который является началом культурогенетических процессов, приведших к формированию алтайского варианта кулайской культуры. Охарактеризован керамический комплекс этого этапа, получившего название «бочанцевский» по наиболее яркому памятнику. На основании инвентарного комплекса одного из наиболее ранних кулайских памятников (Чудацкая гора) предложены хронологические границы его существования: конец III – II вв. до н. э. Кратко охарактеризованы процессы, которые подтверждают выделенные универсалии, охарактеризованы региональные особенности культрогенеза.

Ключевые слова: археология, кулайская культура, локальный вариант, универсалия, культурогенез, керамика, поселения, этап, региональные особенности.

Кулайская культура является одной из наиболее известных в археологии Западной Сибири. Практически все исследователи, занимающиеся древней историей региона, так или иначе касались этого культурно-исторического феномена. Объясняется это рядом факторов, среди которых можно выделить ее промежуточное положение между двумя стадиальными периодами истории – эпохой раннего железного века и ранним Средневековьем, и огромным регионом распространения памятников этой культуры, охватывающим практически всю Западную Сибирь: от Обской губы на севере до лесостепного Алтая и Кузнецкой котловины на юге (Троицкая, 1979, с. 44; Чиндина, 1984, с. 123; Ширин, 2003).

Эти особенности объясняют сложности изучения этого культурного образования. Широкие хронологические и территориальные рамки делают комплексное осмысление имеющегося материала крайне трудной задачей. Поэтому кулайская культура неравномерно изучена в различных регионах, т. к. этой проблемой занимаются различные ученые в рамках определенного региона, не охватывающего всей кулайской ойкумены. Как правило, этот регион ограничен существующими в настоящее время административными границами. Это создает еще одну трудность, а именно накладывает субъективный отпечаток на выводы исследователей, которые пользуются различными методологическими приемами, базирующимися на различных методологических основаниях, что порой делает сравнение полученных результатов некорректным. Это же создает и определенную терминологическую путаницу, когда у исследователей отсутствует единый универсальный понятийный аппарат. Широкие хронологические рамки также обуславливают исследование отдельных хронологических периодов в развитии кулайской культуры, не охватывающих всего хронологического среза. Именно поэтому в настоящее время пока не существует работы, комплексно осмыслившей этот феномен как на всем хронологическом отрезке его существования, так и во всем регионе распространения (Ширин, 2003; Горбунов, 2015; Чемякин, 2017; Рыбаков, 2016; Елагин, Молодин, 1991; Данченко, 1995; и др.).

Следует отметить и неоднородность кулайской культуры. Учитывая различные региональные особенности, которые накладывали отпечаток на культуру кулайского населения,

выделяется большое количество её локальных вариантов. К основным можно отнести новосибирский вариант кулайской культуры (Троицкая, 1979), сургутский вариант кулайской культуры (Чемякин, 2017), томский локальный вариант кулайской культуры (Плетнева, 1978), кулайская саровская (Данченко, 1995), алтайский вариант кулайской культуры (Казаков, 2022).

Несмотря на наличие большого количества локальных вариантов, «кулайская культура» исследователями трактуется практически однозначно, охватывая всю территориальную и хронологическую широту этого понятия. Учитывая глобальность рассматриваемого культурно-хронологического образования и его неоднородность, ученые, претендующие на комплексное осмысление этого феномена, пытаются ввести в научный оборот более точное, на их взгляд, название, отражающее единство всех выделенных вариантов. Наиболее распространенным среди них является «кулайская культурно-историческая общность». Предложены и достаточно оригинальные обобщающие названия типа «кулайская культурная непрерывность» (Ширин, 2015).

Следует отметить еще одну особенность этой культуры – источниковая база по ее изучению представлена в основном поселенческими комплексами, а потому её основной является керамика. Погребально-поминальных комплексов мало.

Несмотря на отмеченные сложности, можно констатировать, что локальные варианты кулайской культуры изучены достаточно хорошо. Несмотря на ограниченность источниковой базы в появлении и развитии локальных вариантов можно выделить хорошо прослеживающиеся универсалии, которые заключаются в том, что эти локальные варианты появляются в различных регионах посредством миграции носителей культурообразующих признаков в результате смешения мигрантов с населением, проживающим на осваиваемых кулайцами территориях, обогащаясь их культурными традициями. Отсюда и огромное множество различных локальных вариантов кулайской культурно-исторической общности, которые выделяются практически в каждом регионе (Казаков, Казакова, 2016, с. 239–240).

Другими словами, базовый кулайский компонент взаимодействует с местной культурной основой, что приводит к самостоятельному генезису местного варианта кулайской культуры. Следует отметить еще одну закономерность – кулайская культурная основа, привнесенная мигрантами, является доминирующей, а культура населения территории, которую осваивали кулайцы, ассимилировалась ими.

Эта закономерность отмечается Т.Н. Троицкой (Троицкая, 1979, с. 46), Ю.П. Чемякиным (Чемякин, 2017), Л.М. Плетневой (Плетнева, 1977, с. 91), О.С. Шерстобитовой (Шерстобитова, 2015) и другими исследователями. Эту же закономерность можно отметить и для формирования алтайского варианта кулайской культуры (Казаков, 2022).

Несмотря на выделенные закономерности, процессы проникновения кулайского влияния и последующей миграции кулайского населения во всех регионах в деталях были различными. Существование определенных закономерностей не отменяет всего разнообразия и индивидуальности исторических процессов.

Как уже было отмечено, основой, на которой формировались различные варианты кулайской культуры, является кулайский компонент, обогащенный культурными элементами ассимилированного населения. В связи с этим для каждого региона важно

выявить свои, региональные особенности формирования этого варианта. Достаточно часто можно наблюдать, что первичные культурогенетические процессы связаны не с чисто кулайским компонентом, а уже испытавшим воздействие местных культурных составляющих, т. е. в некоторой степени уже культурно трансформированным. В этом плане встает вопрос: что считать чисто кулайским компонентом? Не вдаваясь в поиски истоков кулайской культуры, что является темой отдельного крупного исследования, можно принять за основу этого кулайского компонента культуру населения, мигрировавшего на новые территории и привнесшего новые культурные образцы. Более того, можно говорить, что этим чисто кулайским компонентом в различных регионах считают разные образцы. Если говорить про этот «кулайский компонент», то для лесостепного Алтая таковым считается томский вариант кулайской культуры, в настоящий момент наиболее полно исследованный и описанный Л.А. Чиндиной (Чиндина, 1984).

Таким образом, одним из наиболее важных вопросов, которые необходимо решить при исследовании любого локального варианта кулайской культуры, – это вопрос наиболее ранних проникновений носителей кулайских традиций на новые территории, и определиться с культурной составляющей, в результате взаимодействия с которой и сформировался новый вариант кулайской культуры.

Говоря о региональных особенностях формирования алтайского варианта кулайской культуры следует отметить, что одним из наиболее дискуссионных вопросов является проблема времени появления кулайских материалов на территории лесостепного Алтая, маркирующих первые контакты и, как следствие, начало культурогенетических процессов, приведших впоследствии к формированию локально варианта. Говоря о дискуссионности этого положения, следует отметить, что в настоящее время дискуссии как таковой нет, т. к. большинство исследователей придерживается практически единой точки зрения. Направления исследований идут примерно в одном русле. Данные, полученные различными методами (статистический, технико-технологический, типологический, палеогенетический и т. д.), не противоречат выдвигаемым положениям, по большей мере подтверждая их, а не опровергая. Основные теории вырабатываются коллективным творчеством и принимаются большинством. Дискуссии носят конструктивный характер и касаются прежде всего частных вопросов. Лишь Ю.В. Ширин продолжает настаивать на очень позднем появлении кулайского населения в лесостепном Алтае (Ширин, 2023).

Одним из первых обратил внимание на контакты кулайского населения с представителями лесостепного Алтая Г.Е. Иванов. Исследовав поселение Бочанцево 1, расположенное в зоне ленточных боров Мамонтовского района Алтайского края, он указал на нестандартную керамику, выбивающуюся из комплекса каменской культуры. Им отмечена близость керамики поселения керамическим комплексам второго этапа кулайской культуры Новосибирского Приобья, датируемым I в. до н. э. – I в. н. э. (Иванов, 1991, с. 120).

Появление новых материалов, обработка старых коллекций, позволили достаточно большому количеству исследователей, вслед за Г.Е. Ивановым, говорить о куда более раннем проникновении кулайского населения, чем считалось ранее. Была выделена группа поселений III–II вв. до н. э., сочетающих черты каменской, староалейской и кулайской традиций. Причем это не единичные фрагменты, а достаточно представительные ком-

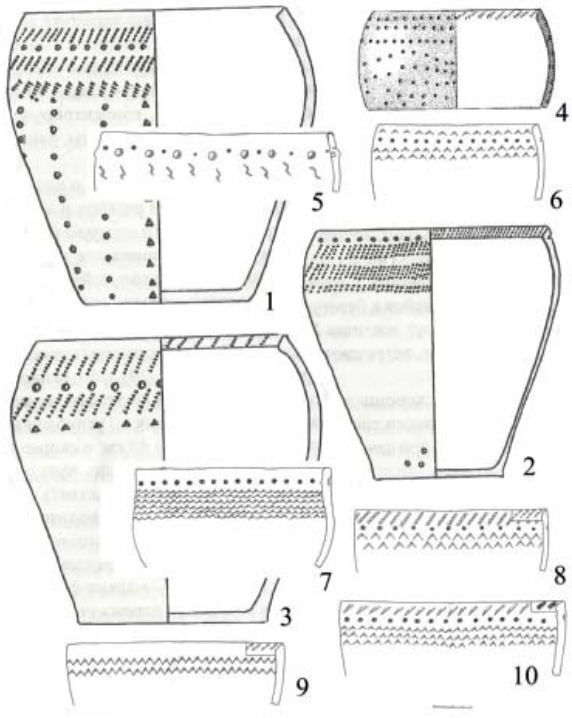


Рис. 1. Керамический комплекс бочанцевского этапа алтайского варианта кулайской культуры (1–3 – Бочанцево 1 (по Иванов, 2000); 4 – Новоалтайское (по Шамшин, 1993; Кунгуров, 2001); 5–10 – Чудацкая гора (из коллекции Государственного Эрмитажа).

Fig. 1. Pottery assemblage of the Bochantsevo stage of the Altai variant of the Kulay culture (1–3 – Bochantsevo 1 (after Ivanov, 2000); 4 – Novoaltaiskoye (after: Shamshin, 1993; Kungurov, 2001); 5–10 – Chudatskaya Gora (from the collection of the State Hermitage).

плексы (Шамшин, Сингаевский, 2007; Абдулганеев, Казаков, 1994; Бородаев, Горбунов, 1993; Григоров, 1998; и др.). Среди этих комплексов выделяются два основных, один из которых представлен керамикой, сходной с керамическим комплексом поселения Бочанцево 1, второй практически идентичен саровскому керамическому комплексу Томского Приобья.

Дальнейшая работа с материалом позволила выделить в керамических комплексах раннего железного века керамику, которая по ряду признаков отличается от достаточно стандартного набора признаков керамики каменской и староалейской культур. К этим признакам относится плоскодонность, баночные или значительно реже переходные к горшочным формы с намечающейся шейкой, плоские срезы венчиков, наличие карнизика на внутренней части венчика, орнаментальные композиции с отпечатками уголка лопаточки в несколько горизонтальных рядов, пусть редкое, но использование жемчужин при орнаментации сосудов. Наличие жемчужин объясняется влиянием традиций орнаментации населения каменской и староалейской археологической культур раннего железного века, на посуде которых этот элемент орнамента является чуть ли не обязательным (рис. 1).

Аналогии этому комплексу находим в памятниках, относимых Т.Н. Троицкой ко второму этапу новосибирского варианта кулайской культуры. Это Дубровинский Борок 3 (Троицкая, 1979, с. 109, табл. XXXIII – 12), Ордынское 9 (Троицкая, 1979, с. 109, табл. XXXIV – 1, 9), Усть-Ирмень (Троицкая, 1979, с. 111, табл. XXXV – 2, 3, 4), Ирмень 1 (Троицкая, 1979, с. 112, табл. XXXVI – 6), который Татьяна Николаевна датировала I в. до н. э. – I в. н. э. (Троицкая, 1979, с. 49, 52, табл. 25). Наиболее значимым процессом, произошедшим на этом этапе, она считала «…слияние в единую культурную основу ранее механически соединенных черт большереченской и кулайской культуры» (Троицкая, 1979, с. 49), т. е. в данном случае можно говорить, что наблюдается не прямое, а опосредованное влияние томского кулайского компонента.

Данные технико-технологического анализа позволяют говорить, что, вероятнее всего, керамика, соотносимая

с бочанцевским этапом алтайского варианта кулайской культуры, оставлена пришлым населением. Можно предположить, что мигранты представляли либо небольшую группу, либо осуществлялись незначительные контакты на уровне брачно-семейных отношений, так как по результатам технико-технологического анализа наблюдается смешение традиций пришлого и местного населения. Об этом свидетельствует использование слабоожелезненных глин, что характерно для кулайской керамики из Томского Приобья (Степанова, Рыбаков, 2019, с. 610; Казаков, Степанова, 2020, с. 117).

Учитывая, что контакты кулайского населения фиксируются и в керамических комплексах, свидетельствующих о достаточно далеко зашедшей ассимиляции местным населением пришельцев, что показывают материалы Чудацкой горы (Абдулганеев, Казаков, 1994, с. 113, рис. 1–6) и Новоалтайского поселения (Шамшин, 1993, с. 72, рис. 1–11), на которых можно наблюдать на каменских и староалейских сосудах элементы кулайской орнаментации, можно говорить о более ранней датировке комплексов бочанцевского этапа, чем были предложены Т.Н. Троицкой. Об этом дополнительно свидетельствуют материалы Чудацкой горы, такие как бронзовый кельт и втульчатый ракетообразный наконечник стрелы, которые по ряду особенностей датируются III–II вв. до н. э. (Абдулганеев, Казаков, 1994, с. 112–114, рис. 1 – 1-3). Кроме этого, о более раннем проникновении кулайского населения на территорию лесостепного Алтая свидетельствуют и материалы Новообинцевского клада (Бородаев, 1987). Таким образом, наиболее обоснованной датой описанного керамического комплекса, получившего название бочанцевского, является конец III–II вв. до н. э.

К бочанцевскому этапу относятся поселения Бочанцево 1, Хмелевка. Аллак 1, Новоалтайское, Раздумье 1а, Усть-Чумышская Пристань 1 (Мостовой), Чудацкая гора, Местонахождения Курейка 6, Урлапово 1а, Урлапово 2, Новообинцевский клад.

Материалы бочанцевского этапа только один раз встретились в однослойном памятнике. Во всех других случаях они соседствуют с керамикой каменской и староалейской культур. Это позволяет говорить о характере взаимодействия пришельцев с местным населением, которое представляло инфильтрацию небольших групп или отдельных носителей с территории Новосибирского Приобья. Ни о каких миграционных потоках пока говорить не приходится. Взаимодействие кулайского населения и местного привели к двум составляющим. Во-первых, местное население познакомилось с пришельцами, во-вторых, не только пришельцы, но и представители культурной среды, выходцами из которой они являлись, так же получили сведения о новой территории и населении, на ней проживающем. Эти сведения, наряду с другими факторами, вероятнее всего, и послужили толчком к массовой миграции на территорию лесостепного Алтая уже саровского населения из Томского Приобья.

Таким образом можно говорить, что генезис алтайского варианта кулайской культуры проходил под влиянием универсальных закономерностей формирования локальных вариантов этой культуры: первые проникновения были связаны с уже подвергшемуся культурной трансформации населением томского варианта кулайской культуры и массовой миграции предшествовал достаточно длительный период инфильтрации кулайцев в культурную среду каменской и староалейской культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдулганеев М.Т., Казаков А.А.* Поселение Чудацкая гора // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье / Отв.ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: АГУ, 1994. С. 111–115.
2. *Бородаев В.Б.* Новообинцевский клад // Антропоморфные изображения / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1987. С. 96–114.
3. *Бородаев В.Б., Горбунов В.В.* Троицк-1 – новое поселение кулайской культуры на левобережье Барнаульского Приобья // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Вып. 4, Ч. 2 / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул, 1993. С. 183–189.
4. *Горбунов В.В.* Памятники кулайской культуры на юге Западной Сибири: вопросы датировки и периодизации // Интеграция археологических и этнографических исследований / Гл. ред. Н.А. Томилов. Барнаул; Омск: Наука, 2015. С. 119–122.
5. *Григоров Е.В.* К вопросу о нижней хронологической границе памятников фоминского типа в Верхнем Приобье (по материалам поселений) // Древние поселения Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Л. Кунгуров. Барнаул: АГУ, 1998. С. 212–213.
6. *Данченко Е.М.* К вопросу о среднеиртышской культуре раннего железного века // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири / Ред. Л.А. Чиндина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 59–62.
7. *Елагин В.С., Молодин В.И.* Бараба в начале I тысячелетия н. э. Новосибирск: Наука, 1991. 126 с.
8. *Иванов Г.Е.* Поселение Бочанцево 1 – памятник кулайской культуры в степном Алтае // Охрана и исследование археологических памятников Алтая / Редкол. А.П. Уманский, М.А. Дёмин, В.Б. Бородаев. Барнаул, 1991. С. 117–121.
9. *Казаков А.А.* Алтайский вариант кулайской археологической культуры // Евразия в энеолите – раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): Материалы международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) / Отв. ред. М.Т. Кашуба, Н.Ю. Смирнов, Е.О. Стоянов, В.Б. Трубникова. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 239–241.
10. *Казаков А.А., Казакова О.М.* О центрах культурогенеза на юге Западной Сибири в первом тысячелетии // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 4 (92). С. 238–243.
11. *Казаков А.А., Степанова Н.Ф.* Керамический комплекс раннего железного века городища Аллак 1 // Известия Алтайского государственного университета. 2020. № 5 (115). С. 113–119.
12. *Рыбаков Д.Ю.* Статистический анализ керамического комплекса городища Тимирязево III и его культурно-хронологический контекст // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 157–161.
13. *Степанова Н.Ф., Рыбаков Д.Ю.* Особенности исходного сырья и формовочных масс древней керамики из Томского и Нарымского Приобья // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXV / Гл. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН 2019. С. 607–613.
14. *Троицкая Т.Н.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 152 с.
15. *Плетнева Л.М.* Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н. э. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1977. 134 с.
16. *Плетнева Л.М.* Томское Приобье в кулайское время // Ранний железный век Западной Сибири / Ред. В.И. Матюшенко. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978. С. 51–58.
17. *Чемякин Ю.П.* Предкулайский этап в раннем железном веке Западной Сибири // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс] / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», 2017. URI: http://elibrary.asu.ru/handle/asu/3896
18. *Чиндина Л.А.* Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 256 с.
19. *Шамшин А.Б.* Новоалтайское поселение // Алтайский сборник. Вып. 17 / Отв. ред. А.Б. Шамшин, А.В. Старцев. Барнаул, 1993. С. 70–82.
20. *Шамшин А.Б., Сингаевский А.Т.* Этнокультурная ситуация на территории Барнаульского Приобья в конце III в. до н. э. – I в. н. э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 5 / Отв. ред.: В.И. Соёнов, В.П. Ойношев. Горно-Алтайск: АКИН, 2007. С. 51–79.
21. *Шерстобитова О.С.* Кулайская культура в Среднем Прииртышье: некоторые вопросы генезиса и взаимодействия // Интеграция археологических и этнографических исследований / Гл. ред. Н.А. Томилов. Барнаул; Омск: Наука, 2015. С. 142–145.
22. *Ширин Ю.В.* Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.
23. *Ширин Ю.В.* Размещение и культурная специфика южных групп памятников кулайской культурной непрерывности // Интеграция археологических и этнографических исследований / Гл. ред. Н.А. Томилов. Барнаул; Омск: Наука, 2015. С. 145–148.

24. Ширин Ю.В. О некоторых взглядах на культурную принадлежность памятников с фигурно-штамповой орнаментацией в Барнаульско-Бийском Приобье // Из Кузнецкой старины. Вып. 10 / Под ред. Ю.В. Ширина. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2023. С. 3–18.

Информация об авторе:

Казаков Александр Альбертович, доктор исторических наук, доцент, профессор. Барнаульский юридический институт МВД России (г. Барнаул, Россия); kaa-2862@mail.ru

ON GENESIS OF ALTAI VARIANT OF KULAY CULTURE

A.A. Kazakov

The article considers the main difficulties in studying the Kulay culture materials, highlights universal characteristics of forming the local variants of this culture in different regions. Based on the analysis of available sources, it identifies one of the stages, which initiated the cultural and genetic processes, leading to the formation of the Altai variant of the Kulay culture. The pottery assembladge of that stage (Bochantsevo) has been characterized by the most impressive monument. Based on the inventory complex of one of the earliest Kulay culture sites (Chudatskaya Gora), the chronological boundaries of its existence have been proposed: the end of III – II centuries BC. The processes that confirm the identified universals have been characterized briefly, as well as the regional features of cultural genesis.

Keywords: archaeology, Kulay culture, local variant, universal, cultural genesis, ceramics, settlements, stage, regional features.

REFERENCES

1. Abdulganeev, M. T., Kazakov, A. A. 1994. In Kiriushin, Yu. F. (ed.). *Paleodemografiia i migratsionnye protsessy v Zapadnoi Sibiri v drevnosti i srednevekov'e (Paleodemography and Migration Processes in Western Siberia in Antiquity and the Middle Ages).* Barnaul: Altai State University Publ., 111–115 (in Russian).
2. Borodaev, V. B. 1987. In Vasil'evskiy, R. S. (ed.). *Antropomorfnye izobrazheniya (Anthropomorphic images).* Novosibirsk: "Nauka" Publ., 96–114 (in Russian).
3. Borodaev, V. B., Gorbunov, V. V. 1993. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Okhrana i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaya (Protection and study of Altai cultural heritage)* 4 (2). Barnaul, 183–189 (in Russian).
4. Gorbunov, V. V. 2015. In Tomilov, N. A. (ed.). *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii (The Integration of Archaeological and Ethnographic Research).* Barnaul; Omsk: "Nauka" Publ., 119–122 (in Russian).
5. Grigorov, E. V. 1998. In Kiryushin, Yu. F., Kungurov, A. L. (eds.). *Drevnie poseleniya Altaya (Ancient settlements of the Altay)*. Barnaul: Altay University Publ., 212–213 (in Russian).
6. Danchenko, E. M. 1995. In Chindina, L. A. (ed.). *Metodika kompleksnykh issledovaniy kul'tur i narodov Zapadnoy Sibiri (Methodology of comprehensive cultural research and economic factors of Siberia)*. Tomsk: Tomsk State University, 59–62 (in Russian).
7. Elagin, V. S., Molodin, V. I. 1991. *Baraba v nachale I tysyacheletiya n. e. (The Baraba at the beginning of the I millennium AD).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
8. Ivanov, G. E. 1991. In Umanskiy, A. P., Demin, M. A., Borodaev, V. B. (eds.). *Okhrana i issledovanie arkheologicheskikh pamyatnikov Altaya (Protection and research of Altai archaeological sites)*. Barnaul, 117–121 (in Russian).
9. Kazakov, A. A. 2022. In Kashuba, M. T., Smirnov, N. Y., Stoyanov, E. O., Trubnikova, V. B. (eds.). *Evraziya v eneolite – rannem srednevekov'e (innovatsii, kontakty, translyatsii idey i tekhnologiy) (Eurasia from the Aeneolithic (Chalcolithic) Era to the Early Middle Ages (Innovations, Contacts, Transmission of Ideas and Technologies)).* Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 239–241 (in Russian).
10. Kazakov, A. A., Kazakova, O. M. 2016. In *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta (Izvestiya of Altai State University)* 4 (92). Barnaul: Altai State University, 238–243 (in Russian).
11. Kazakov, A. A., Stepanova, N. F. 2020. In *Izvestiya Altayskogo Gosudarstvennogo universiteta (istoricheskie nauki i arkheologiya) (Izvestiya of Altai State University)* 5 (115), 113–119 (in Russian).
12. Rybakov, D. Yu. 2016. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia (Bulletin of the Tomsk State University: History)* 4 (42), 157–161 (in Russian).
13. Stepanova, N. F., Rybakov, D. Yu. 2019. In Derevyanko, A. P. (ed.). *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy (Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories)* XXV. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 607–613 (in Russian).
14. Troitskaya, T. N. 1979. *Kulayskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e (Kulayka Culture in the Novosibirsk Ob Region).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
15. Pletneva, L. M. 1977. *Tomskoe Priob'e v kontse VIII–III vv. do n. e. (Tomsk Ob region at the end of the VIII–III centuries BC).* Tomsk: Tomsk State University Publ. (in Russian).

16. Pletneva, L. M. 1978. In Matyushenko, V. I. (ed.). *Ranniy zheleznyy vek Zapadnoy Sibiri (Early Iron Age of Western Siberia).* Tomsk: Tomsk State University Publ., 51–58 (in Russian).
17. Chemyakin, Yu. P. 2017. In Derevyanko, A. P., Tishkin, A. A. (eds.). *V (XXI) Vserossiyskiy arkheologicheskiy s"ezd. Sbornik nauchnykh trudov [Elektronniy resurs] (V (XXI) All-Russian Archaeological Congress [Electronic Resource]).* Barnaul: Altai State University (in Russian). http://elibrary.asu.ru/handle/asu/3896
18. Chindina, L. A. 1984. *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza. Kulayskaya kul'tura (Ancient History of the Middle Ob River Basin in the Iron Age. The Kulayka Culture).* Tomsk: Tomsk State University (in Russian).
19. Shamshin, A. B. 1993. In Shamshin, A. B., Startsev, A. V. *Altayskiy sbornik (Altai collection)* 17. Barnaul, 70–82 (in Russian).
20. Shamshin, A. B., Singaevskiy, A. T. 2007. In Soenov, V. I., Oynoshev, V. P. I*zuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoy Sibiri (Study of the Historical and Cultural Heritage of the peoples of Southern Siberia)* 5. Gorno-Altaisk: "AKIN" Publ., 51–79 (in Russian).
21. Sherstobitova, O. S. 2015. In Tomilov, N. A. (ed.). *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies).* Barnaul; Omsk: "Nauka" Publ., 142–145 (in Russian).
22. Shirin, Yu. V. 2003. *Verkhnee Priob'e i predgor'ya Kuznetskogo Alatau v nachale I tysyacheletiya n. e. (pogrebal'nye pamyatniki fominskoy kul'tury) (The Upper Ob Region and the Foothills of the Kuznetsk Alatau in the Early 1st Millennium A.D. (Burial Monuments of Fominskaya Culture)).* Novokuznetsk: "Kuznetskaya krepost'" Publ. (in Russian).
23. Shirin, Yu. V. 2015. In Tomilov, N. A. (ed.). *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies).* Barnaul; Omsk: "Nauka" Publ., 145–148 (in Russian).
24. Shirin, Yu. V. 2023. In Shirin, Yu. V. (ed.). *Iz Kuznetskoy stariny (From Kuznetsk antique)* 10. Novokuznetsk: "Kuznetskaya krepost'" Publ., 3–18 (in Russian).

About the Author:

Kazakov Alexander A. Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor. Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Chkalova str., 49, Barnaul, 656038, Russian Federation; kaa-2862@mail.ru

Статья принята в номер 22.07.2024 г.

УДК 903 https://doi.org/10.24852/pa2025.1.51.128.141

ОГУЗСКИЙ ФОРПОСТ ЖЕЗДЫ НА СЕВЕРНЫХ ЧИНКАХ УСТЮРТА: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2025 г. Г.А. Ахатов, А.А. Бисембаев, А.И. Хаванский

В статье рассматриваются предварительные итоги изучения интересного памятника – небольшого городища огузского времени Жезды, расположенного на севере Устюрта. Территория столового плато отличается суровыми природно-географическими условиями. Выделено три периода жизни людей в данном месте. Первый относится к бронзовому веку, когда существовало поселение, одновременное Токсанбаю. Второй период – гунно-сарматское время – отмечен погребальными комплексами и находками керамики. Максимального расцвета поселение достигло в период государства огузских джабгу, политический центр которых в период IX–XI вв. находился южнее Аральского моря в Жанкенте. Об этом свидетельствует культурный слой, заполненный керамикой IX–XI вв. н. э. На городище были исследованы часть стены и три жилища с суфой, теплым полом и остатком тандыра. Полностью изучено центральное жилище со сложной архитектурой постройки, стрельчатым входом и опорами, державшими купольный потолок. В южной части крепости расчищено жилище, которое имело суфу-кан рядом с очагом у западной стены, длинный коридор-вход с севера и еще один очаг у восточной стены. Культурный слой городища содержал большое количество керамики и костей животных, среди которых преобладающими являются кости сайги. На Устюрте, на северных рубежах, содержались небольшие мобильные военные гарнизоны, предназначенные для охраны караванных путей и границ. Исследование крепости Жезды позволяет проследить формирование и функционирование государственных образований раннего и развитого Средневековья Западного Казахстана.

Ключевые слова: археология, Огузы, Жезды, Устюрт, городище, раннее Средневековье, фортификация.

История Огузского государства, предваряющая доминирование кыпчаков в степях Казахстана, является важнейшей вехой формирования казахского народа, отраженной в широком пласте устного народного творчества («Книга моего деда Коркута»), объединяющем многие тюркоязычные народы. Период раннего и развитого Средневековья, вторая половина I – начало II тыс. н. э., Западного Казахстана представляет собой яркий и неординарный, но слабо изученный хронологический отрезок в истории и культуре. Это время формирования современных тюркоязычных народов, сыгравшее особую роль в истории Казахстана, на территории которого функционировала специфическая культурно-хозяйственная система – номадизм. Блок письменных источников не позволяет полностью проследить динамику исторического процесса, дать всесторонний анализ культурно-исторических изменений в среде кочевых объединений. Возможность создания объективных исторических построений и реконструкций заключается в комплексном использовании письменных и археологических источников. Начиная с 2019 года в Актюбинской области проводятся археологические исследования в рамках программы, предложенной Институтом археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, в которой исследовалась тема «Город-ставка Жезды на Донызтау – уникальный памятник государства огузов». В 2019–2021 гг. проводилось изучение средневекового городища Жезды, расположенного на северных чинках (обрывистые труднодоступные уступы (обрывы) высотой до 350 м, ограничивающие приподнятые плоские участки земной поверхности) Устюрта в 60 км южнее от пос. Дияр Байганинского района Актюбинской области. Целью проек-

та является изучение городища Жезды и его округи как древнего и средневекового культурного центра Северного Приаралья.

Периоды раннего и развитого Средневековья, связанные с началом тюркского господства в степной зоне Евразии, далее с существованием аваро-булгарских племен в Западном Казахстане, переходом доминирования в регионе к печенегам, а затем к огузам, начало кыпчакского господства, вторжение монголов и период Золотой Орды, вплоть до образования Казахского ханства, археологически представлены неравномерно. Вторая половина I тысячелетия н. э., отраженная в письменных источниках, была временем явно выраженных культурных трансформаций, отчетливо наблюдаемых в смене погребального обряда, присутствии новаций в аспектах материальной культуры, немногочисленных, но все же имеющихся памятниках. Если при этом северная часть западноказахстанского региона относительно изучена, объекты в результате разведочных мероприятий частично паспортизированы и раскапывались начиная со второй половины XX века, то памятники южной, полупустынной и пустынной частей региона становятся известными в настоящее время. И их место и роль в истории и культуре Западного Казахстана в частности и Республики Казахстан в целом требуют своей культурно-хронологической атрибуции. Памятники северной части региона подвергались антропогенному воздействию на протяжении более чем полутораста лет, что было связано с ограблением курганов начиная со второй половины XIX века, активной распашкой и хозяйственной деятельностью.

Изучение средневекового периода истории Казахстана связано с событиями и процессами, имеющими общий характер для населения всего евразийского пространства, особенно для значительного по территории пояса степей. Главным, определяющим фактором стало существование кочевой цивилизации, сформировавшейся в РЖВ и получившей дальнейшее развитие в раннем и развитом Средневековье. Определенное деструктивное воздействие на развитие кочевого хозяйственно-культурного типа в Западном Казахстане оказывали события военно-политического и, как следствие, миграционного характера. Так, в VIII–IX вв. в регионе происходило огузо-печенежское противостояние, закончившееся вытеснением печенегов в южнорусские степи, а далее, в 30-х годах XI века, массовое движение племен из Восточного и Центрального Казахстана, закончившееся исчезновением государства огузских джабгу и началом кыпчако-половецкого господства в Западном Казахстане, Северном Причерноморье и Северном Кавказе. Период начала XIII века выразился в отраженных в многочисленных источниках политических событиях. Первоначальные деструктивные процессы сменились позднее жесткой переселенческой политикой монголов и градостроительными начинаниями правителей Золотой Орды.

Территория Западного Казахстана в проблематике эпохи Средневековья целенаправленно исследовалась в последние десятилетия XX века и полтора десятка лет нового столетия. До этого момента изучение носило эпизодический характер, не связанный с реализацией далеко идущих крупных научных проектов, и решением опорных методологических задач и проблем. Памятники населения раннего и развитого Средневековья представлены курганными могильниками, одиночными курганами, грунтовыми и «спрятанными» захоронениями, поселениями, городищами и крепостями, рудниками, религиозно-культовыми объектами. Все эти проявления

объединены в локальные микрорайоны, сложившиеся на основе природно-географических аспектов, вокруг крупных источников водоснабжения кочевников – рек, озер, родников и колодцев. Археологические материалы 2-й пол. I – начала II тыс. имеют важное значение для разработки вопросов реконструкции хозяйственно-культурного типа, архитектурных традиций, системы погребальной обрядности, идеологических представлений и, соответственно, социокультурных моделей населения середины данного периода.

Вовлеченность населения региона в политические события, протекавшие в евразийских степях, дальние миграции к границам Киевской Руси отражены в большом количестве письменных свидетельств. Вовлеченность кочевых этногрупп Западного Казахстана в общемировые процессы того времени имеет выражение в археологических памятниках. Существующие археологические объекты раннего и развитого Средневековья западноказахстанского региона представляют собой богатый информацией источник по истории и культуре.

Если погребальные памятники 2-й пол. I – начала II тыс., т. е. огузо-печенежского времени, в Западном Казахстане относительно исследованы, то поселенческие объекты, городища, поселения, крепости этого периода ранее не исследовались. Поэтому особое значение приобретает исследование укрепленного огузского городища Жезды, приуроченного к району Северного Приаралья.

В VIII–IX вв. территория Западного Казахстана стала ареной борьбы огузского и печенежского объединений. Анализ и сопоставление нарративных источников позволяет прояснить некоторые аспекты, связанные с хронологическим и географическим распределением памятников. Консолидация огузов в государственное образование и заключение военных союзов позволило им вытеснить печенегов сначала в Волго-Уральское междуречье, а затем далее в Восточную Европу. Дальнейшая канва исторических событий в Приаралье связана с расцветом государства огузов в IX–XI вв., с центром этого государства в Южном Приаралье. Однако письменные источники свидетельствуют о присутствии крупных племен огузов севернее Аральского моря, а Ибн Фадлан сообщает об огузских крепостях Дарку и Даранда в Мугоджарских (Мугалжарских) горах (Ковалевский, 1956).

Природно-географические аспекты позволяют понять климатическую, геоморфологическую, экологическую ситуацию исследуемого региона. Благоприятные либо неблагоприятные природные условия, несомненно, играли важную роль в выборе места, ойкумены для обитания людей в различные исторические эпохи. В первую очередь это геолого-геоморфологический фактор, наличие подходящих, укрытых от холодных ветров, с богатыми выходами сырья площадок, выглядевших «заманчиво» для обживания на фоне суровых условий жизнеобитания. В следующую очередь был важен фактор климата, вместе с ним же водные, растительные и животные ресурсы местообитания. Физико-географические условия Устюрта представляют собой дополнительную иллюстрацию к особенностям археологических памятников, так как оказывали значительное влияние на их размещение. Основная масса археологических объектов сосредоточена у края чинков, хотя определенные группы уходят вглубь плато. На сегодняшний день практически отсутствуют современные населенные пункты, что, с одной стороны, затрудняет исследовательский процесс, с другой стороны, положительно влияет на сохранность объектов.

Плато Устюрт имеет значительную часть, находящуюся в пределах Западного Казахстана, в административном выражении здесь сходятся границы трех областей – Актюбинской, Атырауской (бывшая Гурьевская) и Мангистауской (бывшая Мангышлакская). Основными задачами исследования явились полевые археологические исследования на территории городища и погребальных объектов сопутствующего некрополя, систематизация материалов по периоду второй пол. I – нач. II тыс. н. э. Актюбинской области. Проведены раскопочные работы на жилищах городища, погребальных объектах некрополя. Выполнена систематизация материалов по периоду второй половины I – начала II тыс. Проведена разведка памятников, расположенных в округе расположения городища Жезды.

Столовое плато Устюрт на западе ограничено чинком, обрывающимся к сорам (мелководный бессточный солончак (в замкнутых впадинах) с хорошо выраженной береговой линией) Оли Колтык, Кайдак и к пониженной части Манкыстау. Южнее эта граница совпадает с бортами впадины Карынжарык и залива Кара-Богаз-гол. Восточный чинк образует берег Аральского моря, потом, огибая дельту р. Амударьи, и продолжается до Сарыкамышской впадины. В вопросах исследования северных границ Огузского государства наиболее важным является северный чинк, имеющий отчетливое выражение в районе урочища Донызтау. Сами по себе чинки Устюрта представляют собой своеобразный геоморфологический феномен. Их высота изменяется от 100 до 370 м. Только в редких случаях чинки имеют пологий характер до 10–15 м. Верхняя часть чинка (20–70 м) обычно отвесная и даже нависающая. Нижняя имеет различное строение в зависимости от срезаемых пород, определяющих еще и цветовую палитру чинка. Своеобразный облик рельефу плато придают карстовые формы. Чаще всего встречаются блюдцеобразные, круглые или овальные западины диаметром до 30 м при глубине около 1 м. Они заполнены промытыми почвами и летом хорошо выделяются по растительности. Имеются следы слабовыраженной древней плиоцен-четвертичной гидросети, наследуемой голоценовыми временными водотоками (Клейнер, 1970, с. 301–304). К крупным формам относятся вертикальные провальные колодцы глубиной 8–20 м и более, диаметром до 25 м. За счет разрастания или слияния колодцев возникают карстовые котловины с поперечником в сотни метров. На Устюрте обнаружено около 50 карстовых пещер, обычно начинающихся наклонными ходами, которые на глубине 40–50 м переходят в горизонтальные залы (Кузнецов, 1965, с. 197).

Растительный покров на плато весьма разрежен, уровень биомассы низкий. В видовом отношении преобладают мезофиты и ксерофиты. Для растительности характерны четко выраженная сезонная продуктивность, определенная продолжительность вегетационного периода и зональная зависимость. Общий характер растительного покрова разреженный. Климатические условия и определенные виды растительности оказывают влияние на фаунистический комплекс. Разнообразие экологической ситуации обусловливает дифференциацию животного мира по биологическим особенностям.

В полевых исследованиях, проводимых в 2015 г. и 2016 г. (кратковременность экспедиций объясняется суровыми климатическими условиями и практически полным безводьем), было исследовано (полностью раскопано) жилище в центральной части городища и три погребальных объекта, различных по хронологической

и культурной направленности, составлен и скорректирован подробный топографический план городища, собрано большое количество подъемного материала.

Первые исследования на городище Жезды проводились в 80-х годах XX в. Л.Л. Галкиным (Лошакова, 2020), заложившим разведочные шурфы на территории городища, исследовавшие одно из жилищ, ближе к южной крепостной стене, и квадратный шурф западнее городища, связанный с поисками следов человека периода энеолита – эпохи бронзы. Южнее городища расположен некрополь, оставленный в период основного существования памятника – огузо-печенежский. Подтверждением данному тезису является обнаруженная на некрополе бронзовая пряжка от поясного ремня. Сердцевидная поясная бронзовая бляшка была найдена на площади городища. Некрополь был практически полностью ограблен и разрушен. Низкая степень задернованности грабительских вкопов и скудная растительность Устюрта не позволяют с уверенностью судить о времени разрушения погребений. Некрополь занимает обширную площадку южнее городища. Практически у южной крепостной стены располагаются сложенные из камней городских стен ограды казахского кладбища с кулпытасами (надгробные памятники в Западном Казахстане, стелы в виде плиты или столба с четырьмя или восемью гранями). Кулпытасы помечены тамгами родов Табын и Адай (тамги в виде ключа и стрелы). Материалы исследований позволяют считать, что городище Жезды многослойное. Первыми его обитателями были люди эпохи энеолита и бронзы. Наиболее долговременно памятник существовал в эпоху раннего Средневековья. Далее городище, видимо, являлось укрепленным гарнизоном хивинцев или кокандцев до походов генерал-губернатора В.А. Перовского. Исследованиям, эпизодически проводившимся ранее, были подведены предварительные итоги (Бисембаев и др., 2019; Бисембаев и др., 2020, с. 39-49).

В этой связи небольшое военное укрепление (порядка 1,5 га), непотревоженное, оставленное огузами, является важным источником, проливающим свет на многие страницы развитого Средневековья, когда противостояние огузов и печенегов в степях Западного Казахстана отражалось на политических аспектах в противостоянии Киевской Руси, Хазарского каганата, Волжской Булгарии.

Само городище занимает площадь мысовидного, языкообразного чинка северного склона Устюрта. Наиболее возвышенная и сохранившаяся стена прикрывает городище с юга – самого уязвимого участка, имеющего равнинный характер. Рыхлый грунт у южной стены, со слабой задернованностью, позволяет предположить существование ранее неглубокого рва как дополнительного оборонительного аспекта. Восточный склон обрывистый и отвесный, защитная стена на этом склоне осыпалась в овраг. Северо-западная стена хорошо сохранилась, несмотря на обвал во вешнюю сторону. На ней отчетливо видны сохранившиеся башенки. В целом башни располагались по периметру крепостной стены. Часть жилищ примыкает к крепостной стене. Жилища небольшие, по размеру примерно 3×4 м, в среднем, одно- или двухкомнатные, с небольшими хозяйственными уголками-кладовками (рис. 1).

В северной части выстроена еще одна стена из глинистых уплотнений – опоки. От нее остались два холмообразных возвышения, от крупных башен. Возле этой стены прослеживается небольшая свободная площадка, возможно для содержания верховых лошадей. За этой стеной на краю мыса

Рис. 1. Городище Жезды. Вид с дрона.

Fig. 1. Settlement of Zhezdy. Drone view.

также прослеживаются остатки полуземлянок, сложенные из камней жилищ эпохи бронзы, подтверждением чему может служить большое количество расслоившихся костей, а также обнаруженные в заложенном шурфе кремневые орудия. По результатам работ 2015 года можно с уверенностью говорить о многослойности памятника – первыми его обитателями были люди эпохи энеолита и бронзы. Наиболее долговременно памятник существовал в эпоху раннего Средневековья. Кратковременное оживление пришлось на Новое время, когда он, вероятно, являлся укрепленным гарнизоном хивинцев или кокандцев, до походов генерал-губернатора В.А. Перовского.

В 2019–2020 гг. на городище проводилось обследование объектов некрополя, жилищ, в том числе было доисследовано неправильно раскопанное Л.Л. Галкиным крупное жилище, получившее условное название «казарма», так как оно расположено близко к южной стене с предвратным лабиринтом и контролирует как центральную, магистральную улицу, так и широкую короткую улицу, идущую к опасному пологому участку за западной крепостной стеной. Также было раскопано полностью центральное жилище, вероятное бывшее резиденцией правителя города, со сложной архитектурой постройки, стрельчатым входом, опорами, державшими многокупольный потолок. У предвратного лабиринта располагалось погребение взрослого человека, ориентированное головой на север, хотя по погребальному инвентарю едва ли относящееся к гунно-сарматскому времени.

Пожалуй, максимально информативной является мусорная свалка за хорошо сохранившейся западной крепостной стеной. Население городища весь период бытования выбрасывало костные останки животных, битую керамику и сломанные вещи за пределы крепости, образовав многослойные отложения, несущие ценную информацию о характере питания населения данного форпоста. Сбор костей животных по слоям из мусорного отвала позволил воссоздать облик окружающей фауны и приоритеты в питании населения раннего Средневековья Северного Устюрта (Косинцев и др., 2020, с. 276–279). В силу того, что мусор сваливался по всему периметру северо-западной длинной оборонительной стены, выборочно был заложен раскоп в средней части. Сбор материала, расчистка велась послойно, по горизонтам около 15–20 см. Держать один уровень по всей площади раскопа было затруднительно, так как мусорный отвал рыхлый по консистенции, сильно насыщен золой и остатками горения.

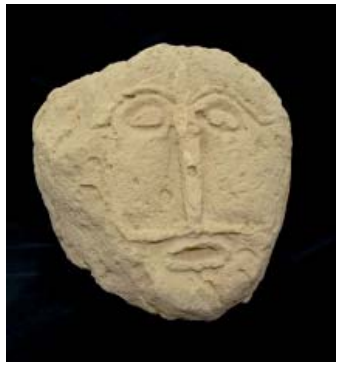


Рис. 2. Городище Жезды. Каменное изваяние. Фото.
Fig. 2. Settlement of Zhezdy. Stone sculpture. Photo.

Рис. 3. Городище Жезды. Каменное изваяние. Рисунок.
Fig. 3. Settlement of Zhezdy. Stone sculpture. Drawing.

Важным аспектом являлось то, что кроме собственно раскопок отвала проводилось исследование характера постройки крепостной стены.

Размеры раскопа составили 3×3,5 м. Раскоп велся, согласно методике, послойным горизонтальным снятием по 20 см с последующим просеиванием вынутого грунта. Перед началом снятия последующих слоев площадь раскопа обследовалась металлодетектором.

В ходе работ на дневной поверхности были обнаружены фрагменты каменной кладки внешней городской стены, обвалившейся в результате ее разрушения. Первоначально был расчищен каменный завал и снивелирована поверхность раскопа. Данный слой был зафиксирован как горизонт № 1.

На втором горизонте, глубина 20-40 см, грунт представлен супесью желтовато-серого оттенка с примесью карбонатов. В ходе спуска в засыпи прослеживались фрагменты керамики и костей животных. Также на данном горизонте был обнаружен «балбалтас» – на камне изображено лицо человека. Иконографические аспекты соответствуют тюркским изваяниям, хотя материал изготовления – местный мягкий песчаник. Голова была вмурована во внешнюю оборонительную стену (рис. 2, 3).

Еще одной задачей в ходе раскопа мусорной ямы являлась фиксация внешней городской стены. Каменная кладка стены представляла собой валуны, уложенные друг на друга с использованием суглинка желтоватого оттенка в виде цементирующего элемента. Размеры валунов варьировались от 12 до 25 см в толщину и от 20 до 40 см в ширину. Основание стены было представлено суглинком желтовато-серого оттенка, вероятнее всего использованным как фундамент конструкции.

На горизонте 50 см толщина валунов изменилась и составляла 10–15 см. Также на данном горизонте в северной части стены была обнаружена ниша шириной 18–20 см, вероятно образовавшаяся в результате ее разрушения. Ширина ниши при спуске на горизонт № 5 (глубина 80–100 см) составила около 30 см. Также в ходе раскопа были обнаружены фрагменты застывшей смолы, выполнявшей роль подстилающего материала под основанием городской стены.

Параллельно велись работы по изучению особенностей застройки жилищ на городище, выявлению конструктивных элементов и планиграфии памятника. Для решения данных

Рис. 4. Городище Жезды. Жилой дом. Комната № 1.

Fig. 4. Settlement of Zhezdy. Residential building. Room No. 1.

задач несколько лет подряд продолжались раскопки жилых помещений, домов, пристроек хозяйственно-бытового предназначения и др. объектов. Соответствующим вышеуказанным требованиям и наиболее информативным по необходимым параметрам оказался раскопанный нами в течение двух лет трехкомнатный жилой дом.

Расчистка на участке раскопа производилась послойно, по 25–30 см. В процессе снятия первого слоя убирались завалы камней и выносился грунт, состоящий из пылистого, мелкого песка серовато-белого цвета. Второй и третий культурные слои содержали в себе массовый керамический и остеологический материал.

Комната № 1 имеет узкий вход-коридор, лежанку-суфу и отдельный угол для разведения огня (очаг). Тут следует отметить, что данное помещение состоит из трех строительных горизонтов. Свидетельством тому послужили результаты послойного углубления в пространство между суфой и северо-восточной стеной помещения. На стратиграфическом разрезе данного участка четко читались горизонты, состоящие в основном из строительного мусора (рис. 4).

Второй слой комнаты № 2 состоял из костей животных и многочисленных фрагментов керамических сосудов (горшков, сосудов и др. типов кухонной посуды). Из найденного массового материала можно отметить наличие орнаментированной и среднеазиатской гончарной керамики. Орнаменты на фрагментах керамики имеют геометрические и растительные мотивы. В центральной части помещения был обнаружен фрагмент бронзового предмета, представленный в виде пластины (размеры: 2,5×2 см). Она очень плохой сохранности, имеет отверстия по краям.

В процессе снятия третьего слоя у северо-восточного угла комнаты был найден мелкий, полупрозрачный камушек алого цвета. Камень хорошо обработан, с одной стороны имеет слегка закругленные, а с другой – заостренные углы. По краям и по углам камушка наблюдаются сколы и царапины. Возможно, данный камень использовался в качестве украшения или является составной частью ювелирного изделия (например, вставка в перстень). Там же был обнаружен фрагмент железного предмета.

После снятия третьего слоя был расчищен пол, обмазанный плотным глиняным раствором и вследствие этого оттененный серовато-белым цветом от остального заполнения. Данный уровень пола предположительно относится к последнему хронологическому горизонту жилища. Северо-западный угол комнаты использовался как место для разведения огня, о чем свидетельствуют обгорелые края камней угловой кладки. Видимо, ко-

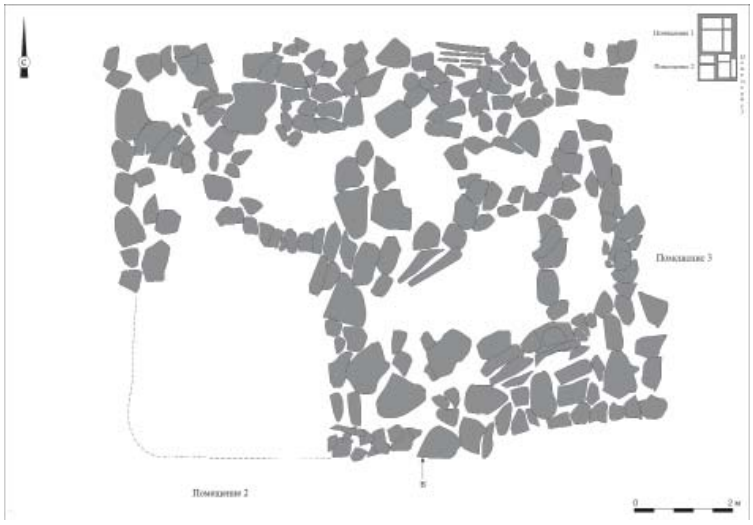


Рис. 5. Городище Жезды. Жилой дом. Комнаты № 2 и 3.

Fig. 5. Settlement of Zhezdy. Residential building. Rooms No. 2 and 3.

стер разжигали на полу, в небольшом углублении. Дно очага прокалено до красновато-коричневого цвета. Очажная ямка в плане имеет треугольную форму размерами 75×97×104 см, глубина 15–20 см. В слабо прокаленных стенках не обнаружились отверстия или другие конструкции для дымохода. Вход в жилое помещение был устроен с уличной стороны городища. Непосредственно проем и небольшой участок перед ним были обмазаны глиняным раствором. Поверх раствора были поставлены плоские камни (в виде плит) небольших размеров.

В процессе зачистки комнаты № 2 было обнаружено два дверных проема, из которых можно было попасть в комнаты № 1 и 3. Дверной проем между комнатами № 1 и 2 был закрыт каменной кладкой с целью разделения двух помещений. В результате такого строительного решения образовалось два жилых дома с общей стеной. Можно предположить, что дверной проем между комнатами № 2 и 3 функционировал на протяжении длительного времени и был заложен камнями лишь непосредственно перед тем, как жильцы решили покинуть городище.

Комната № 3 имеет интересную внутреннюю планировку и интерьер по сравнению с предыдущими комнатами. Отметим, что восточная стена комнаты воздвигнута у оврага. Верхние слои комнаты содержали уже привычный нам массовый костный и керамический материал. Третий же слой – несколько находок, в т. ч. керамику.

Внутреннее пространство комнаты № 3 можно описать следующим образом. В центральной части помещения был устроен очаг. Он имеет в плане подквадратную форму. Размеры очага: 50×70 см. Место для разведения огня было огорожено вертикально поставленными камнями небольших размеров. На дне очага обнаружена зола, ограждающие его камни прокалены слабо. Вдоль восточной и северо-восточной стен устроена угловая суфа-лежанка, которая состоит из двух частей. Западный край первой суфы укреплен каменной кладкой, которая, в свою очередь, является разделителем между суфой и предполагаемой кладовкой. Вторая суфа устроена вдоль восточной стены. Первая и вторая суфа также разделены каменной кладкой (рис. 5).

У дверного проема был расчищен развал обожженной глины, напоминающий остатки тандыра (рис. 6).

На уровне третьего слоя, рядом с очагом, обнаружена бронзовая монета с изображением копытного животного. Диаметр находки 2,2 см. Левая нога животного слегка приподнята.

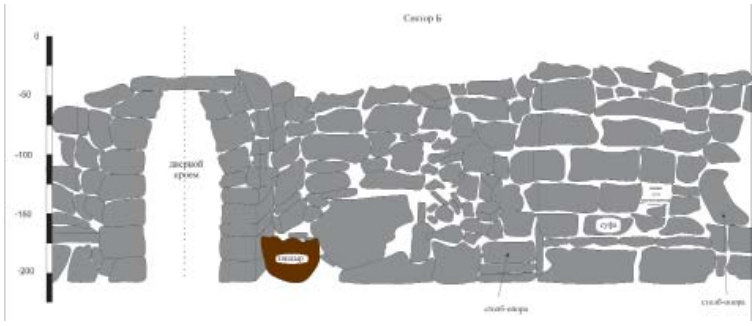


Рис. 6. Городище Жезды. Жилой дом. Дверной проем.

Fig. 6. Settlement of Zhezdy. Residential building. Doorway.

В верхней части монеты, видимо, изображены рога животного в виде орнаментальных линий. На реверсе монеты прослеживается слабо видимая орнаментальная композиция. Кроме этого, вдоль суфы были найдены: трехсекционные бусы из стекловидной массы, фрагменты бронзовых предметов. Также на различных участках помещения находились мелкие фрагменты бронзовых предметов.

Подводя итоги работ, можно сделать вывод, что исследованное нами жилище первоначально было трехкомнатным. Позднее разделено на две части: однокомнатную и двухкомнатную. В двухкомнатном доме одно помещение предназначалось для жилья, другое – для хозяйственных нужд, о чем можно судить по особенности оформления внутреннего пространства помещений и их интерьеру.

Кроме того, исследованию подверглось жилище на городище Жезды, расположенное у южной обрывистой стены. Объект выбирался методом случайной выборки из нескольких, сходных по размеру. Целью было выявление конструктивных особенностей жилого помещения периода раннего Средневековья. В процессе раскопок были прослежены стены самого жилища, суфа-кан рядом с очагом у западной стены, длинный коридор-вход с севера, еще один очаг у восточной стены, из которого поднят бронзовый круглый амулет, большое количество керамики и костей животных, среди которых преобладающими являются кости сайги. Также по дну жилища, прокапывая до твердой ракушняковой основы мыса, на котором находится городище Жезды, удалось выяснить следующее: жилище с момента первичной постройки восстанавливалось три раза. При восстановлении утрамбовывался пол и заливался стяжкой из глины. Мусор при этом не выносился. Это отчетливо видно на стенках дома. Памятники, подобные городищу Жезды, в степной зоне немногочисленны и поэтому заслуживают особого, пристального внимания. Определенное значение имеет расположение памятника в урочище Донызтау – месте сосредоточения культовых поздних казахских некрополей, что подчеркивает генетическую связь памятника с последующими линиями развития степной архитектуры. Основные харарктеристики связаны с изучением яркого памятника государства Огузских джабгу в Северном Приаралье – городища Жезды и сопровождащих его военных форпостов периода рубежа I–II тысячелетий нашей эры.

Таким образом, можно говорить о трех периодах жизни людей в данном жилище. Первый, вероятно, связан со временем первых поселенцев, еще в период бронзового века, когда существовало поселение, одновременное Токсанбаю. Далее прослеживается оживление в период раннего железного века (гунно-сарматский период), и самый длительный период связан с государством огузов, политический центр которых в период IX–XI вв.

Рис. 7. Городище Жезды. Погребальная группа II. Погребение 1. Вид с дрона.

Fig. 7. Settlement of Zhezdy. Funeral group II. Burial 1. View from a drone.

находился южнее Аральского моря в Жанкенте. Здесь же, на Устюрте, на северных рубежах содержались небольшие мобильные военные гарнизоны, предназначенные для охраны караванных путей.

Некрополь городища Жезды был условно разбит на две группы: группа I, непосредственно у стен городища, западнее его, вдоль северного обрывистого края чинка Устюрта, и группа II, южнее городища на небольшом вытянутом возвышении, идущем вдоль железной дороги Шалкар-Бейнеу. Практически все погребальные сооружения, как группы I, так и группы II, имеют следы преднамеренных разрушений и ограблений. Раскопки были предприняты с целью выявить оставшиеся артефакты, для определения хронокультурной позиции некрополя и самого городища. На части из объектов присутствуют разбросанные обломки керамики, вероятно выброшенной из погребений. Размеры погребальных сооружений на поверхности варьируют от 3,5×3,5 метра до 1,5×1,5 метра. Вложены из местного плитняка, камней из материковой плиты (ракушняк) происхождения и выветренных обломков.

В качестве первого объекта рекогносцировочных раскопок был выбран небольшой выход камней, вытянутых по линии С–Ю в средней части погребальной группы II, располагающейся на небольшом, плавно сходящем к северу, к городищу возвышении, оконтуривающем мыс, на котором находится городище. Присутствуют вытянутые в цепочку по линии З–В погребальные конструкции, разбросанные по значительной площади в несколько десятков гектаров. При заглублении в грунт на глубину около 10 см в средней части между двумя скоплениями камней были обнаружены крупные фрагменты сероглиняной керамики, различные по характеру исполнения. У западной стенки торчащих камней в средней части расчищенной ямы прослеживались следы слабого кострища. В центральной части грунт был более мягкий и рыхловатый, прослежена яма, оконтуренная плитами (рис. 7).

Вторым объектом раскопок был выбран погребальный объект из группы I, находящийся на далеко выступающем на север остром мысу, который расположен несколько ниже, чем вся погребальная площадка группы I. Это самый северный погребальный объект, с места расположения которого отчетливо видна вся картина чашевидного сора внизу и севернее всего городища. Открывается вид на долину с сильным понижением, руслами и сорами. Данный объект выделялся на поверхности расположением камней, вытянутых по линии Ю–В – С–З.

Рис. 8. Городище Жезды. Погребальная группа I. Погребение 1. До начала работ.

Fig. 8. Settlement of Zhezdy. Burial group I. Burial 1. Before the start of work.

Кладка из камней была вытянута по этой оси и имела небольшое расширение в юго-восточном углу. Кроме того, в юго-восточной части на поверхности торчал небольшой прямоугольный камень, размерами примерно 40×25 см, и толщиной от 5 до 7 см, сходный с кулпытасами казахских некрополей, однако его отличает совершенно противоположная ориентировка. Данный объект отчетливо выделялся на поверхности мыса, вероятно, на данном мысу он не один, так как южнее прослеживается скопление мелких камней.

После снятия грунта на глубину около 20 см и выхода на более плотную глинистую материковую основу начали проявляться контуры могильной ямы, протянутой по линии ЮВ – СЗ, подпрямоугольной со скругленными углами, расположенной под кладкой. Контуры ямы прослеживаются по выступающим на поверхности вертикальным каменным плитам небольшого размера и частично уходящим вглубь ямы. Кладку также сопровождают, как видно на срезе, камни, уходящие постепенно вглубь ямы. Первоначальное впечатление об этом объекте создает вид непотревоженного. Однако дальнейшие раскопки показали, что данный объект после ограбления был восстановлен. Кости человека (молодой женщины), были в большинстве, сдвинуты в юго-восточный угол (рис. 8–9). Из погребения подняты несколько бронзовых разноразмерных колокольчиков, разнообразные по исполнению и материалу бусы, обломки небольшого железного ножа, обломки бронзовых нашивных бляшек.

Проведенные в последние годы работы показали яркость и уникальность данного памятника археологии. Появилась возможность изучения древнейших слоев памятника городской культуры раннего и развитого Средневековья.

Рис. 9. Городище Жезды. Погребальная группа I. Погребение 1 после вскрытия.

Fig. 9. Settlement of Zhezdy. Burial group I. Burial 1 after opening.

Предварительные материалы показывают, что древнейшие слои городища Жезды сохранили все топографические и архитектурные признаки развитого средневекового города. Уникальность самого объекта исследований обуславливает и уникальность получаемых материалов. При дальнейшем исследовании данного археологического памятника с привлечением данных междисциплинарных исследований возможно решение вопросов, связанных с выяснением механизмов культурогенеза, направленности эволюции государственных и культурных образований раннего и развитого Средневековья Западного Казахстана, формирования государства огузских джабгу, реконструкции хозяйственно-культурной системы, в которой определяющую роль играло подвижное, кочевое скотоводство в комплексе с загонной охотой, игравшей значительную роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бисембаев А.А., Жамбулатов К.А., Ахатов Г.А., Калменов М.Д., Уразова А.Б., Жанузак Р.Ж.* Исследование городища Жезды на северных чинках Устюрта (предварительные итоги) // Кадырбаевские чтения-2020. Сборник материалов VI Международной научной конференции / Отв. ред. А.Б. Уразова. Актобе: Актюбинский областной историко-краеведческий музей, 2020. С. 39–49.

2. *Бисембаев А.А., Мамиров Т.Б., Ахатов Г.А.* Огузское городище Жезды на северных чинках Устюрта (предварительное сообщение) // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). В 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2019. С. 19–24.

3. *Клейнер Ю.М.* Устюрт // Геология СССР. Т. XXI. Ч. I. Кн. 2. Западный Казахстан / Отв. ред. А.Л. Яншин. М.: Недра, 1970. С. 301–304.

4. *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во Харьков. ун-та, 1956. 256 с.

5. *Косинцев П.А., Бачура О.П., Гасилин В.В., Гимранов Д.О., Самашев З., Лошакова Т.Н., Онгарулы А., Бисембаев А.А., Большаков В.Н.* Новые данные о фауне млекопитающих плато Устюрт в голоцене // Доклады РАН. Науки о жизни. 2020. Т. 492. № 1. С. 276–279.

6. *Кузнецов Ю.Я.* Плато Устюрт как пример карстовой области пустыни // Типы карста СССР / Отв. ред. А.Г. Чикишев. М.: Наука, 1965. С. 186–212.

7. *Лошакова Т.Н.* История изучения памятников эпохи бронзы Северо-Восточного Прикаспия // Археология Казахстана. 2020. № 4 (10). С. 47–69.

Информация об авторах:

Ахатов Газиз Аманжолович, магистр археологии и этнографии, специалист по средневековой археологии Казахстана (г. Алматы, Казахстан); g_akhatov@mail.ru

Бисембаев Арман Ауганович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); доцент. Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова (г. Актобе, Казахстан), abissembaev@mail.ru

Хаванский Алексей Иванович, кандидат исторических наук, доцент. МГТУ им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)» (г. Москва, Россия); старший преподаватель. Московский энергетический институт» (г. Москва, Россия); arkaim01@yandex.ru

OGUZ OUTPOST ZHEZDY ON THE NORTHERN CLIFFS OF USTYURT: SOME RESULTS OF THE STUDY

G.A. Akhatov, A.A. Bisembaev, A.I. Khavansky

The article discusses the preliminary results of the study of an interesting monument - a small settlement of the Oguz of the Zhezdy period, located in the north of Ustyurt. The territory of the plateau is characterized by severe natural and geographical conditions. Three periods of human habitation in this place have been identified. The first dates back to the Bronze Age, when there was a settlement synchronous with Toksanbai. The second period, the Hunno-Sarmatian time, is marked by burial complexes and pottery finds. The settlement reached its maximum prosperity during the period of the Oghuz Yabgu State, the political center of which in the IX–XI centuries was located south of the Aral Sea in Zhankent. This is

evidenced by a cultural layer filled with ceramics from the IX–XI centuries AD. At the site, a part of the wall and three dwellings with a sufa, a heated floor and the remains of a tandoor were investigated. The central dwelling with its complex architecture, pointed entrance and supports holding up the domed ceiling has been fully studied. In the southern part of the fortress, a dwelling was cleaned, which had a sufu-kan, next to the fireplace near the western wall, a long corridor-entrance from the north and another fireplace near the eastern wall. The cultural layer of the settlement contained a large amount of ceramics and animal bones, among which saiga bones predominated. On Ustyurt, on the northern borders, small mobile military garrisons were kept to protect caravan routes and borders. The study of the Zhezdy fortress allows us to trace the foundation and functioning of state formations of the early and developed Middle Ages of Western Kazakhstan.

Keywords: archaeology, Oghuz, Zhezdy, Ustyurt, ancient settlement, Early Middle Ages.

REFERENCES

1. Bisembaev, A. A., Zhambulatov, K. A., Akhatov, G. A., Kalmenov, M. D., Urazova, A. B., Zhanuzak, R. Zh. 2020. In Urazova, A. B. (ed.). *Kadyrbaevskie chteniya-2020. Sbornik materialov VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Kadyrbayev's Readings-2020. Collected materials of the VI International scientific conference)*. Aktobe: Aktobe Regional Historical and Local Lore Museum, 39–49 (in Russian).
2. Bisembaev, A. A., Mamirov, T. B., Akhatov, G. A. 2019. In Bazarov, B. V., Kradin, N. N. (eds.). *Kochevye imperii Evrazii v svete arkheologicheskikh i mezhdistsiplinarnykh issledovaniy. V 2 kn. Kn. 1 (Nomadic Empires of Eurasia in Archaeological and Interdisciplinary Studies). In two wolumes. Vol. 1.* Ulan-Ude: Buryatia Scientific Science Center SB RAS Publ., 19–24 (in Russian).
3. Kleyner, Yu. M. 1970. In Yanshin, A. L. (ed.). *Geologiya SSSR. T. XXI. Zapadnyy Kazakhstan (Geology of the USSR. Vol. XXI. Western Kazakhstan)* 1 (2). Moscow: "Nedra" Publ., 301–304 (in Russian).
4. Kovalevskii, A. P. 1956. *Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921-922 gg. (Ibn-Fadlan's Book on His Journey to the Volga in 921–922)*. Kharkov: Kharkov State University (in Russian).
5. Kosintsev, P. A., Bachura, O. P., Gasilin, V. V., Gimranov, D. O., Samashev, Z., Loshakova, T. N., Ongaruly, A., Bisembaev, A. A., Bol'shakov, V. N. 2020. In *Doklady RAN. Nauki o zhizni (Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Life Sciences)* 492 (1), 276–279 (in Russian).
6. Kuznetsov, Yu. Ya. 1965. In Chikishev, A. G. (ed.). *Tipy karsta SSSR (Types of karst in USSR)*. Moscow: "Nauka" Publ., 186–212 (in Russian).
7. Loshakova, T. N. 2020. In *Arkheologiya Kazakhstana (Kazakhstan Archaeology)* 4 (10), 47–69 (in Russian).

About the Authors:

Akhatov Gaziz A. Master of Archaeology and Ethnography, specialist in medieval archaeology of Kazakhstan. Almaty, Republic of Kazakhstan; g_akhatov@mail.ru

Bisembaev Arman A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str. 28, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; Associate Professor. Aktobe Regional University named after K. Zhubanov. Aliya Moldagulova Ave., 34, Aktobe, 030000, Republic of Kazakhstan; abissembaev@mail.ru

Khavansky Alexey I. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. The Bauman Moscow State Technical University, Moscow (Russia); National Research University "Moscow Energy Institute", Moscow (Russia). Moscow, 105005, st. Rubtsovskaya embankment, 2/18, fl. 7, room. 719; Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str. 28, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; arkaim01@yandex.ru

Статья принята в номер 22.08.2024 г.

УДК 94(517) +904 https://doi.org/10.24852/pa2025.1.51.142.156

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРУКТУР КОЧЕВНИКОВ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ В VI–IX ВВ.

© 2025 г. С.А. Васютин

Предметом работы являются социально-политические институты кочевых обществ Внутренней Азии VI–IX вв. (Тюркские и Уйгурский каганаты, каганат Сеяньто и другие объединения) и их трактовка исследователями на основе археологических и письменных данных. Цель статьи – характеристика особенностей общественно-политического устройства кочевников Внутренней Азии второй половины I тыс. н. э. в сравнении с земледельческо-городскими социумами и характеристика основных мнений специалистов по данному вопросу. В работах исследователей основное внимание отводится сравнению кочевых империй Внутренней Азии с Китаем. Такой подход и дает наиболее полярные оценки исследователями политической организации кочевников. Автором было предложено сравнение кочевых социумов с так называемыми «варварскими» обществами Европы (франки и даны). Результатом сопоставления является относительность применения к указанным «варварским» обществам и номадам понятия «государство». Третье направление – сравнение кочевых обществ Внутренней Азии с Уйгурским каганатом, достигшим уровня раннего государства. В итоге другие номадные сообщества выступают как конфедерации, чифдомы и ситуационные государства. Преобладающее мнение о схожести общественно-политического устройства Уйгурского каганата и кочевых империй тюрков недостаточно учитывает результаты археологических исследований в Монголии за последние 20 лет. Благодаря этим данным выявлено, что городская жизнь функционировала не только в столице Орду-балыке, но и на других уйгурских городищах. Наряду с другими факторами, урбанизация в Уйгурском каганате обусловила социальные трансформации и новые политические практики (министры правительства, усиление региональных властей, налог).

Ключевые слова: археология, Внутренняя Азия, VI–IX вв., кочевые общества, система власти, социальная иерархия, подходы исследователей, конфедерации, компаундные чифдомы, ситуационные и ранние государства, город, уровни сложности социумов, стратификация по археологическим данным.

Период VI–IX вв. в истории Внутренней Азии известен как время господства в степях кочевых империй, таких как Жоужаньский каганат (В.В. Тишин, исходя из материалов источников, считает такое название более правильным, в то время как принятое название жуань-жуань было оскорбительным – Тишин, 2023б, с. 95), Великий Тюркский каганат, I Восточно-тюркский каганат, II Восточно-тюркский каганат, Уйгурский каганат, а также и более локальных надплеменных образований – каганат Сеяньто, так называемый «Первый Уйгурский каганат». К ним следует добавить карлуков, секиз-огузов, токуз-татар и другие племенные союзы, упоминаемые в период падения II Восточно-тюркского каганата (741–744 гг.) и становления власти уйгуров в монгольских степях (744–759 гг.) (Камалов, 2001, с. 68–95; Кляшторный, 2010, с. 247–248). Таким образом, для периода VI–IX вв. можно говорить о политических структурах и социальной стратификации кочевых империй и менее масштабных сообществ.

Основным направлением сравнения кочевников и земледельцев во Внутренней Азии является сопоставление номадных объединений с Китаем. Подобные взгляды обычно опираются на представления о взаимозависимости политических процессов в Китае и в степном пространстве (Lattimore, 1940; Irons, 1979; Barfield, 1989; и др.). Согласно мнению Т. Барфилда, на разных фазах циклов дан-

ного взаимодействия кочевники могли не только на равных противостоять Поднебесной, но и контролировать политические процессы в Китае (Barfield, 1989, с. 20–21). В таком случае существование теневых кочевых империй обеспечивали имперские ресурсы китайских династий (Барфилд, 2008). В целом экономика Срединного государства неоднократно рассматривалась как источник интегрирующего импульса для образования в степи государств (Голден, 2004, с. 109–112). Н.Н. Крадин считал, что экзополитарная (внешняя) эксплуатация китайских ресурсов, часть которых раздавалась каганом своим приближенным и главам племен, не только способствовала консолидации кочевников на начальном этапе создания империи, но и обеспечивала ее дальнейшее существование (Крадин, 2019, с. 16, 20–21; 2020, с. 48, 49, 53, 110, 111–113, 121, 122–123, 158–159).

В контексте всего исторического наследия Внутренней Азии в период раннего Средневековья политический статус крупных номадных объединений в системе взаимодействия с китайскими династиями тяготеет к наиболее сложным управленческим формам. Такой подход дает наиболее полярные трактовки исследователями общественно-политической организации кочевников. К примеру, Н.Н. Крадин характеризует кочевые империи в степном пространстве как суперсложные вождества. В этой иерархической системе, чтобы не допустить сепаратизма вождей отдельных племенных союзов, в регионы империи верховный правитель назначал наместников. Как считает исследователь, «это еще не аппарат власти, поскольку количество таких лиц невелико», но потенциально создавало возможность для «последующей политической интеграции» (Крадин, 2020, с. 52–53, 54). Н.Н. Крадин отмечает, что снаружи кочевые империи «выглядели как деспотические завоевательные государственноподобные общества, созданные для изъятия прибавочного продукта извне степи», в то время как во внутренней структуре управления государство было необязательно. Поэтому он определял масштабные объединения номадов как ксенократические империи (от греч. «ксено» – наружу и «кратос» – власть) (Крадин, 2020, с. 31, 48, 108).

В целом на сегодняшний день преобладает оценка кочевых империй тюрков и уйгуров как государственных образований со сложными родоплеменными иерархиями (Sinor, 1990, p. 297–298, 310–312; Tasagil, 1995; Худяков, 2004; Кычанов, 1997, с. 96, 97, 100–102; Жумаганбетов, 2007; Дашковский, 2005; и мн. др.).

С.Г. Кляшторный в своих работах постсоветского периода, в том числе в совместной монографии с Д.Г. Савиновым, писал о государственности у тюрков и уйгуров, интерпретировал понятие «эль» как имперскую структуру и государство (Кляшторный, 2001, с. 79; Кляшторный, Савинов, 2005). Однако в ряде своих последних работ исследователь стал использовать понятие «раннее государство» (Кляшторный, 2012а; 2012б). К ранним государствам тюркские империи относил В. Энхтувшин (Enkhtuvshin, 2011, p. 73, 74). Н. Сироиси (в рус. переводе – Широиси) считал, что тюркские политические образования можно трактовать как «архаичное государство» (промежуточная форма между вождеством и государством). Уйгурский каганат, по его мнению, обладал более сложной организацией центральной власти и формой подчинения других народов по сравнению с тюрками. Особо он выделял градостроительство у уйгуров (Широиси, 2008, с. 242, 243–244, 247–248). Обходит в своих публикациях вопрос о государственности В.В. Тишин (2021; 2023а).

Другой вариант – сравнение кочевых объединений с оседлыми обществами с близким уровнем стратификации, в которой преобладало свободное население. Примерами таких социумов были так называемые «варварские» общества Европы раннего Средневековья. Данный вопрос требует отдельной обстоятельной проработки, поэтому в статье ограничимся сопоставлением номадов с франками начала VI в. и данами при Кнютлингах (середины IX – первой трети XI в.). В указанные периоды франки и даны совершали набеги и завоевания, что также сближает их с кочевниками Внутренней Азии в период создания империй.

Привычное для всех понятие «Меровингское государство» звучит в литературе почти одновременно с завоеваниями Хлодвига. И, казалось бы, такая оценка вполне логична. Франки захватили почти всю Галлию, заселили и начали хозяйственное освоение северо-восточной ее части. Принятие христианства, создание «Салического закона» и установление системы управления галло-римским населением – все это вроде бы подтверждает трактовку политических институтов франков как государственных. Но давайте более подробно рассмотрим данные «признаки» государства. После завоевания Северной Галлии доля франкских переселенцев составляла не более 5% (Бессмертный, 1992, с. 114). Это напоминает ситуацию с обширными захватами тюрками территорий с оседлым населением в 570–580-х гг., когда в областях с оседло-земледельческим населением размещались небольшие гарнизоны и наместники. Если в степной части Внутренней Азии только начинались административные реформы и стали появляться уделы, то в Восточном Туркестане (Гаочан), Семиречье, Нижнем Поволжье и Закавказье тюрки уже установили свою власть и использовали местные фискальные практики. В «Истории агван» Моисея Каганкатваци указывается, что «князь Севера» не только собирал «дидрахму по обыкновенной переписи царства персидского» (Цитата по: Гумилев, 1967, с. 55), но и обложил местных жителей пошлинами на разные товары и ловлю рыбы.

В отличие от тюрков франки изначально ограничились сбором трибуты ($^1/_3$ урожая) с галло-римских земледельцев. Захваченная во время походов добыча давала простым франкам наибольший доход помимо их земельных участков. Сами франки в первой половине VI в. не платили налогов и пошлин. В основном их обязательства перед королем и графами сводились к выплате судебных штрафов. В этом отношении ситуация с франками близка к тюркским общественным практикам. Налогов каганы не устанавливали. Подношение баранами во время церемоний скорее стоит рассматривать как устойчивую систему даров. Лишь за нарушение норм системы обычного права – торе существовали наказания, в том числе путем «оплаты» скотом.

«Салический закон» выступает в основном как сборник казусов из обычного права франков. В отечественной литературе по аналогии с «Русской правдой» используется исторически неадекватное название источника – «Салическая правда». В тексте статьи мы будем пользоваться латинским названием «Lex Salica», но ссылки на титулы и параграфы источника будут осуществляться на русское электронное издание в переводе Н.П. Грацианского на сайте исторического факультета МГУ (Салическая правда). Закон салических франков был записан на латинском языке, поскольку технически символические руны старогерманского алфавита нельзя было аккумулировать до уровня большого правового текста. Соответственно,

«Салический закон» не был доступен для большинства рядовых франков. Этого и не требовалось, поскольку «знатоки права» (рахинбурги) сохраняли устную традицию. Салические франки представляли собой крестьянское сообщество, так как города в источнике не упоминаются. Кодификация обычного права франков была не полноценной и не являлась «королевским правом» (!). Король в первоначальной версии «Салического закона» из 65 титулов фигурирует 29 раз. В основном эти упоминания связаны с защитой имущества короля, например наказания за кражу королевских быков и жеребцов (Lex Salica, III, прибавление 4; XXXVIII, прибавление 2), штрафы за лиц, состоявших на королевской службе (Lex Salica, XLI, § 3, 4; XLII, § 1, 2, 3; LIV, § 1, 2, 3; LXIII, § 1, 2), а также некоторые привилегии таких людей (к примеру, их нельзя было вызвать на суд, пока они служили королю – Lex Salica, I, § 1, 4). Крайне ограничено представлены судебные права короля, которые сводятся к присутствию короля на процедурах, связанных с временной передачей земельного имущества (Lex Salica, XLVI, § 1), и суду «перед лицом короля» (Lex Salica, LVI, прибавление 1, § 1). Отсутствуют такие важные титулы, как наказание за покушение на жизнь короля и его семьи, вызов на королевский суд и др.

Наиболее выраженной функцией короля, по свидетельству «Салического закона», была организация военных походов и предводительство в них. Правитель франков также осуществлял сбор ополчения («мартовские поля»). Франками король в основном воспринимался как военачальник. Не случайно меровингские правители, переставшие с середины VII в. осуществлять завоевания, получили прозвище «ленивых королей».

Большей частью подданных галло-римского происхождения Меровинги управляли через епископов и представителей галло-римской знати. В провинциях с франкским населением королевскую власть представляли графы и их заместители. Графы в отдельных случаях принимали участие в судебных разбирательствах (Lex Salica, XLV, § 2), исполняли судебные решения, если осужденный несколько раз отказывался заплатить штраф или вернуть имущество по обязательству (Lex Salica, L, § 3), осуществлял сбор ополчения от графства.

У франкских королей отсутствовала столица, в результате чего они с дружиной и другими приближенными вынуждены были перемещаться между несколькими резиденциями по основной территории расселения франков в Галлии (севернее Луары) и использовать модель «ручного управления» на местах. Это означает, что короли франков в первой половине VI в. не располагали полноценным аппаратом управления, не собирали налогов с франков, получая только $^{1}/_{3}$ судебных штрафов и военной добычи. Отсутствовало королевское право и соответствующая судебная система. Простые франки участвовали в полуавтономных судебных разбирательствах в «сотнях» с выборными рахинбургами и тунгином. Очевидно, что многие черты управления у франков были близки тем формам власти, которые тюркские каганы использовали в отношении номадов в степях. Поэтому в отношении франков начала VI в. и тюркских каганатов можно говорить только о переходных к государству структурах власти.

Второй пример связан с Данией в период правления Кнютлингов. Основатель династии Горм Старый ок. 935 г. разбил нескольких конунгов на территории Ютландии и основал столицу в Еллинге (Йеллинг). При его сыне Харальде Синезубом власть Кнютлингов распространилась на многочисленные датские острова. Ко-

нунг Харальд в результате поражения от германского императора Оттона I около 960 г. начал проводить христианизацию и строительство христианских церквей, в том числе на острове Зеландия (Сага о Кнютлингах, 1; Архенгольц, 1996). Одновременно с этим возводились круглые крепости («лагеря викингов»): Аггерсборг в Северной Ютландии; Фюркат в северо-восточной Ютландии; Треллеборг на западе острова Зеландия; Ноннебаккен в Оденсе – на острове Фюн. Они не только оберегали границы Дании, но и контролировали основные торговые сухопутные пути и представляли власть конунгов на удаленных от Еллинга территориях (Лебедев, 2005, с. 202–208, рис. 42–45).

Однако усиление власти конунга имело свои пределы. Против Харальда в конце его правления выступил его сын Свейн Вилобородый. Бонды и ярлы были недовольны навязыванием христианства, ущемлением своих прав. Поэтому Свейн Вилобородый и его сын Кнут предпочли участвовать в викингской экспансии в качестве «королей-викингов». Под внешнеполитические задачи была перестроена система управления. В датских землях сформировалась система округов – хередов (херадов; буквально «войско»), которые выставляли один снаряжённый корабль (лединг). Также в хереде был тинг – место сосредоточения публично-правовой жизни. Более крупными административными единицами были ланды (земли) и сюсслы (морские округа), возглавляемые соответственно ландерманами и сюссельманами. Они назначались королем для организации войска. Показательно, что до конца правления Кнютлингов в хередах не осуществлялся сбор налогов (Архенгольц, 1996). Поэтому конунги Свейн и Кнут могли получить средства на войну только за пределами Дании. На это были направлены походы в Англию и непосредственная оккупация области Вик в Норвегии (в остальной части страны дань для Свейна собирал его союзник ярл Эйрик) и Сконе в Швеции.

В Англию Свейн совершил походы в 994–995 гг., 997–999, 1001–1002, 1003–1005 гг., 1007 г. и в последующие годы. В результате нескольких важных побед он принудил английского короля Этельреда платить огромный данегельд (16 тыс. фунтов серебра в 994 г., 24 тыс. – в 1002 г., 36 тыс. – в 1007 г., 48 тыс. – в 1012 г.). В 1013 г. Свейн захватил Лондон и стал королем Дании и Англии. Эта политика была продолжена Кнутом (король Англии в 1016–1035 гг.). Кнут увеличил поборы с английских и норвежских земель, принудил к выплате дани жителей Шотландии и ряда британских островов (Сага о Кнютлингах, 5–17; Архенгольц, 1996). Эти деньги позволяли содержать лучшую на севере Европы армию. Также при Кнютлингах, благодаря получению дани из Норвегии и Англии, наблюдается ускоренный рост торговли и развития городов. К середине XI в. насчитывалось не менее 18 городских центров (Лебедев, 2005, с. 203, табл. 7).

В итоге Кнютлинги смогли создать подобие системы дистанционной эксплуатации. Только в отличие от номадов Внутренней Азии она имела более регулярную основу. Такая оценка позволяет поставить вопрос о формировании государственности в рамках северной империи Свейна и Кнута. При этом в самой метрополии государственность все еще находилась в стадии формирования. Несмотря на рост городов, христианизацию, чеканку монеты, административная система была направлена на извлечение доходов у населения других территорий империи. Уровень сложности политических структур Дании можно обозначить как раннее государство. Сравнение внутренней структуры

Рис. 1. Археологический комплекс Хэрмэн дэнж.
Fig. 1. Archaeological complex of Khermen Denz.

управления в кочевых империях тюрков с франкским и датским опытом показывает, что, несмотря на территориальную удаленность, имелся ряд схожих черт. В этой ситуации можно констатировать, что применение понятия «государство» к Тюркским каганатам, Меровингской державе и Дании в период правления Кнютлингов имеет весьма относительную основу в связи с отсутствием системы налогообложения собственного населения (тюрков, франков, данов). Другой вопрос – возможно ли применить в отношении тюрков термин «раннее государство». Помощь в решении этого вопроса окажет третье направление сравнительного анализа.

В рамках завершающего сопоставительного анализа будет осуществляться сравнение кочевых обществ Внутренней Азии VI–IX вв. между собой в рамках сравнительно-типологического метода. В качестве эталона по уровню сложности был выбран Уйгурский каганат (744–840 гг.). Нередко Уйгурский и Тюркские каганаты рассматривают как общества, достаточно близкие по уровню социально-политического развития. С нашей точки зрения, имеются достаточно существенные различия (Vasyutin, 2015, p. 405–414). Археологические исследования последних двух десятилетий позволили подтвердить развитие ремесла и сельского хозяйства в столице Уйгурского каганата Орду-балыке (Карабалгасуне, Хара-балгасе) (Bemmann, Lehndorff, Klinger, Linzen, Munkhbayar, Oczipka, Piezonka, Reichert, 2014; Hüttel, Erdenebat, 2009). На городище Хэрмэн-дэнж были выявлены керамика, строительные материалы, бытовые вещи уйгурского времени, а также начаты раскопки общественного здания. В раскопах 7 и 8 культурный слой, связанный с артефактами уйгурского периода, достигает мощности более одного метра (Kradin, Ivliev, Ochir, Erdenebold, Vasiutin, Sarantseva, Kovychev, 2015). Интересные данные были получены при исследовании известного уйгурского городища Бейбалык (Ганбат, Ситдиков, Измайлов, Улзийбаяр, Батсурэн, Беляев, Очир, 2020). Выявлены общие черты фортификационных сооружений, особенности изготовления керамики и ее орнаментации, черепицы, кирпичей и других находок. Полученные данные позволяют утверждать, что городская

Рис. 2. Стены городища Хэрмэн дэнж.
Fig. 2. The walls of the Khermen Denz settlement.

жизнь, ремесло и торговля функционировали не только в Орду-балыке, но и в целом ряде других исследованных городищ (рис. 1–7).

Урбанизация и смещение Шелкового пути на территорию Монголии послужили важными факторами социальной трансформации населения Уйгурского каганата. В степи помимо кочевников находились согдийские и китайские общины. Их элиты оказывали влияние на кагана и его окружение. Необходимость управления иноэтничными группами, городами, регулирования торговых отношений вызвали существенные изменения в структурах власти Уйгурского каганата. Наряду с каганом, шадом и ябгу в системе верховной власти сформировался совет из девяти буюруков (министров), выполнявших военные, административные и дипломатические функции. Существенно изменилась деятельность тутуков. Термин происходил от китайского дуду – генерал-губернатор (Камалов, 2001, с. 127–128). В качестве тутуков могли выступать вожди крупных племенных союзов. Но в VIII в. фиксируются примеры, когда тутуки в сопровождении войск собирают налоги у зависимых племен и осуществляют контроль за ними. Так в Уйгурской империи формировалась фискальная система, включавшая дани и налоги с кочевников, китайского и согдийского населения городов, а также торговые пошлины с согдийского и уйгурского населения, включившегося в международную и местную торговлю. Данные факты и предположения позволяют говорить о постепенном формировании и развитии в каганате институтов ранней государственности. Закрепить эти политические новации уйгуры смогли в городских анклавах Восточного Туркестана, куда они мигрировали после падения каганата в 840 г.

В конце VIII – начале IX в. в Уйгурской империи появилась полиэтничная управленческая знать, богатые уйгурские и согдийские кланы, связанные с международной торговлей и осуществлением власти в городах. Именно в этом кругу укрепилось манихейство, которое, скорее всего, не было принято частью рядовых кочевников. В связи с многочисленными театрами военных

Рис. 3. Городище Хэрмэн дэнж. Раскоп 6 и 7. Общественное здание.
Fig. 3. Khermen Denz settlement. Excavation 6 and 7. Public building.

Рис. 4. Городище Хэрмэн дэнж. Раскоп 7. Концевой диск.

Fig. 4. Khermen Denz settlement. Excavation 7. The end disk.

действий, в которых принимали участие уйгуры, вырос слой представителей военной администрации, а также дружинников и гарнизонных войск. В Уйгурском каганате не сложилась сословная структура, фиксируется только начало процесса обособления верховной правящей элиты. В то же время развитие социальной организации по пути усложнения создавало социальное напряжение в обществе, что выразилось в череде восстаний и переворотов в последние годы существования каганата.

Если сопоставить с Уйгурским каганатом тюркские империи, то в первую очередь стоит подчеркнуть, что у тюрков не было стабильного положения управленческих систем. В этом отношении кочевые империи тюрков развивались по разновекторной схеме. Период динамичных завоеваний в 550–570-е гг. потребовал более четкого структурирования управления каганатом и подчиненными территориями. В какой-то момент за счет политического контроля царств в Северном Китае, получения шелка, приобретения территорий с городами и оседлым населением, каганат был близок к трансформации из компаундного вождества в раннее государство, но новая политика единой китайской династии Суй, внутренние междоусобицы и раскол на два каганата помешали реализоваться данной тенденции во владениях восточных тюрков. В Западно-тюркском каганате постепенная интеграция с городским населением, переход управления в городах к тюркским военачальникам позволили сформировать предпосылки для перехода к государству.

При Эль-кагане в Первом Восточно-тюркском каганате в 620-х гг. и при Капаган-кагане во Втором Восточно-тюркском каганате активная внешняя политика, завоевания, «дары», налоги и пошлины с оседлого населения вели к возникновению, как его назвал А.М. Хазанов, «ситуационного государства» (Хазанов, 2000, с. 450–451). Однако попытки введения налогов в отношении подчиненных кочевников и курс на усложнение власти не мог быть реализован тюрками без серьезной экономической базы в степи. Поэтому реформы Эль-кагана закончились разгромом тюрков сеяньто и коалицией уйгуров с племенами теле. Итогом стала сдача в плен кагана с частью тюркских племен империи Тан. Политика Капаган-кагана также привела к восстаниям кочевых племен и гибели правителя тюрков. Только резкая перестройка политической власти и состава правящих элит Кюль-тегином, Бильге-каганом и Тоньюкуком позволила избежать падения каганата.

Более локальные политические образования кочевников в VII и VIII вв. по сравнению с Уйгурским каганатом можно причислить к двум типам. Первый – это племенные конфедерации, усиление которых связано с военным противостоянием и делегированием полномочий верховному военачальнику-вождю. Примером служат секизогузы во главе с Тай Бильге-тутуком (Камалов, 2001, с. 82–86). Схожий

Рис. 5. Городище Хэрмэн дэнж. Уйгурская керамика (по: Kradin, Ivliev, Ochir, Erdenebold, Vasiutin, Sarantseva, Kovychev, 2015, c. 99, fig. 11).

Fig. 5. Khermen Denz settlement. Uyghur ceramics (by: Kradin, Ivliev, Ochir, Erdenebold, Vasiutin, Sarantseva, Kovychev, 2015, p. 99, fig. 11).

характер имели союзы трех карлукских племен и токуз-татаров. Второй тип – сложные чифдомы. К такой модели близок каганат Сеяньто, возвышение которого произошло на фоне падения Первого Восточно-тюркского каганата и при явной поддержке Танской империей амбиций вождя Инаня. Приняв подданство сеяньтоского правителя, китайский император Тайцзун разрешил Инаню подчинить уйгуров и других кочевников. Однако логика взаимодействия степи и Срединного государства привела сеяньто к столкновению с Китаем и падению каганата в 646 г.

Последующее активное участие уйгуров в завоевательной политике Тан дало им возможность укрепить свое влияние в степи и установить более прочные связи с токуз-огузскими племенами. Возникли предпосылки к созданию сложного чифдома во главе с каганом Тумиду. Но столкновение токуз-огузских племен с Тан в начале 660-х гг. привело к установлению в степном пространстве китайских генерал-губернаторств, что препятствовало дальнейшему усилению уйгуров.

В социальном плане общества Тюркских и Уйгурского каганатов были далеки от сословной модели. В данных социумах труд рабов в ставках каганов и кочевьях степной аристократии, несомненно, существовал, но он не был связан с выпасом скота. Рабы и другие лично-зависимые лица составляли социальную периферию в кочевых обществах, а их труд в основном использовался представителями элитных страт. Понятие «кул» в больших надписях в честь Бильге-кагана и Кюль-тегина обозначает подчинение разных кочевых объединений (карлуков, киданей) и в этом контексте не связано с рабством (см. Серегин, Тишин, 2017, с. 194–210).

В тюркских и уйгурских каганатах преобладали лично свободные кочевники. Факторами дифференциации были возраст, пол, имущественные различия, иерархия родов и племен, приближенность к власти. Обедневшие скотоводы могли идти в найм к своим более состоятельным родственникам. В такой ситуации редко складывалась устойчивая система зависимости от родных. Кочевое скотоводство как тип хозяйства не отличалось стабильностью. Набеги, угон скота, резкие климатические изменения, регулярные эпизоотии могли довольно быстро изменить имущественный статус не только простого скотовода, но и обладателя большого поголовья скота. Причем богатые скотоводы страдали от подобных ненастий гораздо сильнее.

В номадных обществах Внутренней Азии раннего Средневековья определенные социальные границы касались не конкретного кочевника, а клана или более широкой группы номадов, имеющей общие корни и историю. Не случайно тюрки называли некоторые племена «кулами».

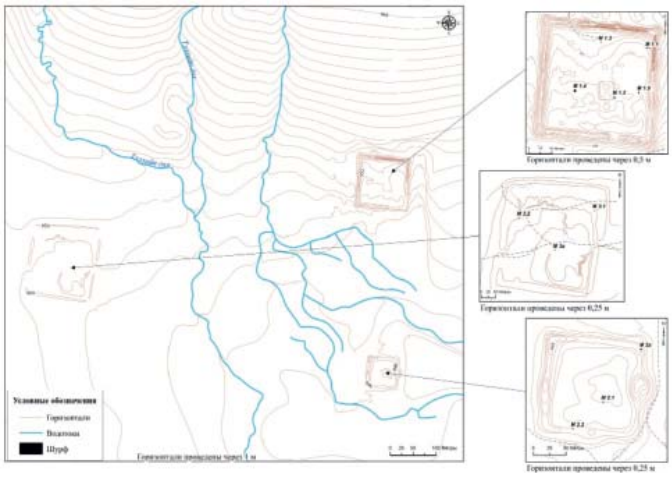


Рис. 6. План городища Бийбулак и расположение северной (объект 1), южной (объект 2) и северной (объект 3) цитаделей (по: Ганбат, Ситдиков, Измайлов, Улзийбаяр, Батсурэн, Беляев, Очир, 2020, с. 184, рис. 1).

Fig. 6. The plan of the Biybulak settlement and the location of the northern (object 1), southern (object 2) and northern (object 3) citadels (by: Ganbat, Sitdikov, Izmailov, Ulziybayar, Batsuren, Belyaev, Ochir, 2020, p. 184, fig. 1).

Реконструкция социальной структуры тюрков на основе анализа данных погребально-поминальных комплексов также показывает преобладание среди захороненных свободного населения (общность обряда, наличие артефактов, порой указывающих на пол и возрастные характеристики, сопровождающих захоронений коней и т. п.). В погребальной практике тюрков Алтая, Монголии, Казахстана с учетом ограбления большинства могил все же заметны отличия, которые могут свидетельствовать о социальных различиях: размеры насыпей и погребальной камеры, отсутствие/наличие сопроводительных захоронений коней и их количество, разнообразие и ценность инвентаря. Погребений, которые можно было бы интерпретировать как захоронения лиц низкого статуса, не так много. Пример – это ряд впускных погребений без инвентаря могильника Боротол I (Серегин, Тишин, 2017, с. 211–214).

Наличие незначительного количества элитных памятников в тюркское время показывает, что эти археологические комплексы принадлежали правящей патронимии или знатному клану на определенной территории, но различия между захоронениями представителей разных социальных групп не имеют каких-либо признаков сословной дифференциации. Особенности ряда погребальных и поминальных памятников во многом определялись участием в их возведении китайцев и согдийцев. Показательной является находка в кургане Шороон Дов (Шороон Бумбагар I) в Центральной Монголии плиты с надписью на китайском языке в честь вождя племени пугу, а также наличие в самой погребальной камере деревянных фигурок всадников тюрков и китайцев. Причем самого захоронения вождя не было (мог быть погребен по канонам своего племени). Расположенный недалеко курган Шороон Бумбагар II представлял собой захоронение знатного тюрка 620-х гг. с погребальными конструкциями, соответствующими танским традициям: дромос с росписями стен изображениями людей (по внешним признакам и костюмам можно отличить тюрков и китайцев), животных и мифологических существ, световые колодцы, прорезавшие дромос, погребальная камера на глубине более 15 м, большое количество изделий из драгоценных материалов и деревянные фигурки всадников. Такие комплексы, как Шороон Бумбагар I и II, не могут принципиально изменить общую картину социальной структуры населения тюркских каганатов по археологическим данным, поскольку

Рис. 7. Городище Бийбулаг. Восточная часть стены северной цитадели (по: Ганбат, Ситдиков, Измайлов, Улзийбаяр, Батсурэн, Беляев, Очир, 2020, с. 186, рис. 5).

Fig. 7. Biybulag settlement. The eastern part of the wall of the northern citadel (by: Ganbat, Sitdikov, Izmailov, Ulziybayar, Batsuren, Belyaev, Ochir, 2020, p. 186, fig. 5).

«выпадают» из тюркских канонов погребальной обрядности. В то же время эти захоронения вождей (можно предполагать такой статус погребенного и в кургане Шороон Бумбагар II) демонстрируют зависимость отдельных представителей элит от китайской культуры, их китаизацию.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что взгляд с разных сравнительных позиций дает возможности комплексной оценки кочевых обществ. Такой подход не позволяет принять характеристику Тюркских каганатов в восточном степном ареале как государственных. Попытки введения налогов для номадов вызывали кризис, а в случае с I Восточно-тюркским каганатом – крах империи. Для восточных тюрков административно-налоговая система была непреодолимым порогом. Без широкой урбанизации и земледелия номады могли осуществлять только набеги, завоевания и контролировать торговлю шелком и другими престижными товарами. Лишь уйгуры во взаимодействии с согдийцами и китайцами создали в монгольских степях городскую инфраструктуру, смогли умело воспользоваться смещением Шелкового пути на территорию каганата и постепенно выстроить соответствующую систему управления, которую можно рассматривать как один из вариантов раннего государства.

Внутренняя стратификация кочевых обществ была альтернативой сословным социумам Китая и других восточных стран. Личная свобода номадов оставалась базовым принципом всех рассматриваемых кочевых обществ. И даже усложнение социальной структуры в Уйгурском каганате не нарушило данного принципа. Тенденции замыкания элит в этой кочевой империи, скорее всего, не могли осуществиться, поскольку в составе полиэтничной правящей знати были представлены группы с разными интересами. В условиях растущей социальной напряженности в обществе 20–30-х гг. VIII в. они не могли консолидироваться вокруг фигуры кагана. Путем мятежей и переворотов разные «политические кланы» возводили на престол своих претендентов с «очередным» проектом развития каганата.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архенгольц Ф.* Образование датского государства (VIII – середина XI в.). 1996. URL: https://norroen.info/articles/denmark.html (дата обращения: 12.06.2024).

2. *Барфилд Т.* Теневые империи: формирование империй на границе Китая и кочевников // Монгольская империя и кочевой мир / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. Кн. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. С. 14–57.

3. *Бессмертный Ю.Л.* Франкское государство // Средневековая Европа / История Европы. Т. 2 / Отв. ред. Е.В. Гутнова. М.: Наука, 1992. С. 112–126.

4. *Ганбат Н., Ситдиков А.Г., Измайлов И.Л., Улзийбаяр С., Батсурэн Б., Беляев А.В., Очир Б.* Археологические исследования фортификации северной цитадели городища Бийбулаг (средне-

вековый уйгурский город Байбалык): предварительные итоги // Археология Евразийских степей. 2020. № 6. С. 179–192.

5. Голден П.Б. Кипчаки средневековой Евразии: пример негосударственной адаптации в степи // Монгольская империя и кочевой мир / Редкол. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д Скрынникова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 103–134.

6. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 525 с.

7. Дашковский П.К. О сакрализации правителей государственных образований номадов Центральной Азии // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие) / Отв. ред.: С.В Данилов, П.Б. Коновалов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. С. 63–67.

8. Жумаганбетов Т.С. Древнетюркский каганат: становление и развитие государственности. VI–VIII вв. Алматы: АЭСА, 2007. 292 с.

9. Камалов А.К. Древние уйгуры. VIII–IX вв. Алматы: Наш мир, 2001. 216 с.

10. Кляшторный С.Г. Центральная Азия в раннее средневековье // История Казахстана и Центральной Азии. Алматы: Білім, 2001. С. 74–158.

11. Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата в истории евразийских степей. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. 328 с.

12. Кляшторный С.Г. Основные этапы политогенеза у древних и средневековых кочевников Центральной Азии // Научный Татарстан. 2012а. № 2. С. 74–84.

13. Кляшторный С.Г. Проблемы ранней государственности у кочевников Центральной Азии // Тангуты в Центральной Азии. Сборник статей в честь 80-летия профессора Е.И. Кычанова / Сост. и отв. ред. И.Ф. Попова. М.: Восточная литература, 2012б. С. 147–153.

14. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.

15. Крадин Н.Н. Введение в проблематику // Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. М.: Восточная литература, 2019. С. 9–21.

16. Крадин Н.Н. Кочевники и всемирная история. Научное издание. СПб: Издательство Олега Абышко, 2020. 416 с.

17. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Восточная литература, 1997. 319 с.

18. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб: Евразия, 2005. 640 с.

19. Сага о Кнютлингах. URL: https://norroen.info/src/konung/knytlinga/ru.html (дата обращения: 14.06.2024).

20. Салическая правда. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/salic.htm (дата обращения: 14.06.2024).

21. Серегин Н.Н., Тишин В.В. Социальная история тюрков Центральной Азии (вторая половина I тыс. н. э.). Часть 1: Очерки социальной структуры (по письменным и археологическим источникам). Барнаул: АлГУ, 2017. 344 с.

22. Тишин В.В. Некоторые вопросы изучения древнетюркской титулатуры // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2021. № 2 (42). С. 61–68.

23. Тишин В.В. Война, торговля и политогенез в истории кочевников: случай Тюркской империи // Восточная Европа в древности и средневековье. XXXV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Пути и способы разрешения конфликтов. Вып. 35 / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2023а. С. 194–198.

24. Тишин В.В. Предтюркское время в степях Восточной Азии в IV–VI вв.: Жоужаньский каганат и «гаоцзюй» // Летопись тюркской цивилизации. Т. 1. Тюркский мир в VI–XII вв. / Отв. ред. В.И. Молодин, С.В. Землюков. Барнаул: АлГУ, 2023б. С. 86–102.

25. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е. Алматы: Дайк-Пресс, 2000. 604 с.

26. Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 152 с.

27. Широиси Н. Этапы кочевых государств монгольских степей // Монгольская империя и кочевой мир / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д Скрынникова. Кн. 3. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2008. С. 239–251.

28. Barfield T. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. Cambridge: Blackwell, 1989. 325 p.

29. Bemmann J., Lehndorff E., Klinger R., Linzen S., Munkhbayar L., Oczipka O., Piezonka H., Reichert S. Biomarkers in Archaeology – Land Use around the Uyghur Capital Karabalgasun, Orkhon Valley, Mongolia // Praehistorische Zeitschrift. 2014. No. 89 (2). P. 337–370.

30. Enkhtuvshin B. Statehood Traditions of the Mongolian nomads // Nomadic Civilizations in Cross Cultural Dialogue / Ed. by B. Enkhtuvshin. Ulaanbaatar: International Institute for the Study of Nomadic Civilizations, 2011. P. 72–81.

31. Hüttel H.-G., Erdenebat U. Karabalgasun und Karakarum – Zwei spätnomadische Stadtsiedlungen im Orchon-Tal. Улаанбатаар, 2009. 64 s.

32. Irons W. Political Stratification Among Pastoral Nomads // Pastoral Production and Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 361–374.

33. Kradin N.N., Ivliev A.L., Ochir A., Erdenebold L., Vasiutin S.A., Sarantseva S., Kovychev Ev.V. Khermen Denzh Town in Mongolia // The Silk Road. 2015. Vol. 13. P. 95–103.

34. Lattimore O. Inner Asian Frontires of China. New York and London: American Geographical Society, Oxford University Press, 1940. 585 p.
35. Sinor D. The establishment and dissolution of the Türk empire // The Cambridge History of Early Inner Asia / Ed. D. Sinor. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 285–316.
36. Tasagil Ah. Gok-Turkler. Ankara: Turk tarih kurumu basimevi, 1995. 229 p.
37. Vasyutin S. The Model of the Political Trans-formation of the Dao Liao as an Alternative to the Evolution of the Structures of Authority in the Ear-ly Medieval Pastoral Empires of Mongolia // Complexity of Interaction along the Eurasion Steppe Zone in the First Millennium CE. Bonn: Vor- und Fruhgeschihtliche Archaologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universitat Bonn, 2015. C. 391–437.

Информация об авторе:

Васютин Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия); vasutin2012@list.ru

POLEMICAL ISSUES OF STUDYING THE SOCIAL AND POLITICAL STRUCTURES OF NOMADS IN INNER ASIA IN THE VI–IX CENTURIES

S.A. Vasyutin

The paper discusses the social and political structures of the nomadic societies in Inner Asia in the VI–IX centuries (Turkic and Uyghur Khaganates, Xueyantuo Khaganate and other polities) and their interpretation by different researchers basing on archaeological and written data. It aims to study the features of the social and political structure of nomads in Inner Asia in the I millennium AD in comparison with the urbanized agricultural societies, and to analyze the major findings of the key researchers, working on this field. The researchers mainly focus on studying the relations of the nomadic empires of Inner Asia with China. Such an approach leads to polar assessments by specialists of the political structures of the nomads. The author had suggested to compare nomadic societies with the so-called "Barbarian" societies in Europe: the Franks and the Danes. This comparison led to the conclusion that the term "state" can be used for the "Barbarian" and nomadic societies to a certain extent. A third research direction focuses on comparing the nomadic societies of Inner Asia with the Uyghur Khaganate, which reached the level of an early state. Thus, other nomadic societies can be confederations, chiefdoms or situational states. The prevailing argument for the social and political structures of the Uyghur Khaganate and the nomadic Turkic empires does not fully take into account the results of the archaeological studies in Mongolia that were carried out over the last 20 years. Yet, the archaeological data allowed proving that apart from the capital town of Ordu-Balyq, other Uyghur settlements were also urbanized. Along with some other factors, it was urbanization that caued social transformations and new political institutions (government ministers, strengthening of regional authorities and taxation).

Keywords: archaeology, Inner Asia, VI–IX centuries, nomadic societies, power system, social hierarchy, research approaches, confederations, compound chiefdoms, situational and early states, city, levels of social complexity, stratification based on archaeological data.

REFERENCES

1. Arkhengol'ts, F. 1996. *Obrazovanie datskogo gosudarstva (VIII – seredina XI v.) (Formation of the Danish state (VIII – mid-XI century))*. URL: https://norroen.info/articles/denmark.html (accessed: 12.06.2024) (in Russian).
2. Barfild, T. 2008. In Bazarov, B. V., Kradin, N. N., Skrynnikova. T. D. (eds.). *Mongol'skaya imperiya i kochevoy mir (The Mongol Empire and the nomadic world)*. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 14–57 (in Russian).
3. Bessmertnyy, Yu. L. 1992. In Gutnova, E. V. (ed.). *Srednevekovaya Evropa (Medieval Europe)*. Series: Istoriya Evropy (History of Europe) Vol. 2. Moscow: "Nauka" Publ., 112–126 (in Russian).
4. Ganbat, N., Sitdikov, A. G., Izmaylov, I. L., Ulziybayar, S., Batsuren, B., Belyaev, A. V., Ochir, B. 2020. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 197–192 (in Russian).
5. Golden, P. B. 2008. In Bazarov, B. V., Kradin, N. N., Skrynnikova. T. D. (eds.). *Mongol'skaya imperiya i kochevoy mir (The Mongol Empire and the nomadic world)*. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 103–134 (in Russian).
6. Gumilev, L. N. 1967. *Drevnie tyurki (Ancient Turkic people)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
7. Dashkovskiy, P. K. 2005. In Danilov, S. V. Konovalov, P. B. (eds.). *Drevnie kochevniki Tsentral'noy Azii (istoriya, kul'tura, nasledie) (Ancient nomads of Central Asia (History, Culture and Heritage))*. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 63–67 (in Russian).

8. Zhumaganbetov, T. S. 2007. *Drevnetyurkskiy kaganat: stanovlenie i razvitie gosudarstvennosti. VI–VIII vv. (Ancient Turkic Khaganate: formation and development of statehood. VI–VIII centuries)*. Almaty: "AESA" Publ. (in Russian).
9. Kamalov, A. K. 2001. *Drevnie uygury. VIII–IX vv. (Ancient Uyghurs. VIII–IX centuries)*. Almaty: "Nash mir" Publ. (in Russian).
10. Klyashtornyy, S. G. 2001. In *Istoriya Kazakhstana i Tsentral'noy Azii (History of Kazakhstan and Central Asia)*. Almaty: "Bilim" Publ., 74–158 (in Russian).
11. Klyashtornyy, S. G. 2010. *Runicheskie pamyatniki Uygurskogo kaganata v istorii evraziyskikh stepey (Runic monuments of the Uyghur Khaganate in the history of the Eurasian steppes)*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe Vostokovedenie" Publ. (in Russian).
12. Klyashtornyy, S. G. 2012. In *Nauchnyi Tatarstan (Scientific Tatarstan)* 2, 74–84 (in Russian).
13. Klyashtornyy, S. G. 2012. In Popova, I. F. (ed.). *Tanguty v Tsentral'noy Azii. Sbornik statey v chest' 80-letiya professora E. I. Kychanova (Tanguts in Central Asia. Collected papers in honor of the 80th anniversary of Professor E.I. Kychanov)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., 147–153 (in Russian).
14. Klyashtornyy, S. G., Savinov, D. G. 2005. *Stepnye imperii drevney Evrazii (Steppe empires of ancient Eurasia)*. Saint-Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).
15. Kradin, N. N. 2019. In Bazarov, B. V., Kradin, N. N. (eds.). *Kochevye imperii Evrazii: osobennosti istoricheskoy dinamiki (Nomadic empires of Eurasia: features of historical dynamics)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., 9–21 (in Russian).
16. Kradin, N. N. 2020. *Kochevniki i vsemirnaya istoriya. Nauchnoe izdanie (Nomads and world history. Scientific publication)*. Saint Petersburg: "Oleg Abyshko" Publ. (in Russian).
17. Kychanov, E. I. 1997. *Kochevye gosudarstva ot gunnov do man'chzhurov (Nomadic states from the Huns to the Manchus)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
18. Lebedev, G. S. 2005. *Epokha vikingov v Severnoy Evrope i na Rusi (The Viking Age in Northern Europe and Rus)*. Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).
19. Saga o Knyutlingakh (Knýtlinga saga) URL: https://norroen.info/src/konung/knytlinga/ru.html (accessed: 14.06.2024) (in Russian).
20. Salicheskaya pravda (Salic truth). URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/salic.htm (accessed: 14.06.2024) (in Russian).
21. Seregin, N. N., Tishin, V. V. 2017. *Sotsial'naya istoriya tyurkov Tsentral'noy Azii (vtoraya polovina I tys. n. e.). Chast' 1: Ocherki sotsial'noy struktury (po pis'mennym i arkheologicheskim istochnikam) (Social history of the Turkic people of Central Asia (second half of the I millennium AD). Part 1: Essays on social structure (based on written and archaeological sources))*. Barnaul: Altai State University (in Russian).
22. Tishin, V. V. 2021. In *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN (Bulletin of the Buryat Scientific Center SB RAS)* 2 (42), 61–68 (in Russian).
23. Tishin, V. V. 2023. In Mel'nikova, E. A. (ed.). *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. XXV Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR V.T. Pashuto. Puti i sposoby razresheniya konfliktov (Eastern Europe in ancient times and the Middle Ages. Annual conference in Memory of V.T. Pashuto. Ways and means for conflict settling))* 35. Moscow: Institute of World History RAS, 194–198 (in Russian).
24. Tishin, V. V. 2023. In Molodin, V. I., Zemlyukov, S. V. (eds.). *Letopis' tyurkskoy tsivilizatsii. T. 1. Tyurkskiy mir v VI–XII vv. (Chronicle of the Turkic Civilization. Vol. 1. The Turkic World in the 16th and 12th Centuries)*. Barnaul: Altai State University, 86–102 (in Russian).
25. Khazanov, A. M. 2000. *Kochevniki i vneshniy mir (Nomads and the outworld)*. Almaty: "Daik-Press" Publ. (in Russian).
26. Khudyakov, Yu. S. 2004. *Drevnie tyurki na Enisee (Ancient Turks on the Yenisei)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).
27. Shiroisi N. 2008. In Bazarov, B. V., Kradin, N. N., Skrynnikova. T. D. (eds.). *Mongol'skaya imperiya i kochevoy mir (The Mongol Empire and the nomadic world)*. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 239–251 (in Russian).
28. Barfield, T. 1989. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757*. Cambridge: Blackwell.
29. Bemmann, J., Lehndorff, E., Klinger, R., Linzen, S., Munkhbayar, L., Oczipka, O., Piezonka, H., Reichert, S. 2014. In *Praehistorische Zeitschrift* 89 (2), 337–370.
30. Enkhtuvshin, B. 2011. In Enkhtuvshin, B. (ed.). *Nomadic Civilizations in Cross Cultural Dialogue*. Ulaanbaatar: International Institute for the Study of Nomadic Civilizations, 72–81.
31. Hüttel, H.-G., Erdenebat, U. 2009. *Karabalgasun und Karakarum – Zwei spätnomadische Stadtsiedlungen im Orchon-Tal*. Ulaanbataar.
32. Irons, W. 1979. In *Pastoral Production and Society*. Cambridge: Cambridge University Press, 361–374.
33. Kradin, N. N., Ivliev, A. L., Ochir, A., Erdenebold, L., Vasiutin, S. A., Sarantseva, S., Kovychev, Ev. V. 2015. In *The Silk Road* 13, 95–103.

34. Lattimore, O. 1940. *Inner Asian Frontires of China*. New York and London: American Geographical Society, Oxford University Press.
35. Sinor, D. 1990. In Sinor, D. (ed.). *The Cambridge History of Early Inner Asia*. Cambridge: Cambridge University Press, 285–316.
36. Tasagil, Ah. 1995. *Gok-Turkler*. Ankara: Turk tarih kurumu basimevi.
37. Vasyutin, S. 2015. In *Complexity of Interaction along the Eurasion Steppe Zone in the First Millennium CE*. Bonn: Vor- und Fruhgeschihtliche Archaologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universitat Bonn, 391–437.

About the Author:

Vasyutin Sergey A. Doctor of Historical Sciences, Associate Professor. Kemerovo State University, Krasnay St., 6, Kemerovo, 650000, Russian Federation; vasutin2012@list.ru

Статья принята в номер 26.07.2024 г.

УДК 93/94 https://doi.org/10.24852/pa2025.1.51.157.163

ЗАПАДНОАЗИАТСКАЯ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ СТЕПНОЙ ЗОНЫ: ТЮРКИ И МОНГОЛЫ[1]

© 2025 г. И.Л. Кызласов

Лексика ранних письменных памятников, как и особенности материальной и духовной культуры, свидетельствуют о том, что первичная прародина тюркоязычных народов в глубокой древности находилась где-то в Западной Азии. Тюркские народы Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху раннего Средневековья представляли собою ветвь западной цивилизации, далее всего продвинувшейся на восток. С середины XII в. почти на всей территории современной Монголии господствовали уже монголоязычные племена. Западная культурная принадлежность, до этого веками присущая тюркоязычным племенам Средневековья, была вытеснена и заменена дальневосточными культурными устоями, принесёнными монгольскими народами.

Ключевые слова: археология, раннее Средневековье, тюркоязычные и монголоязычные народы, цивилизации западной и восточной Азии.

Постановка этой проблемы побуждает рассматривать не особенности развития отдельных народов, а культурные характеристики целых языковых групп, выделяя из степной зоны континента Южную Сибирь и Центральную Азию[2] как регион, наиболее изученный в отношении поздней Древности и раннего Средневековья. Те же исторические процессы отличают и европейскую часть степной зоны, хотя они там не столь заметны.

1. Эпоха Древности, преимущественно отличавшая самодийские народы, исчезла на Енисее, Катуни и в долине Больших озер вместе с величием тагарской, пазырыкской и уюкской (чандманьской) культур. В условиях гуннского владычества пришли новые, более мелкие в своих материальных проявлениях племена с иными устоями, кардинально иным мировоззрением и другим языком. И исчезли из жизни навсегда:

– курганы, воспроизводившие Вселенную (сменились имитацией жилищ);

– архитекторы и строители, мастера каменоломен, перевозки и водружения монолитов (сменились мастерами каменных кладок);

– жреческая каста, создававшая мумии умерших: знатоки анатомии, минералогии, бальзамов и смесей, скульпторы-физиономисты (обрядовая телесность заменена бестелесностью трупосожжений и бренностью трупоположений);

– коллективные допогребальные храмовые комплексы и их обрядность (замещены поминальным стелам, символизирующими отдельных умерших);

– коллективизм захоронений (заменен индивидуальными и малосемейными погребениями);

– массовость проходивших у писаных скал молитвенных фестивалей;

– культовая металлургия меди (Кызласов И.Л., 2023а; 2023б).

2. Наступило время перехода к новой культурной эре, отличавшей местное Средневековье, связанное с пришлыми для этих мест тюркоязычными народами и свойственной им культурой западноазиатского типа.

Слова, уцелевшие в тюркских памятниках рунического письма, выявляют лежавшую в основе их создателей изначально древнюю картину. Так, они рисуют войско еще не конницей, а пехотой, вооруженной копьями,

[1] Статья подготовлена в рамках Государственного задания Института археологии РАН № НИОКТР 122011200266-3.

жилища не переносными юртами, а неподвижными глиняными постройками. Даже слово *balïq* «город» в тюркских языках произошло от понятия *bal* «вязкая глина», от «глины» же происходят понятие *toj / toñ* «стоянка, лагерь», а *toqï-* «возводить, устанавливать» производно от «бить, ударять» (Кызласов И.Л., 1996; 2005; 2008; 2011, с. 33, 34).

Всё это указывает на изначально пешую и оседлую жизнь народа, связанную с наземным глинобитным домостроительством. Во II в. до н. э. первым достоверно тюркоязычным населением, кыргызами-гяньгунями и их неназванными в источниках родственными по языку народами, пришедшими в Южную Сибирь и Центральную Азию, были принесены столбовые или срубные дома многоугольной формы, наделенные купольными крышами. Они происходят от круглых глинобитных домов или мазанок уже в лесной зоне и сохранились до наших дней в виде жилищ современных аборигенов (Кызласов И.Л., 2011, с. 77–116). От них-то и происходят кошемные юрты.

Раз жилища некогда были круглы, недвижимы и строились из глины, значит, первоначальная прародина тюркских народов была суха, гориста и безлесна. Родную почву они называли jaγïz jer «бурая земля» (сравните с русским «мать сыра земля», указывающим на лесную, влажную почву).

Можно узнать, какие народы и языки издревле окружали тюркские племена. Поскольку во II–I вв. до н. э. они уже принесли в Южную Сибирь и Центральную Азию обряд сжигания умерших и поклонение как выкормившей сироту волчице, так и породившей родоначальника корове, значит, долго соседствовали с совершавшими такие же обряды и поклонения древними индоевропейцами (Кызласов, 2010а; 2010б). Добавим к этому, что само руническое письмо тюркских народов давным-давно было заимствовано от народов семитской языковой семьи (Кызласов И.Л., 1994, с. 105–167; 1998а; 1998б).

Судя по всему, первичная прародина тюркских народов в глубокой древности находилась где-то в Западной Азии, а их оседлая тогда культура относилась ко времени, еще не знавшему домашней лошади, то есть к эпохе бронзового века (Кызласов, 2014; 2016; 2021). В раннем железном веке, став всадниками, тюркские народы переселились на восток, стали соседями Северного Китая, но сохранили свою принадлежность к западноазиатской цивилизации. Быть может, для нас об этом нагляднее всего свидетельствует руническая письменность, не только отражавшая, но и официально отличавшая их духовное и государственное развитие. Несмотря на тесные культурные и политические контакты, тюркские народы так и не перешли на иероглифику, в отличие от иных древних и средневековых соседей Срединной империи, как это сделали гунны, Корея и Япония.

Принадлежа к ветви западной цивилизации, далее всего продвинувшейся на восток, и в этом своем культурном естестве, не похожем на цивилизацию дальневосточного типа, тюркоязычные народы постоянно привлекали внимание всех китайских империй поздней Древности и раннего Средневековья.

Остается сказать, что во II в. до н. э. произошло второе переселение тюркоязычных народов: уже не с азиатского Запада на Восток, а с близкого к Китаю юга на север. С тех пор археология находит их в Южной Сибири и Центральной Азии. Со времен этого вторичного передвижения, произошедшего 22 века назад, ранняя история тюркских народов известна уже и по письменным сообщениям. Сначала китайским, а затем и арабо-персидским (Кызласов Л.Р., 1984, с. 7–68).

Завершая этот сюжет, важно обратить внимание на то, что появление тюркских народов в истории не связано ни с именем, ни с самим народом *тюрк*, оказавшимся у Китайской стены, на семь веков позднее описанных событий – лишь в V столетии. Подменять самоназвания всех тюркоязычных племен и народов и их разнородных культур общими терминами «древние тюрки», «древнетюркская культура», а длительную древнюю и средневековую историю именовать «древнетюркское время» неверно. Будем помнить, что понятие «тюрки» – термин лингвистической систематики, и только в языкознании он имеет строгое значение, объединяющее разные народы с близкой речью. В Древности и в Средневековье тюркоязычные народы были многочисленными, к тюркам себя не относили и так себя не называли. Они насмерть бились с тюрками и создавали свои каганаты.

3. В период X–XII вв. господство над Центральной Азией переходит от тюркоязычных народов к монголоязычным.

Вторжение монголоязычных киданей в центральноазиатские степи, начатое походом 924 г., привело к кардинальным изменениям этнической состава региона. Нашествие X–XI вв. с востока вызвало бегство многих тюркоязычных племенных объединений и этнических групп от границ Китая на запад и предопределило выдвижение монголоязычных племен на освободившиеся земли. К XII в. кидани уже владели всей восточной частью современной территории Монголии до р. Орхон.

Продвигавшиеся на запад найманы в XI–XII вв. вытеснили из района хребта Эктаг-Алтай (Монгольский-Алтай) и с верховьев Иртыша тюркоязычных кимаков-кипчаков, частично ушедших на запад в Кипчакскую степь, частично – на восток в Центральную Азию.

Таким образом, с середины XII в. почти на всей территории современной Монголии господствовали уже монголоязычные племена и граница основного размежевания тюрков и монголов стала почти такой же, как в настоящее время (Кызласов Л.Р., 1992, с. 147–149).

Те базовые культурные особенности, которые монгольские народы принесли в Центральную Азию, в Восточную и Южную Сибирь, ныне не столь заметны по все еще мало исследованным ранним памятникам той эпохи. Но на предшествующем культурном фоне региона они ясно выделяются по археологически изученным объектам начала XIII и XIV вв. Монгольским нововведением оказываются здесь здания, возведенные по одному канону. Таковы не только прямоугольные землянки, но и квадратные в плане наземные непритязательные дома без фундаментов, со столбовыми каркасными стенами и теплыми П-образными лежанками-канами, отапливаемыми проходящими сквозь них дымоходами. Последние конструктивные особенности отличали не только деревянные рубленные юрты периода юности заложника-Темучина, но и далекие от Монголии золотоордынские здания – от Урала до Днестра и от Воронежа до Северного Кавказа. Всюду интерьер даже многокомнатных домов приобретал характерный монгольский облик (Кызласов Л.Р., 1965; 1969, с. 138–159; 1975а; 1992, с. 152–159).

Эта оседлая архитектурная традиция монголоязычных народов имела давние исторические корни и во всем принадлежала к северным пределам дальневосточных культур.

Еще в VI–IX вв. монгольские племена обитали на своей давней прародине – в горно-таежной полосе к востоку и северо-востоку от современной Монголии, по южным берегам Амура от устья Аргуни по всей северной ча-

сти Маньчжурии. Собственно монголы (мэнъу, мэнва) расселялись к югу от среднего течения Амура. К западу от них тогда, как помним, на всей территории Центральной Азии жили тюркоязычные этнические группы. В то давнее время, в дремучих лесах, монголы были оседлыми, жили в прочных углубленных в землю жилищах и преимущественно занимались охотой и рыболовством, лишь придомно выращивая свиней и лошадей. Последних они первоначально разводили на мясо и лишь затем для езды верхом.

Эту хозяйственную картину древнемонгольского общества целиком подтверждают исторически воспринимаемые данные монгольских языков. Они показывают, что эта лингвистическая группа народов имеет свои исконные термины для крупных речных рыб, лесных диких животных (включая северных оленей), а из домашних – лишь для собаки да лошади. Особенно подробный словарь фиксируется для домашних свиней. Весь скотоводческий лексикон (для обозначения быков и овец, верблюдов и мулов), как и слова для характерных степных диких животных и насекомых (лисицы-корсака, ушастого ежа, дикого козла и антилопы, скорпиона и тарантула) заимствованы из тюркских языков. Важно учесть и тюркские заимствования для ряда хлебных злаков.

Выйдя в степь, монголы за 200 лет, в короткий исторический срок, из пеших, в основном лесных рыбаков, охотников и коневодов, стали кочевниками-скотоводами. От тюркоязычных народов они заимствовали все виды степного скота, навыки и опыт кочевания, а также передвижные жилища и другие формы материальной культуры степняков, сохранив, однако, многое и из своего прежнего оседлого быта (Кызласов Л.Р., 1975б; 1992, с. 149–153).

Так произошла смена самих основ культурной направленности всей Центральной Азии и Южной Сибири. Западная культурная принадлежность, до этого веками присущая тюркоязычным племенам Средневековья, была вытеснена и заменена дальневосточными культурными устоями, принесёнными монгольскими народами.

Первоначально это были северные, приамурские традиции дальневосточной культуры, во всем теснейшим образом связанные с тунгусо-манчжурскими народами. Само слова *кан*, обозначающее обогреваемую дымом лежанку, имеет тунгусо-манчжурское происхождение. Воздействие на раннесредневековый культурогенез монгольских народов изначально родственной для них мохэской, а затем и чжурчжэньской, позднее покоренной ими, культуры не вызывает никаких сомнений.

С конца XIII по вторую треть XIV в. влияние собственно китайской дальневосточной культурной традиции закономерно нарастает не только в азиатских степях, но и в европейских пределах монгольской империи. В последующий период позднего Средневековья в Центральной Азии и Южной Сибири зона северного воздействия дальневосточных цивилизационных начал насильственно увеличивается в результате политических и военных действий ханств и княжеств Центральной и Западной Монголии.

Алтын-ханы и джунгарские контайши до 70-х гг. XVII в. не только боролись за сбор традиционной дани-ясака с далеких сибирских земель – в пределах поздних хакасских княжеств, бывших своих кыштымов, к тому времени ставших русскими уездами и волостями в Томском Приобье и Красноярском Приенисейском крае. Они активно стремились попрежнему духовно воздействовать на население этих земель, насаждая официальный для этих ханств лама-

изм – тибетскую форму буддизма, тем вытесняя поздние формы сибирско-тюркского манихейстского мировоззрения.

4. Следующий цивилизационный этап в историческом развитии Южной Сибири и Центральной Азии, так же как и западных пределов степной зоны, целиком связан с пришедшей с запада восточнославянской культурой. В разных краях этого обширного пространства он обусловлен вхождением земель и народов в состав или прямым воздействием на них Русского государства в XVII – первой половине XVIII века.

Примечание

[2] Это понятие употребляется мною в рамках русской географической традиции, основанной на постоянных естественных рубежах водоразделов, а не на изменчивых во времени историко-культурных показателях западноевропейской терминологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. М.: Восточная лит-ра, 1994. 327 с.
2. *Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. I. Древнейшие свидетельства об армии // РА. 1996. № 3. С. 73–88.
3. *Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности // РА. 1998а. № 2. С. 68–84.
4. *Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. II. Древнейшие свидетельства о письменности // РА. 1998б. № 1. С. 71–83.
5. *Кызласов И.Л.* Пратюркские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей. М.; Самара: ИА РАН, СОИКМ, 2005. 94 с.
6. *Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков [V]. Древнетюркские обиталища // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов / Отв. ред. А.В. Дыбо. М.: Восточная лит-ра, 2008. С. 273–341.
7. *Кызласов И.Л.* К основам изучения тюркских народов древности // На пути открытия цивилизации. Сб. статей к 80-летию В.И. Сарианиди / Труды Маргианской экспедиции. Т. 3 / Ред. П.М. Кожин, М.Ф. Косарев, Н.А. Дубова. СПб.: Алетея, 2010а. С. 547–552.
8. *Кызласов И.Л.* Индоевропейские признаки тюркской прародины // Вестник Международного института центральноазиатских исследований. 2010б. Вып. 11. С. 33–39.
9. *Кызласов И.Л.* Алтаистика и археология. М.: Институт тюркологии, 2011. 256 с.
10. *Кызласов И.Л.* Там ли мы ищем пратюркские народы? // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Астана: Сарыарка, 2014. С. 415–429.
11. *Кызласов И.Л.* Следы пратюркской культуры в памятниках рунической письменности (этимология военной и домостроительной лексики) // Вопросы тюркской филологии. Вып. XI. Материалы Дмитриевских чтений / Отв. ред. Д.М. Насилов, Е.А. Оганова. М.: Изд-во МБА, 2016. С. 137–156.
12. *Кызласов И.Л.* Наследие бронзового века в рунических памятниках Азии // Культуры азиатской части Евразии в древности и средневековье / Отв. ред. Н.А. Аванесова. Самарканд: Самаркандский государственный университет, 2021. С. 263–272.
13. *Кызласов И.Л.* Гунны в Сибири, или о границах Древности и Средневековья. Взгляд археолога // Археология Казахстана. 2023б. № 1. С. 29–42.
14. *Кызласов И.Л.* Граница Древности и Средневековья на Среднем Енисее // Ученые записки Музея-заповедника «Томская писаница». Кемерово, 2023а. Вып. 17. С. 74–93.
15. *Кызласов Л.Р.* Городище Дён-Терек // Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965. С. 59–119.
16. *Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. М.: Изд-во Московского университета, 1969. 211 с.
17. *Кызласов Л.Р.* Городище Оймак на Улуг-Хеме // Археология Северной и Центральной Азии / Отв. ред. А.П. Окладников, А.П. Деревянко. Новосибирск: Наука, 1975а. С. 178–191.
18. *Кызласов Л.Р.* Ранние монголы (К проблеме истоков средневековой культуры) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века / История и культура востока Азии. Т. 3 / Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1975б. С. 170–177.
19. *Кызласов Л.Р.* История Южной Сибири в средние века. М.: Высшая школа, 1984. 167 с.
20. *Кызласов Л.Р.* Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во Красноярского университета,1992. 225 с.

Информация об авторе:

Кызласов Игорь Леонидович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии Российской академии наук (г. Москва, Россия); kyzlasovil@mail.ru

STEPPE ZONE WEST ASIAN AND FAR EASTERN CIVILIZATIONS: TURKS AND MONGOLS

I.L. Kyzlasov

TThe data from early written sources, as well as the features of material and spiritual culture, indicate that the primary ancestral homeland of the Turkic-speaking peoples in ancient times was located somewhere in West Asia. The Turkic peoples of Central Asia and South Siberia in the Early Middle Ages represented a branch of Western civilization that advanced farthest to the east. Since the middle of the 12th century almost the entire territory of modern Mongolia was already dominated by Mongol-speaking tribes. Western cultural affiliation, previously characteristic for the Turkic-speaking tribes of the Middle Ages for centuries, was displaced and replaced by Far Eastern cultural traditions brought by the Mongol peoples.

Keywords: archaeology, Early Middle Ages, Turkic-speaking and Mongol-speaking peoples, civilizations of West and East Asia.

REFERENCES

1. Kyzlasov, I. L. 1994. *Runicheskie pis'mennosti evraziyskikh stepey (Runic writings of the Eurasian steppes).* Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
2. Kyzlasov, I. L. 1996. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 73–88 (in Russian).
3. Kyzlasov, I. L. 1998. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 68–84 (in Russian).
4. Kyzlasov, I. L. 1998. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 71–83 (in Russian).
5. Kyzlasov, I. L. 2005. *Pratyurkskie zhilishcha. Obsledovanie sayano-altayskikh drevnostey (Pre-Turkic dwellings. Inspection of Sayan-Altaic antiquities).* Moscow; Samara: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin (in Russian).
6. Kyzlasov, I. L. 2008. In Dybo, A. V. (ed.). *Prirodnoe okruzhenie i material'naya kul'tura pratyurkskikh narodov (The natural environment and the material culture of the Proto-Turkic peoples).* Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., 273–341 (in Russian).
7. Kyzlasov, I. L. 2010. In Kozhin, P. M., Kosarev, M. F., Dubova, N. A. (eds.). *Na puti otkrytiya tsivilizatsii. Sb. statey k 80-letiyu V.I. Sarianidi (On the Track of Uncovering a Civilization. A volume in honor of the 80th-anniversary of Victor Sarianidi). Trudy Margianskoy ekspeditsii. T. 3 (Transactions of the Margiana archaeological expedition. Vol. 3).* Saint Petersburg: "Aleteya" Publ., 547–552 (in Russian).
8. Kyzlasov, I. L. 2010. In *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta tsentral'noaziatskikh issledovaniy (Bulletin of International Institute for Central Asian Studies)* 11, 33–39 (in Russian, in English).
9. Kyzlasov, I. L. 2011. *Altaistika i arkheologiya (Altaistics and Archaeology).* Moscow: "Institut tyurkologii" Publ. (in Russian).
10. Kyzlasov, I. L. 2014. In Khabdulina, M.K. (ed.). *Dialog kul'tur Evrazii v arkheologii Kazakhstana (The Dialogue among Cultures of Eurasia through Archaeology in Kazakhstan).* Astana: "Saryarka" Publ., 415–429 (in Russian).
11. Kyzlasov, I. L. 2016. In Nasilov, D. M., Oganova, E. A. (eds.).*Voprosy tyurkskoy filologii. Vyp. XI. Materialy Dmitrievskikh chteniy (Issues of Turkic philology. Is. XI. Proceedings of the Dmitriev's Readings).* Moscow: "MBA" Publ., 137–156 (in Russian).
12. Kyzlasov, I. L. 2021. In Avanesova, N. A. (ed.). *Kul'tury aziatskoy chasti Evrazii v drevnosti i srednevekov'e (Cultures of the Asian Part of Eurasia in Ancient and Middle Ages).* Samarkand: Samarkand State University, 263–272 (in Russian).
13. Kyzlasov, I. L. 2023. In *Arkheologiya Kazakhstana (Kazakhstan Archaeology)* 1, 29–42 (in Russian).
14. Kyzlasov, I. L. 2023. In *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya pisanitsa» (Scientific notes of the Tomskaya Pisanitsa Museum-Reserve)* 17, 74–93 (in Russian).
15. Kyzlasov, L. R. 1965. In Kiselev, S. V. (ed.). *Drevnemongol'skie goroda (Ancient Mongol Towns).* Moscow: "Nauka" Publ., 59–122 (in Russian).
16. Kyzlasov, L. R. 1969. *Istoriya Tuvy v srednie veka (The history of Tuva in the Middle Ages).* Moscow: Moscow State University (in Russian).
17. Kyzlasov, L. R. 1975. In Okladnikov, A. P., Derevyanko, A. P. (eds.). *Arkheologiya Severnoy i Tsentral'noy Azii (Archaeology of Northern and Central Asia).* Novosibirsk: "Nauka" Publ., 178–191 (in Russian).
18. Kyzlasov, L. R. 1975. In Larichev, V. E. (ed.). *Sibir', Tsentral'naya i Vostochnaya Aziya v srednie veka (Siberia, Central and East Asia in the Middle Ages).* Series: Istoriya i kul'tura vostoka Azii (History and Culture of Eastern Asia) 3. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 170–177 (in Russian).

The article was prepared the State Task of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences No. НИОКТР 122011200266-3.

19. Kyzlasov, L. R. 1984. *Istoriya Yuzhnoy Sibiri v srednie veka (The History of Southern Siberia in the Middle Ages).* Moscow: "Vysshaya shkola" Publ. (in Russian).
20. Kyzlasov, L. R. 1992. *Ocherki po istorii Sibiri i Tsentral'noy Azii (Essays on the history of Siberia and Central Asia).* Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University Publ. (in Russian).

About the Author:

Kyzlasov Igor L. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; kyzlasovil@mail.ru

Статья принята в номер 16.07.2024 г.

УДК 902.904 https://doi.org/10.24852/pa2025.1.51.164.175

НЕКРОПОЛЬ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА У С. МАЯКИ (СЛАВЯНСКИЙ РАЙОН ДНР)[1]

© 2025 г. Э.Е. Кравченко

Работа посвящена систематизации материалов могильника 3 археологического комплекса у с. Маяки (Царино городище). Материалы раскопок отдельных его участков ранее публиковались. Погребения Царина считали сходными с погребениями могильников «зливкинского» типа. Введение в научный оборот неопубликованных материалов в сочетании с ранее изданными показало, что рассмотренный некрополь отнести к могильникам «зливкинского» типа нельзя. К таким объектам более применимо название «безынвентарные некрополи хазарского времени». Эти некрополи сосуществовали в среднем течении Северского Донца наряду с мусульманскими кладбищами и языческими могильниками «зливкинского» типа. По обряду же они имеют сходство со степными некрополями последующего периода, от которых отличаются присутствием высокого процента скорченных погребений.

Указанные некрополи возникли на позднем этапе салтово-маяцкой культуры, не ранее конца IX в. Они были оставлены полиэтничным и поликонфессиональным населением, на формирование которого повлияло перемещение групп населения из лесостепи. В их погребальном обряде прослеживается влияние христианства и ислама, без преобладания признаков какой-либо из этих религий. Городища, у которых были обнаружены такие кладбища, несут следы военных действий, завершившихся разгромом. Сходство обряда указанных могильников со степными некрополями постсалтовского времени является свидетельством того, что после гибели салтово-маяцкой культуры это население приняло участие в этнических процессах, связанных с формированием степного оседлого населения последующей эпохи.

Ключевые слова: археология, Северский Донец, хазарское время, салтово-маяцкая культура, некрополь, болгары, аланы, инвентарь, керамические сосуды, погребения, комплекс, городище.

Захоронения на территории археологического комплекса у с. Маяки (Царино городище) раскапывались многими исследователями. В.К. Михеев указывал на наличие при памятнике четырех некрополей, три из которых (1–3) он отнес к СМК (рис. 2: 1). Он же обращал внимание на присутствие на территории комплекса единичных захоронений и групп могил, которые считал погребениями «жертв разгрома городища» (Михеев, 1985, с. 16–18).

В предлагаемой работе уделено внимание могильнику 3, наиболее изученному некрополю памятника, данные исследований которого неоднократно публиковались (Михеев, 1985; Копыл, Татаринов, 1990; Ходжайов, Швецов, Ходжайова, Фризен, 2011, с. 125–133). При обработке материалов каждый автор анализировал вскрытую им группу захоронений, распространяя выводы на весь некрополь.

«Могильник 3» расположен в южной части археологического комплекса, на террасе левого берега отрога Ложникова Яра (рис. 1). Исследование велось на двух участках («А» и «Б»), расстояние между которыми превышало 300 метров. Между участками на территории «Большого» раскопа (S – 2952 кв. м) было выявлено семь захоронений из которых три находились в восточной его части, а четыре – в западной.

[1] Работа над статьёй была выполнена в рамках Государственного задания Севастопольского государственного университета «Формирование и функционирование поселенческих структур и населения Крыма от Средних веков к Новому времени по данным археологии и междисциплинарным исследованиям (FEFM-2024-0014)».

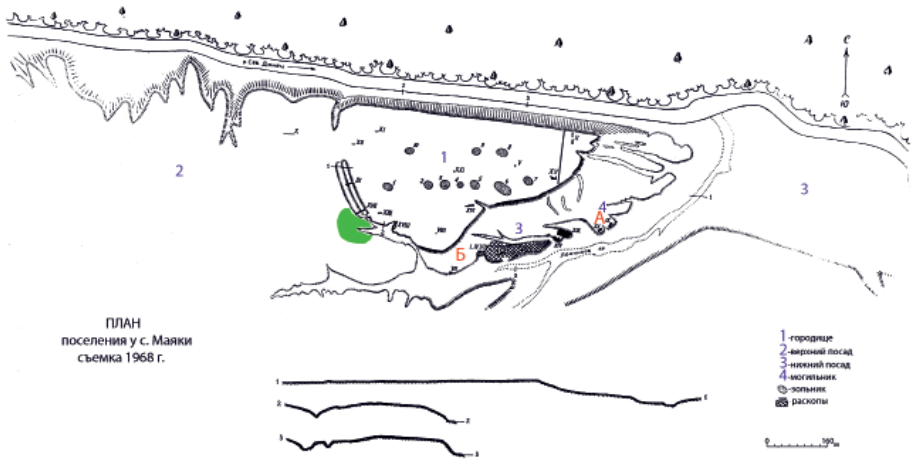


Рис. 1 – план Царина городища (по В.К. Михеев, 1968). Красными буквами «А» и «Б» показаны соответственные участки некрополя; 3 – зеленым цветом выделена предполагаемая территория раннемусульманского могильника 5.

Fig. 1. 1 – The plan of the Tsarino ancient city (according to V.K. Mikheev, 1968). The red letters "A" and "B" show the corresponding sections of the necropolis; 3 – The green colour highlights the proposed territory of the early Muslim cemetery 5.

Участок «А» находится в восточной части селища 2. Здесь в 1936 г. Г.Г. Афендик исследовал пять захоронений (рис. 2: 2–4). Впоследствии В.К. Михеев разбил здесь раскоп 20 (S – 97,5 кв. м), в котором выявил семь погребений (рис. 4: 1) (Михеев, 1968, с. 21–24). В 20 м к востоку им был заложен раскоп 9 (S – 87 кв. м), в котором расчищено 24 погребения (Михеев, 1964, с. 20–22; 1965, с. 23–25; 1966, с. 18–20). В целом на участке «А» было вскрыто 36 погребений. К ним тяготеют погр. I–III «Большого» раскопа. Сохранность выявленных захоронений не всегда была хорошей. От восьми из них сохранились только разрозненные части скелета.

Как далеко могильник продолжался к востоку, не ясно. В раскопе 31 (S – 76 кв. м) (рис. 5: 1), разбитом к северу от раскопа 20, захоронений не было. Вероятно, погребения располагались вдоль края террасы, у склона в русло Ложникова Яра. В южной части раскопа 31 расчищено скопление фрагментов сосудов (рис. 5: 2) (Кравченко, Петренко, Шамрай, 2008, с. 4–8). Такое же скопление зафиксировано и в раскопе 3«М»/24, на участке «Б», к северу от могильника. Вероятно, эти скопления состояли из обломков посуды, использованной при погребении.

Участок «Б» находился к западу от «Большого» раскопа. Значительная часть участка была раскопана Артемовской экспедицией. На площади 550 кв. м ими было вскрыто 63 погребения (Копыл, Татаринов, 1990).

Исследования на участке «Б» завершены М.Л. Швецовым, раскопавшим 64 погребения. Установлено, что на участке присутствуют два некрополя, из которых могильник 4 относился к золотоордынскому времени (Ходжайов, Швецов, Ходжайова, Фризен, 2011, с. 225). Основная часть погребений салтовского некрополя выделялась обрядом и состоянием костных остатков. Погребенные лежали в неглубоких ямах простой формы. В пределах участка «Б» к салтовскому некрополю относилось 67 погребений.

Ситуация на участке «Б» хорошо прослеживается благодаря наличию в публикациях чертежей выявленных комплексов. Хуже обстоит вопрос с

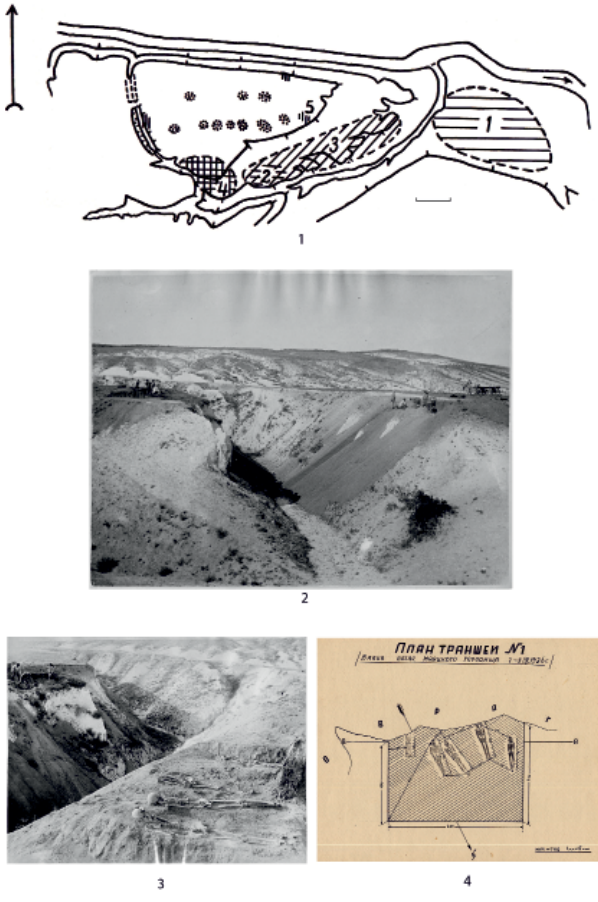


Рис. 2. 1 – ориентировочное расположение некрополей памятника (по В.К. Михеев, 1985); 2–3 – раскопки на территории некрополя осенью 1936 г. (под руководством Г.Г. Афендика); на снимке 2 видны «траншея 1 и 2», 3 – траншея 1 с обнаруженными захоронениями; 4 – план «траншеи 1» Г.Г. Афендика.

Fig. 2. 1 – the approximate location of the necropolises of the site (according to V.K. Mikheev, 1985); 2–3 – excavations on the territory of the necropolis in the autumn of 1936 (under the leadership of G.G. Afendik); picture 2 shows "trench 1 and 2", 3 – trench 1 with discovered graves; 4 – the plan of "trench 1" of G.G. Afendik.

захоронениями участка «А», т. к. материалы работавших здесь экспедиций не публиковались.

Все вскрытые В.К. Михеевым на участке «А» погребения ориентированы головой в западный сектор. Из них 10 лежало строго на запад; 11 имело северо-западную, а шесть – юго-западную ориентировку. Основная часть погребенных была вытянута на спине. Скорчено на правом боку было уложено погребение 13 (рис. 4: 6). Погребения 15 (рис. 3: 2) и 19 (рис. 3: 5) лежали на спине с подогнутыми в коленях ногами.

У восьми захоронений череп был развернут лицевой частью вверх. У десяти – присутствовал разворот лицевой частью к югу. У пяти – череп был повернут лицевой частью к северу. У погребений 18/1 и 28 наблюдался поворот лицевой части черепа вниз.

Кости ног в захоронениях 14 и 28 (рис. 3: 1; 4: 4) лежат близко друг к другу, что создает впечатление, что покойники подвергались связыванию или пеленанию. Положение рук нестабильно. В большинстве случаев они вытянуты вдоль корпуса или слегка согнуты в локтях. Кости кистей лежат на костях таза или в нижней части живота. Встречаются и иные положения конечностей. В погребении 17 руки были согнуты в локтях под острым углом и расставлены в стороны (рис. 3: 3). Соединенные в коленных суставах ноги скрещены (Михеев, 1965, м. 24, табл. XXXIX, 3).

Ряд захоронений выделялся из общего числа. Погребение 18 было парным. Оба скелета лежали рядом, головой на запад, при этом один погребенный был вытянут на спине, второй же лежал на животе, лицом вниз (Михеев, 1965, табл. XXXIX, 4) (рис. 3: 4). В погребении 19 скелет был уложен на спине с вытянутыми вдоль корпуса руками (Михеев, 1966, с. 19) и сильно согнутыми в коленях и заваленными влево ногами (рис. 3: 5) (Михеев, 1966, табл. XIX, 3).

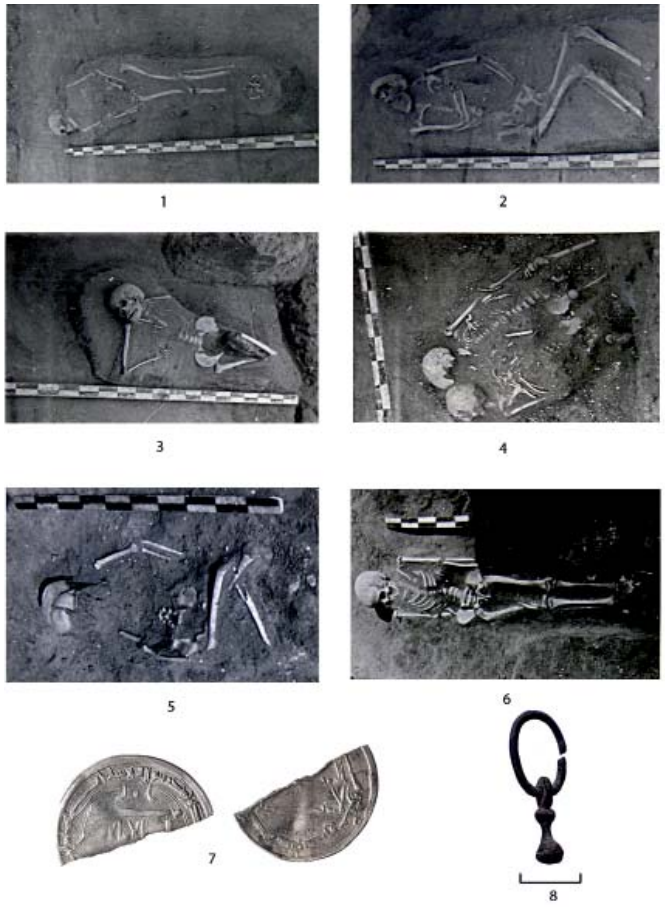


Рис. 3. 1–6 – погребения раскопа 9: 1 – погр. 14, 2 – погр. 15, 3 – погр. 17, 4 – погр. 18, 5 – погр. 19, 6 – погр. 22 (по Михеев, 1965; 1966). 7 – половинка дирхема из погр. 44, раскоп 1«М»/22. 8 – серьга из погр. 8, раскоп 2«М»/23.

Fig. 3. 1–6 – burials of excavation site 9: 1 – burial 14, 2 – burial 15, 3 – burial 17, 4 – burial 18, 5 – burial 19, 6 – burial 22 (according to Mikheev, 1965; 1966). 7 – half of the dirham from the burial 44, excavation site 1"M"/22. 8 – earring from the burial 8, excavation site 2"M"/23.

Интерес представляет погребение II. От скелета сохранились череп и две берцовых кости. «*К юго-западу и северо-востоку от черепа на расстоянии 0,25–0,3 м находились две линзы из слабо обожженной глины*» (Михеев, 1966, с. 8). Над костями, на уровне 0,4 м, лежал верхний камень жернова (рис. 4: 5).

Указанные материалы существенно дополняют банк сведений и позволяют проанализировать общие данные по некрополю. Для анализа взяты погребения, расчищенные разными исследователями, изучавшими некрополь:

– Г.Г. Афендиком и В.К. Михеевым на участке «А» – 39 погребений;

– А.Г. Копылом и С.И. Татариновым на участке «Б» – 45 погребений;

– М.Л. Швецовым на участке «Б» – 20 погребений (десять – раскоп 2«М»/23, два – останец 1, восемь погребений раскопа 1«М»/22 (1, 9, 27, 39, 44, 47, 49–50);

– захоронения IV и VII (Михеев, 1966, с. 17; 1968, с. 12).

В целом общее количество комплексов составляет 106, из которых были пригодны для анализа 92.

Все погребения ориентированы головой в западный сектор (42% на запад, 34% – юго-запад и 24% – северо-запад). По положению скелета выделяется несколько групп.

Группа 1. Вытянутые на спине (67 комплексов), 72,8% погребений некрополя. Различия наблюдались в положении черепа, рук, и ног погребенных.

Положение черепа: у 26,5% определить затруднительно, лицом вверх уложено 32,5%, в южную сторону череп был развернут у 21,8%, а в северную – у 16,8% погребенных. Лицом вниз были уложены 2,4%.

Положение рук не определено у 21,5%. У 59% руки в нижней части

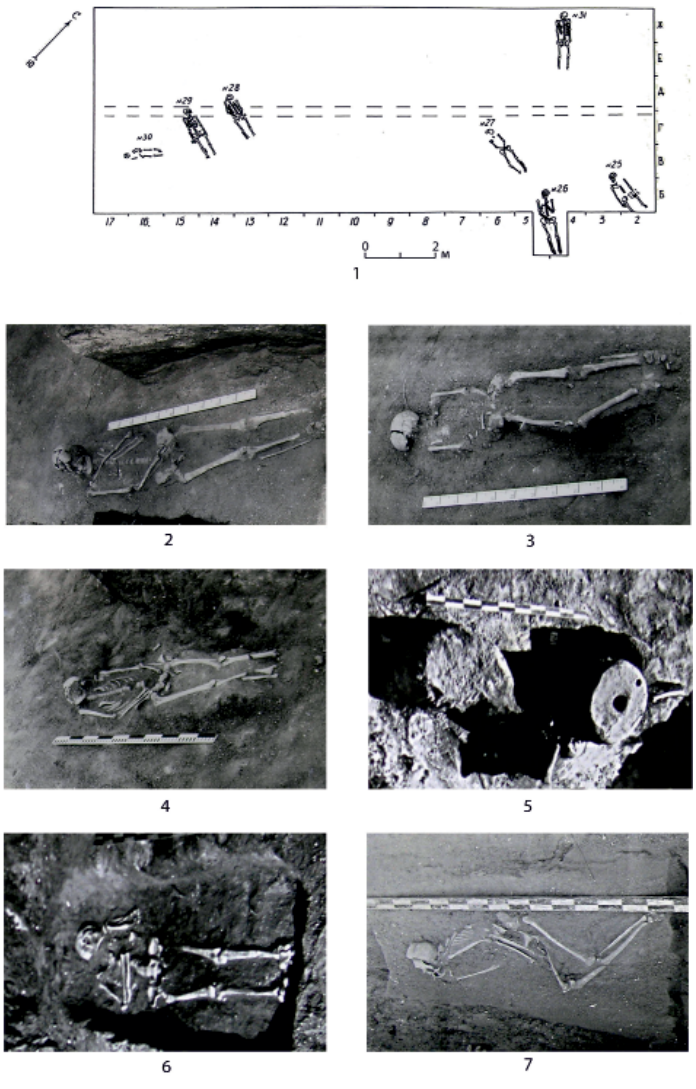


Рис. 4. 1 – общий план раскопа 20; 2 – погр. 26, раскоп 20; 3 – погр. 27 раскопа 20; 4 – погр. 28, раскоп 20 (по Михеев, 1968); 5 – погр. II, раскоп VI; 6 – погр. IV, раскоп VI (по Михеев, 1966); 7 – погр. 13, раскоп 9 (по Михеев, 1965).

Fig. 4. 1 – the general plan of excavation site 20; 2 – burial 26, excavation site 20; 3 – burial 27, excavation site 20; 4 – burial 28, excavation site 20 (according to Mikheev, 1968); 5 – burial II, excavation VI; 6 – burial IV, excavation site VI (according to Mikheev, 1966); 7 – burial 13, excavation site 9 (according to Mikheev, 1965).

корпуса; 9,7% – руки в средней части корпуса либо скрещены на животе; 9,8% – руки в верхней части корпуса, кисти располагались на груди, в районе ключиц или у подбородка. В погребении IV руки были сильно согнуты. Кисть левой находилась у подбородка; правая рука покоилась в области груди (рис. 4: 6). В погребении 26/р. 20 кисть правой руки находилась в области живота; кисть левой руки лежала у подбородка (рис. 4: 2).

Кости ног у 48% захоронений лежат вытянуто. У 20% нижняя часть корпуса погребенного подвергалась пеленанию. У 5% голени перекрещены. У 5% одна или обе ноги были согнуты в коленном суставе. Не определено 22% погребений.

Группа 2. Скорченные захоронения, 19 погребений, 20,7%. Из них 11 – скорчено на правом, а пять – на левом боку. На спине с подогнутыми в коленях ногами лежало трое погребенных.

Группа 3. Парные захоронения. Выявлено четыре погребения (4,3%). Два из них (№ 24 и № 8/р. 2«М»/23) представляют захоронения взрослого и ребенка. Погр. 59/(раскоп С.И. Татаринова), содержало скелеты двух взрослых и ребенка, а погребение 18/р. 9 – два скелета взрослых (рис. 3: 4).

Группа 4. Захоронение частей человеческого скелета. Представлены двумя захоронениями человеческих черепов (2,2%).

1

Рис. 5. 1 – фото восточной части селища 2 (участок «А» некрополя 3) с местами расположения раскопов №№ 9, 20 и 31; 2 – скопление фрагментов керамических сосудов в южной части раскопа 31.

Fig. 5. 1 – photo of the eastern part of the ancient settlement 2 (site "A" of the necropolis 3) with the locations of the excavation sites No. 9, 20 and 31; 2 – accumulation of fragments of ceramics in the southern part of the excavation site 31.

Говоря об обряде рассматриваемого могильника, В.К. Михеев выделял на нем три группы захоронений: «*1 – по зливкинскому обряду, 2 – по раннемусульманскому обряду…; 3 – погребения жертв военного разгрома городища*». Некрополи этого типа он отнес к населению «*земледельческо-ремесленных центров»,* на обряд которых оказали влияние мировые религии (Михеев, Копыл, 1989, с. 52–53). С.И. Татаринов и А.Г. Копыл выделяли среди обнаруженных ими захоронений четыре типа: тип 1 и 2 – безынвентарные погребения, тип 3 – мусульманские захоронения, и тип 4 – «жертвы разгрома». М.Л. Швецов указывал на близость указанных погребений к могильникам «зливкинской» группы, которую он относил к *«сельскому населению Подонцовья».* Отсутствие в погребениях Маяков *«керамических сосудов и напутственной пищи»* он связывал с принадлежностью населенного пункта к городским центрам (Ходжайов, Швецов, Ходжайова, Фризен, 2011, с. 215, 221).

Рассмотрим вопрос о наличии на участке «Б» могильника, связанного с «жертвами разгрома» городища. К нему относили 15 захоронений (Копыл, Татаринов, 1990, с. 55–56, рис. 3, табл. 4–5). Рассмотрение этих комплексов показывает, что все они представлены погребениями описанных нами групп. Со всех сторон эти погребения были окружены другими могилами. От основной массы они отличались меньшей глубиной залегания и, соответственно, худшей сохранностью костных останков. Относить парные погребения к жертвам военного разгрома нет оснований. Они встречаются на ямных могильниках хазарского и более позднего времени

и не представляют чего-то необычного (Артамонова, 1963, с. 30, 31, 33, 42–50; Прокофьев, 2009, с. 109; и др.). На Царином городище парные захоронения присутствуют на обоих участках некрополя 3, т. е. имеются как в пределах, так и за пределами предполагаемого места захоронения «жертв разгрома». Таким образом, на некрополе 3 кладбища «жертв разгрома» не было. Что не исключает наличия захоронений этого типа на жилой части памятника.

Все исследователи указывали на сходство обряда рассматриваемого нами некрополя с обрядом могильников «зливкинского» типа. В самом деле, захоронения группы 1 с руками в нижней части корпуса по положению покойника имеют с ними сходство. Куда больше присутствует отличий, главным из которых является отсутствие в захоронениях могильника 3 керамических сосудов и костей животных от «напутственной пищи».

Характер инвентаря, найденного в захоронениях, свидетельствует, что некоторых погребенных хоронили с украшениями и в одежде. На участке «А» вещи присутствовали в пяти погребениях. В погребении 15 на правой руке находился железный браслет. У погребения 16 в области груди найден наконечник скифской стрелы. У черепа погребения 22 расчищены бронзовые подвеска и серьга. У кисти левой руки погребения 26 обнаружен точильный брусок. На костях левой руки погребения VII выявлен бронзовый браслет (Михеев, 1968, с. 12, табл. XVIII, 1, 13). Близкая картина наблюдается и на участке «Б». Здесь, в захоронениях С.И. Татаринова находки были представлены бронзовой пуговицей (погребение 48), бубенцами (погребения 47 и 57), железной и бронзовой пряжками (погребения 12 и 46) и фрагментом кованой железной цепочки (погребение 52). В захоронениях раскопов М.Л. Швецова были обнаружены: бронзовая серьга (погребение 8/р. 23) (рис. 3: 8), три круглых железных пряжки (погребение 39/р. 22), и половинка аббасидского дирхема в погребении 44/р. 22 (рис. 3: 7). Таким образом, инвентарь встречен в погребениях трех описанных нами групп (1–3).

Особый интерес представляет наличие на могильнике захоронений 2 группы. Скорченные погребения на «зливкинских» некрополях немногочисленны (Красильникова, Красильников, 2012, с. 204–205). Гораздо чаще они встречаются в катакомбных могильниках лесостепи. Высокий процент скорченных захоронений зафиксирован среди ямных погребений некрополя Дмитровского археологического комплекса. Указанные могилы С.А. Плетнева считала погребениями женщин-аланок. От захоронений Царинского некрополя они отличались наличием керамических сосудов и инвентаря. Встречены здесь и захоронения на спине с подогнутыми в коленях ногами (Плетнева, 1989, с. 189, 255–260; рис. 96; 115:2, 116, 117:2). Скорченные безынвентарные захоронения присутствуют на могильниках Крыма (Тепсень) (Баранов, 1990, с. 119) и Тамани (Фанагория) (Атавин, 1986, с. 262–265). Имеются они в некрополях Дунайской Болгарии, где их связывают с присутствием сармато-аланского компонента в среде протоболгар (Коматарова-Балинова, 2013, с. 82–87).

Особый интерес представляет могильник «Черниково озеро» (33 км к востоку от Царина городища), который по своим материалам имеет сходство с некрополем 3. Основная часть выявленных на нем погребений (кроме погребения 3) не содержала керамики. Погребения 7, 10–11 представляли комплекс группового захоронения. Погребения 3, 6 и 8 были скорченными. Однако, в отличие от Царинского некрополя, указанный

могильник был кладбищем малого сельского поселения (Швецов, Санжаров, Прынь, 2001, с. 333–335, 337). Последнее позволяет усомниться в том, что некрополи рассматриваемого типа относятся исключительно к крупным населенным пунктам.

Детали обряда могильника 3 находят параллели на памятниках региона. Положение жернова на уровне дневной поверхности имеет аналог на Сидоровском археологическом комплексе, где было обнаружено погребение, перекрытое верхним камнем жернова (Кравченко, 2020, с. 56). Зафиксирован указанный обряд и на некрополе более позднего времени – Мамай-Сурка на Нижнем Днепре, где в погр. 666 на уровне древней дневной поверхности в области ног скелета был уложен верхний камень жернова (Ельников, 2006, с. 275, рис. 165: 1–3). Аналоги указанному обряду уходят своими корнями в северокавказские древности. Закрывание жерновами входов в катакомбы зафиксировано в Змейском могильнике в Северной Осетии (Куссаева, 1961, с. 53; Кузнецов, 1961, с. 66–67, 95, 96, 101, 130, рис. 23). Отголоски же этого обряда прослеживаются до этнографической современности (Калоев, 1967, с. 202).

Находит параллели и факт находки наконечника скифской стрелы в погребении 16/р. 9. Наконечники скифских стрел присутствуют в погребениях могильника Мамай-Сурка (192, 319, 473) (Ельников, 2001, с. 95, 147, рис. 31: 10–11; 51: 1–2; 2006, с. 108, рис. 63: 4–5), где они, наиболее вероятно, представляли не амулеты, а магические предметы типа «громовых» стрел.

Выше указывалось, что в погребениях группы 1 достаточно часто встречалось характерное положение рук, скрещенных на тазе, животе (9,7%) или в районе груди (9,8%). На основной части могильников «зливкинского» типа количество таких погребений невелико, если не считать могильники Крыма хазарского времени и связанный крымским населением некрополь у Червоной Гусаровки (Аксенов, 2017, с. 65–66). Подобное положение рук, которое О.А. Артамонова связывала с влиянием христианства, часто встречается на некрополях степного населения постсалтовского времени. Таких захоронений много на могильнике Белой Вежи (Артамонова, 1963, с. 42, 58–59); на могильнике Зливки-2 на Северском Донце (Швецов, 1991, с. 117–119) и Мартышкина Балка на Нижнем Дону (Прокофьев, 2009, с. 112), на котором был встречен и проволочный крестик. Характерно оно для некрополя Мамай-Сурка, где в отдельных могилах присутствовали предметы христианского культа (Ельников, 2001, с. 75, 92, 98; 2006, с. 178). Доминирует оно на Новохарьковском могильнике на Среднем Дону, который авторы раскопок считали мусульманским (Винников, Цыбин, 2002), указывая на возможность и христианских влияний на оставившее его население. На всех указанных некрополях присутствуют парные погребения, что не противоречит как ранней, салтовской, так и христианской традиции (Прокофьев, 2009, с. 109).

Исключать влияние ислама на население, оставившее некрополь 3 Царина городища также нет оснований. На сходство ряда погребений с мусульманскими (погребения 14 и 22 раскопа 9) (рис. 3: 1, 6), а также факт, что поворот черепа лицевой частью к югу имеет значительный процент погребенных, обращалось внимание выше. При этом необходимо учитывать, что на археологическом комплексе существовал и раннемусульманский некрополь, который, возможно, функционировал одновременно с рассматриваемым нами могильником. Собственно, близкая картина наблюдается на Сидоровском археологическом комплексе, где соседствовали и

сосуществовали два мусульманских некрополя (1 и 2) и могильник 3, содержавший наряду с вытянутыми на спине безынвентарными захоронениями погребение с керамическим сосудом (Михеев, 1971, с. 6) и погребения по мусульманскому обряду (Кравченко, 2020, с. 54–56). В целом этот некрополь мало отличался от некрополя 3 Царина городища и могильника на Черниковом озере.

Таким образом, рассмотренный нами некрополь, как и подобные ему, отнести к категории могильников «зливкинского» типа не представляется возможным. К этим объектам применимо название «безынвентарные некрополи хазарского времени». Они сосуществовали в среднем течении Северского Донца с раннемусульманскими кладбищами и, вероятно, с языческими могильниками «зливкинского» типа. При этом по своему обряду они находятся ближе к степным могильникам последующего периода, чем к эталонному могильнику «Зливки-1». От них они также отличаются присутствием высокого процента скорченных погребений.

Указанные некрополи были оставлены полиэтничным и поликонфессиональным населением, на формирование которого повлияло перемещение групп населения из лесостепи. Переселенцы принесли с собой обычай хоронить погребенных в скорченном положении и некоторые обряды, которые дожили у ираноязычных народов Северного Кавказа до этнографической современности. В погребальном обряде безынвентарных некрополей прослеживается влияние мировых религий (христианства и ислама) без преобладания признаков какой-либо из них. Вероятно, процесс выбора веры в период их функционирования находился в начальной стадии.

Возникли эти кладбища на позднем этапе существования салтово-маяцкой культуры, не ранее 2-й пол. IX в. Городища, у которых они были обнаружены, несут следы военных действий, завершившихся разгромом этих поселений. Сходство обряда указанных могильников со степными некрополями постсалтовского времени может свидетельствовать о том, что после гибели СМК это население приняло участие в этнических процессах, связанных с формированием степного оседлого населения последующего периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аксенов В.С.* Могильник салтово-маяцкой культуры у с. Червонная Гусаровка на Северском Донце. Харьков, 2017. 140 с.
2. *Артамонова О.А.* Могильник Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 3 / МИА. № 109 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1963. С. 7–116.
3. *Атавин А.Г.* Средневековые погребения из Фанагории // СА. 1986. № 1. С. 262–266.
4. *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.
5. Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. 200 с.
6. *Ельников М.В.* Средневековый могильник Мамай-Сурка: по материалам исследований 1989–1992 гг. Т. 1. Запорожье: Запорожский государственный университет, 2001. 275 с.
7. *Ельников М.В.* Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1993–1994 гг.). Т. 2 Запорожье: Запорожский государственный университет, 2006. 356 с.
8. *Калоев Б.А.* Осетины. М.: Наука, 1971. 355 с.
9. *Коматарова-Балинова Е.* Хокери и псевдохокери от биритуалните некрополи в Североизточна България: Възможности за интерпретация // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Вып. 3. / Упоряд. Г. Є. Свистун. Харків: Видавець Савчук О. О.; ОКЗ «Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини», 2013. С. 82–87.
10. *Копыл А.Г., Татаринов С.И.* Мусульманские элементы в погребальном обряде протоболгар Среднедонечья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: АН СССР, Казанский научный центр, 1990. С. 52–71.

11. Кравченко Э.Е. Сидоровский археологический комплекс на р. Северский Донец // Археология Евразийских степей. 2020. № 4. 344 с.
12. Кравченко Э.Е., Петренко А.Н., Шамрай А.В. Отчет об исследованиях на археологическом комплексе Маяки в 2008 году / Архив ИА НАНУ № 2008/82.
13. Красильникова Л.И., Красильников К.И. Погребальные обряды праболгар по материалам степной и лесостепной зон салтово-маяцкой культуры (СМК) (предварительные замечания) // Дивногорский сборник. Ч. 3 / Отв. ред. А.З. Винников, М.И. Лылова. Воронеж: Научная книга, 2012. С. 193–208.
14. Кузнецов В.А. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.) // Археологические раскопки в районе Змейской в Северной Осетии. Т. 1. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1961. С. 62–135.
15. Куссаева С.С. Аланский катакомбный могильник XI–XII вв. у станицы Змейской (по раскопкам 1953 г.) // Археологические раскопки в районе Змейской в Северной Осетии. Т. 1. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1961. С. 51–61.
16. Михеев В.К. Отчет об археологических раскопках поселения у с. Маяки в 1964 г. // Архив ИА НАНУ №1964/28
17. Михеев В.К. Отчет о раскопках поселения и могильника салтовской культуры у с. Маяки в 1965 году / Архив ИА НАНУ № 1965/18.
18. Михеев В.К. Отчет об археологических раскопках у с. Маяки Славянского р-на Донецкой обл. // Научный Архив ИА НАНУ № 1966/80.
19. Михеев В.К. Отчет об археологических исследованиях поселения салтовской культуры у с.Маяки в 1968 году / Архив ИА НАНУ № 1968/48.
20. Михеев В.К. Отчет о работе средневековой археологической экспедиции ХГУ им. А.М. Горького в 1971 г. // НА ИА НАНУ № 1971/76.
21. Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища школа, 1985. 148 с.
22. Михеев В.К., Копыл А.Г. Средневековые поселения и могильники Подонцовья // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе / Отв. ред. А.Д. Колесник. Донецк, 1989. С. 50–53.
23. Плетнёва С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 288 с.
24. Прокофьев Р.В. Средневековый грунтовый могильник Мартышкина Балка на Нижнем Дону // РА. 2009. № 3. С. 106–117.
25. Ходжайов Т.К., Швецов М.Л., Ходжайова Г.К., Фризен С.Ю. Население Подонцовья эпохи Золотой Орды (по материалам могильников у с. Маяки) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 11. Золотоордынское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2012. С. 125–192.
26. Швецов М.Л. Могильник Зливки // Проблеми на прабългарската история и култура. Т. 2. (трета международна среща по прабългарска археология – 1990 г. в Шумен). София: Аргес. 1991. С. 109−123.
27. Швецов М.Л., Санжаров С.Н., Прынь А.В. Два новых сельских могильника в Подонцовье // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский Донецк: ДонНУ, 2001. С. 333–346.

Информация об авторе:

Кравченко Эдуард Евгеньевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Севастопольский Государственный университет (г. Севастополь, Россия); sidae@mail.ru, ORCID: 0009-0009-2493-3191

KHAZAR PERIOD NECROPOLIS OF THE ARCHAEOLOGICAL COMPLEX NEAR THE VILLAGE OF MAYAKI (SLAVYANSK DISTRICT OF THE DPR)

E.E. Kravchenko

The work is devoted to the systematization of the materials of burial ground 3 of the archaeological complex near the village of Mayaki (ancient city of Tsarino). The materials of the excavations of some of its sites have previously been published. The Tsarino burials were considered similar to the burial grounds of the "Zlivki" type. The introduction of unpublished materials into scientific discourse in combination with previously published ones showed that the necropolis under consideration cannot be attributed to the burial grounds of the "Zlivki" type. The name "Khazar period necropolises without grave goods" is more applicable to such objects. These necropolises coexisted in the middle parts of the Seversky Donets river along

This paper was prepared within the State Task of Sevastopol State University “Formation and functioning of settlement structures and the population of Crimea from the Middle Ages to the Modern time according to archaeological data and interdisciplinary studies (FEFM-2024-0014)”

with Muslim cemeteries and pagan burial grounds of the "Zlivki" type. In terms of ritual, they have similarities with the steppe necropolises of the subsequent period, from which they are distinguished by the presence of a high percentage of twisted burials.

These necropolises appeared at a late stage of the Saltovo-Mayaki culture, not earlier than the end of the IX century. They were left by a multi-ethnic and multi-confessional population, whose formation was influenced by the movement of population groups from the forest-steppe. The influence of Islam and Christianity can be traced in their burial rites, without the predominance of signs of any of these religions. The settlements where such cemeteries were discovered bear traces of military actions that ended in defeat. The similarity of the rites of these burial grounds with the steppe necropolises of the post-Saltovo period is evidence that after the death of the Saltovo-Mayaki culture, this population took part in the ethnic processes associated with the formation of the steppe sedentary population of the subsequent epoch.

Keywords: archaeology, Seversky Donets, Khazar period, Saltovo-Mayaki culture, necropolis, Bolgars, Alans, inventory, ceramics, burials, complex, settlement.

REFERENCES

1. Aksenov, V. S. 2017. *Mogil'nik saltovo-maiatskoi kul'tury u s. Chervonnaia Gusarovka na Severskom Dontse (Burial Mound of Saltovo-Mayaki Culture near Chervonnaya Gusarovka Village on the Seversky Donets).* Khar'kiv (in Russian).

2. Artamonova, O. A. 1963. In Artamonov, M. I. (ed.). *Trudy Volgo-Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii. T. 3. (Proceedings of the Volga-Don archaeological expedition. Vol. 3).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 109. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 7–116 (in Russian).

3. Atavin, A. G. 1986. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 262–266 (in Russian).

4. Baranov, I. A. 1990. *Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ia (saltovo-maiatskaia kul'tura) (Tauris in the Early Middle Ages (Saltovo-Mayaki Culture)).* Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

5. Pryakhin, A. D. (ed.). 2002. *Novokhar'kovskiy mogil'nik epokhi Zolotoy Ordy (Novokharkovka burial ground of the Golden Horde period).* Voronezh: Voronezh University Publ. (in Russian).

6. El'nikov, M. V. 2001. *Srednevekovyy mogil'nik Mamay-Surka: po materialam issledovaniy 1989–1992 gg. (Elnikov M.V. Medieval burial ground of Mamay-Surka: based on research materials 1989-1992).* Vol. 1. Zaporozh'e: Zaporizhia State University Publ. (in Russian).

7. El'nikov, M. V. 2006. *Srednevekovyy mogil'nik Mamay-Surka: po materialam issledovaniy 1993–1994 gg. (Elnikov M.V. Medieval burial ground of Mamay-Surka: based on research materials 1993–1994).* Vol. 2. Zaporozh'e: Zaporizhzhya State University Publ. (in Russian).

8. Kaloev, B. A. 1971. *Osetiny (The Ossetians)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

9. Komatarova-Balinova, E. 2013. In Svistun, E. (ed.). *Saltovo-mayats'ka arkheologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennya (Saltovo-Mayaki archaeological culture: issues and research)* 3. Kharkiv: Publisher Savchuk A. A.; okz "Kharkiv scientific and methodological Center for the protection of cultural heritage", 82–87 (in Russian).

10. Kopyl, A. G., Tatarinov, S. I. 1990. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Rannie bolgary i finno-ugry v Vostochnoy Evrope (Early Bulgarians and Finno-Ugrians in Eastern Europe)*. Kazan: Russian Academy of Sciences of USSR, Kazan Scientific Center, 52–71 (in Russian).

11. Kravchenko, E. E. 2020. *Sidorovskiy arkheologicheskiy kompleks na r. Severskiy Donets (Sidorovsky Archaeological Complex on the Seversky Donets River)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 4 (in Russian).

12. Kravchenko, E. E., Petrenko, A. N., Shamrai, A. V. 2008. *Otchet ob issledovaniiakh na arkheologicheskom komplekse Mayaki v 2008 godu (Report on Studes at the Mayaki Archaeological Complex in 2008).* Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 2008/82 (in Russian).

13. Krasil'nikova, L. I., Krasil'nikov, K. I. 2012. In Vinnikov, A. Z., Lylova, M. I. (eds.). *Divnogorskiy sbornik (Divnogorsk collection)* 3. Voronezh: "Nauchnaya kniga" Publ., 193–208 (in Russian).

14. Kuznetsov, V. A. 1961. In *Arkheologicheskie raskopki v rayone Zmeyskoy v Severnoy Osetii (Archaeological excavations at the rural settlement Zmeyskaya in North Ossetia).* Vol. 1. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House, 62–135 (in Russian).

15. Kussaeva, S. S. 1961. In *Arkheologicheskie raskopki v rayone Zmeyskoy v Severnoy Osetii (Archaeological excavations at the rural settlement Zmeyskaya in North Ossetia).* Vol. 1. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House, 51–61 (in Russian).

16. Mikheev, V. K. 1964. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh poseleniya u s. Mayaki v 1964 g. (Report on archaeological excavations of an ancient settlement nearby the village of Maiaky in 1964).* Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. № 1964/28 (in Russian).

17. Mikheev, V. K. 1965. *Otchet o raskopkakh poseleniya i mogil'nika saltovskoy kul'tury u s. Mayaki v 1965 godu (Report of the excavation of a settlement and burial ground of the Saltovsky culture*

near the village of Mayaki in 1965). Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. № 1965/18 (in Russian).

18. Mikheev, V. K. 1966. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh u s. Mayaki Slavyanskogo r-na Donetskoy obl. (Report on archaeological excavations nearby the village of Maiaky in the Slavyansk district, Donetsk region).* Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. № 1966/80 (in Russian).

19. Mikheev, V. K. 1968. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh poseleniya saltovskoy kul'tury u s. Mayaki v 1968 godu (Report of the excavation of a settlement and burial ground of the Saltovsky culture near the village of Mayaki in 1968).* Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. № 1968/48 (in Russian).

20. Mikheev, V. K. 1971. *Otchet o rabote srednevekovoi arkheologicheskoi ekspeditsii Khar'kovskogo gosudarstvennogo universiteta. A.M. Gor'kogo v 1971 g. (Report on the Activities work of the Medieval Archaeological Expedition of the National University of Kharkov named after A.M. Gorky in 1971).* Research Archive of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1971/76 (in Russian).

21. Mikheev, V. K. 1985. *Podon'e v sostave Khazarskogo kaganata (The Don Region in Khazar Khaganate)*. Kharkiv: "Vishcha shkola" Publ. (in Russian).

22. Mikheev, V. K., Kopyl, A. G. 1989. In Kolesnik, A. D. (ed.). *Problemy okhrany i issledovaniya pamyatnikov arkheologii v Donbasse (Issues of protection and research of archaeological sites in Donbas)*. Donetsk, 50–53 (in Russian).

23. Pletneva, S. A. 1989. *Na slaviano-khazarskom pogranich'e. Dmitrievskii arkheologicheskii kompleks (In the Slavic-Khazar Borderlands. Dmitriev Archaeological Complex)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

24. Prokof'ev, R. V. 2009. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology).* (3), 106–117 (in Russian).

25. Khodzhayov, T. K., Shvetsov, M. L., Khodzhayova, G. K., Frizen, S. Yu. 2012 In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 11. *Zolotoordynskoe vremia (Golden Horde Time).* Donetsk: Donetsk National University, 125–192 (in Russian).

26. Shvetsov, M. L. 1991. In *Problemi na prabălgarskata istoriya i kultura (Issues of Pre-Bulgarian History and Culture)* Vol. 2. Sofia: "Arges" Publ., 109−123 (in Russian).

27. Shvetsov, M. L., Sanzharov, S. N., Pryn', A. V. 2001. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)*. Vol. 2. Donetsk: Donetsk National University, 333–346 (in Russian).

Информация об авторе:

Kravchenko Eduard E. Candidate of Historical Sciences. Sevastopol State University. Universitetskaya St., 33, Sevastopol, 299053, Russian Federation; sidae@mail.ru, ORCID: 0009-0009-2493-3191

Статья принята в номер 23.07.2024 г.

Урбанизм степной Евразии в средние века*

УДК: 930.26 (517.6) https://doi.org/10.24852/pa2025.1.51.176.188

ВКЛАД ЧЖУРЧЖЭНЕЙ ПЕРИОДА ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЕ СЯ (1215–1233 ГГ.) В ЭВОЛЮЦИЮ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФОРТИФИКАЦИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

© 2025 г. Н.Г. Артемьева

Чжурчжэньские городища периода существования государства Восточное Ся (1215–1233 гг.) представляют собой сложную систему фортификации. Готовясь к обороне от монголов, чжурчжэни начинают строить новый тип горных городищ, которые превратились в города-крепости со сложной системой обороны. Каждое городище имело свои функции, от которых зависели их месторасположение, размеры, внутренняя топография. Применяя богатый опыт своих предшественников, они создают свою традицию в градостроительстве, рационально используя естественно-географические условия. Города-крепости возводят на горных отрогах, которые контролировали, прилегающую долину, обеспечивая наиболее выгодную позицию для защиты. Внутри отрога находился распадок, позволявший следить за движением врагов, тогда как враги лишались возможности наблюдать за действиями защитников крепости. Стены крепости сооружались с учетом отвесности скал, что устраняло необходимость возведения рвов. Ворота укрепляли дополнительными сооружениями в виде барбакан. Валы строились в основном земляные, с дополнительными фортификационными сооружениями – башнями, ронделями, барбетами. Дополнительные фортификационные сооружения имели характерные особенности для городов XIII в. и исполняли защитные функции, сочетающиеся со сторожевыми и наблюдательными. Введение чжурчжэнями новых технических решений в градостроительство горных городищ явилось вкладом в эволюцию средневековой фортификации народов Восточной Азии.

Ключевые слова: археология, Дальний Восток, чжурчжэни, государство Восточное Ся, империя Цзинь, фортификация, вал, ров, башни, ворота, рондели, барбет, средневековые городища.

Многолетние исследования памятников периода чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215–1233 гг.) на территории Приморья дают возможность выделить характерные особенности их фортификационных сооружений, которые повлияли на развитие способов обороны средневековых городов Дальнего Востока. Создав новое государство накануне захвата империи Цзинь монголами и переселившись на новые территории, чжурчжэни начинают строить новый тип поселений – горные городища, рационально используя в градостроительстве как естественно-географические условия, так и богатый опыт оборонительных сооружений, созданный в государстве Когурё (рельеф «горобон») (Артемьева, 2009; Когурё Мунхва, 1972). Города-крепости возводятся на горных отрогах, контролирующих долины, что обеспечивало наиболее выгодную позицию для защиты (рис. 1: 1). Отроги, отходящие от горной цепи, всегда имели четко выраженные высокие склоны и распадки с выходами воды. Такая топографическая особенность давала возможность обеспечить жителей водой при осаде, а также применять тактику лишения возможности врага наблюдать за действиями защитников крепости. Горные городища имели естественную защиту за счет высоты склонов сопок и дополнительную поддержку в виде выхода на горный отрог, используемого для отхода во время осады.

* Материалы VI Международного конгресса археологии евразийских степей.

2

Рис. 1. 1 – Шайгинское городище. Вид с юго-запада; 2 – план Шайгинского городища (1 – башни, 2 – барбеты, 3 – рондель, 4 – редан, 5 – отсекающий ров).

Fig. 1. 1 – Shaiginsky settlement. View from the southwest; 2 – Plan of the Shaiginsky settlement (1 – towers, 2 – barbettes, 3 – roundel, 4 – redan, 5 – cutting fosse).

Горные отроги, расположенные рядом с крепостями, прорезали отсекающими рвами и укрепляли дополнительными валами. При сооружении городов чжурчжэни применяли основные элементы фортификации – валы, ворота, рвы, башни, но в их градостроительстве появляются новые: барбеты, рондели, реданы тенали, потайные ворота и оборонительные бастионы (рис. 1: 2) (Артемьева, 2009а). Рационально используя местные особенности рельефа, укрепив их фортификационными сооружениями, чжурчжэни периода государства Восточного Ся в начале XIII в. создали свой тип городов-крепостей с новыми элементами дополнительных оборонных сооружений.

На характер строительства оборонительных сооружений чжурчжэней влияли многие факторы, в том числе статус города, особенности природного ландшафта, но основное – это уровень развития военного и инженерного искусства, который формировался за счет устоявшихся традиций фортификации и внесения новых элементов защиты, которые прослежены пока только на городищах государства Восточное Ся.

В связи с тем, что города строились на возвышенностях, в плане они имели произвольную форму, вписан-

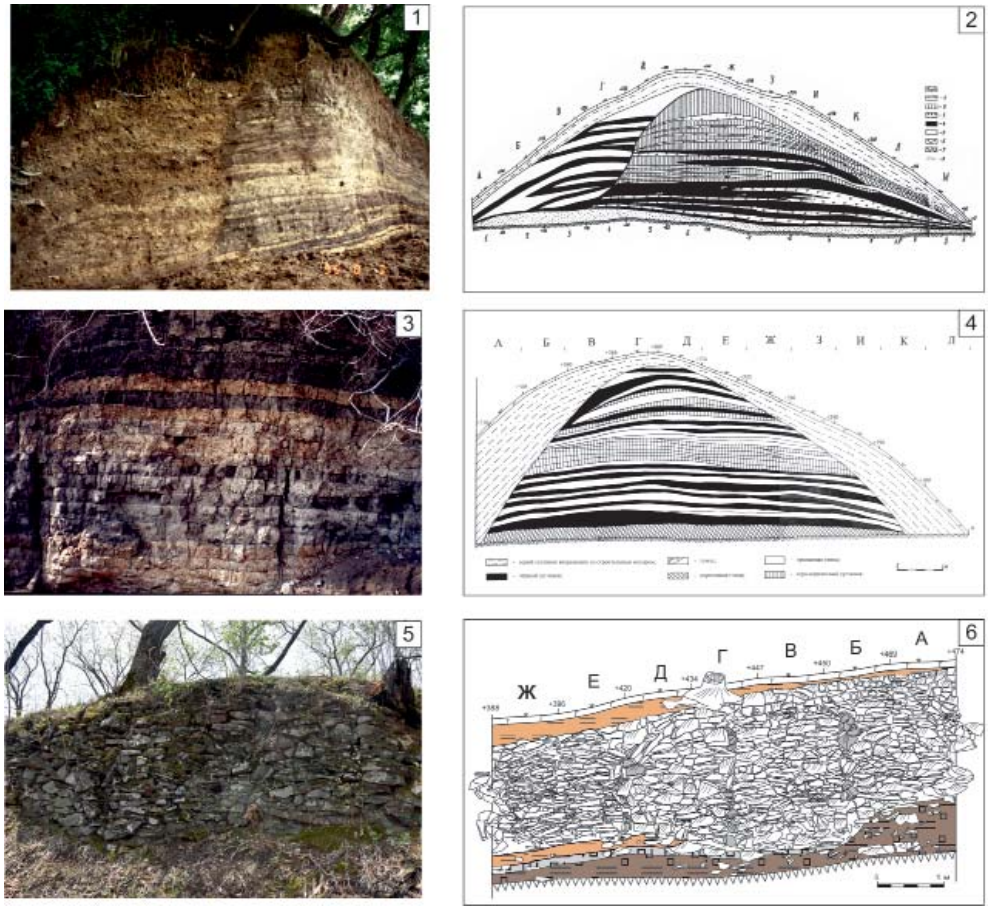


Рис. 2. Чжурчжэньские валы: 1, 2 – Краснояровское городище; 3, 4 – Южно-Уссурийское городище; 5, 6 – Смолянинovское городище.

Fig. 2. Jurchen ramparts: 1, 2 – Krasnoyarovsk settlement; 3, 4 – South Ussuri settlement; 5, 6 – Smolyaninovskoye settlement.

ную в рельеф местности. Городские стены – *валы* возводились по краям склонов. Их высота варьирует от 3 до 5 м, но в местах, где они выходили на крутые склоны сопок, не превышала одного метра. Большая часть валов сооружалась методом ханту – послойная трамбовка земли в специальных деревянных коробах на подготовленную глиняную платформу (рис. 2: 1–4) (Артемьева, 2012). Для повышения прочности скатов валов иногда их обкладывали камнями, создавая ступенчатую кладку. На Смолянинovском городище впервые прослежено, что укрепление внешней стороны вала осуществлено при помощи дополнительной каменной стенки в виде габионной конструкции насыпного типа (рис. 2: 5–6). Реже встречаются каменные валы с плотно подогнанной кладкой и без системной выкладки.

Ворота строились трех видов: центральные (главные), дополнительные и потайные (рис. 3: 1). Они возводились с определенными целями, поэтому их месторасположение и оформление имели свои особенности.

Центральные ворота располагались в местах, где горные отроги имели не очень крутые склоны, и дорога, выходящая из них, плавно спускалась в долину. Они оформлялись в виде наружного Г-образной формы тамбура

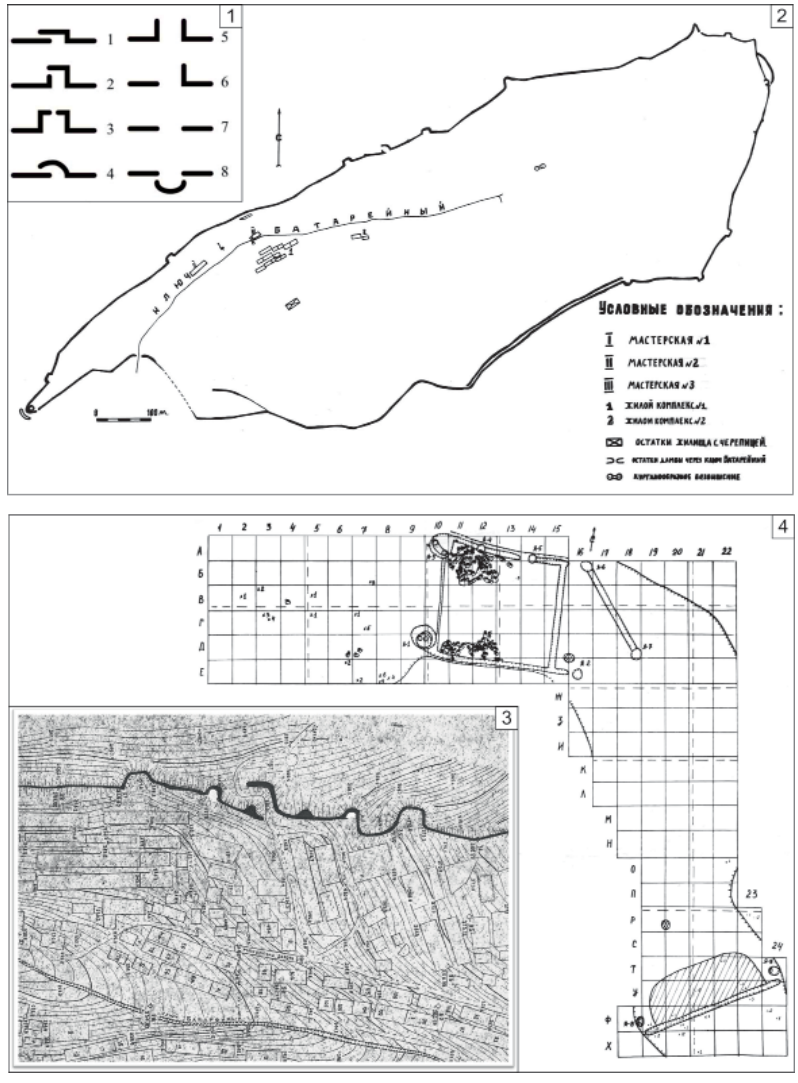


Рис. 3. Ворота: 1 – виды оформления ворот; 2 – план Шайгинского городища; 3 – план центральных ворот и дополнительных укреплений Шайгинского городища; 4 – план центральных ворот Шайгинского городища.

Fig. 3. Gates: 1 – types of gate design; 2 – plan of the Shaiginsky settlement; 3 – plan of the central gate and additional fortifications of the Shaiginsky settlement; 4 – plan of the central gate of the Shaiga settlement.

(барбакана), который предназначался для дополнительной защиты входа и одновременно являлся пропускным пунктом, обеспечивающим контроль за проходом и проездом на территорию города (рис. 2: 2, 3).

Раскопки центральных ворот были проведены на Шайгинском городище, захватив внутреннюю часть барбакана и площадку перед въездом в него с внешней стороны (рис. 2: 4) (Шавкунов В.Э., 1989; Шавкунов Э.В., 1982). Судя по выявленным конструкциям, центральный вход представлял собой внешнее укрепление в виде Г-образной формы тамбура, закрытого с двух сторон воротами (Артемьева, 2021). Внешние деревянные ворота, закрепленные на двух столбах, были распашными. Внутренняя часть

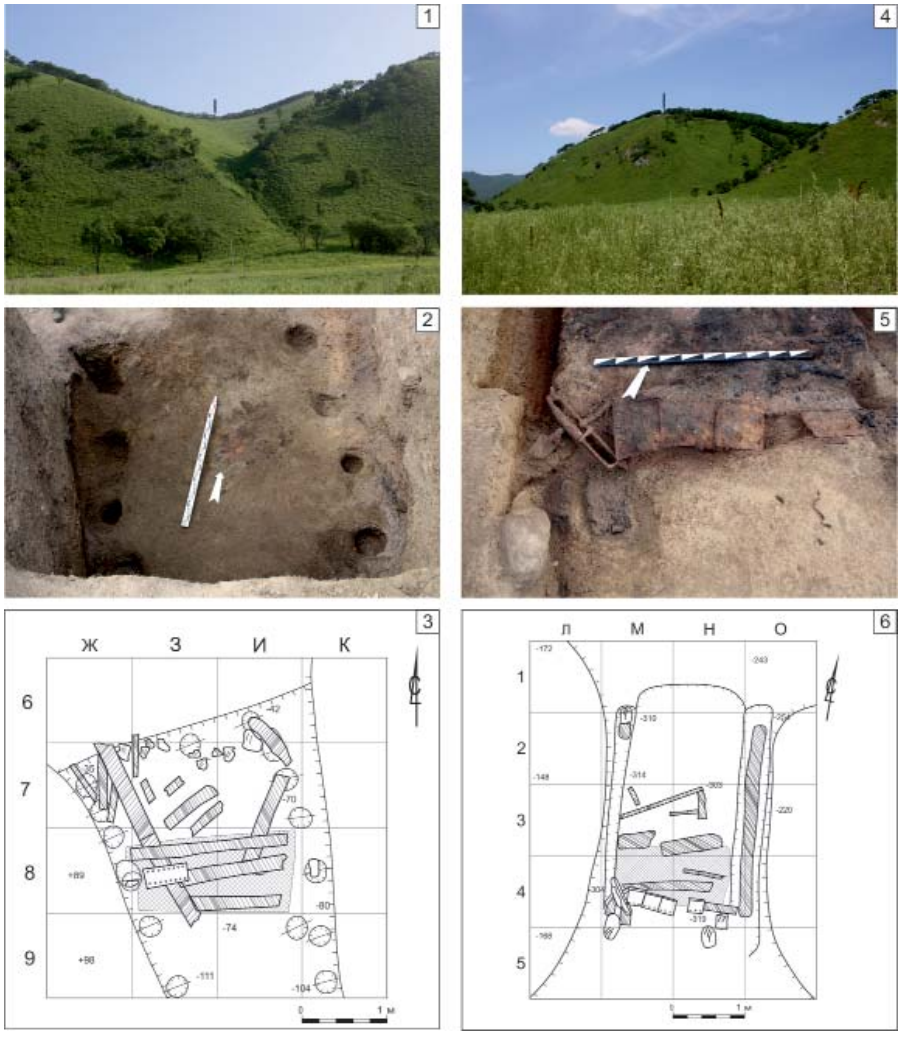


Рис. 4. 1 – типы дополнительных укреплений (а – башня, б – барбет, в – рондель, г – теналь); 2 – план западного ронделя Шайгинского городища; 3 – башня Шайгинского городища, вид с северо-запада; 4 – зачистка по материку башни Шайгинского городища, вид с юга), 5 – зачистка по материку ронделя Шайгинского городища, вид с северо-востока.

Fig. 4. 1 – types of additional fortifications (А – tower, Б – barbette, В – roundel, Г – tenaille); 2 – plan of the western roundel of the Shaiginsky settlement; 3 – tower of the Shayginsky settlement, view from the northwest; 4 – cleaning the tower of the Shayginsky settlement on the virgin soil level, view from the south), 5 – cleaning the roundel of the Shayginsky settlement on the virgin soil level, view from the northeast.

прохода выложена каменной кладкой, а боковые стены укреплялись деревянными плахами. С правой стороны от внешних ворот на городской стене располагалась башня, которая контролировала вход.

Над внутренними воротами центрального входа с двух сторон располагались выступы, на которых крепилась арка, украшенная черепицей. Ворота были распашными, высотой около 4 м, шириной 6 м.

Дополнительные ворота прослежены в виде разрыва вала шириной от 6 до 9 м, без внешнего оформления. Их сооружали в глубоких, узких распадках, которые являлись естественной преградой во время обороны

города. Их также использовали для вывода паводковых вод с территории города. При строительстве дополнительных ворот использовался один принцип: они как бы «втянуты» во внутреннюю часть крепости. Раскопки дополнительных северо-восточных ворот были проведены на Краснояровском городище, но каких-либо конструкций проследить не удалось. Там было зафиксировано, что до сих пор через это место выходят паводковые воды.

Потайные (тамбурные) ворота располагались в местах, где валы выходили на сопочные хребты. Они использовались как добавочные или резервные выходы, а судя по конструкции, и как блиндажи – постоянные подземные фортификационные сооружения для защиты (рис. 4). Исследования проводились на двух таких объектах Шайгинского городища. Следует подчеркнуть, что потайные ворота строились после возведения вала, разрезая последний. В промежутке между стенками вала возводили трапециевидный в плане тамбур длиной 4 м, шириной с северной стороны 3 м, с южной – 2 м. Стенки прохода укреплялись деревянными плахами, уложенными горизонтально между опорными столбами. Сверху тамбур перекрывали досками, закрепленными между собой большими гвоздями. Стенка, выходящая на внешнюю сторону городища, закрывалась дверью, нижняя часть которой была оббита железными кованными пластинами. Здесь же был обнаружен больших размеров закрытый железный замок со щеколдой. Крыша тамбура была укреплена землей с камнями и использовалась как проход по валу. Такие входы-тамбуры нами зафиксированы впервые. Они строились на высоких местах и могли использоваться только пешими воинами, несшими охрану города (Артемьева, 2015).

Для большей обороноспособности вал и ворота усиливались башнями, ронделями и барбетами (Артемьева, 2009а). Здесь сразу следует определиться с терминологией. Довольно часто под понятием «башня» подразумевали любые сооружения на крепостном валу, хотя при визуальном осмотре видны разные способы их насыпки, а по месту расположения, особенно на горных городищах, они имели разное функциональное назначение. Считается, что в развитии фортификации появление башен является важным моментом, с которого, по существу, и начинается сама фортификация. Под башнями подразумевают высокую пристройку к крепостной стене, обычно несколько выступающую за плоскость стены и имеющую высоту в среднем на 0,5 м выше стены. Башни имели назначение: для продольного обстрела крепостной стены и подступа к ней (Шперк, 1946). В китайских военных трактатах есть описания, что основную массу своих метательных орудий защитники крепости располагали на главном крепостном валу, ширина которого в 3,1–4,6 м не позволяла расставить все орудия, особенно тяжелые, непосредственно на нем. Поэтому специально для этого в стене сооружали утолщения, заканчивающиеся на уровне ее верха площадками. Такие площадки получили название «терраса для камнеметов» (*пао тай*) На них устанавливали и станковые стрелометы. Помимо этого, аркбаллисты размещали на углах стены, снаружи крепостных башен. Для установки метательных орудий использовали также и наружные стенные выступы, называвшиеся «лошадиные морды» (*ма мянь*). Бастионы *ма мянь* сооружали на определенном расстоянии, а также по обеим сторонам ворот и на углах крепостной стены (Школяр, 1980, с. 243–244).

При детальном осмотре фортификационных сооружений чжурчжэньских горных городищ дополнительные

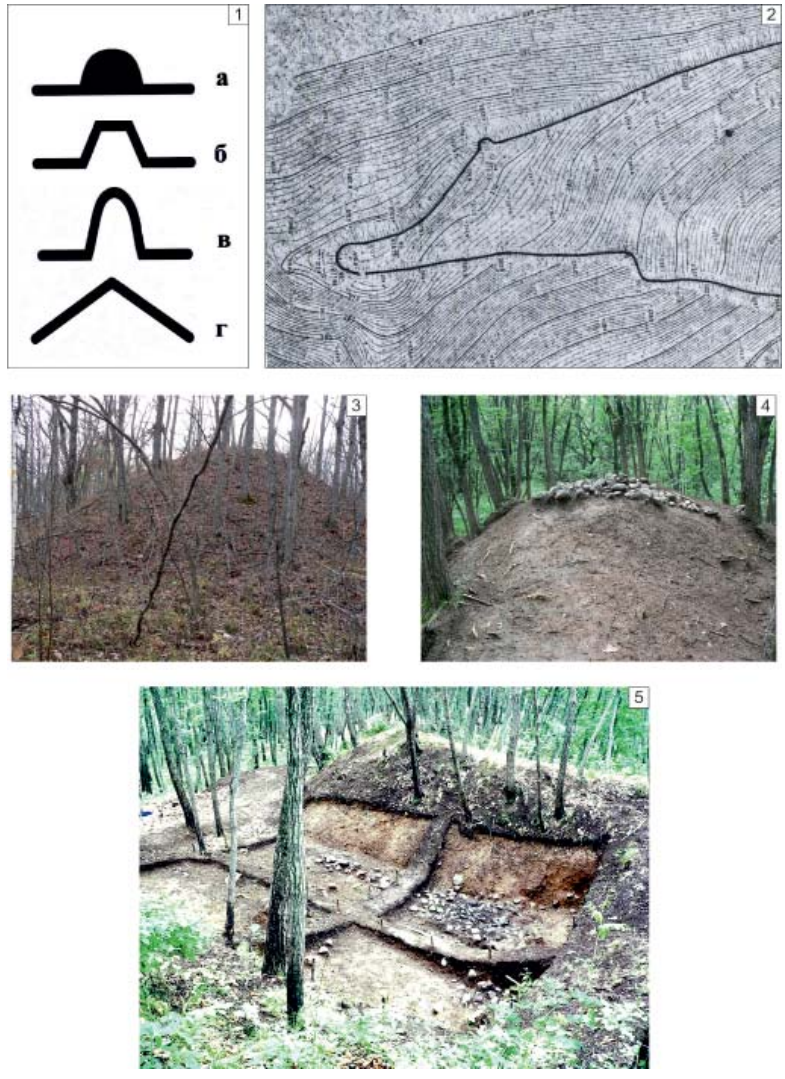


Рис. 5. 1–3 – южные потайные ворота Шайгинского городища (1 – месторасположение, вид с юга; 2 – зачистка по материку тамбура-прохода, вид с юга; 3 – план зачистки по материку); 4–6 – западные потайные ворота Шайгинского городища (4 – месторасположение, вид с юго-востока; 5 – зачистка по материку тамбура-прохода, вид с юга; 6 – план зачистки по материку).

Fig. 5. 1–3 – south secret gates of the Shayginsky settlement (1 – location, view from the south; 2 – clearing of the vestibule-passage along the mainland, view from the south; 3 – plan of the cleansing on the mainland); 4–6 – the western secret gate of the Shaiginsky settlement (4 – location, view from the south-east; 5 – clearing along the mainland of the vestibule-passage, view from the south; 6 – plan of the clearing on the mainland).

пристройки по способу сооружения и размещения на валу можно разделить на четыре вида: башни, тенали, рондели, барбеты[1] (рис. 5: 1) (Артемьева, 2018). Исследования дополнительных фортификационных сооружений в основном проводились на Шайгинском городище.

Башни возводились на горных городищах у ворот, по углам и по фронту с наружной стороны стен на расстоянии около 30–80 м друг от друга, в расчете на дальность полета стрелы (40 м). Они представлены в виде круглых насыпей, немного возвышающихся над валом (рис. 5: 3, 4).

На Шайгинском городище две башни располагались на одинаковом расстоянии (около 50 м) на восток и запад от центральных ворот (Артемьева, 2010; 2013). Исследованная башня представляла собой насыпную возвышенность высотой около метра, выходящую за пределы наружной стены вала на 13 м. Верхняя площадка башни была утрамбована речными гальками, плотно подогнанными друг к другу, площадью 4 м2 (2×2 м). Сделанный с внешней стороны разрез башни дал возможность проследить технику ее постройки. Она строилась после сооружения вала на материковом слое плотной глины при помощи чередования слоев – суглинок со щебнем и слой глины. Высота башни с внешней стороны крепости доходила до 8 м и имела наклон крутизны более 45 градусов.

Подобные сооружения были раскопаны на городище Сибайгоу (Сакмаров, 2012; Дьякова, 2005). При исследовании башни на этом городище удалось зафиксировать на башенной площадке небольшое жилище площадью 4×4 м, каркасно-столбовой конструкции, с односекционным двухканальным каном внутри.

На Краснояровском городище в роли башен выступали *тенали* – участки вала, делающие повороты почти под прямым углом, создавая исходящий угол двух фасов (рис. 5: 1г). Такие повороты вала давали возможность обстреливать местности перед укреплением перекрестным огнем так же, как и на башнях. При этом обороняющейся был защищен валом. Тенали хорошо прослеживаются на западной линии обороны города, особенно возле центральных ворот. М.В. Воробье считал, что крутые склоны извилистой сопки позволили обойтись без башен (Воробьев М.В., 1968, с. 71).

Почти по всему периметру вала Шайгинского городища прослеживаются специальные выступы П-образной формы на внешнюю сторону городища, площадь от 8×5 м до 10×15 м. Эти сооружения имеют функции *барбетов* – насыпных площадок за бруствером укрепления для установки камнеметов. Они размещались в местах, где была необходима усиленная защита. На Шайгинском городище их обнаружено одиннадцать, сооруженных на разных расстояниях друг от друга, за исключением двух барбетов, прикрывающих центральные ворота городища, расположенных от центральных ворот на расстоянии 70 м.

Исследования были проведены на барбете, расположенном с восточной стороны от центральных ворот (рис. 5: 5) (Артемьева, 2010). Внешне барбет представлял собой П-образный (трапециевидной формы) выступ вала на наружную сторону крепостной стены длиной 10 м, шириной 13–14 м. Высота валов с внутренней стороны 3 м, с внешней более 15 м. Внутренняя территория барбета для выравнивания поверхности была заполнена каменной кладкой.

Юго-восточная сторона Шайгинского городища была неприступна, за исключением места, где к крепостной стене подходил высокий хребет, поэтому именно в этом месте были сооружены три барбета. Один из них был исследован (Артемьева, 2018а). Барбет сооружен за счет П-образного поворота вала. Ширина поворота 13 м, глубина 9 м. С северной стороны от барбета, на расстоянии 6–10 м, на территории городища хорошо видна дорога шириной 4 м, которая начинается от восточных ворот и идет параллельно валу, заканчиваясь у сторожевого помещения. Эта дорога связывает все дополнительные фортификационные сооружения южной линии обороны города.

На его территории были обнаружены остатки жилища, которое представляло собой наземную постройку

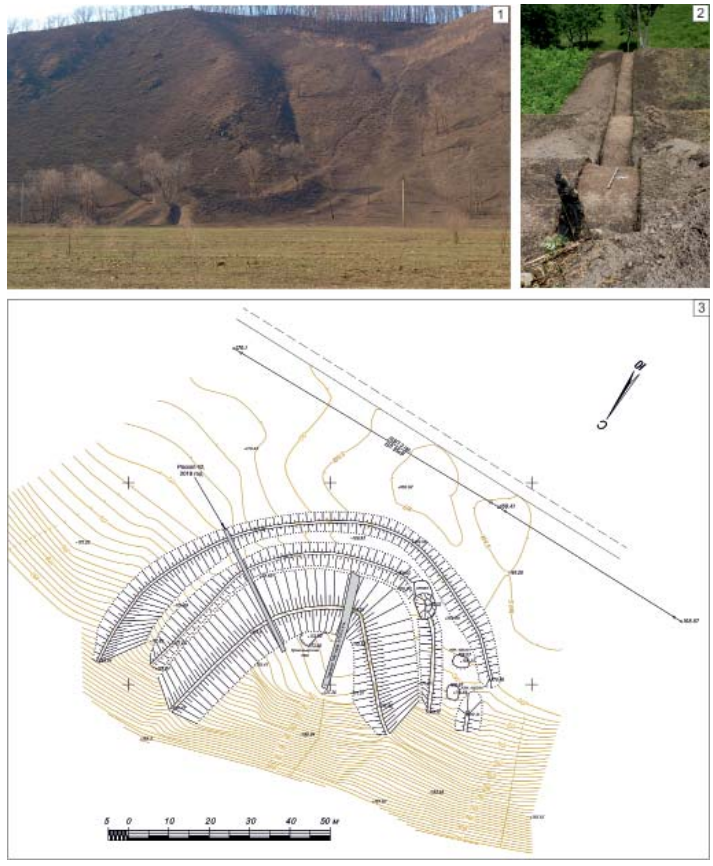


Рис. 6. Редан Шайгинского городища: 1 – месторасположение, вид с юга; 2 – зачистка валов, вид с юго-востока; 3 – план редута.

Fig. 6. Redan of the Shayginsky settlement: 1 – location, view from the south; 2 – cleaning of the ramparts, view from the southeast; 3 – plan of the redoubt.

площадью около 20 м^2 (5×4 м) с входом с северной стороны, отапливаемую каном. Жилище было вписано в фортификационное сооружение и представляло собой караульное помещение. Здесь же были обнаружены каменные ядра.

На многих чжурчжэньских горных городищах валы вписывали в рельеф сопок, создавая острый поворот вала. Особенно это хорошо видно на угловых поворотах вала. Внешние склоны сопки в этих местах очень крутые и высокие. Скорее всего, здесь находились угловые башни – *рондели*, которые имели сторожевые функции (рис. 5: 2) (Артемьева, 2018). Исследования такого объекта были проведены с юго-западной стороны Шайгинского городища. Внешне она представляет собой ровную площадку, заключенную с трех сторон валом крепости, выступающим в виде «языка» на внешнюю сторону городища. Высота вала с внутренней стороны около 3 м, с внешней – более 7 м. Рондель находилась на довольно высокой и крутой сопке северо-западного отрога городища и должна была нести функцию не столько оборонительную, сколько наблюдательную и сигнальную.

На Краснояровском городище исследовалось четыре ронделя, построенных в разных местах памятника. Они представляли собой обвалованные мысы овальной формы, иногда

перегороженные земляным валом. Высота обваловки с внешней стороны достигала 3 м, с внутренней – 2 м. В стратегическом отношении места для ронделей выбраны с хорошим обзором окружающей местности. Следует подчеркнуть, что на их территории обнаружены каменные ядра.

На этом же памятнике обнаружены новые фортификационные сооружения, которые названы *оборонительными бастионами*. Их выделено три. Они располагались на северо-восточной, северо-западной и юго-восточной оконечностях Внешнего города. Оборонительные бастионы представляли собой отгороженные валом мысы площадью около 1000 кв. м. Судя по площади, на их территории могли находиться военные караулы, которые вели дозор за определенными участками линии обороны.

На южной стороне Шайгинского городища, на самой высокой части левого хребта от ручья Батарейный, с восточной стороны от дополнительных ворот, был исследован *сторожевой пост* – мысообразный кряж длиной 10 м, который мог использоваться как место для наблюдений или подачи сигнальных огней (Артемьева, 2018). С южной стороны от него проходили вал и дорога. Здесь было исследовано жилище, заглубленное в материк на 50 см, представляющее собой каркасно-столбовую постройку площадью 25 м^2, с выходом в южной стороне, отапливаемую при помощи двухсекционного двухканального кана. Месторасположение этого объекта – самая высокая точка на городище, с которой хорошо просматривается вся территория городища и вокруг него, а также все оборонные посты крепости. С южной стороны от этого помещения прослежен вал, с внутренней стороны от которого зафиксирована дорога, соединяющая это место с дополнительными восточными воротами города. Все это, а также размеры жилища, отсутствие посуды дают основание предположить, что это помещение являлось сторожевым постом и, возможно, местом дислокации начальника караула.

В западной части от сторожевого помещения зачищена площадка, которая могла использоваться как наблюдательный пост, который занимал мысовидную вершину сопки. Вполне допустимо, что именно в этом месте располагался пункт сигнальных огней.

Кроме дополнительных фортификационных сооружений, построенных на валу, чжурчжэни периода государства Восточного Ся укрепляли подходы к городу выносными оборонными сооружениями, к которым относятся *реданы*. Они представляли собой земляные дугообразные укрепления, построенные у подножья городищенской сопки, в самом уязвимом в плане обороны города месте. Их исследования проводились на Шайгинском и Краснояровском городищах.

На Шайгинском городище редан построен у южного подножья сопки. Он представляет собой земляное дугообразной формы укрепление, отстоящее от склона сопки на расстояние более 40 м (рис. 6). Его внутренняя площадь около 500 м^2 (30×18 м). Редан был обнесен тремя линиями валов и двумя рвами. Первый, внутренний вал имел высоту 5 м, ширина у основания 15 м. Внешние валы достигают высоты 1,5–2 м. Первые исследования редана были проведены в 1972 г. путем пробивки траншеи через первый вал и центральную часть редана. Вал насыпался путем чередования слоев из камня, глины и песка толщиной около 20 см. Эти слои трамбовались горизонтально на основу вала, состоящую из 60-сантиметрового слоя суглинка со щебнем и камнем. Внутренняя сторона вала имеет почти вертикальную стенку, внешняя – наклон под 45 градусов.

Новыми исследованиями была проложена в восточной стороне укрепления 36-метровая траншея через валы и рвы. Выяснено, что основной вал высотой 5 м в верхней части имел гребень шириной около 2 м, утрамбованный большими камнями и речными гальками. На внутреннюю сторону основной вал имел наклон более 45° и высоту 5 м. На внешнюю сторону угол наклона немного уменьшался, высота вала около 8–9 м. При зачистке основного вала хорошо видна техника его создания. Здесь шла набивка вала при помощи чередования слоев, при этом слои чередовались с использованием слоев камней и щебенки. Далее слой черного суглинка чередовался со слоем мелкого щебня. При зачистке внешней стороны вала земляные слои «отбивались» в виде ступеней длиной около метра. Затем основной вал переходил в ров шириной 3 м, глубиной около 1 м. Далее находился средний вал шириной около 4 м, высотой около 2 м, также сформированный методом ханту. Этот вал переходил в ров шириной 4 м, глубиной более 1 м. Следующий внешний вал имел ширину у основания 4 м, высоту около 2 м. Перед ним находился еще один ров.

Таким образом, редан представлял собой искусственно сооруженную преграду шириной около 30 м, в которую вошли три вала и три рва. Эскарпы рвов представляли собой земляные заграждения в виде крутого среза ската. Ширина рва такая, что, попав в него, атакующему было трудно преодолеть глубину рва и высоту вала. В общей сложности эта высота была около 4–5 м, не говоря уже о высоте основного вала. Расстояние между валами, т. е. во рве, 4 м. Если атакующий был верхом на коне, то, попав в ров, для его лошади не было разгона, чтоб преодолеть следующий вал.

Подготовка таких преград, которые можно назвать эскарпами и контрэскарпами, требовала больших земляных работ, поэтому эти сооружения были долговременными и входили в систему обороны. Они возводились на ровных площадях. Одна из сторон этого укрепления обязательно должна была быть обращенной к естественному склону, а насыпные валы отсыпались под углом в 45°. Внутри редана могло располагаться караульное помещение. Такое сооружение создавало довольно сложное препятствие для противника.

Чжурчжэни к XIII в. выработали свою систему горных укреплений, оказав на ее развитие прогрессивное влияние. Эволюция фортификационных сооружений – от башенных выступов к более сложным долговременным приспособлениям – привела к тому, что города, построенные в горах, одновременно становились непреступными крепостями. Усложняются и совершенствуются формы дополнительных оборонных сооружений. Впервые в оборонном зодчестве чжурчжэней появляются полевые укрепления в виде реданов, оборонительных бастионов, сторожевых постов, а также отсекающих рвов. Немалую роль в этом сыграли большие изменения в артиллерийском вооружении, т. к. «военная тактика зависит от уровня военной техники» (Школяр, 1980). Введение чжурчжэнями новых технических решений в градостроительство горных городищ явилось вкладом в эволюцию средневековой фортификации народов Восточной Азии.

Примечание:

[1] Принятая в средневековой археологии западноевропейская фортификационная классификация не всегда соответствует китайской фортификационной терминологии

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артемьева Н.Г.* Корейские традиции в фортификации чжурчжэньских крепостей // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. № 1 (8). С. 56–62.
2. *Артемьева Н.Г.* Археологические исследования фортификационных сооружений Шайгинского городища // Вестник ДВО РАН. 2009а. № 5. С. 84–89.
3. *Артемьева Н.Г.* Фортификационные сооружения чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215-1233 гг.) (новые археологические исследования // Результаты археологических исследований в 2010 году в Корее и за рубежом / Отв. ред. Сеул: Институт культурного наследия, 2010. С. 27–33.
4. *Артемьева Н.Г.* Чжурчжэньские валы // Средневековые древности Приморья. Вып. 1 / Отв. ред. Н.Г. Артемьева. Владивосток: Дальнаука, 2012. Вып. 1. С. 13–36.
5. *Артемьева Н.Г.* Функциональное назначение дополнительных фортификационных сооружений на чжурчжэньских городищах // Вестник ДВО РАН. 2013. № 4. С. 78–86.
6. *Артемьева Н.Г.* Функциональное назначение дополнительных фортификационных сооружений на чжурчжэньских долинных городищах // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов / гл. ред. Н.А. Томилов; отв. ред.: М.А. Корусенко, А.А. Тишкин, К.Н. Тихомиров, М.Н. Тихомирова, Н.Н. Серегин. Барнаул; Омск: Наука, 2015. С. 156–158.
7. *Артемьева Н.Г.* Новые элементы фортификации чжурчжэньских городищ в Приморье // КСИА. 2018. Вып. 252. С. 273–281.
8. *Артемьева Н.Г.* Особенности фортификационных сооружений чжурчжэньских городищ XIII в. // Археология Евразийских степей. 2018а. № 4. С. 211–215.
9. *Артемьева Н.Г.* Шайгинское городище (фортификация, внутренняя топография, жилая архитектура). Т. I. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2021. 600 с.
10. *Воробьёв М.В.* Городище чжурчжэней как фортификационные сооружения // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Вып. 5 / Ред. А.М. Архангельский. Л.: Изд-во ГО СССР. 1968. С. 60–73.
11. *Дьякова О.В.* Городища и крепости Дальнего Востока (Северо-Восточное Приморье). Владивосток: ДВГТУ, 2005. 188 с.
12. 고구려 문화 (Когурё Мунхва). Пхеньян: Изд-во Академии общественных наук, 1972. 270 с.
13. *Сакмаров С.А.* Планиграфия и фортификация больших горных городищ в Приморье (на примере городища Сибайгоу) // Средневековые древности Приморья. Вып. 1 / Отв. ред. Н.Г. Артемьева. Владивосток: Дальнаука, 2012. С. 210–231.
14. *Шавкунов В.Э.* Центральные ворота Шайгинского городища // Материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР / Отв. ред. В.Д. Леньков, А.М. Певнов. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1989. С. 60–64.
15. *Шавкунов Э.В.* Отчет об археологических исследованиях на Шайгинском городище в Приморском крае в 1982 г. // Архив ИА АН СССР. Ф-1, № 9254. 200 л.
16. *Школяр С.А.* Китайская доогнестрельная артиллерия. (Материалы и исследования). М.: Наука, 1980. 406 с.
17. *Шперк В.Ф.* Фортификационный словарь. М.: ВИА, 1946. 126 с.

Информация об авторе:

Артемьева Надежда Григорьевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. сектором средневековой археологии. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); artemieva_tg@list.ru

CONTRIBUTION OF THE JURCHENS OF THE EASTERN XIA STATE (1215–1233) TO THE EVOLUTION OF THE MEDIEVAL FORTIFICATION OF THE FAR EAST

N.G. Artemyeva

The Jurchen fortifications of the Eastern Xia state (1215–1233) are a complex system of fortification. Preparing for defense against the Mongols, the Jurchens began to build a new type of mountain settlements, which turned into fortress cities with a complex defense system. Each settlement had its own functions, on which their location, size and internal topography depended. Applying the rich experience of their predecessors, they create their own tradition in urban planning, rationally using natural and geographical conditions. Walled cities are erected on the mountain spurs that controlled the adjacent valley, providing the most advantageous position for defense. Inside the spur there was a glen, which made it possible to follow the movement of the enemies, while the enemies were deprived of the

possibility to observe the actions of the fortress defenders . The walls of the fortress were built taking into account the steepness of the rocks, which eliminated the need to erect fosses. The gates were reinforced with additional structures in the form of a barbican. The ramparts were mainly made of earth, with additional fortifications such as towers, roundels, barbettes. Additional fortifications had characteristic features of the XIII century cities and performed defensive functions combined with guard and observation. The introduction of new technical solutions by the Jurchens in the urban planning of mountain hillforts was a contribution to the evolution of medieval fortification of the peoples of East Asia

Keywords: archaeology, Far East, Jurchens, Eastern Xia, Jin Empire, fortification, rampart, fosse, towers, gates, roundels, barbette, medieval settlements.

REFERENCES

1. Artem'eva, N. G. 2009. In *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya (Ojkumena. Regional Researches)* 1 (8), 56–62 (in Russian).
2. Artem'eva, N. G. 2009. In *Vestnik Dal'nevostochnogo Otdeleniya RAN (Vestnik of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)* 5, 84–89 (in Russian).
3. Artem'eva, N. G. 2010. In *Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy v 2010 godu v Koree i za rubezhom (The results of archaeological research in 2010 in Korea and abroad)*. Seul: "Institut kul'turnogo naslediya" Publ., 27–33 (in Russian).
4. Artem'eva, N. G. 2012. In Artem'eva, N. G. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Primor'ia (Medieval Antiquities of Primorye)* 1. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 13–36 (in Russian).
5. Artem'eva, N. G. 2013. In *Vestnik Dal'nevostochnogo Otdeleniya RAN (Vestnik of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)* 4, 78–86 (in Russian).
6. Artem'eva, N. G. 2015. In Tomilov, N. A. (ed.). *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy (Integration of archaeologic and ethnographic research)*. Barnaul; Omsk: "Nauka" Publ., 156–158 (in Russian).
7. Artem'eva, N. G. 2018. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 252, 273–281 (in Russian).
8. Artem'eva, N. G. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 211–215 (in Russian).
9. Artem'eva, N. G. 2021. *Shayginskoe gorodishche (fortifikatsiya, vnutrennyaya topografiya, zhilaya arkhitektura) (Shaiginsky Site (fortification, internal topography, residential architecture))*. Vol. I. Vladivostok: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS (in Russian).
10. Vorob'ev, M. V. 1968. In Arkhangelsky, A. M. (ed.). Doklady otdeleniy i komissiy Geograficheskogo obshchestva SSSR *(Reports of departments and commissions of the Geographical Society of the USSR)* 5. Leningrad: "GO SSSR" Publ., 60–73 (in Russian).
11. D'yakova, O. V. 2005. *Gorodishcha i kreposti Dal'nego Vostoka (Severo-Vostochnoe Primor'e) (Hillforts and Fortresses of the Far East (North-Eastern Primorye))*. Vladivostok: "DVGTU" Publ. (in Russian).
12. 1972. 고구려 문화 *Kogure Munkhva (Goguryeo Munhwa)*. Pkhen'yan: "Academy of Social Sciences" Publ. (in Korean).
13. Sakmarov, S. A. 2012. In Artem'eva, N. G. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Primor'ia (Medieval Antiquities of Primorye)* 1. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 210–231 (in Russian).
14. Shavkunov, V. E. 1989. In Len'kov, V. D., Pevnov, A. M. (eds.). *Materialy po srednevekovoy arkheologii Dal'nego Vostoka SSSR (Materials on medieval archaeology of the Far East of the USSR)*. Vladivostok: "DVNTs AN SSSR" Publ., 60–64 (in Russian).
15. Shavkunov, E. V. 1982. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na Shayginskom gorodishche v Primorskom krae v 1982 g. (Report on archaeological studies at the Shaiginsky settlement in the Primorsky Krai in 1982)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. F-1. Dossier 9254 (in Russian).
16. Shkolyar, S. A. 1980. *Kitayskaya doognestrel'naya artilleriya. (Materialy i issledovaniya) (Chinese pre-fire artillery. (Materials and Research))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
17. Shperk, V. F. 1946. *Fortifikatsionnyi slovar' (Dictionary of Fortification)*. Moscow: "VIA" Publ. (in Russian).

About the Author:

Artemieva Nadezhda G. Candidate of Historical Sciences. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; artemieva_tg@list.ru

Статья принята в номер 03.07.2024 г.

УДК 902.94 (47) https://doi.org/10.24852/pa2025.1.51.189.198

ДИНАМИКА СРЕДНЕВЕКОВОЙ УРБАНИЗАЦИИ АЗЕРБАЙДЖАНА В IX–XVII ВВ.

© 2025 г. Т.М. Достиев

Статья посвящена определению этапов становления и развития средневековых мусульманских городов Азербайджана. В комплексном исследовании определена динамика развития мусульманского города Азербайджана: этапы формирования, подъема и упадка. В раннеисламскую эпоху города-крепости Азербайджана превратились в крупные административные, ремесленные, торговые и культурные центры, приобрели обще-мусульманский облик. В сельджукском периоде сложились благоприятные условия для развития городов и городской культуры, с новой силой проявилась творческая энергия и строительный потенциал тюркского этноса. В XI–XII веках процессы урбанизации ускорились, и города достигли высокого уровня как по территории, так и по численности населения. Последствия монгольского завоевания и владычества в различных регионах Азербайджана не были одинаковыми. В Южном Азербайджане негативные последствия монгольских походов были быстро ликвидированы, расширилась градостроительная деятельность, высокими темпами развивались города. XVI–XVII века были периодом застоя и упадка средневековых мусульманских городов Азербайджана. Население покидает города, начинается процесс аграризации города. Результаты данного исследования применимы в теоретических работах по средневековой городской культуре Азербайджана.

Ключевые слова: археология, Азербайджан, урбанизация, мусульманский город, городская культура, средние века.

Введение

В свете изучения археологических памятников и письменных источников можно констатировать, что культура средневекового Азербайджана входит в систему урбанистических цивилизаций и имеет много общего с культурой мусульманских стран Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии. Сдвиги в процессе урбанизации были неразрывно связаны с экономическими, политическими и культурными процессами.

Арабские завоевания VII–VIII вв., сопровождаемые распространением исламской веры и новой социально-экономической системой регулирования отношений между государством и населением, сыграли важную роль в развитии народов Кавказа, в особенности Азербайджана. Вхождение Азербайджана в состав Халифата, интенсивные экономические, культурные и духовные связи породили общемусульманские черты в материальной и духовной культуре. Все это предопределило бесповоротный общемусульманский путь развития средневековой культуры Азербайджана (Достиев, 1996, с. 43–44).

Этапы развития средневекового мусульманского города Азербайджана.

Археологическими исследованиями установлено, что VIII–X вв. были периодом сложения мусульманского города в Азербайджане. Раннесредневековые города Азербайджана из небольших городов-крепостей превратились в крупные административные, ремесленно-торговые и культурные центры. Уже в IX–X вв. города Азербайджана приобрели общемусульманский облик с характерными чертами и с новыми типами монументальных сооружений. Появление местных самостоятельных государств, подъем ремесленного производства, развитие международной транзитной торговли Халифата с Северными странами по Волжско-Прикаспийскому пути, активные экономические и культурные взаимосвязи различных регионов мусульманского мира, завершение про-

цесса трансформации доисламских традиций и утверждение Ислама – все это благоприятно воздействовало на сложение мусульманского города Азербайджана.

Подобно городам мусульманского Востока, города Азербайджана в основном имели трехчленную планировочную структуру: цитадель, шахристан и рабад. Формирование каждой из них было обусловлено военно-административной, ремесленно-торговой, культурно-идеологической и другими функциями. Резиденция правителя или наместника располагалась в цитадели. Здесь находились дворец правителя со служебными помещениями, административные здания, монетный двор, сооружения пенитенциарной службы. Наиболее монументальные здания общественно-культурного и жилого характера располагались в шахристане, который был заселен городской знатью, чиновниками, представителями духовенства, военными, зажиточными ремесленниками и торговцами. За шахристаном располагались ремесленные кварталы – рабад и предместья города. Считается, что рабады в структуре городов Азербайджана возникли после арабского завоевания в результате развития ремесленного производства и торговли, роста населения, перенаселения шахристана. Наблюдается рост городов за счет рабадов. В рабаде в основном размещались ремесленные мастерские, торговые ряды, а в предместье – подсобные хозяйства горожан (Dostiyev, 1999, 30).

Важным атрибутом городских населенных пунктов было наличие крепостных стен. Все города имели развитую фортификацию. Особое значение придавалось защите цитадели и шахристана. Городские фортификационные сооружения этого периода имели много общих черт с оборонительными сооружениями мусульманского Востока. Оборона городов и обеспечение безопасности горожан поднялись до уровня одного из решающих градостроительных факторов (Ахмедов, 1985, с. 4; Достиев, 2020, с. 20).

Начиная с VIII–IX вв. население городов Азербайджана в основном исповедовало ислам (Мамедов, 2015, с. 189). Роль культовых сооружений в создании архитектурного облика городов была весьма существенна. Мечети, минареты, медресе, мавзолеи являлись доминантой городского ландшафта. Наиболее важным типом культовой архитектуры, связанным с исламом, являются мечети: квартальные и соборные. Ранние соборные мечети – Джума-мечети Азербайджана известны по Дербенду, Шамахе и Ардебилю (Достиев, 2020, с. 21).

В строительстве общественных, культовых зданий и жилищ широкое распространение получили стрельчатые своды, арки, купола, порталы со стрельчатыми арками, окна с каменными решетками, сталактитовые карнизы и другие конструктивные элементы, характерные для мусульманского Востока (Azərbaycan arxeologiyası, 2008, 66). В художественном убранстве интерьеров общественных, культовых зданий и жилищ широко применялась резьба по гяжу, которая была освоена мастерами Азербайджана на базе существовавших исламских художественных традиций. В декоре доминируют эпиграфические и растительные орнаменты. Часто встречаются надписи религиозного содержания.

Города, концентрирующие в себе производственный, культурный и интеллектуальный потенциал, стимулировали различные виды активности. Высокий темп процессов урбанизации обусловил высокий уровень развития ремесел, углубление специализации ремесленного производства и стандартизации ремесленной продукции. Особенно бурно развиваются художественные ремесла. Большие

успехи были достигнуты в торевтике, гончарном, стекольном производстве и других отраслях художественного ремесла.

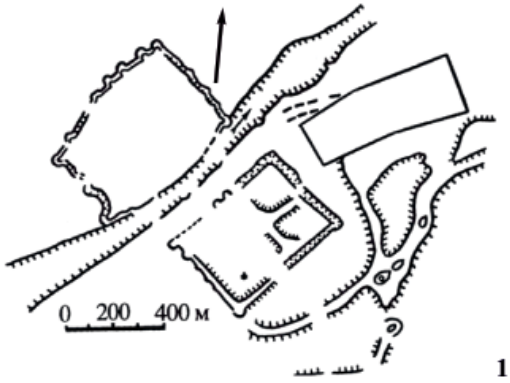
В процессе археологических раскопок выявлено значительное количество вещественных источников, позволяющих представить характер, объем и направление внутригородской и внешней торговли. Города Азербайджана – Тебриз, Ардебиль, Бейлаган, Барда, Гянджа, Шамкир, Шамахы, Шабран, Дербенд – являлись важнейшими пунктами караванного трансконтинентального пути. На морском пути самым крупным портом был Дербент. В средневековых городах Азербайджана функционировали десятки специализированных рынков. Крупнейшим из них был знаменитый рынок ал-Кюркий, расположенный в Барде. Археологические материалы и данные письменных источников свидетельствуют о торговых и культурных связях Азербайджана со странами Севера, Ближнего и Среднего Востока, Византией, Китаем и Индией. Осуществлялись не только торговые операции, но и распространялась информация об инновациях, шел обмен культурными достижениями, расширялся диалог цивилизаций (Азербайджан на Шелковом пути…, 2020).

Археологические данные свидетельствуют, что в городах Азербайджана наряду с мусульманами мирно сосуществовали также представители других конфессий – христиане и иудеи, господствовали идеи толерантности и ненасилия.

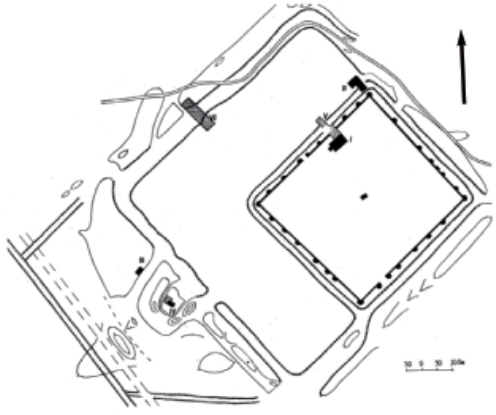
Образование могущественной империи Сельджуков привело к существенному изменению политической и этнической карты на огромной территории от границ Китая до Средиземного моря, от Индии до Византии и установлению тюркского господства, ставшего поворотной точкой исламской цивилизации (The Cambridge History, 2005, p. 231).

Сельджукский период сыграл важную роль в социально-экономическом, политическом и этнокультурном развитии Азербайджана (Гусейн-заде, 2012). Возрастает значение городов в политической, экономической и культурной жизни страны. В это время в Азербайджане существовало около 70 городов. Хотя в научной литературе советского периода о сельджукском периоде делались предвзятые выводы, искажающие исторические реалии (Пахомов, 1957; Əhmədov, 1959). Е.А. Пахомов, к примеру, пишет об экономическом упадке, о господстве натурального хозяйства в Азербайджане во второй половине XI – в начале XII века (Пахомов, 1957, с. 82–90). Этот вывод более чем странный и не подтверждается археологическими и письменными источниками (Dostiyev, 2005, s. 457). Наоборот, результаты археологических раскопок средневековых городищ и поселений свидетельствуют, что в сельджукский период сложились благоприятные условия для развития городов и городской культуры, с новой силой проявилась творческая энергия и художественный потенциал тюркского этноса (Азербайджан на Шелковом пути…, 2020, с. 224). Археологически все это выражается в мощности и насыщенности культурных напластований XI – начала XIII века.

В XI–XII вв. темпы процессов урбанизации ускоряются, города Азербайджана переживают этап своего расцвета. Города развивались высокими темпами как территориально, так и по населенности. Особенно высокими темпами расширяется рабат, растет население городов за счет ремесленников и купечества. В качестве примера назовём город Гянджу, родину великого азербайджанского поэта Низами, развивавшийся с поразительной быстротой, он занимал огромную площадь (рис. 1). Территория городища Старой Гянджи в преде-



1



2

Рис. 1. Схематические планы городищ. 1 – Старая Гянджа, 2 – Орен-кала (Бейлаган).

Fig. 1. Sketch-map of cities: 1 – Old Gyanja, 2 – Oren-gala (Beylagan).

лах крепостных стен, то есть площадь шахристана, составляла 250 га, а с учетом территории рабада и предместий достигала 810 га (Джафарзаде, 1949, с. 17). Защищавшие город три пояса крепостных стен свидетельствуют о высоком его развитии в сельджукский период. Город раскинулся по обоим берегам реки Гянджа-чай и стал важным центром концентрации производственного, культурного и интеллектуального потенциала Азербайджана, важным очагом прогресса.

Сравнительно хорошо изучены оборонительные сооружения города Шамкир. В XI веке были возведены новые параллельные крепостные стены. Обе стены выстроены комбинированной кладкой, которая характерна для арранской архитектурной школы. Расстояние между ними достигает 10 м. Внешняя стена располагалась вдоль старой стены. Цитадель, расположенная на восточной части городища, на левом берегу реки Шамкирчай, в плане прямоугольная, вытянута с юга на север. Стены цитадели были вскрыты и изучены до фундамента. Высота сохранившейся здесь стены составляет 5,5–7,6 м, ширина более 3,5 м. Стены цитадели укреплены угловыми башнями, а также прямоугольными контрфорсами и центральной башней (рис. 2–3).

Археологическими исследованиями установлено, что застройка городов носила квартальный характер. Монументальные здания с высокохудожественным оформлением возводились в центральных частях (цитадель и шахристан) города.

В шахристане городов увеличивается плотность построек, расширяется строительство монументальных зданий с высокохудожественным оформлением. В городском строительстве широко применяется строительная керамика: обожженные кирпичи, терракоты, изразцы. Повышается уровень городского благоустройства.

В этот период на территории Азербайджана образовались Арранская, Ширванская, Марага-Нахчыванская и Казвин-Хамаданская архитектурные школы (Qiyasi, 1991, s. 21). Слава этих школ вскоре перешагнула далеко за пределы Азербайджана. В сельджукском периоде в большинстве городов Азербайджана плотность населения достигает максимального уровня.

Рис. 2. Вид городища Шамкир.
Fig. 2. View of Shamkir city.

Высокий уровень развития ремесла, углубление специализации ремесленного производства и стандартизации ремесленной продукции были вызваны стремительным темпом урбанизационных процессов. Большие успехи были достигнуты в ткачестве, металлообработке, керамическом и стекольном производстве и других отраслях ремесла. В городе Бейлаган, имеющем среднюю величину среди городов Азербайджана этого времени (рис. 1, 2), функционировало более 30 отраслей ремесленного производства (Əhmədov, 1979, s. 52–65).

Усиление гуманистического мировоззрения, возрождение местных древних традиций, стремление к светским наукам явились основными движущими силами городской культуры. В городах, особенно в столицах, происходит подъем науки и литературы, что было результатом целевого меценатства, прямой поддержки правящей династией ученых и деятелей культуры. Как верно подметил академик Зия Буниятов, атабеки Азербайджана (особенно Джахан Пахлаван и Кызыл-Арслан) покровительствовали поэтам, архитекторам, инженерам, строителям, врачам и представителям науки (Буниятов, 1978, с. 231–232).

Интенсивная интеграция со странами Ближнего и Среднего Востока ускорила процесс формирования общих черт в культуре Азербайджана, Центральной Азии и Анатолии. Важной особенностью эпохи является бурное развитие художественных ремесел, в предметах которых отчетливо отражены мысли, чувства, восприятие окружающей действительности и художественный вкус народа. Особенно ярко отражает культурные интеграционные процессы художественная керамика как наиболее массовый вид декоративно-прикладного искусства (рис. 4). Сельджукская керамика, охватывающая огромный ареал, включавший в себя Центральную Азию, Иран, Южный Кавказ, Анатолию и Ближний Восток, входящие в состав Сельджукской империи, показывает общность многих ее черт.

В результате широкомасштабных завоеваний Чингисхана и его преемников в первой половине XIII века образовалась огромная империя, простиравшаяся от Китая до Восточной Европы, и возникла новая геополитическая ситуация. С захватом города Дербента в 1239 году вся территория Азербайджана вошла в состав Монгольской империи.

Последствия монгольского завоевания в различных регионах Азербайджана не были одинаковыми. Особенно сильно пострадали города Аррана. Главный город Аррана Гянджа в течение четырех лет находился в руинах, а население сократилось в десять раз. Бейлаган, Шамкир, Хунан, Йунан так и не оправились от монгольского нашествия и прекратили свое существование. В Южном Азербайджане последствия монгольского владычества не были такими тяжелыми, как в Арране и Карабахе.

Оживление городской жизни происходит только в конце XIII – начале XIV века, и поступательное развитие городов в целом продолжается до конца XV века. Важно отметить, что в XIII в. Шелковый путь от Северного Китая до Анатолии перешел

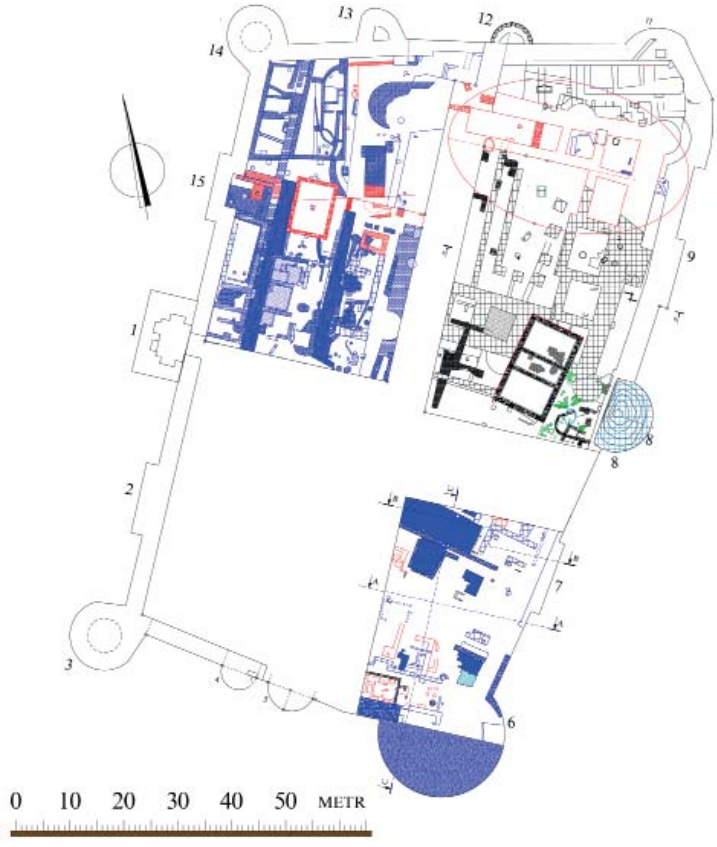


Рис. 3. План цитадели городища Шамкир.
Fig. 3. Plan of citadel of Shamkir city.

под контроль Монгольской империи, которая способствовала восстановлению активных торговых отношений. Тебриз превратился в главный центр азиатской торговли, сюда прибывали караваны с Ближнего Востока, из Центральной Азии, Индии и Китая, отсюда шли караванные дороги на север и юг, на восток и запад (Азербайджан на Шелковом пути, 2020).

Для городов Южного Азербайджана монгольский период в основном был этапом эволюционного развития. Отчетливо прослеживается слияние местных традиций с восточноазиатскими традициями в исламской культуре, формирование нового стиля. Первая строительная деятельность монгольских правителей в Тахт-е Сулеймане проявилась уже в 70-х годах XIII века. Летняя резиденция ильханов стала одним из первых центров, где наблюдается формирование нового стиля. Ильханы в конце XIII века «осознают значение городов для постоянных поступлений доходов», и начиная с Газан хана «ханская власть выступает как мощный фактор организации градостроительства» (Федоров-Давыдов, 1983, с. 215–217). В этой связи в центральных областях улуса ильханов, т. е. в Южном Азербайджане, темпы процессов урбанизации ускоряются. Тебриз становится городом-гигантом своего времени.

В это время территория города составляла 3600 га (Azərbaycan arxeologiyası, 2008, s. 330; Гейдаров, 1982, с. 76). Тебриз стал местом концентрации производственного, куль-

Рис. 4. Глазурованная керамика сельджукского периода.

Fig. 4. Glazed ceramics of the Seljuk period.

турного и интеллектуального потенциала, важным очагом прогресса на мусульманском Востоке. Развивалась и усовершенствовалась планировочная структура этого города: из моноцентрической она превратилась в полицентрическую, которая характерна для современного города (Мурадов, 1984). Везир Газан-хана, один из самых просвещенных людей Средневековья Фазлуллах Рашид ад-Дин построил в Тебризе целый квартал Раб'-и Рашиди, где было до 30 тысяч домов, 24 карван-сарая, 1500 лавок, ткацкие, красильные, бумажные мастерские, много садов, бань, складов, мельниц и монетный двор. В квартале была особая «улица улемов», населенная богословами, муэззинами, чтецами Корана. В медресе квартала обучалась тысяча студентов. В госпитале Дар аш-Шафа («Дом исцеления») работало 50 лучших медиков из Индии, Китая, Египта и Сирии: окулисты, хирурги, костоправы (Onnullahi, 1982, с. 57). Археологическими исследованиями установлена топография квартала Раб'-и Рашиди, состоящего из четырех частей: Рабб, Рабаз, Шахристан и Сады. В квартале изучены культурные слои периода Ильханидов, Сефевидов и Каджаров. Археологические раскопки, подтверждая сообщения письменных источников, показали, что заселение квартала началось в конце XIII – начале XIV в., и нижний культурный слой, охватывающий период Ильханидов, выделяется насыщенностью (Azərbaycan arxeologiyası, 2008, с. 330).

Возрождаются старые, строятся новые города, в частности город Султания, Махмудабад и т. д. Махмудабад расположен на территории Мугани, на международной торговой трассе. Археологические изыскания на городище Гырх Чираг позволяют локализовать местоположение этого города в Сальянском районе, в 8–10 км к северу от современного районного центра. Археологические исследования городища 1988 и 2001 гг. показали, что город Махмудабад возник в конце XIII в., а расцвет его приходится на XIV–XV вв. (Azərbaycan arxeologiyası, 2008, s. 324–325). Следует отметить, что «Строительство новых городов в быстрые исторические сроки… характерно для степных и некоторых оседлых районов монгольских государств XIV–XV вв.» (Федоров-Давыдов, 1983, с. 217).

В XIV–XV вв. усилилась также роль прикаспийских городов Азербайджана в торговле по Шелковому

пути, в частности Баку и Шабрана. Возросло значение города Баку как международного порта на Каспийском море, что нашло свое отражение в Каталонском атласе, составленном в 1375 г. Начиная с этого времени, особенно в XV в., Каспийское море обозначалось как «Бакинское море» – «maredi Bachu», «maredi Bachau», «maredi Baccu» (Ашурбейли, 2006, с. 104–105; Азербайджан на Шелковом пути..., 2020, с. 290).

Археологические исследования городища Шабран показывают, что к концу XIII – началу XIV вв. произошло оживление городской жизни. Оно продолжалось до конца XV в. В XIV–XV вв. в городе были проведены значительные строительные работы. Большой интерес представляют остатки монументального здания, состоящего из большого зала и шести небольших комнат. Здание возведено из обожженного кирпича на булыжном фундаменте. В художественном убранстве общественных и культовых зданий, а также домов богатых горожан широко применялись поливные кирпичи и изразцы различного типа (Dostiyev, 2001, s. 89–90).

Упадок международной торговой магистрали – Великого Шелкового пути, вызванный смещением основных артерий мировой торговли из сухопутных пространств Евразии в морские просторы океанов и морей, а также кровавые войны османов и сефевидов, сефевидов и узбеков в XVI – первой половине XVII вв., сопровождавшихся разрушениями и опустошением на территории Азербайджана, отрицательно повлияли на урабанизационные процессы (Азербайджан на Шелковом пути…, 2020, с. 347). XVI–XVII вв. были периодом застоя и упадка средневековых мусульманских городов Азербайджана. Происходит деградация во всех сферах города: в архитектуре, ремесленном производстве, торговле и культурной жизни. Население покидает города, начинается процесс аграризации города.

Заключение

Подытоживая вышеотмеченное, можно констатировать, что археологические исследования средневековых городищ Азербайджана свидетельствуют о непрерывности урабанизационных процессов на протяжении почти целого тысячелетия. Местные доисламские традиции постепенно трансформировались и наряду инновациями сыграли немаловажную роль в формировании мусульманской городской культуры в VIII–IX вв. Большое значение также имели интеграционные процессы взаимодействия культурных традиций стран мусульманского Востока. Уже в IX–X вв. утвердился мусульманский тип города в Азербайджане, который без принципиальных изменений просуществовал до XVIII века. Появление огромной сельджукской империи и вхождение Азербайджана в ее состав дало новый импульс в углублении процесса урбанизации. Сельджукский период был важным этапом в развитии градостроительства и городской культуры.

Последствия монгольского завоевания и владычества в различных регионах Азербайджана не были одинаковыми. В Южном Азербайджане прослеживается поступательное развитие урбанизма в XIII–XV вв. Спад урбанизма и упадок городской культуры прослеживается в XVI–XVII веках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азербайджан на Шелковом пути / Науч. ред. Ш.М. Мустафаев. Баку: Təhsil, 2020. 384 с.
2. *Ахмедов Г.М.* Города и городская культура в средневековом Азербайджане // Тезисы докладов всесоюзной археологической конференции / Отв. ред. В.П. Шилов, Дж.А. Халилов. Баку, 1985. С. 2–6.

3. Ашурбейли С.Б. Государство Ширваншахов. Баку: Изд-во «Абилов, Зейналов и сыновья», 2006. 314 с.
4. Буниятов З.М. Государство атабеков Азербайджана (1136–1225 годы). Баку: Элм, 1978. 272 с.
5. Гейдаров М.Х. Города и городское ремесло Азербайджана в XIII–XVII вв. Баку: Элм, 1982. 280 с.
6. Гусейн-заде Р.А. Сельджукская эпоха истории Кавказа. Москва: Kremlin Multimedia, 2012. 186 с.
7. Джафарзаде И.М. Историко-археологический очерк Старой Гянджи. Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР. 1949. 103 с.
8. Достиев Т.М. Общее и особенное в материальной культуре средневекового Азербайджана // The Caucasus in the context of world history. International conference. Abstracts of Papers. Tbilisi, 1996. С. 43–46.
9. Достиев Т.М. Средневековые города Азербайджана в системе исламской цивилизации // European Journal of Humanities and Social Sciences Scientific journal. 2020. № 2. С. 19–25.
10. Мамедов Р.А. Города Северного Азербайджана VII–XIV вв. (социально-экономическая и культурная история). Баку: Elm və Təhsil, 2015. 480 с.
11. Мурадов В.Г. Градостроительство Азербайджана XIII–XVI вв. Баку: Элм, 1984. 130 с.
12. Пахомов Е.А. Монетное обращение Азербайджана в XII – начале XIII века // Нумизматический сборник. Ч. 2 / Труды ГИМ. Вып. 26 / Отв. ред. Д.Б. Шелов. Москва: Госкультпросветиздат, 1957. С. 82–90.
13. Федоров-Давыдов Г.А. Исторические особенности городов в монгольских государствах Азии в XIII–XIV вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии / Гл. ред. Б.А. Тулепбаев. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 215–220.
14. Azərbaycan arxeologiyası. Altı cilddə. VI cild / Məsul red. Tarix Dostiyev. Bakı: Şərq-Qərb, 2008. 632 s.
15. Dostiyev T.M. Azərbaycanın orta əsr şəhərləri // Azərbaycan arxeologiyası. 1999. № 1–2. S. 28–34.
16. Dostiyev T.M. Şimal-Şərqi Azərbaycan IX–XV əsrlərdə. Bakı: Bakı universitetinin nəşr., 2001. 396 s.
17. Dostiyev T.M. Selcuklular dönəmində Musluman Doğusunda kentleşme durumları ve Azerbaycanda şehir kültürü // XIV Türk Tarih Konqresi. Konqreye sunulan bidirilər. Cild 1. Ankara, 2005. S. 453–458.
18. Dostiyev T.M. Azərbaycanın orta əsr şəhərləri (IX–XIII əsrin əvvəlləri). Bakı: Elm və təhsil, 2016. 200 s.
19. Əhmədov Q.M. Azərbaycanın şirsiz saxsı məmulatı. Bakı: Azərbaycan SSR EA nəşr., 1959. 143 s.
20. Əhmədov Q.M. Orta əsr Beyləqan şəhəri. Bakı: Elm, 1979. 198 s.
21. Qiyasi C. Nizami dovru memarlıq abidələri. Bakı: İşıq nəşr., 1991. 264 s.
22. The Cambridge History of Islam. Vol. 1A. The Central Islamic Lands from pre-islamic times to the I-st World War / ed. P.M.Holt, A.Lambton, B.Lewis. L.; N.Y.: Cambridge University press, 2005.
23. Onullahi S. XIII–XIV əsrlərdə Təbriz şəhərinin tarixi. Bakı: Elm, 1982. 280 s.

Информация об авторе:

Достиев Тарих Мейрут оглы, доктор исторических наук, заведущий кафедрой. Бакинский Государственный Университет (г. Баку, Азербайджан); dostiyev.tarikh@mail.ru

THE DYNAMICS OF MEDIEVAL URBANIZATION OF AZERBAIJAN IN THE 9TH–17TH CENTURIES

T.M. Dostiyev

The article is devoted to determining the stages of formation and development of the Muslim cities of Medieval Azerbaijan. The dynamics of development of Muslim cities in Azerbaijan: stages of formation, rise and decline have been determined by the comprehensive study. In the early Islamic period, the fortress cities of Azerbaijan turned into large administrative, handicraft, trade and cultural centers and acquired a common Muslim appearance. During the Seljuk era, fertile conditions for the urban development and urban culture were created, and the creative energy and constructive potential of the Turkic ethnos emerged with new force. In the XI–XII centuries, urbanization processes accelerated, cities reached a high level in both terms of territory and population. The results of the Mongol conquest and domination in different regions of Azerbaijan were not the same. The negative consequences of the Mongol campaigns in South Azerbaijan were quickly eliminated, urban development activities expanded, and the cities developed rapidly. XVI–XVII centuries were the period of stagnation and decline of the medieval Muslim cities of Azerbaijan. The population left the

cities, the process of agrarianization of the cities began. The results of this research can be applied in theoretical works on the medieval urban culture of Azerbaijan.

Keywords: archaeology, Azerbaijan, urbanization, Muslim city, urban culture, Middle Ages.

REFERENCES

1. In Mustafayev, Sh. M. (ed.). 2020. *Azerbaidzhan na Shelkovom puti (Azerbaijan on the Silk Road)*. Baku: "Təhsil" Publ. (in Russian).
2. Akhmedov, G. M. 1985. In Shilov, V. P., Khalilov, Dzh. A. (eds.). *Tezisy dokladov vsesoyuznoy arkheologicheskoy konferentsii (Abstracts of the All-Union Archaeological Conference).* Baku, 2–6 (in Russian).
3. Ashurbeyli, S. B. 2006. *Gosudarstvo Shirvanshakhov (State of the Shirvanshahs)*. Baku: "Abilov, Zeynalov i synov'ya" Publ. (in Russian).
4. Buniyatov, Z. M. 1978. *Gosudarstvo atabekov Azerbaydzhana (1136–1225 gody) (State of the Atabegs of Azerbaijan (1136–1225)*. Baku: "Elm" Publ. (in Russian).
5. Geydarov, M. Kh. 1982. *Goroda i gorodskoe remeslo Azerbaydzhana v XIII–XVII vv. (Cities and urban crafts of Azerbaijan in the XIII–XVII centuries)*. Baku: "Elm" Publ. (in Russian).
6. Guseyn-zade, R. A. 2012. Sel'dzhukskaya epokha istorii Kavkaza *(Seljuk era of the history of the Caucasus)*. Moscow: Kremlin Multimedia Publ. (in Russian).
7. Dzhafarzade, I. M. 1949. *Istoriko-arkheologicheskiy ocherk Staroy Gyandzhi ((Historical and archaeological sketch of Old Ganja).)*. Baku: Azerbaijan Academy of Sciences Publ. (in Russian).
8. Dostiev, T. M. 1996. *In The Caucasus in the context of world history. International conference. Abstracts of Papers*. Tbilisi, 43–46 (in Russian).
9. Dostiev, T. M. 2020. In *European Journal of Humanities and Social Sciences Scientific journal* 2, 19–25 (in Russian).
10. Mamedov, R. A. 2015. *Goroda Severnogo Azerbaydzhana VII–XIV vv. (sotsial'no-ekonomicheskaya i kul'turnaya istoriya) (Cities of Northern Azerbaijan of the VII–XIV centuries. (social, economic and cultural history)*. Baku: "Elm və Təhsil" Publ. (in Russian).
11. Muradov, V. G. 1984. *Gradostroitel'stvo Azerbaydzhana XIII–XVI vv. (Urban development of Azerbaijan in the XIII–XVI centuries)*. Baku: "Elm" Publ. (in Russian).
12. Pakhomov, E. A. 1957. In In Shelov, D. B. (ed.). *Numizmaticheskiy sbornik ((Numismatic Proceedings)* 2. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 26. Moscow: "Goskul'tprosvetizdat" Publ, 82–90 (in Russian).
13. Fedorov-Davydov, G. A. 1983. In Tulepbaev, B. A. (ed.). *Srednevekovaya gorodskaya kul'tura Kazakhstana i Sredney Azii (Medieval urban culture of Kazakhstan and Central Asia)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 215–220 (in Russian).
14. In Dostiyev, T. (ed.). 2008. *Azərbaycan arxeologiyası. Altı cilddə. VI cild (Archeology of Azerbaijan. In six volumes. Vol. VI)*. Baku: "Şərq-Qərb" Publ. (in Azerbaijanian).
15. Dostiyev, T. M. 1999. In *Azərbaycan arxeologiyası (Archeology of Azerbaijan)* 1–2, 28–34 (in Azerbaijanian).
16. Dostiyev, T. M. 2001. *Şimal-Şərqi Azərbaycan IX–XV əsrlərdə (Northeast Azerbaijan in the IX–XV centuries)*. Bakı: "Bakı universitetinin nəşr." Publ. (in Azerbaijanian).
17. Dostiyev, T. M. 2005. In *XIV Türk Tarih Konqresi. Konqreye sunulan bidirilər (XIV Turkish Historical Congress. Reports presented at the Congress)*. Vol. 1. Cild 1. Ankara: "Türk Tarih Kurumu Basımevi" Publ., 453–458 (in Turkish).
18. Dostiyev, T. M. 2016. *Azərbaycanın orta əsr şəhərləri (IX–XIII əsrin əvvəlləri) (Medieval cities of Azerbaijan (IX – early XIII century)*. Baku: "Elm və təhsil" Publ. (in Azerbaijanian).
19. Əhmədov, Q. M. 1959. *Azərbaycanın şirsiz saxsı məmulatı (Unglazed pottery of Azerbaijan)*. Baku: "Azərbaycan SSR EA nəşr." Publ. (in Azerbaijanian).
20. Əhmədov, Q. M. 1979. *Orta əsr Beyləqan şəhəri (The Medieval city of Beylagan)*. Baku: "Elm" Publ. (in Azerbaijanian).
21. Qiyasi, C. 1991. *Nizami dovru memarlıq abidələri (The Architectural monuments of Nizami period)*. Baku: "İşıq nəşr." Publ. (in Azerbaijanian).
22. In Holt, P.M., Lambton, A., Lewis, B. (eds.). 2005. *The Cambridge History of Islam. Vol. 1A. The Central Islamic Lands from pre-islamic times to the I-st World War*. London; New-York: "Cambridge University press" Publ. (in Azerbaijanian).
23. Onullahi, S. 1982. *XIII–XIV əsrlərdə Təbriz şəhərinin tarixi (History of the city of Tabriz in XIII–XIV centuries)*. Baku: "Elm" Publ. (in Azerbaijanian).

About the Author:

Dostiev Tarikh M. Doctor of Historical Sciences, Head of Department, Baku State University Baku State University. Academic Zahid Khalilov street 23, Baku, AZ 1148, AZ-1073, Republic of Azerbaijan; dostiyev.tarikh@mail.ru

Статья принята в номер 04.07.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/pa2025.1.51.199.206

«ДЛИННЫЕ СТЕНЫ» И «ДЛИННЫЕ ВАЛЫ» КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ВИД ФОРТИФИКАЦИИ НА ГРАНИЦАХ СТЕПНОЙ ЗОНЫ

© 2025 г. В.Ю. Коваль

Целью исследования является сравнение различных по конструктиву протяженных линий фортификационных укреплений и попытка четче обозначить их назначение, способы строительства и использования в обороне. «Длинные стены» и «длинные валы» создавались в разных странах и в разные периоды истории, однако чаще всего они использовались на границах степного мира для защиты ареалов оседлости от вторжений кочевнических армий. До наших дней руины этих сооружений сохраняются в виде земляных гряд, называемых обычно валами, однако такие гряды могли представлять собой остатки как насыпных земляных валов, так и древо-земляных стен, а также стен из сырцового кирпича и земляных стен европейского бастионного типа либо стен, построенных по китайскому методу «ханту». Для определения конструкции этих сооружений необходимы тщательные археологические раскопки по современной методике. Все эти протяженные сооружения (независимо от их конструктива) не могли полностью предотвратить вторжение кочевнических орд, но они были способны задержать их движение либо направить их в те места, где размещались военные силы, ожидавшие врага.

Ключевые слова: археология, фортификация, организация обороны, древо-земляные стены, земляные стены, насыпные валы, рвы

Фортификация в зоне евразийских степей всегда имела некоторые отличия от оборонительных сооружений, создававшихся на территориях, занятых оседлым населением (Коваль, 2022). При этом сами фортификационные сооружения создавались не столько степными сообществами, сколько государствами, основное население которых было оседлым, на их границах со степным миром. Эти отличия внешне выглядят достаточно сходно – в виде протяженных оборонительных линий, состоявших из стен или валов.

Наиболее известным примером таких линий является Великая Китайская стена, которой империя Хань пыталась отгородиться от степных гуннских племен, создававшаяся на протяжении нескольких столетий. На территории Восточной Европы не менее известны так называемые «Змиевы валы», являющиеся остатками древо-земляных стен, выстроенных в период правления князя Владимира Святославича для защиты территории Руси от нападений печенегов в конце X – начале XI вв. Эти стены создавались по нескольким последовательно расположенным линиям, т. е. строились как глубоко эшелонированная оборона (рис. 1). Однако это только наиболее известные примеры, в действительности их гораздо больше. Правда, стены возводились не только на границах со степными племенами: государства с оседлым населением возводили их и на тех рубежах, за которыми размещались и вполне оседло жившие этнические группы, отличавшиеся повышенной агрессивностью. В этом смысле характерен «вал Адриана» – стена, проведенная от западного до восточного берега острова Британия для защиты от воинственных «пиктов», составлявших в первых веках н. э. население современной Шотландии. Тем не менее количество протяженных оборонительных линий на границах степей несоизмеримо выше, поскольку мобильность степных племен, войска которых состояли из всадников, была многократно больше, чем у лю-

Рис. 1. «Змиевы валы» Поднепровья. А – карта трассировок (Моргунов, 2009, рис. 90). 1 – археологически изученные укрепления; 2 – отрезки укреплений, известные только по литературе). Б – фото участка «змиева вала» (из свободного интернет ресурса. https://yandex.ru/images/search?img_url=https%3A%2F%2Fcs8.pikabu.ru%2Fpost_img%2F2018%2F04%2F23%2F9%2Fog_og_1524496658251495031.jpg&lr=11007&pos=0&rpt=simage&text=%D0%B7%D0%BC%D0%B8%D0%B5%D0%B2%D1%8B%20%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8B. Дата обращения 09.07.2024).

Fig. 1. "Serpentine shafts" of the Dnieper region.

бых оседлых народов, сражавшихся преимущественно в пешем строю.

Существует мнение, что создание протяженных преград – признак относительной неразвитости военного дела в том или ином обществе, строящем свою оборону на попытке перерезать все пути продвижения противника, тогда как по мере роста опыта в военных столкновениях с ним обороняющиеся государства переходили к созданию отдельных узлов обороны (крепостей), опираясь на которые, они и осуществляли противодействие нападавшим. В частности, такое мнение высказывал Ю.Ю. Моргунов, объясняя переход от строительства «длинных стен» («Змиевых валов») к созданию цепи из точечных пунктов обороны в виде городов-крепостей по рубежам южнорусских княжеств (Моргунов, 2009, с. 228, 229). Действительно, в Южной Руси XII в. такой процесс имел место. Однако его причина вряд ли крылась в «прогрессе организации обороны» – скорее она объяснялась резким сокращением ресурсов на строительство. «Длинные стены» на границе со степью создавались в конце X в. единым, огромным по территории и населению общерусским государством, которое к XII веку распалось на множество княжеств, ресурсы которых были хоть и велики, но все же несоизмеримо меньше, чем в эпоху Владимира Святославича. Кроме того, единый план строительства в таких условиях уже сложно было бы провести в жизнь, ведь интересы разных княжеств не всегда совпадали. Но если бы даже какое-то из княжеств нашло ресурсы для того, чтобы построить новую стену на «своем» участке границы со степью, то такие затраты стали бы бессмысленны, поскольку эту пограничную линию легко можно было обойти через земли соседнего владения, где такая стена построена не была.

Протяженные оборонительные линии создавались вовсе не только в Древнем мире на начальном этапе истории некоторых государственных образований, но и впоследствии, в эпохи Средневековья, Нового и даже Новейшего времени, притом весьма развитыми государствами, например Римской империей (в Британии, Германии, Африке, на Балканах, в Северо-Западном Причерноморье) или державой Сасанидов (стена Даг-бары в Дербенте и еще три линии стен в Дагестане и Ширване). Наконец, Московским государством были выстроены несколько «черт», состоявших

из многосоткилометровых валов и рвов на его южной (степной) границе в XVII и XVIII вв. (Могилевский и др., 2022), т. е. в период активного восприятия русскими войсками европейского военного строя и самой передовой для того времени военной организации. На «чертах» XVIII в. сооружались крепости с бастионами, выстроенными по последнему слову европейской инженерной науки. Наконец, из истории Второй мировой войны приведем примеры «линии Маннергейма», «линии Мажино» и «атлантического вала» фашистской Германии, являющиеся примерами протяженных оборонительных линий, аналогичных по самой своей сути «длинным стенам» Средневековья и Древнего мира. Таким образом, дело вовсе не в архаичных приемах обороны, а в том, что только протяженные линии позволяют надежно защитить обширные территории от массовых вражеских вторжений.

Ю.Ю. Моргунов в свое время высказывал сомнения в необходимости строительства «длинных стен» на участках болот и по краям заболоченных пойм крупных рек, где броды встречаются с интервалом 10–20 км, откуда делался вывод, что в этих местах стены были излишни. Соответственно, военная доктрина строителей казалась непонятной (Моргунов, 2009, с. 203). Однако болотистые и пойменные участки непроходимы только в теплое время года, тогда как в морозные зимы они вполне могли превращаться в легко преодолимые пространства. Отсюда становится видно, что военная доктрина строителей протяженных оборонительных линий подразумевала обеспечение безопасности страны круглогодично, независимо от времени года. Этим снимаются все сомнения уважаемого исследователя.

Итак, протяженные оборонительные линии всегда (на всех исторических этапах) являлись наиболее предпочтительной формой организации обороны, в том числе и особенно – от мобильного противника, и отказ от них мог диктоваться только дефицитом ресурсов. Как бы ни были велики затраты на строительство и обеспечение войсками таких «линий», они если и не окупались полностью, то оценивались как вполне обоснованные. Эти «линии» позволяли если не отразить нападение полностью, то заставить противника потерять время на поиски менее защищенных участков и тем самым направить его в ту сторону, где его можно было бы разгромить встречным ударом подоспевшей армии. Так что в стратегическом смысле протяженные оборонительные линии вовсе не свидетельствуют об архаичных методах ведения войны – напротив, они являлись свидетельством наличия ресурсов и военной мощи государственных образований. И лишь с утратой этих ресурсов и мощи такие линии оставлялись, разрушаясь и превращаясь в руины, либо замещались отдельными крепостями, пытавшимися оказывать точечное сопротивление врагу. Крепости были опасны тем, что, оставаясь в тылу у нападающего, находившиеся в них войска могли «нанести удар в спину» и именно поэтому их старались захватить или хотя бы надежно заблокировать. Тем не менее полностью обезопасить территорию страны от наступления противника (в особенности высокомобильного, каким являлись конные армии степняков) крепости не могли.

Важным кажется вопрос о том, имеется ли какая-то существенная разница между «длинными стенами» и «длинными валами». Ответ на этот вопрос затрудняется тем, что любые стены, древо-земляные и целиком земляные (например, бастионные Нового времени или средневековые китайские, сложенные по способу «ханту»[1] (рис. 2)), равно как постро-

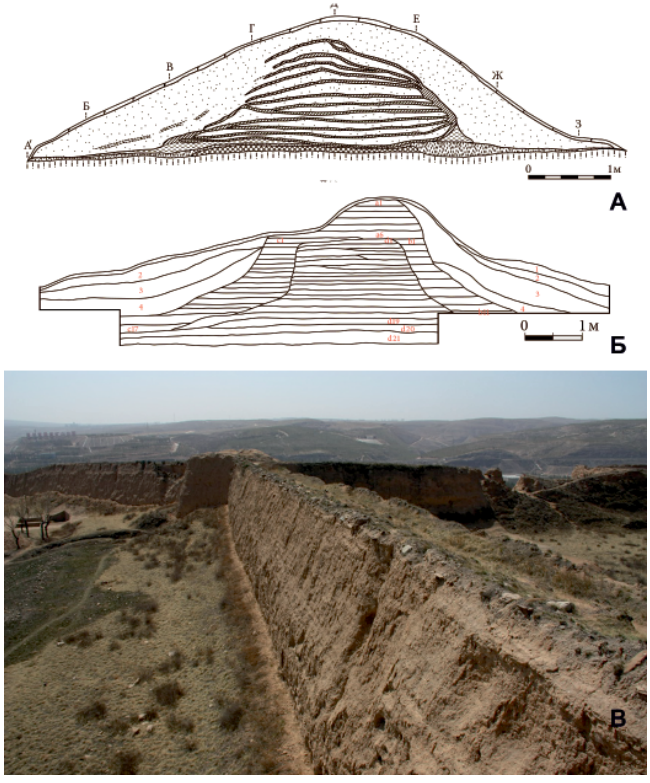


Рис. 2. Стены, выстроенные по китайскому методу ханту. А – разрез стены Джигитовского городища в Приморье (по: Дьякова, 2009, рис. 46). Б – разрез южной стены внутреннего города Баляньчена в Северо-Восточном Китае (по: Стоякин и др., 2020, рис. 8: 2). В – частично руинированный отрезок Великой китайской стены, выстроенной по методу ханту близ г. Датун (из свободного интернет-ресурса. Адрес: https://maximus101.livejournal.com/42772.html. Дата обращения 11.07.2024).

Fig. 2. Walls built using the Chinese Hantu method.

енные из сырцового кирпича (т. е. фактически из высушенной глины) и даже сложенные из камня, после разрушения превращались в земляные или затянутые землей гряды, т. е. «валы», внешне неотличимые от настоящих насыпных земляных валов (рис. 3). Без проведения тщательных раскопок по современной методике (Моргунов, 2019) достоверно установить конструкцию таких защитных сооружений фактически невозможно. Эта конструкция определялась целым рядом факторов: наличием доступных строительных материалов, имеющимся опытом оборонного зодчества, способами ведения войны противником.

В разных регионах существовали собственные традиции организации обороны территорий, которые в значительной степени зависели от тех ресурсов, которыми располагали защитники на своей территории. В «лесном мире» дерево было самым дешевым и легкодоступным стройматериалом и поэтому именно оно использовалось чаще всего для возведения оборонительных линий (почти всегда в сочетаниях с землей). В горных районах, изобиловавших камнем, таким «любимым материалом» были скальные породы, а на степных равнинах, где камень и дерево были дефицитом, широко использовалась глина (материал для сырцовых кирпичей) или же сыпучие породы, из которых иногда можно было выстроить только насыпь в виде вала. Разумеется, вал уступал по своей эффективности стене, однако в сочетании со рвом (который фактически служил котлованом для добычи грунта, перемещавшегося в насыпь) он становился весьма труднопреодолимой преградой, в особенности для всадников конного войска, вынуждавшихся спешиться для преодоления таких преград, но не имевших навыков ведения боевых действий в пешем строю. Поэтому оборонительные стены и валы не всегда отражают уровень развития военного дела в той или иной стране, иногда они лишь указывают на региональную специфику по строительным материалам. Разумеется, некоторое влияние оказывали тут

и традиции оборонного зодчества, привнесенные или позаимствованные у соседей. Таким образом, никакого противопоставления стен и валов не существовало, часто они дополняли или даже заменяли друг друга на разных отрезках оборонительной линии или в разные периоды времени.

Единственным действительно важным отличием «длинных валов» от «длинных стен» является то, что валы могли выполнять специфическую функцию своего рода «огораживания» территорий, предотвращения перемещения кочевников со своими стадами и кибитками (Толочко, 2003, с. 66, 67). Тем самым земельные пространства выводились из пользования степняков, а валы превращались в зримую границу между кочевым и оседлым мирами. Такую функцию выполняли, вероятно, уже самые древние из «длинных валов» Восточной Европы, построенные на Керченском полуострове переселенцами-эллинами, выгородившими себе территории для занятия земледелием (Масленников, 2003). Для достижения такой цели валы были более приемлемы, поскольку их создание было менее трудозатратно, чем строительство каменных стен (в степях другого материала для оборонного зодчества и не существовало), а эффективность не уступала стенам.

Самой сложной проблемой, связанной с протяженными линиями укреплений, является вопрос о том, каким способом они могли защищаться. Совершенно очевидно, что на них невозможно было бы организовать оборону так же, как в крепостях, где воины размещались на вершине стены плотными рядами – для этого потребовалось бы такое количество вооруженных людей, каким не располагало ни одно из государств Древнего мира и Средневековья. Даже Китай, обладавший колоссальными человеческими ресурсами, не мог обеспечить сплошной линией воинов всю свою «Великую стену» длиной 9000 км. Да в этом и не было никакой надобности, поскольку и противник не мог атаковать всю стену на всем ее протяжении (или хотя бы на значительном отрезке), а штурмовал ее на ограниченных «участках прорыва». Поэтому Китай не держал на своей стене бесчисленную армию, а оставлял лишь небольшие сторожевые отряды, задача которых была не столько в отражении штурма, сколько в своевременном извещении столицы о нападении. Несколько иную организацию обороны южнорусских «длинных стен» («Змиевых валов») предполагал Ю.Ю. Моргунов, видевший в неукрепленных поселениях, размещенных вдоль линии стен, места дислокации воинов, в обязанности которых входила защита этих стен. И совсем другими были функции крепостиц (шанцев) на «линиях» Российской империи XVIII в., гарнизоны которых могли не только осуществлять охрану земляной стены «линии», но и удерживать шанцы, отражая превосходящие силы противника (степных кочевников) благодаря наличию артиллерии. Как видим, протяженные линии обороны использовались поразному в разное время и в разных странах, причем они нередко сооружались не для того, чтобы полностью отразить натиск врага, а с целью задержать его продвижение, что позволило бы обороняющимся выдвинуть в пункт прорыва контратакующие отряды. Однако для того, чтобы успеть остановить прорывающегося противника, необходимо было очень быстро перебросить значительные массы войск на большие расстояния, а значит, пехотные соединения для этого были непригодны. Следовательно, для организации обороны на протяженных линиях укреплений были необходимы не только закрепленные за участками этих линий сторожевые группы, но и конные войска. Именно они, благода-

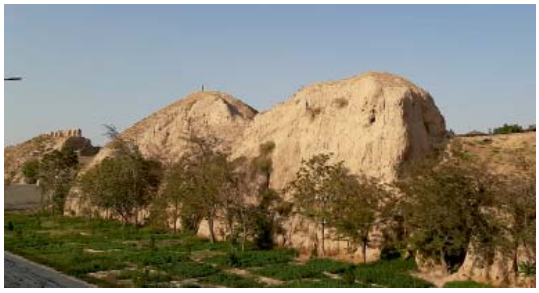


Рис. 3. Полуразрушенные стены Афросиаба (Узбекистан, г. Самарканд), превратившиеся в валообразные гряды (фото автора 2023 г.).

Fig. 3. The tumble down walls of Afrosiab (Uzbekistan, Samarkand), turned into rampart-like ridges (photo by author, 2023).

ря своей мобильности, могли своевременно подоспеть к участкам прорыва и уничтожить врага еще до того, как вся его масса преодолеет стену или вал.

В письменных источниках (за исключением китайских) детали организации обороны «длинных стен» и «длинных валов» не нашли отражения, однако именно описанная выше стратегия этой организации представляется наиболее вероятной. По-видимому, она была достаточно эффективной и привлекательной для защиты границ государств, основную часть жителей которых составляло оседлое население.

Одним из подтверждений справедливости сделанного вывода является тиражирование подобной стратегии обороны в разных странах и в разные периоды. Так, в Биляре, столице Волжской Булгарии, который на начальном этапе был защищен древоземляной стеной, уже в XII в. перешли к обороне разросшегося города при помощи строительства вала и рва длиной более 10 км, охвативших огромную территорию площадью около 600 га. На такой длинной линии укреплений эффективная оборона могла быть организована только с помощью мобильных отрядов конных войск, перемещавшихся вдоль нее по сигналам от наблюдателей, стоявших на гребне вала и скрытых от врага легкими деревянными оградами (Коваль, в печати). Совершенно так же была построена оборона города Болгара в середине XIV в., когда вокруг него был выстроен вал длиной более 5 км, охвативший как городскую застройку, так и обширные незастроенные территории (Коваль, 2021). Но фактически так же была построена оборона и на первой протяженной линии защиты Московского государства от набегов крымских татар в XVI в., когда вдоль всего берега реки Оки (на сотни километров) была создана невысокая деревянная ограда, а отряды конных войск дислоцировались в нескольких пунктах вдоль реки и быстро выдвигались к тем участкам, на которых ожидалось форсирование реки противником (Мазуров, 2001, с. 455–458; Носов, 2013, с. 204, 205).

Таково самое общее представление о стратегии обороны протяженных укреплений, призванных противостоять вторжениям конных войск кочевников на территории соседних государств с преимущественно оседлым населением, которое, однако, должно было учитывать тактику противника и перенимать многие способы ведения им боевых действий. Однако эти общие представления требуют проверки и уточнения путем исследования самих протяженных укреплений и примыкавших к ним поселений, остающихся до сих пор изученными крайне фрагментарно.

Задачей археологии в современных условиях является точное определение конструкции того защитного сооружения, которое дошло до нас в виде гряды (вала) и тем самым установление тех реальных фактов, которые важны для формирования объективной картины развития военного дела в древности. Взгляд на «валы» в их нынешнем состоянии как некую изна-

чальную данность, без их серьезного археологического изучения и точного определения конструкции древнего сооружения, – опасный анахронизм, простительный для ученых XIX века, но недопустимый в XXI веке.

Примечание:

[1] Метод ханту состоял в создании стены, опалубка которой создавалась из сырцового кирпича или дерева, пространство между которыми заполнялось чередующимися и сильно утрамбованными прослойками разнородного грунта (песка, глины, гальки, почвы и т. п.). Даже после разрушения опалубки такие стены долгое время сохраняли вертикальность, но в ходе дальнейшего разрушения превращались в «валы».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дьякова О. В.* Военное зодчество Центрального Сихотэ-Алиня. Москва: Восточная литература, 2009. 245 с.
2. *Коваль В.Ю.* Фортификация города Болгара в XIV веке // КСИА. 2021. Вып. 265. С. 177–187.
3. *Коваль В.Ю.* Фортификация и средневековый степной мир // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Т. 3 / Отв. ред. Б.А. Байтанаев, А.Г. Ситдиков, Д.А. Воякин. Алматы; Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. С. 72–82.
4. *Коваль В.Ю.* Фортификация Биляра // Археология Евразийских степей (в печати).
5. *Мазуров А.Б.* Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI в.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М.: Александрия, 2001. 542 с.
6. *Масленников А.А.* Древние земляные пограничо-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула: Гриф и Ко, 2003. 280 с.
7. *Могилевский К.И.* и др. Линии роста. Памятники историко-культурного наследия пограничья России XVI–XVIII вв. М.: Кучково поле, 2022. 388 с.
8. *Моргунов Ю.Ю.* Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М.: Наука, 2009. 303 с.
9. *Моргунов Ю.Ю.* К методике изучения валов древнерусских городищ / Методика полевых археологических исследований. Вып. 10. М.: ИА РАН, 2019. 31 с.
10. *Носов К.С.* Русские средневековые крепости. М.: Эксмо, 2013. 352 с.
11. *Стоякин М.А., Чон Юнхи, Белова И.В., Прокопец С.Д.* Исследование строительных технологий в Бохае (на примере конструкции вала Старореченского городища) // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2020. № 2. С. 152–168.
12. *Толочко П.П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб.: Алетейя, 2003. 159 с.

Информация об авторе:

Коваль Владимир Юрьевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии. Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kovaloka@mail.ru

"LONG WALLS" AND "LONG RAMPARTS" AS A SPECIFIC TYPE OF FORTIFICATION ON THE BORDERS OF THE STEPPE ZONE

V.Yu. Koval

The aim of this study is to compare extended lines of fortifications that differ in design and try to clearly determine their purpose, methods of construction and use in defense. "Long walls" and "long ramparts" were created in different countries and at different periods of history, but most often they were used on the borders of the steppe world to protect settled areas from incursions by nomadic armies. To this day, the ruins of these structures are preserved in the form of earthen ridges, usually called ramparts, but these ridges could represent ruins as earthen ramparts and wood-earthen walls, as well as raw brick walls and earthen walls of the European bastion type or walls built according to the Chinese Hantu method. To determine the internal construction of these objects, careful archaeological excavations using modern metodics are necessary. All these long structures (regardless of their construction) could not completely prevent the invasion of nomadic armies, but they were capable of delaying their movement or directing them to those places where military forces were located, awaiting the enemy.

Keywords: archaeology, fortification, organization of defense, wood-earthen walls, earthen walls, ramparts, moats.

REFERENCES

1. Dyakova, O. V. 2009. *Voennoe zodchestvo Tsentral'nogo Sikhote-Alinya (Military Architecture of the Central Sikhote-Alin)*. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ. (in Russian).
2. Koval', V. Yu. 2021. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 265, 177–187 (in Russian).
3. *Koval', V. Yu. 2022. In* Baitanaev, B. A., Sitdikov, A. G., Voyakin, D. A. (eds.). *Evraziyskaya stepnaya tsivilizatsiya: chelovek i istoriko-kul'turnaya sreda. V 5-ti t. T. 4 (Eurasian steppe civilization: man and historical and cultural environment. In 5 vol. Vol. 4). Almaty – Turkestan: Institute of Archaeology named after. A. Kh. Margulan, 110–126 (in Russian).*
4. *Koval', V. Yu.* In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of the Eurasian Steppes)* (in print).
5. Mazurov, A. B. 2001. *Srednevekovaya Kolomna v XIV – pervoy treti XVI v.: Kompleksnoe issledovanie regional'nykh aspektov stanovleniya edinogo Russkogo gosudarstva (Medieval Kolomna in the 14th – first third of the 16th centuries: a comprehensive study of regional aspects of the formation of a united Russian state).* Moscow: “Aleksandriya” Publ. (in Russian).
6. Maslennikov, A. A. 2003. *Drevnie zemlyanye pogranichno-oboronitel'nye sooruzheniya Vostochnogo Kryma (Ancient earthen border defensive structures of Eastern Crimea).* Tula: “Grif i K” Publ. (in Russian).
7. Mogilevskiy, K. I. et al. 2022. *Linii rosta. Pamyatniki istoriko-kul'turnogo naslediya pogranich'ya Rossii XVI-XVIII vv. (Growth lines. Monuments of the historical and cultural heritage of the Russian borderlands of the 16th-18th centuries).* Moscow: “Kuchkovo pole” Publ. (in Russian).
8. Morgunov, Yu. Yu. 2009. *Drevo-zemlianye ukrepleniia Iuzhnoi Rusi X–XIII vekov (Wood and Soil Fortifications of Southern Rus in the 10th –13th centuries).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
9. Morgunov, Yu. Yu. 2019. *K metodike izucheniya valov drevnerusskikh gorodishch (To the methodology of studying the ramparts of Old Rus settlements).* Series: Metodika polevykh arkheologicheskikh issledovanii (Methodology of Field Archaeological Research) 10. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
10. Nosov, K. S. 2013. *Russkiye srednevekovyye kreposti (Russian medieval fortresses).* Moscow: *“*Eksmo” Publ. (in Russian)
11. Stoyakin, M. A., Chon, Yunkhi, Belova, I. V., Prokopets, S. D. 2020. In *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii (Multidisciplinary Research in Archaeology)* 2, 152–168 (in Russian).
12. Tolochko, P. P. 2003. *Kochevye narody stepey i Kievskaya Rus' (Nomadic peoples of the teppes and Kievan Rus).* Saint Petersburg: “Aleteyya” Publ. (in Russian).

About the Author:

Koval Vladimir Yu. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanova St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; kovaloka@mail.ru

Статья принята в номер 04.07.2024 г.

УДК 902/903.2 https://doi.org/10.24852/pa2025.1.51.207.218

АЗАК В ПЕРИОД «ВЕЛИКОЙ ЗАМЯТНИ» (1359-1380 ГГ.)

© 2025 г. А.Н. Масловский

Представлен очерк археологии Азака в период смуты после убийства хана Бердибека и до захвата власти Тохтамышем (1359–1381 гг.). После кризиса и стагнации в предшествующий период (1343–1359 гг.), которые, не сопровождались заметным сокращением городской территории, за время смуты произошло уменьшение площади города в 4 раза. Связи Азака с другими регионами достигают минимального уровня. На первом этапе (до 1369/1370 г.) фиксируется подъём благосостояния и расцвет ремесел, в частности гончарного, что, вероятно, связано с притоком нового населения. Восстановление города до докризисного уровня не произошло. К этому времени относится большинство наиболее богатых комплексов, исследованных в Азаке. Происходит массовая чеканка медной монеты. Фиксируются следы локальных погромов на городских окраинах. Затем начинается период нестабильности, о чем свидетельствует сооружение оборонительного рва.

Зимой 1369/1370 гг. в городе происходят драматические события, которые привели к появлению массовых санитарных захоронений и запустению периферийных районов. На городском центре это отразилось слабо. Последствия оказались отложенными во времени. После этого почти полностью исчезает эмиссия медной монеты. Это затрудняет датировку комплексов 1370–1381 гг. Можно констатировать, что в центре города значительных изменений не произошло, и сохранилась прежняя плотность застройки, но на периферии центрального района были заброшены многие участки. Захват власти Тохтамышем также сопровождался эксцессами, о чём говорят находки санитарного захоронения и кладов в Азаке и окрестностях.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Азак; «Великая Замятня», Мамай, монетное обращение; керамическое производство, международная торговля.

Материалы раскопок Азака с большим количеством закрытых комплексов предоставляют возможность подробно проследить изменения жизни одного из городов Золотой Орды на протяжении почти всей их истории. Ранее был сделан обзор для периода первых десятилетий жизни города и для времени правления хана Тохтамыша (Масловский, 2018, 2022). Третий очерк в данной серии посвящен периоду «Великой Замятни» (1359–1381 гг.).

Не все исследователи, занимавшиеся периодизацией истории золотоордынских городов, выделяют время смуты в качестве отдельного периода (Зиливинская, Васильев, 2016, с. 637–638). Это достаточно странно, учитывая в какой степени города Золотой Орды были зависимы от сильной государственной власти, а следовательно, её ослабление неминуемо и очень быстро отражалось на их судьбах (Бочаров, Масловский, 2022, с. 325). Для развития кризиса городской жизни вовсе не обязательно должны были происходить захваты и погромы городов. Достаточно было нарушения связи городов с их округой, уменьшения объема торговли, нарушения баланса во взаимоотношениях оседлого и кочевого населения.

Отдельные аспекты жизни Азака в этот период, в особенности самый масштабный его погром зимы 1369/1370 г., уже неоднократно рассматривались ранее (Масловский, Фомичев, 2004; Масловский, 2014). Здесь хотелось бы рассмотреть жизнь города в период «Замятни» в целом.

Письменные свидетельства более многочисленные, чем для большинства других городов Золотой Орды, тем не менее не способны дать сколь-нибудь полной картины жизни города. Попытки на их основании с привлечением неоднозначной информации нумизматики, реконструировать историю Азака нельзя назвать обоснован-

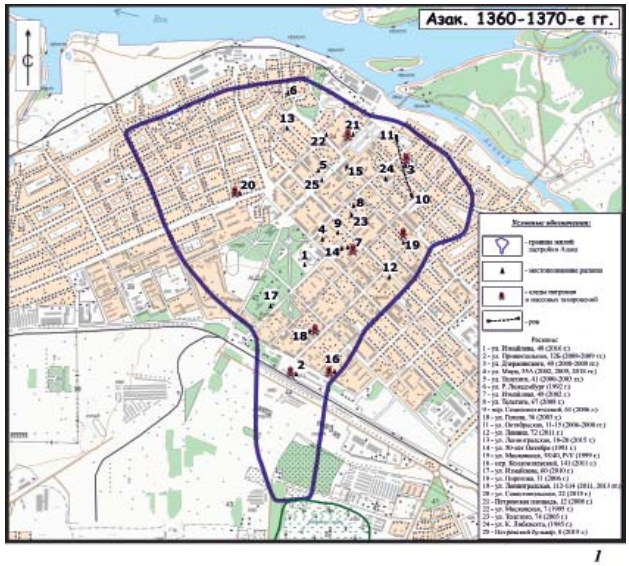
ными. Например, последовательность событий в Азаке, предложенная в работе А.А. Григорьева (Григорьев, 2007, с. 126–129), базируется на ряде произвольных допущений, основанных, в свою очередь, на предшествующих предположениях. Особенно странно выглядит гипотеза о погроме Мамаем венецианской Таны осенью 1362 г. и убийстве венецианского консула Якоба Корнаро (Григорьев, 2007, с. 128). В числе обоснований такой версии событий А.А. Григорьев ссылается на отсутствие упоминаний об этом в официальных документах в архивах Венеции, которые, по его мнению, были изъяты по тайному распоряжению правительства (?!). Цепочка рассуждений, обосновывающая факт погрома Таны осенью 1362 г. отсутствием в архивах документа о назначении Якобо Корнаро консулом, демонстрирует незнание источников. Дело не только в том, что список известных нам венецианских консулов в Тане неполон (Карпов, 2021, с. 401–403), а документы о назначении Якобо Корнаро и его пребывании в Тане известны (Карпов, 2021, с. 151–152). Абсолютно фантастичны предположения о том, что по первому требованию золотоордынского хана Венеция могла передать большие суммы денег на организацию военных походов, а после погрома Таны отказаться от финансовых претензий и забыть погром. Они полностью противоречат всему, что мы знаем о системе власти и делопроизводстве правительства Венеции.

Об этом предположении не стоило бы и вспоминать, но, к сожалению, оно было поддержано (Почекаев, 2012, с. 159) и получило распространение среди специалистов по нумизматике Золотой Орды и историков. Между тем почва для спекуляций относительно смерти консула отсутствует. Её причина ясна из завещания Эсмеральды из Римини, составленного в Тане 19 августа 1362 г. (через день после смерти консула), в котором говорится об эпидемии (Карпов, 2021, с. 231).

Упоминания Таны в венецианских документах этого периода нередки, но недостаточно информативны. В них повторяются жалобы на упадок торговли в Тане, говорится о возможности эвакуации купцов с их товарами или высадки их в других пунктах (Карпов, 2021, с. 153–157). Тем не менее Сенат Венеции год за годом принимал решения об отправке караванов в Тану. Нужно также учитывать, что венецианские документы повествуют только о международной торговле дорогостоящими товарами, которая была хотя и важной, но далеко не единственной частью экономики Азака (Таны).

Археологические источники о периоде жизни города в 1359–1380 гг. многочисленны и говорят о разных сторонах жизни города. К началу смуты, несмотря на потрясения и некоторую стагнацию предшествующего периода, которые привели к появлению многочисленных заброшенных участков, заселенной оставалась вся территории города (рис. 1: 1), за исключением, вероятно, только северо-западных окраин, которые и ранее имели разреженную застройку. К моменту подчинения Азака власти Тохтамыша территория города сократилась почти в 4 раза. При этом на окраинах этого позднего города, вероятно, уже отсутствовала уличная планировка и обитаемы были отдельные усадьбы.

Процесс упадка города не носил линейного характера. На первом этапе (1359–1369 гг.) жизнь в Азаке была вполне благополучной. Исправно работал монетный двор, чеканивший и серебряные, и медные монеты. Наибольшее число медных монет выпускалось в Азаке именно в период правления Абдаллаха (1361–1369 гг.) (Фомичев, 1981, с. 239–240). Они позволяют датировать абсолютное



1

2

3

Рис. 1. 1 – карта Азак. 1360–1370-е годы, 2 – оборонительный ров (Октябрьская, 11–13), 3 – жилище с канами (Ленина, 72а).

Fig. 1. 1 – Map of Azak. 1360–1370s, 2 – defensive fosse (Oktyabrskaya, 11–13), 3 – dwelling with kangs (Lenina, 72a).

большинство комплексов периода «Замятни», которые в несколько раз малочисленнее объектов времени правления Узбека, но встречены в большинстве городских районов (рис. 1: 1). В их числе самые богатые находками комплексы, исследованные в Азаке. Здесь отмечен наиболее высокий процент поливной керамики, посудного стекла, самые представительные комплекты целых сосудов, разнообразный инструментарий (рис. 3: 20), изделия из золота (рис. 3: 18–19), чаще встречаются всевозможные раритеты типа сосудов из слоновой кости (рис. 3: 15), жемчужин, западноевропейского меча (рис. 3: 21), каменной иконки (рис. 3: 16). Временем «Замятни» датируются многие из самых богатых жилых построек (рис. 1: 3). Любопытно, что в Азаке по-прежнему проживают язычники. Об этом говорят неединичные находки онгонов (рис. 3: 17) и других амулетов.

Фиксируется подъём ремесла. Особенно заметно это на примере местного гончарства (рис. 2: 1–10). Его развитие продолжает тенденции более ранних периодов. Увеличивается доля сосудов 1 группы, изготовленной на уровне РФК-5 (Развитие функций круга) (Бобринский, 1978, с. 27). Происходит стандартизация производства, распространение новых форм, например лощеных чаш разного размера. Пропорции сосудов удлиняются, уменьшается доля лощеной керамики. Особенно ярко расцвет демонстрируют поливные сосуды открытых форм. Увеличивается доля чаш со сложными по технике исполнения орнаментами при помощи росписи ангобом (рис. 2: 8–9), достигающими максимума в 23%, сложными композициями в технике сграффито (рис. 2: 10). В некоторой степени расцвет был обусловлен приходом новых мастеров, о чем говорит появление новой техники изготовления поддонов.

Развитие металлургии и металлообработки в центральной части города приводит к образованию здесь золистого слоя мощностью до 0,3 м со шлаками. Сохраняется масштабное кожевенное и косторезное производство. С другой стороны, появление пожароопасных производств прямо на центральных улицах города гово-

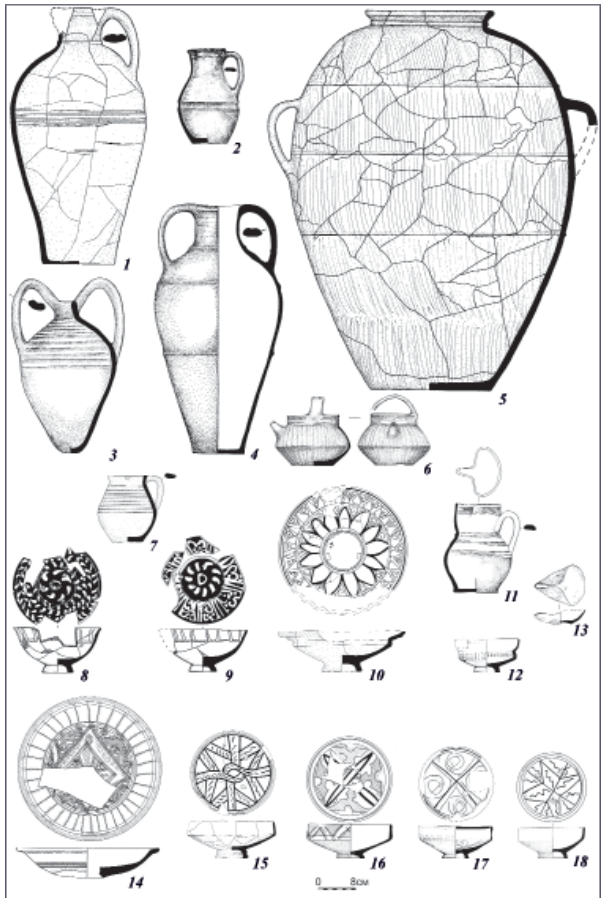


Рис. 2. Азак. 1360–1370-е годы. 1–6 – Азак 1 группа керамики (1, 4 – тарные кувшины, 2 – столовый кувшин, 3 – амфора, 5 – корчага, 6 – водолей), 7–10 – Азак 2 группа керамики (7 – кружка, 8–9 – чаши, 10 – блюдо), 11–18 – ЮВ Крым 3 группа керамики (11 – столовый кувшин, 12–15, 18 – чаши, 13 – светильник, 14 – блюдо); 1, 15 – ул. К. Либкнехта, я-5 (1985 г.), 2 – сп. Р. Люксембург, я-12 (1992 г.), 3 – ул. Московская 38/40 Р-V, я-3 (1999 г.), 4, 6, 11–14, 16–18 – ул. Московская, 7, я-6 (1995 г.), 5 – ул. Мира, 35А, Ж-2 (2002 г.), 7, 10 – Петровская площадь, 12, я-15 (2008 г.), 8, 9 – ул. Толстого, 67, я-6А (2008 г.)

Fig. 2. Azak. 1360–1370s.

рит о некотором упадке городского благоустройства.

Данные о состоянии торговли в Азаке времен «Замятни» несколько противоречивы. С одной стороны, исследовано большое число подвалов больших купеческих домов с богатыми находками, но сам факт того, что они были заброшены именно в это время, говорит о постепенном упадке крупной торговли. И это запустение подтверждает жалобы Сената Венеции.

Также противоречивые данные о состоянии торговли даёт структура керамического комплекса. С одной стороны, в этот период доля импортов резко сокращается, достигая минимума (Масловский, 2012, с. 43). Меняется его структура. Поступление неполивной керамики из других регионов Золотой Орды снижается почти до нуля (Масловский, 2012, с. 45). Какое-то количество керамики продолжает поступать из округи Азака (рис. 3: 4), но и её доля снижается.

С другой стороны, возрастает доля поливных сосудов, достигающая почти 50% от всего импорта (Масловский, 2012, с. 43). В основном этот рост происходит за счёт продукции Крыма (рис. 2: 11–18), но и доля кашинной керамики (рис. 3: 5–11) увеличивается в несколько раз (Масловский, 2012, с. 44). Более того, большая часть археологически целых кашинных сосудов датируется именно этим временным отрезком. Для этой группы керамики можно говорить не только об относительном, но и об абсолютном увеличении объёма её поступления в Азак. Помимо этого, не единичны находки керамики из удаленных регионов: Константинополя (рис. 3: 2, 3), Ирана (рис. 3: 7, 11), Ширвана, Средней Азии, Китая.

Восстанавливается, хотя и не достигает докризисного объёма, ввоз трапезундских амфор (рис. 3: 1). В сгоревшем жилище на раскопе по

ул. Привокзальная, 12б, было обнаружено четыре целых и три разбитых амфоры, в которых должно было храниться более 350 литров вина. Их доля в общем объёме импорта составляет 16,5%. Ввоз критских пифосов (рис. 3: 12–13) остаётся стабильным.

Если сохранение или даже увеличение поступления групп керамики, ввозившихся в Азак морем, объяснимо, то рост числа импортов с востока и особенно кашинных сосудов, произведенных на Нижнем Поволжье и в Иране, должен получить объяснение, не связанное со сферой торговли.

На мой взгляд, всплеск числа кашинных сосудов и других импортов с востока, наряду с распространением жилищ с канами, появлением новых мастеров среди гончаров Азака, связан с притоком некоторого числа переселенцев из городов Нижнего Поволжья (Масловский, 2013, с. 185–186). Например, земляночное жилище на раскопе по ул. Ленина, 72а (рис. 1: 3), уникально для Азака, но находит точные аналогии на нижневолжских городищах. Этот процесс начался ещё в предшествующий период, но с началом «Замятни» началась новая волна переселения.

Отдельно следует сказать об амфорах местного производства (рис. 2: 3). Выпадение на памятнике большого числа сосудов, предназначенных служить транспортировочной тарой, указывает на перебои в экспортной торговле. По сравнению с предшествующим периодом доля амфор среди керамики местного производства уменьшается более чем в 5 раз. Но это цифры в среднем по памятнику. Вместе с тем исследовано значительное число комплексов, в которых обнаружено по нескольку развалов амфор. В подвале жилища № 2 на раскопе по ул. Мира, 35 (2002 г.), которое было оставлено в спешке, найдено несколько сотен амфор, которые, вероятно, здесь и хранились. Всё это указывает на то, что экспортная торговля хотя и восстановилась, но в ней спорадически происходили перебои. Поскольку сфера торговли товарами массового потребления слабо отражена в письменных источниках, данное наблюдение представляется весьма ценным.

Как уже было сказано, на первом этапе смуты (1359–1369 гг.) жизнь в Азаке была, по сравнению с Нижним Поволжьем, безопасной. Тем не менее следы небольших по масштабам катаклизмов всё же фиксируются. На раскопе по ул. Привокзальной, 12б, зафиксировано сожжение всех четырёх земляночных жилищ. В одном из них был обнаружен фрагментированный человеческий скелет. Оснований для точной датировки этого погрома немного. В одном из жилищ найдена монета Хызра, в производственном сооружении – монета Кильдибека. Очевидно, погром произошел до или в процессе установления власти Абдаллаха. Интересно, что на раскопе встречено большое число граффити на керамике в виде тамги дома Бату. Железное тавро для клеймления скота было найдено на соседнем раскопе по ул. Привокзальной, 12 (Гудименко, 1991, с. 13, рис. 3, 6). Здесь же было расчищено захоронение нескольких скелетов в хозяйственной яме. Таким образом, можно предполагать, что пострадали горожане, зависимые непосредственно от членов дома Бату.

Также единичны клады этого периода. На западной окраине Азака найден клад из 210 дирхемов, скрытый летом 1360 г. и, по мнению автора статьи, связанный с событиями переворота Хызра (Фомичев, 1998, с. 74). Клад из 14 дирхемов, сокрытый около 1365 г., был найден напротив Азака на другом берегу р. Азовки, рядом с сельским поселением (Кравченко, 2018, с. 178). Есть также отдельные захоронения человеческих скелетов в хозяйственных и жилых комплексах, которые предположительно можно

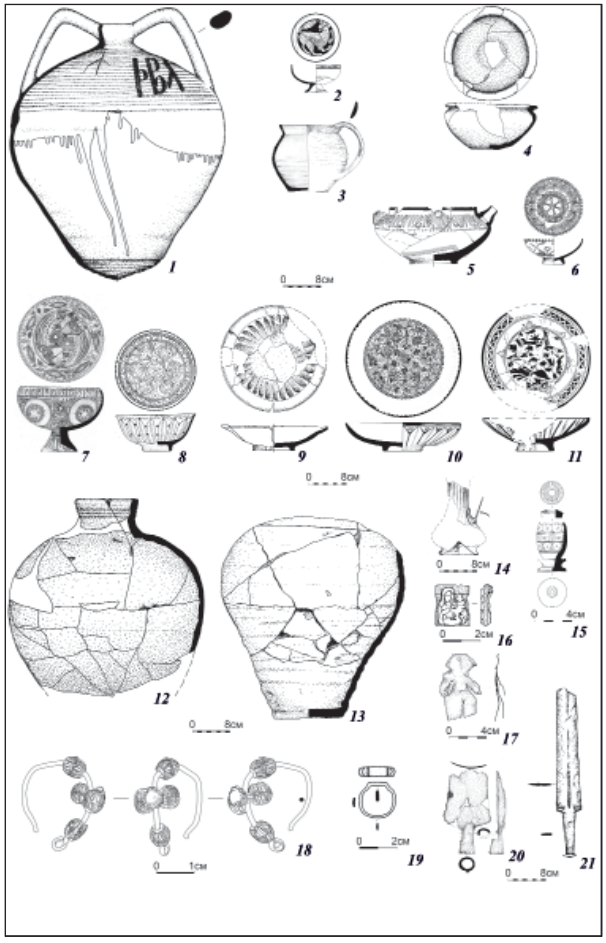


Рис. 3. Азак. 1360–1370-е годы. 1 – амфора, 2, 7 – кубки, 3 – горшок, 4 – таз, 5 – гульабдан, 6 – чаша малая, 8 – чаша, 9–11 – блюда, 12–13 – пифосы, 14 – стеклянный графин, 15 – сосуд из слоновой кости, 16 – каменная иконка, 17 – медный онгон, 18 – золотая серьга, 19 – золотой перстень, 20 – железная лопата, 21 – железный меч. 1 – Трапезунд, 2–3 – Константинополь, 4 – округа Азака, 5–6, 8–9, 11 – Нижнее Поволжье, 7, 10 – Иран. 1 – ул. Привокзальная, 12Б, Ж-7 (2008 г.), 2 – ул. Толстого, 74 (2003 г.), 3, 7, 10, 20 – сп. Р. Люксембург, Я-12 (1992 г.), 4 – ул. Ленина, 72, Я-9 (2011 г.), 5, 6, 21 – ул. Ленинградская, 18–20, Я-16А, 8, 12, 13 – ул. К. Либкнехта, Я-5 (1985 г.), 9 – ул. Ленинградская, 18–20, Я-17, 11 – Петровская площадь, 12, Я-15 (2008 г.), 14 – ул. Московская, 7, Я-6 (1995 г.), 15, 17 – пер. Социалистический, 61А, Ж-1, 16 – ул. Мира, 45 Я-25 (2007 г.), 18 – ул. Мира, 35А, Ж-2 (2002 г.), 19 – Привокзальная, 12б, Ж-5 (2008 г.)

Fig. 3. Azak. 1360–1370s.

отнести к первым годам «Великой Замятни».

Намного более драматичны события осени-зимы 1369/1370 г., о которых уже неоднократно писалось (Масловский, 2014). На настоящий момент исследовано шесть массовых захоронений: Измайлова, 49а (2002 г.), Пирогова, 11 (2006 г.), Мира, 45а (2007 г.), Мира, 37 (2010 г.), Ленинградская, 114, 112 (2011, 2013 г.), Севастопольская, 20–22 (2015 г.). В них было расчищено от 10 до 200 человек. Ещё около десятка комплексов содержали останки от одного до четырех человек. Примерно столько же погребений могут быть связаны с этим событием предположительно. Наиболее поздние монеты, происходящие из данных комплексов, отчеканены в период правления Абдаллаха и датируются 770 г. х. (1368–1369 гг.). Захоронения располагаются в периферийных городских районах, преимущественно юго-восточном, и полукольцом охватывают городской центр, на территории которого подобные погребения не встречены.

Во всех захоронениях фиксируется повреждение человеческих останков животными-трупоедами. Степень сохранности костяков очень разная. Если от отдельных скелетов остались фрагменты, то другие не несут повреждений. При этом останки разной степени сохранности залегают смешанно. На мой взгляд, это указывает на то, что захоронения были совершены спустя несколько месяцев после событий, на протяжении которых некоторые тела были малодоступны для трупоедов. Это указывает на то, что массовые убийства произошли

в зимнее время, после чего прошли снегопады. Среди захороненных преобладают люди со смешанными европеоидно-монголоидными чертами, характерными для золотоордынских кочевников, в то время как среди горожан Азака преобладают европеоиды (Батиева, 2012, с. 102). Значительно меньше обычного молодых мужчин. Немало детей вплоть до грудных. Следы оружия зафиксированы в единичных случаях.

Самое массовое захоронение (Измайлова, 49а) совершено в заплывшей к тому времени западине, оставшейся от земляночного жилища. Погребения меньшего размера от 1 до 10 костяков встречены на пяти близлежащих раскопах, которые как бы образуют шлейф вокруг главной братской могилы. Захоронения на Ленинградской, 112, 114, и Севастопольской, 20–22, совершены в нескольких хозяйственных ямах, расположенных в непосредственной близости друг от друга.

Это позволяет реконструировать картину событий следующим образом. Предварительно люди были собраны в различных точках на городских окраинах, возможно на территории заброшенных кварталов, в большие группы. Затем они были без спешки убиты. После этого они пролежали, частично перекрытые снегом, несколько месяцев. Только с наступлением тёплого времени начавшееся разложение заставило горожан захоронить трупы в близлежащих ямах. Учитывая различия в антропологическом облике людей, захороненных в санитарных захоронениях и на городских некрополях Азака, можно утверждать, что репрессии коснулись не всех горожан, а преимущественно выходцев из кочевой степи, а возможно, и кочевников, кочевавших в этот момент поблизости от города. Исходя из данных, собранных в настоящее время, число убитых превышало 10 тыс. человек.

Не зафиксировано следов пожаров и разрушений, которые можно было бы увязать с данным событием. Единственным комплексом, который был в спешке оставлен (ограблен?) в это время, является жилище № 2 на раскопе по ул. Мира, 35а. В его заполнении найден один фрагментированный череп. На полах одного из помещений были брошены россыпью полтора десятка дирхемов, также на полах было найдено около десятка монет 770 г. х., что и позволяет датировать время, когда жилище было заброшено. Было найдено несколько сотен амфор местного производства, которые, вероятно, и составляли содержимое подвального склада. Среди других находок золотая серьга с ажурными бусинами и жемчужной вставкой (рис. 3: 18). Возможно, с этими событиями связан и «клад ювелира», обнаруженный в заполнении уличного туалета на раскопе по ул. Мира, 45а (Масловский, 2011, с. 230–231, рис. 2, 6–12).

Опасность, вероятно, не возникла внезапно. Об этом говорит попытка создания оборонительных сооружений. На двух участках (Октябрьская, 11–13, Гоголя, 36) был исследован ров глубиной 3,5 м (рис. 1: 2). На Гоголя, 36, были также зафиксированы остатки вала, срытого ещё в период существования золотоордынского Азака. Судя по реконструируемой трассе рва (рис. 1: 1), горожане пытались защитить почти всю территорию, заселенную на этот момент.

Косвенным указанием на драму зимы 1369/1370 г. в Азаке служит решение Сената Венеции от 9 июля 1370 г. (Карпов, 2021, с. 157–158). Оно примечательно тем, что в последний момент перед отправкой галей Линии, вопрос о которой обсуждался в конце мая, Сенат впервые озаботился укреплениями венецианской фактории. Единогласно было принято решение об ассигновании денег на приведение в порядок укреплений, покупку

нового и ремонт старого оружия, а также о найме хорошего переводчика с татарского, которому разрешалось платить 30 и даже 36 сомов в год. Это особенно примечательно потому, что в 1368 г. Тана сама должна была стать финансовым донором для ремонта венецианских укреплений в Трапезунде и Негропонте. То есть до 1370 г. были жалобы на упадок торговли и некие трудности, но угрозы погрома для самой фактории не было. В дальнейшем угроза вновь стала маловероятной, и ремонт укреплений не был закончен и к 1376 г. (Карпов, 2021, с. 158).

Также к погрому 1369/1370 г., видимо, относится туманное сообщение Никоновской летописи об убийстве Мамаем царя и «верных его и любящих его»: «Таже и самого царя своего уби, егоже точію именем имеаша во Орде своей цари, сам же вся владеаша и творяша, увидя же, яко любять татарове его царя его, и убояся, еда како отъеметь от него власть его и волю его, и того ради уби его и всех верных его и любящих его» (ПСРЛ, 1897, с. 46). К сожалению, составитель Никоновской летописи не перенёс в летопись имя хана и дату убийства из источника, имевшегося в его распоряжении.

Погром и репрессии не коснулись городского центра, где проживало большинство горожан, вероятно, в силу того, что они никак не были вовлечены в борьбу за власть. Тем не менее события зимы 1369/1370 г. сильно отразились на городе. Период 1369–1380 гг. в материалах Азака отражен очень слабо. Более чем на десятилетие прекращается работа местного монетного двора. Следующий хан Мамая чеканит монету в Орде. Неслучайным выглядит расцвет городища Царино на Северском Донце. Здесь более 80% найденных дирхемов относятся к периоду «Замятни», причем более половины из них к чекану Мухаммеда. Доля медных монет этого периода ещё выше (Кравченко, 2015, с. 459–460). Особенно показательно то, что среди богатого материала, собранного на этом памятнике, большое количество поливной керамики (Кравченко, 2015, с. 455–458, рис. 27–32). Если серебряные монеты, изделия из металла, включая ремесленный инструментарий, при большом желании можно связать с некоей кочевой ставкой – зимником, то поливная керамика принадлежала людям, привыкшим к городской жизни, так же как и к использованию медной монеты. Можно высказать предположение, что после событий зимы 1369/1370 г. часть жителей Азака была переселена на Царино городище. Именно эти переселенцы обеспечили бурный, но кратковременный расцвет этого ранее сравнительного небольшого поселения.

До сих пор в Азаке не выявлено ни одного комплекса, в котором были бы встречены единичные дирхемы Мухаммеда. Редкостью являются анонимные медные монеты, отчеканенные в 1370-е гг. Вероятно, розничную торговлю города обеспечивали предыдущие массовые выпуски пулов времени правления Абдаллаха. В силу этого вычленить материалы именно 1370-х гг. среди всего массива комплексов времен смуты затруднительно. Их число до настоящего времени едва превышает десяток. Судя по ним, уцелевшие горожане не стали жить беднее, продолжалось ремесленное производство и сохранилась уличная планировка. Тем не менее продолжали забрасываться крупные купеческие дома, как, например, жилище на раскопе по пер. Социалистическому, 61а. Также к концу периода смуты в большинстве своём прекращает функционировать городская сеть общественных туалетов (Масловский, 2023, с. 198).

Для создания полной картины очень важно получить данные о со-

стоянии сельской округи Азака. К сожалению, она изучена очень слабо. Редкие кладовые находки и разрозненные монеты ситуацию не проясняют. Только для одного памятника (Платоно-Петровского поселения) собрана статистика обращения медной монеты. Она говорит о сокращении розничной торговли даже в ближайшей округе Азака. Если монеты периода правления Джанибека – Бердибека (1342–1359 гг.) составляют 24%, то монет периода «Замятни» только 8% (Масловский, Минаев, 2021, с. 243).

Есть разрозненные свидетельства драматических событий, происходивших на протяжении 1370-х в Азаке и его округе. К их числу относится клад, спрятанный поблизости от поселения у х. Петровский. Его составляли 60 дирхемов, спрятанных не ранее второй половины 1371 г. (Булава, Шевчук, 2017, с. 123). Но основную часть подобных находок следует отнести к моменту захвата Тохтамышем власти над Азаком. Здесь мы сталкиваемся с проблемой пределов точности монетных датировок. Редкость монет, отчеканенных в 1370-х гг., позволяет делать достаточно вольные допущения относительно периода их хождения. Например, ранее к 1395 г. было отнесено захоронение десятка человек в яме, исследованной в 1982 г., рядом со зданием музея (Гудименко, 1998, с. 288). Между тем самой поздней монетой из комплекса является пул 777 г. х. (1375/1376 г.). Учитывая многочисленность монет периода правления Тохтамыша, более вероятным представляется датировка захоронения временем до установления власти Тохтамыша. Фрагментированный череп обнаружен в яме, датированной монетой 773 г. х. поблизости от торговой площади этого времени на раскопе по ул. Измайлова, 48. Самой яркой находкой является клад из 24 дирхемов, обнаруженный в заброшенном жилище рядом с центральной улицей города, исследованном напротив здания № 7 по Петровскому бульвару. Младшей монетой здесь является дирхем Мухаммеда 777 г. х.

Выводы из изучения жизни Азака этого периода таковы. Упадок города не носил катастрофического характера. В 1359–1369 гг. жизнь здесь была относительно спокойна. Фиксируется даже некоторый подъём экономики. В период правления Абдаллаха Азак становится своеобразной экономической столицей Орды Мамая. Водоразделом стал погром городских окраин зимой 1369/1370 г. После этого экономическим центром Орды Мамая становится Царино городище. Однако и после этого центр города уцелел. Упадок городской жизни происходит постепенно под воздействием ряда факторов. Значительная часть горожан постепенно покидает город. Именно это и приводит к уменьшению площади города и численности его населения в несколько раз.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Батиева Е.Ф.* Антропологические материалы из массовых захоронений золотоордынского города Азака // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 1 / Отв. ред. В.А. Алекшин. СПб: ИИМК РАН, Периферия, 2012. С. 99–102.
2. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
3. *Бочаров С.Г., Масловский А.Н.* Некоторые соображения об эволюции городов Золотой Орды // Stratum plus. 2022. № 6. С. 319–329.
4. *Булава Л.Н., Шевчук А.А.* Клад дангов из окрестностей Азова начала 1370 гг. // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Т. 4 / Ред. Е.А. Князева. М: Внешторгиздат, 2017 С. 123–134.
5. *Григорьев А.А.* Историческая география Золотой Орды6 местоположение городов, их наименования // Тюркологический сборник 2006 / Ред. кол. С.Г. Кляшторный. М.: Восточная литература, 2007. С. 117–168.

6. *Гудименко И.В.* Спасательные раскопки II Азовского археологического отряда на территории г. Азова в 1990 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1990 году. Вып. 10. / Отв. ред. В.Е. Максименко. Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 1991. С. 12–14.

7. *Гудименко И.В.* Археологические свидетельства погрома Азака Тамерланом в 1395 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995-1997 гг. Вып.15. / Отв. ред. В.Я. Киященко. Азов: Азовский краеведческий музей, 1998. С. 283–290.

8. *Зилвинская Э.Д., Васильев Д.В.* Города Золотой Орды // Золотая Орда в мировой истории / Отв. ред. И. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 633–664.

9. *Карпов С.П.* Тана в XII–XIV вв. Т. 1 / История Таны (Азова) в XIII–XV вв. В 2 т. СПб.: Алетейя, 2021. 378 с.

10. *Кравченко С.А.* Археологические исследования в г. Азове и Азовском районе в 2015 г. // Историко-краеведческие исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2015–2016 г. Вып. 30 / Отв. ред. А.Н. Масловский, Е.Н. Самарич. Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2018. С. 122–178.

11. *Кравченко Э.Е.* Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 411–478.

12. *Масловский А.Н.* Клады и экстраординарные погребения. Комплексы криминального происхождения из раскопок Азака (попытки интерпретации) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Астрахань, 2–6 октября 2011 г.) / Ред. Д.В. Васильев, Ю.А. Зеленеев, А.Г. Ситдиков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 226–231.

13. *Масловский А.Н.* Изменение объема и состава импортов в керамическом комплексе золотоордынского Азака как отражение событий политической жизни и изменений в экономике Золотой Орды // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2012. № 2(168). С. 42–46.

14. *Масловский А.Н.* Восточные элементы в материальной культуре Азака и проблемы миграций городского населения Золотой Орды // Поволжская археология. 2013. № 4 (6). С. 180–191.

15. *Масловский А.Н.* Резня 1370 года в Азаке // Донской временник. Год 2015-й. Вып. 23. Краеведческий альманах / Отв. ред. Н.Н. Зайцева. Ростов-на-Дону, 2014. С. 125–131.

16. *Масловский А.Н.* Азак и его округа в первые десятилетия их существования. Проблемы зарождения и роста золотоордынских городов // Археология Евразийских степей. 2018. № 4. С. 260–265.

17. *Масловский А.Н.* Золотоордынский Азак во время правления Тохтамыша (1381–1395 гг.) // Археология Евразийских степей. 2022. № 4. С. 185–197.

18. *Масловский А.Н., Фомичев Н.М.* О дате побоища в Азаке времени «великой замятни» в Орде // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. Вып. 20 / Отв. ред. В.Я. Киященко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2004. С. 487–508.

19. *Масловский А.Н.* Элементы городского благоустройства в золотоордынском Азаке // Сборник материалов VII Всероссийской Нижневолжской археологической конференции: (Астрахань, 02–04 октября 2023 г.) / Отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2023. С. 195–198.

20. *Масловский А.Н., Минаев А.П., Юдин Н.И.* Сельская округа Азака по данным керамических и нумизматических находок. Взаимодействие города и сельского населения // Поволжская археология. 2021. № 2 (36). С. 231–247

21. *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб: Евразия, 2012. 464 с.

22. ПСРЛ. Т. 11. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб: Тип. И.Н. Скороходова, 1897. 254 с.

23. *Фомичев Н.М.* Джучидские монеты из Азова // СА. 1981. № 1. С. 219–241.

24. *Фомичев Н.М.* Клад дирхамов Золотой Орды времени «Великой Замятни» (вторая половина XIV в.) // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 20–25 апреля 1998 г. / Отв. ред. В.М. Потин. СПб.: Государственный Эрмитаж, 1998. С. 74–75.

Информация об авторе:

Масловский Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом. Азовский историко-археологический музей-заповедник (г. Азов, Россия); maslovskiazak@mail.ru

AZAK DURING THE GOLDEN HORDE DYNASTIC WAR (1359–1380)

A.N. Maslovskiy

This article deals with the Azak archaeology, concerning the period of the Golden Horde Dynastic War after the Berdibek Khan assassination and before Tokhtamysh Khan came

to power (1359–1381). After the crisis and stagnation of the previous period (1343–1359), without a noticeable urban area reduction, during the Great Troubles period there was a decrease in the city area by 4 times. Azak's ties with other regions have fallen to a minimum. At the first stage (before 1369/1370), an increase in prosperity and the flourishing of crafts, in particular pottery, is recorded, which was probably due to a new population influx. The city has not been recovered to its former level. Most of the richest complexes studied in Azak belong to this time. A huge number of copper coins were minted. Traces of local destructions on the city outskirts are also recorded. Then a period of instability begins, as evidenced by the construction of a defensive fosse. During the winter of 1369/1370, dramatic events took place in the city, which led to the appearance of mass sanitary graves and the peripheral areas desolation. This had little effect on the city center. The consequences were delayed in time. After that, the issue of the copper coin is almost completely stopped. This makes it difficult to date the complexes of 1370–1381. It can be stated that there have been no significant changes in the city center, and the same building density has been preserved, but many areas on the periphery of the central district have been abandoned. Tokhtamysh Khan's rise to power was also accompanied by excesse, as evidenced by the finds of sanitary burial and hoards in Azak and the surrounding area.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Azak; Golden Horde Dynastic War, Mamay, monetary circulation; ceramic production, international trade.

REFERENCES

1. Batieva, E. F. 2012. In Alekshin, V. A. (ed.). *Cultury stepnoy Evrasii i ih vsaimodeystvie s drevnimi zivulisaciyami (Culture of steppe Eurasia and their interaction with ancient civilizations)*. 1. Saint Peterburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; "Periferiia" Publ., 99–102 (in Russian)
2. Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
3. Bocharov, S. G., Maslovsky, A. N. 2022. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 319–329 (in Russian)
4. Bulava, L. Y., Shevchuk, A. A. 2017. In. Knyaseva, E. A. (ed.). *Rus', Litva, Orda v pamyatnikakh numizmatiki i sfragistiki (Rus', Lithuania, Horde in the monuments of numismatics and spraying)* 4. Moscow: "Vneshtorgizdat" Publ., 123–134 (in Russian)
5. Grigoryev, A. A. 2007. In Kliashtornyi, S. G. (ed.). *Tiurkologicheskii sbornik 2006 (Collected Papers on Turkic Studies 2006)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ., 117–168 (in Russian).
6. Gudimenko, I. V. 1991. In Maksimenko, V.E. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1990 godu (Historical and Archaeological Studies in Azov and Lower Don Region in 1991)* 10. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 12–14 (in Russian)
7. Gudimenko, I. V. 1998. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1995–1997 g. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don in 1995–1997)* 15. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 283–290 (in Russian).
8. Zilivinskaya, E. D., Vasiliev, D. V. 2016. In Mirgaleev, I. M., Khautala, R. (eds.). *Zolotaya Orda v mirovoy istorii (The Golden Horde in World History)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 633–664 (in Russian).
9. Karpov, S. P. 2021. *Tana in XIII–XIV centuries (Tana v XIII–XIV vv.). Vol. 1. Series: Istoriya Tany (Azova) v XIII–XV vv. (History of Tana (Azov) in XIII–XV centuries)*. In 2 vol. Saint-Petersburg: "Aletheia" Publ. (in Russian).
10. Kravchenko, S. A. 2018. In Maslovsky, A. N., Samarich, E. N. (eds.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2015–2016 gg. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don in 2015–2016)* 30. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum Publ., 122–178 (in Russian)
11. Kravchenko, E. E. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaya Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 411–478 (in Russian).
12. Maslovsky, A. N. 2011. In Vasiliev, D. V., Zeleneev, Yu. A., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialog of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan; Astrakhan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani of the Tatarstan Academy of Sciences, 226–231 (in Russian).
13. Maslovsky, A. N. 2012. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki (University News. North-Caucasian Region. Social Sciences Series)* 168 (2), 42–46 (in Russian).

14. Maslovsky, A. N. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 4, 180–191 (in Russian).
15. Maslovsky, A. N. 2014. In Zaytseva, N. N. (ed.). *Donskoy vremennik. God 2015-y. (Donskoy vremennik. Year 2015)* 23. Rostov-on-Don. 125–131 (in Russian).
16. Maslovsky, A. N. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 260–265 (in Russian).
17. Maslovsky, A. N. 2022. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 185–197 (in Russian).
18. Maslovsky, A. N., Fomichev, N. M. 2004. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2003 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2003)* 20. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum Publ., 487–508 (in Russian).
19. Maslovsky, A. N. 2023. In Vasil'ev, D. V. (ed.). *Sbornik materialov VII Vserossiyskoy Nizhnevolzhskoy arkheologicheskoy konferentsii: (Astrakhan', 02–04 oktyabrya 2023 g.) (Collection of materials of the VII All-Russian Lower Volga Archaeological Conference: (Astrakhan, October 02–04, 2023))*. Astrakhan: Publisher Sorokin Roman Vasilevich, 195–198 (in Russian).
20. Maslovsky, A. N., Minaev, A. P., Yudin N.I. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 2 (36), 231–247 (in Russian).
21. Pochekaev, P. Yu. 2012. *Tsari ordynskie. Biografii khanov i praviteley Zolotoy Ordy. (The kings of the Horde. Biographies of khans and rulers of the Golden Horde)*. Ed. 2nd. Saint Petersburg: "Evraziya" Publ. (in Russian).
22. 1897. *Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu ((Collection of Chronicles known as the Patriarch's or Nikon Chronicle)* 8. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) XI. Saint Petersburg:. Saint Petersburg: Tip. I. N. Skorokhodova (in Russian).
23. Fomichev, N. M. 1981. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 219–241 (in Russian).
24. Fomichev, N. M. 1998. In Potin, V. M. (ed.) *Shestaya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferenciya. Sankt-Peterburg, 20-25 aprelya 1998 g. Tezisi dokladov i coobshcheniy (Sixth All-Russian Numismatic Conference)*. Saint Petersburg: State Hermitage Publ., 74–75 (in Russian).

About the Author:

Maslovskiy Andrey N. Candidate of Historical Sciences. Azov History, Archaeology and Paleontology Museum-Reserve. Moskovskaya St., 38/40, Azov, 346780, Russian Federation; maslovskiazak@mail.ru

Статья принята в номер 09.07.2024 г.

УДК 902 https://doi.org/10.24852/pa2025.1.51.219.226

ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ НА ПРИМЕРЕ УРБАНИСТИКИ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА (XIII–XIV ВВ)[1]

© 2025 г. С.Г. Бочаров

Параллельное сосуществование на огромной территории Золотой Орды мира многочисленных, развитых, благоустроенных по меркам своего времени городов и мира степи с кочевыми племенами на протяжении почти двух веков требует теоретического осмысления. В статье концепция грядообразования на территории Золотой Орды, основанная на результатах новейших археологических исследований, проводимых последние двадцать лет на памятниках европейской части этого государства, рассматривается на материалах городов Крымского полуострова. В развитии городов золотоордынского государства выделится семь различных хронологических периодов, которые охватывают временной диапазон от 40-х гг. XIII в. до 20-х гг. XV в. В XIII в. кардинально меняется историческая ситуация в Северном Причерноморье. Земли, ранее принадлежавшие Византийской империи, переходят под протекторат империи Монгольской (позднее Золотой Орды). Тогда же в регионе появляется еще одно государственное образование, основанное выходцами из Северной Италии, – Генуэзская Газария. В результате на территории Крымского полуострова в XIII–XV вв. сосуществуют сразу три различные градостроительные традиции. Первая из них – византийская. Вторая градостроительная традиция – золотоордынская (восточная). Третья традиция – североитальянская (генуэзская, эпохи Возрождения). Процессы грядообразования на Крымском полуострове XIII–XV вв. протекали в рамках золотоордынской урбанистики, несмотря та то, что в регионе соседствовали три разных градостроительных традиций.

Ключевые слова: археология, средневековый город, градостроительная традиция, Византийская империя, Золотая Орда, Генуэзская Газария, Крымский полуостров, Солхат, Каффа.

Заявленная на VI Международный конгресс археологии евразийских степей «Культуры и народы Степной Евразии: единство истоков и многообразие традиций» тема взаимосвязи процессов грядообразования на Крымском полуострове с развитием городов Золотой Орды ставит перед нами два основных вопроса. В первую очередь, это особенности урбанистики в Золотой Орде, ее закономерности и периодизация и, во вторую очередь, соотнесение процессов грядообразования в Крыму с развитием золотоордынской урбанистики.

Авторская концепция развития урбанистики в Золотой Орде (рис. 1) включает семь этапов, основана на результатах новейших исследований городов европейской части государства и в полном виде представлена в трех основных публикациях (Бочаров, Масловский, 2022а; 2022б, 2022в). Кратко рассмотрим эту концепцию:

1 этап, «предгородской» (1240–1250-е гг.), охватывает временной отрезок после завоевания восточноевропейской степи монголами. Сюда массово переселялось население из захваченных регионов с оседлым населением. Динамично протекает процесс создания сельских поселений в пустовавших ранее степных районах. Быстрыми темпами шло восстановление сельской структуры в регионах с уже развитой сетью поселений (Волжская Булгария, Закубанье, Крым) (Бочаров, Масловский, 2022а, с. 323–324;

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22-18-00167 «Причерноморье и Средиземноморский мир в эпоху кризисов и перемен Средневековья».

Этап	Период	Изменения
I	1240 - 1250 гг.	**«Предгородской» период.** *Начался сразу после завоевания восточноевропейской степи монголами. Появление системы поселений с оседлыми жителями.*
II	1260 - 1290 гг.	**Период создания основных золотоордынских городов.** *Они возникли только после появления системы поселений, которую они завершили. В основе процесса основания золотоордынских городов лежит целенаправленная политика государственной власти. И создание городов было одним из проявлений суверенитета нового государства. Начинается этот процесс в финале правления хана Берке (1257 - 1266 гг.) Расцвет градостроительства произошёл при Менгу-Тимуре (1266-1282 гг.).*
III	1290 - 1340 гг.	**Период непрерывного роста городов,** *когда численность их населения и территория возросли многократно. Именно на этом этапе транзитная торговля стала занимать существенные позиции в жизни городов, а города Золотой Орды стали играть важную роль в международной торговле.*
IV	1340 - 1350 гг.	**Стагнация.** *Непрерывный бурный рост городов останавливается. При том, на этот период приходится расцвет Царевского, Маджарского и Староорхейского городищ.*
V	1360 - 1370 гг.	**«Великая замятня»-начало спада.** *Весь расцвет оседлой жизни и городов в степи базировался на хрупком балансе между различными этно- и социо-культурными группами населения, который мог поддерживаться только при сильной государственной власти. При ее упадке мир золотоордынской деревни стал рушиться, а вслед за ним и мир городов стал угасать.*
VI	1380 - 1390 гг.	**«Попытка восстановления».** *Хан Тохтамыш делал все возможное для возрождения мира золотоордынских городов. Смута не закончилась, а только затихла. Сельская округа золотоордынских городов продолжала существовать в сильно уменьшенном виде, как и сами города.*
VII	1390 - 1420 гг.	**Период упадка.** *Крах политической структуры государства. Сил способных остановить смуту нет. Сельские поселения, вне пределов старых земледельческих районов исчезают. У городов Золотой Орды остается возможность существовать только в виде маленьких посёлков.*

Рис. 1. Этапы развития урбанистики в Золотой Орде.
Fig. 1. Stages of development of urban planning in the Golden Horde.

2022б, с. 98–99; 2022в, с. 141–142).

2 этап (1260–1290-е гг.) – период собственно создания золотоордынских городов (рис. 2). Они возникли после создания системы поселений, которую увенчали. Данные археологии и письменных источников прямо или косвенно подтверждают существование в это время целого ряда городов Золотой Орды. Это было невозможно без решений государственной власти. Создание городов стало одним из проявлений суверенитета нового государства. Расцвет градостроительства произошёл при Менгу-Тимуре (1266–1282 гг.) (Бочаров, Масловский, 2022а, с. 324–325; 2022б, с. 98–99; 2022в, с. 142).

3 этап (1290–1340-е гг.) – время непрерывного роста городов, когда численность их населения и территория возросли многократно. Значительно развитие мира городских округ, это период расцвета сельских поселений и увеличения их числа (Бочаров, Масловский, 2022а, с. 325; 2022б, с. 99; 2022в, с. 142).

4 этап – «стагнация» (1340–1350-е гг.). В этот период массовый и повсеместный рост городов на всей западной территории Золотой Орды останавливается (Бочаров, Масловский, 2022а, с. 325; 2022б, с. 99–100; 2022в, с. 142).

5 этап – «Великая замятня» (1360–1370-е гг.). Весь расцвет оседлой жизни и городов в степи базировался на хрупком балансе между различными этно- и социокультурными группами населения, который мог поддерживаться только при сильной государственной власти. С её упадком он неизбежно и непоправимо был нарушен. Мир золотоордынской деревни стал рушиться, а вслед за ним и мир городов стал угасать (Бочаров, Масловский, 2022а, с. 325; 2022б, с. 100; 2022в, с. 143–144).

6 этап, «попытка восстановления» (1380–1390-е гг.), нельзя назвать в полной мере периодом последнего подъёма. Хотя хан Тохтамыш предпринимал меры для возрождения золотоордынских городов. Смута не закончилась, а только затихла. Сельская округа золотоордынских городов

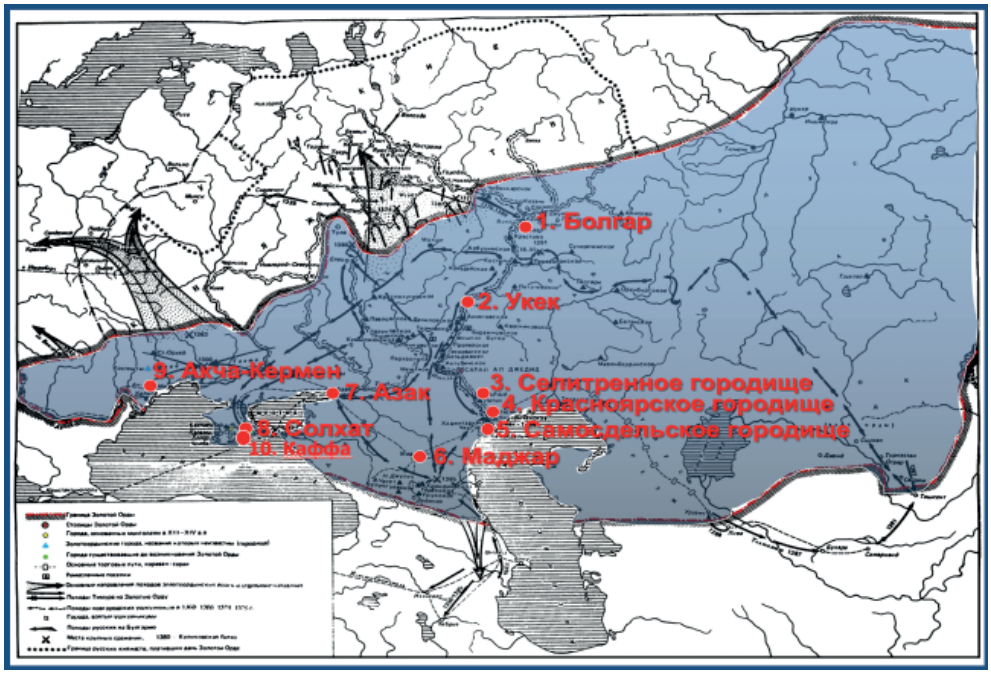


Рис. 2. Карта Золотой Орды (по: Егоров, 1985, карта 2). Основные города – региональные центры Золотой Орды, возникшие в 1260–1290-е гг. 1 – Болгар. 2 – Укек. 3 – Селитренное городище. 4 – Красноярское городище. 5 – Самосдельское городище. 6 – Маджар. 7 – Азак. 8 – Солхат. 9 – Акча-Кермен. 10 – Каффа.

Fig. 2. Map of the Golden Horde (as per: Egorov, 1985, map 2). The main cities are the Golden Horde regional centers, which emerged in the 1260–1290s.

продолжала существовать, пусть и в сильно уменьшенном виде, как и сами города. При отсутствии войн они могли сохраниться и со временем даже достигнуть нового, пусть и меньшего по масштабам расцвета. Но власти Золотой Орды не смогли обеспечить даже маленький период мирной жизни без войн (Бочаров, Масловский, 2022а, с. 325–326; 2022б, с. 100–101; 2022в, с. 144).

7 этап (1390–1420-е гг.) – окончательная гибель оседлой жизни на основной степной территории Золотой Орды. Сельские поселения вне пределов старых земледельческих районов исчезают. У городов Золотой Орды остается возможность существовать только в виде маленьких посёлков (Бочаров, Масловский, 2022а, с. 326; 2022б, с. 101; 2022в, с. 144).

В краткой форме охарактеризуем градостроительство Крымского полуострова. За краткий временной период XIII–XV вв. здесь будут развиваться сразу три различных градостроительных традиции: византийская, восточная (золотоордынская) и эпохи Возрождения (североитальянская, генуэзская) (Бочаров, 2022а, с. 224; 2023, с. 16-19) (рис. 3). Рассмотрим ситуацию в регионе, благодаря которой появилась сама возможность такого разнообразия направлений в развитии городов.

На протяжении всего периода Средних веков Крымский полуостров имел чёткое географическое районирование. Большая часть полуострова – степная, либо входила в состав кочевых держав, либо просто была занята кочевыми народами, не создавшими своей государственности (рис. 4: 1). Территория горного Крыма и побережье у Керченского пролива в IV–XII вв. входила в состав Византий-

Рис. 3. Три градостроительные традиции, развивавшиеся на Крымском полуострове на примере планиграфии городов Херсонеса, Солхата и Каффы.

Fig. 3. Three urban planning traditions, developed on the Crimean peninsula using the planigraphy of the cities of Chersonesus, Solkhat and Caffa.

ской империи и была занята оседлым православным (греческим, ромейским) населением (рис. 4: 2) (Bocharov, 2021a, p. 269–270). Во второй четверти XIII в. все города и сельские поселения Крымского полуострова, существовавшие в составе Византийской империи, переходят под контроль нового монгольского государства (рис. 5). К третьей четверти XIII в. относится появление на полуострове и прилегающих к нему берегах Черного и Азовского морей генуэзских торговых поселений – факторий (Balard, 1978, p. 118). Именно традиционное византийское население полуострова позднее, в XIII–XIV вв., составит основу сельских жителей появившихся на полуострове двух новых государств – Золотой Орды и Генуэзской Газарии (Бочаров, 2019, с. 752, 755), и именно северная периферия Горного Крыма станет зоной, освоенной новым для региона оседлым ордынским населением (Bocharov, 2021b, p. 157–158; Бочаров, Яворская, 2022, с. 229). Возникают в Крыму и два новых города: один политический и экономический центр крымского улуса Золотой Орды – Солхат-Крым (рис. 3: 2; 5), другой генуэзский (западноевропейский, латинский) – город Каффа (рис. 3: 3; 5).

Теперь вернемся ко второму вопросу начала статьи: как градостроительство Крымского полуострова соотносится с этапами развития урбанистики в Золотой Орде. Рассмотрим их на примере золотоордынского Солхата и генуэзской Каффы.

1 этап – «предгородской» (1240–1250-е гг.) (рис. 1). Оба города возникают на территориях, занятых оседлым византийским (греческим) населением (Бочаров, Яворская, 2022, с. 230).

2 этап – «создание основных городов» (1260–1290-е гг.) (рис. 1). Золотоордынский центр Крыма – Солхат из маленького селения, первое упоминание о котором относится к 1263 г. (Тизенгаузен, 1884, с. 54, 63), превращается в город. В 1263 г. в Солхате уже находился ханский наместник – кипчак Табук (Крамаровский, 1989, с. 143), выходцем из Бухары возводится первая мечеть. В 1265 г. Сельджукский султан Изз ад-дин Кейкавус II получает в пожалование Солхат и Судак. В 1287 г. египетский правитель Калаун выделяет 2000 динаров и камнереза для украшения портала мечети (Крамаровский, 1989, с. 148).

По мнению французского исследователя Мишеля Балара, наиболее вероятная дата основания генуэзского города Каффа 1275 г. (Balard, 1978, p. 118). В этот период город был защищен рвом с деревянным палисадом.

3 этап – «непрерывный рост городов» (1290–1340-е гг.) (рис. 1). Посе-

Рис. 4. Карта Крымского полуострова с расположением городов, последняя четверть XIII в. 1 – степные территории, 2 – горные территории с оседлым христианским греческим (византийским) населением.

Fig. 4. Map of the Crimean Peninsula with the location of cities, last quarter of the XIII century.

тивший Солхат в 1332 г. Ибн-Баттута называет его «городом большим и красивым». В нем были базары, гостиницы, бани, мечети (Крамаровский, 1989, с. 144). В Солхате строится большая соборная мечеть с резным порталом и надписью, где увековечены имя хана Узбека и дата – 1314 г. (Кирилко, 2015, с. 270). Рядом находится медресе, основанное женой правителя Солхата Инджибек-хатун в 1332–1333 гг. (Кирилко, 2011, с. 208).

После активного роста Каффы в конце XIII и начале XIV вв., вследствие осады города войсками золотоордынского хана Тохты в 1308 г., Каффа была оставлена жителями. После смерти этого хана Генуе удалось добиться разрешения на восстановление города, и 18 марта 1316 г. принимается план восстановления фактории (Ordo de Caffa) (Balard, 1978, p. 202). Начинается строительство каменной крепости, площадь укреплённой городской территории составила 11,3 га.

4 этап – «стагнация» (1340–1350-е гг.) (рис. 1). Размеры Солхата достигают пика, площадь городской территории составляла более 230 га. Складывается топографический облик Каффы. В городе появляются две части: городские кварталы, располагавшиеся внутри цитадели, и городские кварталы, расположенные за её пределами – бург (burg).

5 этап – «Великая замятня» (1360–1370-е гг.) (рис. 1). В 1375–1380 гг. в Солхате возводятся земляные фортификационные сооружения и каменная крепость, часть армянских кварталов остается за пределами крепости (Крамаровский, 2012, с. 226–227). Площадь генуэзской Каффы на меняется.

6 этап – «попытка восстановления» (1380–1390-е гг.) (рис. 1). После потрясений «Замятни» при хане Тахтамыше ведутся мероприятия по оживлению городской жизни. В Солхате возводится новая мечеть (Крамаровский, 1989, с. 149).

В Каффе проводятся значительные фортификационные работы в 1383–1389 гг. Возводится внешнее оборонительное кольцо вокруг бурга (площадь вновь укреплённой территории 82,0 га). После этого городской пейзаж Каффы приобретёт свой законченный вид: квартальная застройка внутри цитадели, кварталы внутри оборонительного кольца (burg) и кварталы в неукреплённом предместье – антибург (antiburg) (рис. 4). Город достигает своего наивысшего рзмера, его общая площадь к этому времени составляла около 120 га (Бочаров, 2019, с. 745).

7 этап – «упадок» (1390–1420-е гг.) (рис. 1). Происходит уменьшение площади городской застройки как Солхата, так и Каффы, при этом если площадь Каффы уменьшится незначительно, то площадь Солхата сократится в четыре раза. По сообщению Иоанна де Голонифонтибуса (около

Рис. 5. Карта Крымского полуострова с расположением городов, последняя четв. XIV – третья четв. XV вв. 1 – Золотая Орда (Крымское ханство), 2 – Генуэзская Газария, 3 – княжество Феодоро, 4 – территории Золотой Орды (Крымского ханства) с оседлым христианским населением.

Fig. 5. Map of the Crimean Peninsula with the location of cities, last quarter of the XIV – third quarter of the XV century.

1404 г.), большая часть Солхата представляла собой руины (Крамаровский, 1989, с. 149). Тем не менее в отличие от большинства городов Золотой Орды крымские города не исчезнут и продолжат свою жизнь уже в других государствах – Крымском ханстве и Османской империи.

В заключение отметим, что процессы грядообразования на Крымском полуострове XIII–XV вв. были составной частью золотоордынской урбанистики, несмотря та то, что в регионе соседствовали три разных градостроительных традиций – византийская, североитальянская (генуэзская) и золотоордынская. Конец этому положит османское завоевание 1475 г. (Oligati, 1991, s. 383). В следующий период (последняя четверть XV – XVI вв.) в новых городах Крымского ханства получит продолжение золотоордынская традиция градостроительства (Бочаров, 2022б, с. 238) уже после исчезновения этого государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бочаров С.Г.* Историческая география крымских территорий Генуэзской Газарии (1275–1475 гг.) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков, Казань, Кишинёв: Stratum plus, 2019а. С. 741–770.
2. *Бочаров С.Г.* Развитие процессов грядообразования на Крымском полуострове в XIII-XV вв. // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Т. 4 / Ред. А. Онгар, Б.А. Байтанаев, А.Г. Ситдиков, Д.А. Воякин. Алматы – Туркестан: Институт археологии им. А. Х. Маргулана. 2022а. С. 218–225.
3. *Бочаров С.Г.* Наследие Золотой Орды: возникновение городов Крымского ханства // Поволжская археология. 2022б. № 2 (40). С. 231–241. doi.org/10.24852/pa2022.2.40.231.241
4. *Бочаров С.Г.* О градообразовании на Крымском полуострове в XIII–XV вв. // Byzantinotaurica I: Византия и византийское наследие в Причерноморье, Средиземноморье и Восточной Европе. Тезисы докладов всероссийской научной конференции, Севастополь, 25–28 сентября 2023 г. (Новая Византийская библиотека. Byzantinotaurica). Под. ред. С.П. Карпов, М.В. Грацианский, С.Г. Бочаров. СПб.: Алетейя, 2023. С. 16–19.
5. *Бочаров С.Г., Масловский А.Н.* Некоторые соображения об эволюции городов Золотой Орды // Stratum plus. 2022а. № 6. С. 319–329 doi.org /10.55086/sp226319329.
6. *Бочаров С.Г., Масловский А.Н.* Периодизация развития градостроительства в Золотой Орде // Археология евразийских степей. 2022б. № 4. С. 98–103 doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.98.103
7. *Бочаров С.Г., Масловский А.Н.* О динамике урбанизационных процессов в Золотой Орде // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Т. 4 / Ред. А. Онгар, Б.А. Байтанаев, А.Г. Ситдиков, Д.А. Воякин. Алматы – Туркестан: Институт археологии им. А. Х. Маргулана. 2022. С. 136–146.
8. *Бочаров С.Г., Яворская Л.В.* Сельские поселения Крыма золотоордынского времени: современное состояние изучения // Археология евразийских степей. 2022. № 4. С. 228–235 doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.228.235
9. *Кирилко В.П.* Солхатское медресе // Stratum plus. 2011. № 6. С. 125–210.
10. *Кирилко В.П.* Портал крымской мечети Узбека // Stratum plus. 2015. № 6. С. 253–276.
11. *Крамаровский М.Г.* Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–

XIV вв. // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа / Отв. ред. Г.И. Смирнова. Л.: Государственный Эрмитаж, 1989. С. 141–157.

12. Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб.: Евразия, 2012. 496 с.

13. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. 564 с.

14. Balard M. La Romanie Génoise (XIII- début du XV e siècle). Roma: École Française de Rome, Genova, 1978.T. I, II. 1009 p.

15. Bocharov S. Between Mongolians and Byzantium. The Crimean Peninsula in the State of the Golden Horde // Migration and Identity in Eurasia from the Ancient Times to the Middle Ages / Ed. V. Cojocaru. Cluj-Napoca: Mega, 2021a. P. 269–284.

16. Bocharov S. Between the Byzantium, the Mongols and the Ottomans. The studies of the history of Crimea in 13th – 18th centuries / Ed. L. Bacumenco-Pirnau. Bucarest: Editura Academiei Romane, Braila: Editura Istros, 2021b (Florilegium magistrorum historiae archaeologiaeque Antiquitaties et Madii Aevi. Vol. XXIV). 433 p.

17. Olgiati G. The Genoese Colonies In Front Of The Turkish Advance (1453-1475) // Tarih Araştırmaları Dergisi. 1991.Cilt.15. Sayi 26. S. 381–389.

Информация об авторе:

Бочаров Сергей Геннадиевич, кандидат исторических наук, доцент, директор Научно-образовательного центра «Археологические исследования», доцент кафедры Всеобщей истории и мировой культуры, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия); sgbotcharov@mail.ru

REGULARITIES OF DEVELOPMENT OF CITIES OF THE GOLDEN HORDE ON THE EXAMPLE OF URBANISTICS OF THE CRIMEAN PENINSULA (XIII – XIV CENTURIES)2

S.G. Bocharov

The parallel coexistence on the large territory of the Golden Horde of the world of numerous, developed, comfortable by the standards of its time cities and the world of the steppe with nomadic tribes for almost two centuries requires theoretical comprehension. In the paper the concept of urban development on the territory of the Golden Horde, based on the results of the new archaeological investigations, conducted over the last twenty years on the ancient settlements of the European part of this State, is considered on the materials of the cities of the Crimean peninsula. In the development of of the Golden Horde State cities seven different chronological periods are determined, which cover the time from the 40s of the XIII century to the 20s of the XV century. In the XII century the historical situation in the Northern Black Sea region changed fundamentally. The lands formerly under the rule of the Byzantine Empire come under the protectorate of the Mongol Empire (later the Golden Horde). At the same time in the region appears another state formation - Genoese Gazaria, founded by colonists from Northern Italy. As a result, three different urban traditions coexist on the territory of the Crimean peninsula in the XIII–XV centuries. The first of them is Byzantine. The second urban planning tradition is Golden Horde (Eastern). The third one is Northern Italian (Genoese). The processes of urban formation on the Crimean peninsula in the XII–XV centuries took place within the Golden Horde urbanism, despite the fact that three different urban traditions were neighboring in the region.

Keywords: archaeology, medieval city, urban planning tradition, Byzantine Empire, Golden Horde, Genoese Gazaria, Crimean Peninsula, Solkhat, Caffa.

REFERENCES

1. Bocharov, S. G. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan, Kishinev: “Stratum plus” Publ., 741–770 (in Russian).

2. Bocharov, S. G. 2022. *In* Ongar, A., Baitanaev, B. A., Sitdikov, A. G., Voyakin, D. A. (eds.). *Evraziyskaya stepnaya tsivilizatsiya: chelovek i istoriko-kul'turnaya sreda. V 5-ti t. T. 4 (Eurasian steppe civilization: man and historical and cultural environment. In 5 vol. Vol. 4). Almaty – Turkestan: Institute of Archaeology named after. A. Kh. Margulan, 218–225 (in Russian).*

3. Bocharov, S. G. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 40 (2),

Thispaper is supported by the Russian Science Fondations, project no 22-18-00167 “Black Sea region and Mediterranean world during periods of crisis and changes in the Middle Ages”

231–241 (in Russian). doi.org/10.24852/pa2022.2.40.231.241

4. Bocharov, S. G. 2023. In Karpov, S. P., Gratsianskiy, M. V., Bocharov, S. G. (eds.). *Byzantinotaurica I: Vizantiya i vizantiĭskoe nasledie v Prichernomor'e, Sredizemnomor'e i Vostochnoĭ Evrope. Tezisy dokladov vserossiĭskoĭ nauchnoĭ konferentsii, Sevastopol', 25–28 sentyabrya 2023 g. (Novaya Vizantiĭskaya biblioteka. Byzantinotaurica) (Byzantinotaurica I: Byzantium and the Byzantine heritage in the Black Sea region, the Mediterranean and Eastern Europe. Abstracts of papers, presented at the All-Russian scientific conference, Sevastopol, September 25–28, 2023 (New Byzantine Library. Byzantinotaurica))*. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ., 16–19 (in Russian).

5. Bocharov, S. G., Maslovskiy, A. N. 2022. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* 6, 319–329. doi.org /10.55086/sp226319329 (in Russian).

6. Bocharov, S. G., Maslovskiy, A. N. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 98–103. doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.98.103 (in Russian).

7. Bocharov, S. G., Maslovskiy, A. N. 2022. *In* Ongar, A., Baitanaev, B. A., Sitdikov, A. G., Voyakin, D. A. (eds.). *Evraziyskaya stepnaya tsivilizatsiya: chelovek i istoriko-kul'turnaya sreda. V 5-ti t. T. 4 (Eurasian steppe civilization: man and historical and cultural environment. In 5 vol. Vol. 4). Almaty – Turkestan: Institute of Archaeology named after. A. Kh. Margulan, 136–146 (in Russian).*

8. Bocharov, S. G., Yavorskaya, L. V. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 228–235 doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.228.235 *(in Russian).*

9. Kirilko, V. P. 2011. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* 6, 125−210 (in Russian).

10. Kirilko, V. P. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* 6, 253−276 (in Russian).

11. Kramarovskii, M. G. 1989. In Smirnova, G. I. (ed.). *Itogi rabot arkheologicheskikh ekspeditsiy Gosudarstvennogo Ermitazha (Results of Activities by the Archaeological Expeditions of the State Hermitage)*. Leningrad: State Hermitage Museum, 141–157 (in Russian).

12. Kramarovskii, M. G. 2012. *Chelovek srednevekovoy ulitsy. Zolotaya Orda. Vizantiya. Italiya (Man from Medieval Streets. The Golden Horde. Byzantium. Italy)*. Saint Petersburg: "Evraziya" Publ. (in Russian).

13. Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy.* T. 1. *Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde.* Vol. 1. *Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Published by dependent earl S.G. Stroganov (in Russian).

14. Balard, M. 1978. *La Romanie Génoise (XIII- début du XV e siècle)*. Vol. I, II. Roma: École Française de Rome, Genova.

15. Bocharov, S. 2021. In Cojocaru, V. (ed.). *Migration and Identity in Eurasia from the Ancient Times to the Middle Ages*. Cluj-Napoca: Mega Publ., 2021, 269–284.

16. Bocharov, S. 2021. In Bacumenco-Pirnau, L. (ed.). *Between the Byzantium, the Mongols and the Ottomans. The studies of the history of Crimea in 13th – 18th centuries*. Series Florilegium magistrorum historiae archaeologiaeque Antiquitaties et Madii Aevi. Vol. XXIV. Bucarest: Editura Academiei Romane, Braila: Editura Istros.

17. Olgiati, G. 1991. In Tarih Araştırmaları Dergisi. Cilt.15. Sayi 26, 381–389.

About the Author:

Bocharov Sergei G. Candidate of Historical Sciences, Associated Professor. Director of Archaeological Center; Department of World History, Sevastopol State University. Universitetskaya St., 33, Sevastopol, 299053, Russian Federation; sgbotcharov@mail.ru

Статья принята в номер 30.07.2024 г.

УДК 902/904+902.26 https://doi.org/10.24852/pa2025.1.51.227.236

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ХАНСКОЙ СТОЛИЦЫ ГОРОДА КАСИМОВА[1]

© 2025 г. Ф.А. Ахметгалин, А.Г. Ситдиков

В статье представлены результаты археологических исследований 2008–2024 гг. культурных слоев средневекового Касимова. Выделены этапы археологического изучения. Прослежена динамика развития средневекового города, этапы освоения территорий, преемственность развития средневековых поселений от домонгольского Касимовского археологического комплекса (IX–XIII вв.) к Городцу Мещерскому в районе, известном как Старый Посад (XIII – первая половина XV в.), на территории которого с второй половины XV в. формируется ханская столица. К середине XVI в. политический центр ханства переносится на территорию, известной сейчас как Татарская слобода (Хан-Керман). Установлено, что культурный слой в районе Татарской слободы города Касимова начал формироваться не ранее конца первой половины XVI в. Обобщены результаты исследований Ханской мечети и мавзолея хана Шах Али. Анализ картографического материала и данные полевых исследований позволил локализовать предполагаемое место расположения ханского дворца. Установлены границы культурного слоя исторических районов средневекового города: Старопосадское кладбище, городище Старое Мещерское, резиденция баскака Мусина. Представлены результаты исследований мавзолея Афган Мухаммед султана на Старопосадском татарском кладбище и выявленного рядом остатками мавзолея хана Арслана.

Ключевые слова: археология, Касимов, ханство, средневековье, город, история, городище, селище, могильник.

Первые попытки археологического описания г. Касимова были предприняты в начале XIX в. архитектором И.С. Гагиным. Им были изучены и нанесены на карту ряд археологических памятников вблизи Касимова (Гагин, 1901, с. 279). В 1886–87 гг. А.В. Селиванов провел раскопки в мавзолеях Афган Мухамед султана и хана Шах Али. К сожалению, он не оставил подробных данных по своим исследованиям. Он отмечал, что при раскопках в мавзолее хана Шах Али в земле попались «сложенные в кучу кости и значительное количество остатков различного рода тканей» (Селиванов, 1887, с. 29). В мавзолее Шах Али им были зафиксированы останки девяти человек. Были проведены исследования «с целью узнать, существует ли какой-нибудь помещение ниже, уровня склепа (подземный ход или другое помещение) на которое указывали, по словам Гагина, имевшиеся у стен отдушины» (Селиванов, 1887, с. 29). В ходе работ А.В. Селивановым не было обнаружено нижних помещений мавзолея.

В 20-е годы XX в. в Касимове археологические исследования организовал А.А. Мансуров. Им были выявлены остатки укреплений посадской части Касимова XVII в., а также культурные слои на городище Городец Мещерский раннего железного века. В 1920–1930-е гг. А.А. Мансуров и О.Н. Бадер составили карту археологических памятников города Касимова и его округи и провели на некоторых из них раскопки (Мансуров, Бадер, 1974, с. 281). Исследования прервала война, после которой археологические изыскания не велись больше чем на полвека.

Раскопки культурного слоя города Касимова возобновились в 1999 г. рязанским археологом В.П. Челяповым. Им в этом же году у Ханской мечети были заложены шурфы и раскоп в 20 кв. м. Мощность культурного слоя составила 80 см. Стратиграфически было выделено три горизонта. Нижний, наиболее ранний горизонт, датируемый XVII в., представлял собой белесую супесь. С этим горизонтом в раскопе соотносились остатки глинобитных печей (Челяпов, 2000, с 175).

В 2001 г. им проведены раскопки в современной части города в сквере

[1] Исследования проводятся по Государственной программе Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа» (2014–2025 годы)»

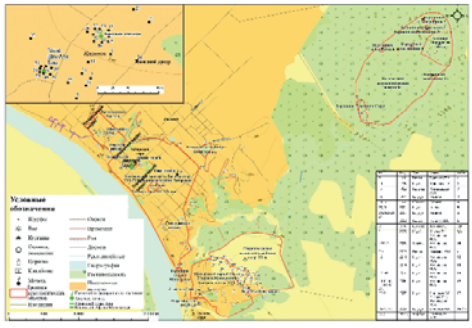


Рис. 1. Ситуационный план археологической изученности г. Касимова 1999–2023 гг.

Fig. 1. Situational plan for the archaeological study of the city of Kasimov 1999–2023.

возле Соборной площади. На этом на месте в начале XVII в. была построена деревянная крепость, где располагался двор воеводы. Находки из шурфов датировали формирование культурного слой началом XVII в. (Ахметгалин, 2022, с. 306).

Новый этап исследований, начавшийся в 2007 г., связан с подготовкой и реализацией Межрегиональной программы «Материальная культура народов Волго-Окского региона в эпоху Средневековья», объединивший исследователей 8 регионов. В числе задач, стоящих перед программой, был вопрос изучения средневековых тюрко-татарских городских центров в регионе. Одним из направлений ее реализации стала деятельность совместной экспедиции Национального центра археологических исследований Института истории АН РТ и рязанских археологов по изучению Касимова и его округи (Ахметгалин, Ситдиков, Хузин, 2007, с. 30–31; Ситдиков, Ахметгалин, 2009, с. 142–144; Ситдиков, Ахметгалин, 2010, с. 53–55. Ситдиков, 2011, с. 163–168). Позднее в 2014 г. ее основные направления были включены в Государственную программу Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа» (2014–2025 годы)». Ее реализация с 2014 г. осуществляется Институтом археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Ахметгалин, Хамзин, 2016, с. 183–201, Ахметгалин, Ситдиков, 2022, с. 80).

В домонгольский период в IX – начала XIII вв. поселение, увязываемое нами с Городцом Мещерским, располагалось вверх по руслу р. Бабенки, где выявлен археологический комплекс, включающий в себя городище Земляной Струг, селище Дорофеево поле и около 200 курганов преимущественно эпохи средневековья (рис. 1). В IX–X вв. он был вовлечен в активные торговые связи по Волго-Окскому пути. Среди находок выделяются арабские дирхемы IX–X вв., свинцовые слитки, бронзовые поясные накладки, железные изделия, среди которых имеются заклепки от ладей. На городище Земляной струг найдены фрагменты амфор X–XII в. Касимовский археологический комплекс прекращает свое существование в начале XIII в., вероятно, после монгольских походов (Ахметгалин, Ситдиков, 2020, с. 138) (рис. 1).

По результатам наших исследований район, известный сейчас как Старый посад, не осваивается позднее середины XIII в. Он расположен на южной окраине современного города Касимов в 2,6 км к юго-западу от центра города на пологом мысу высокого правого берега р. Оки у слияния ее с р. Бабенкой. Мыс прорезается с востока на запад углублением шириной 8 м. В продолжении ложбины между двумя мысами фиксируется еще одно углубление шириной 5 м и длиной 100 м, вытянутое по краю ул. Малоокской.

Первые археологические исследования в этом районе города, начатые в 2009 г., показали, что культурный слой на этой территории формируется к середине XIII в. (Ахметгалин, Ситдиков, 2020, с. 137). Стратиграфически в нем выделяется два горизонта. Ранний горизонт датируется первой половиной XIII – первой половиной XVI вв., а верхний горизонт сложился в период второй половины XVI – XX вв. Поселение, существовавшее в XIII – первой половине XV вв. на месте Старого Посада, может быть сопоставимо с историческим Городцом Мещерским. Вероятно, оно возникло к середине XIII в. и связано с населением, перешедшем на новое место с поселений домонгольского времени, упомянутых выше как Касимовский археологический комплекс. Со второй половины XV в. он становится известен как город Касимов (Хан Кирмен), получивший новое наименование после передачи его во вла-

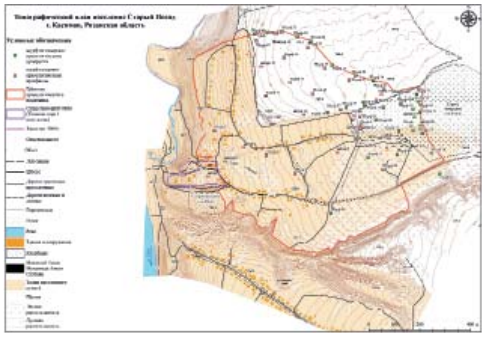


Рис. 2. План археологической изученности поселения Старый Посад и Старопосадского татарского кладбища.

Fig. 2. Plan of archaeological study of the settlement of Stary Posad and the Stary Posad Tatar cemetery.

дение детям Улуг Мухаммеда Касиму и Якубу (Фаизханов, 2008, с. 71; Вельяминов-Зернов, 1863, с. 41). Этот период характеризуется большой интенсивностью накопления культурного слоя, вызванного активной хозяйственной деятельностью. Площадь поселения достигает 53 га (рис. 2).

У восточной окраины Старого Посада расположено Старопосадское татарское мусульманское кладбище. Оно является некрополем средневекового татарского Касимова и соседних поселений. Захоронения в нем совершались со второй половины XV в. Несмотря на перенос города, и ханской резиденции на новое место в середине XVI в., захоронения на кладбище продолжают совершаться и позднее. Об этом свидетельствуют надмогильные камни с арабографичными эпитафиями XVII в. (Вельяминов-Зернов, 1866, с. 185). Отдельные погребения, по сведениям этнографов, делались и в XIX в. (Исхаков, 2002 с. 130). Кладбище, вероятно, является местом захоронения Чингизидов – куруком (Почекаев, 2016, с. 223). Упоминается на территории некрополя мавзолей XVII в. хана Арслана бен Али (ум. ок. 1627 г.) и его жены «царицы» Фатимы Султан (ум. ок. 1681 гг.) – последней правительницы Касимовского ханства (рис. 3) (Вельяминов-Зернов, 1866, с. 504, 505; 1887, с. 174; Ситдиков, 2024, с. 42). По нашему мнению, здесь располагается и мавзолей хана Касима, основателя ханства, а также погребения других правителей ханства, кроме хана Шах Али и его ближайших родственников[2]. По предварительным оценкам общая площадь некрополя составляет около 22 га (Ахметгалин, 2022, с. 309; Ситдиков, 2024, с. 140).

Единственным сохранившимся мавзолеем на территории Старопосадского татарского кладбища является мавзолей-текие Афган Мухаммед Султана, построенный в 1649 г. Исследования у его фундамента были проведены в 2020 г. четырьмя шурфами на площади 16 кв. м. Стратиграфически в слоях, сформировавшихся в XVII–XX вв., выделяются два строительных горизонта. Первый отложился в середине XVII в. и связан со строительством мавзолея, а второй горизонт периода его реставрации на рубеже XIX–XX вв. В ходе исследований выявились 3 сооружения XVII в. и 2 сооружения рубежа XIX–XX вв. Все они связаны со строительством и реставрацией мавзолея. В шурфе 4 у юго-западного угла здания, было найдено одно детское погребение XIX в. Мощность культурных напластований составила около 40 см. Глубина залегания фундамента 155 см от современной поверхности. Вещевой материал, обнаруженный в ходе раскопок, позволяет предположить, что культурного слой на данном участке, где расположен мавзолей-текие Афган Мухаммеда, вероятно, сформировался в XVII в. и связан с его строительством (Ахметгалин, 2021, с. 33).

В 25 м севернее мавзолея Афган Мухаммед Султана было обнаружено углубление прямоугольной формы, представляющего собой, вероятно, котлован мавзолея. В 2023 г. на этом месте были проведены раскопки на площади 20 кв. м (рис. 3). Культурные отложения имели мощность до 100 см. Стратиграфически выделено четыре горизонта, нижний горизонт представляет собой выкид из котлована мавзолея, построенного, вероятно, после смерти хана Арслана не ранее 1627 г. (Вельяминов-Зернов, 1887, с. 175). Второй горизонт был насыпан поверх первого темной серой супесью. Третий горизонт состоит из кирпичного щебня. Он связан с разрушением мавзолея на рубеже XVIII – XIX вв. Четвертая прослойка – дерн, сформировавшийся в период запусте-

Рис. 3. Фрагмент ортофотопланаа и глазомерный план объекта с предполагаемой реконструкцией мавзолея хана Арслана и Фатимы-Султан.

Fig. 3. Fragment of the orthophotomap and visual plan of the object with the proposed reconstruction of the Arslan Khan and Fatima Sultan's mausoleum.

ния. Среди находок выделяются фрагменты кирпичных и каменных архитектурных деталей мавзолея, найдены небольшие кованые железные гвозди.

Геодезические работы с применением дрона и геофизические исследования районе Старопосадского татарского кладбища и Старого посада в 2019–2021 гг. позволили создать ортофото- и топографические планы с микрорельефом некрополя и выявить в этом районе геофизические аномалии, которые предположительно были связаны с остатками мавзолеев[3]. Полевые исследования на Старопосадском кладбище в 2022 г. на раскопе площадью 24 кв. м на месте одного из геофизических аномалий обнаружили кирпичные и каменные архитектурные детали разрушенного мавзолея (Ситдиков, 2023, с. 35, 86). Стратиграфически культурный слой имел горизонты аналогичные характеристикам материалов предшествующих исследований в этом районе, описанным выше. В ходе археологических разведок в районах прилегающих к кладбищу были найдены фрагменты надмогильных камней XVI в. с арабографичными эпитафиями, а некоторые из камней были переданы местными жителями (Ситдиков, 2024, с. 43).

Один из самых крупных средневековых районов города периода Касимовского ханства известен как Татарская слобода. Исследования на его территории были начаты в 2008 г. и проводились с небольшими перерывами до 2023 г. Территория слободы представляет район г. Касимова, возникший к середине XVI в. В ходе исследований в центральной части современного города Касимов серией шурфов удалось определить площадь распространения культурного слоя и время его формирования, датируемое концом первой половины XVI – XVII вв. (рис. 4). Полученный материал подтверждает синхронность освоения всей территории Татарской слободы со второй половины XVI в. Его территория ограничена на севере Успенским оврагом, а на юге он включает Городецкий мыс, расположенный правом берегу р. Оки в устье р. Бабенка. Восточная граница проходит по ул. Ленина, а западная по берегу реки Оки. Площадь распространения культурного слоя слободы составляет 125,5 га (Ситдиков, 2024, с. 46). Здесь располагался Ханский двор, построенный при хане Шах Али. Свое название «Татарская слобода» эта территория получила в конце XVII в.

Ханский двор расположен в Татарской слободе на высоком мысу под названием Татарская Гора, с севера он ограничен Успенским оврагом, с юга Полежаевским оврагом. Археологически он нами изучался в 2016 и 2023 гг. Работы были сосредоточены на исследовании Ханской мечети и минарета, мавзолея Шах Али, а также прилегающей территории. Общая площадь Ханского двора по предварительным оценкам может достигать 20 га.

При проведении архитектурно-реставрационных изысканий в 2016 и 2020 гг. у мечети и минарета 8 шурфами были изучены культурные напластования и особенности кладки фундамента сооружений. Мощность слоев в шурфах составила до 100 см.

Основным зданием, расположенным в Ханском дворе и сохранившимся с эпохи Касимовского ханства, является Ханская мечеть. Она представляет собой прямоугольное двухэтажное здание размером 18×18 м и высотой 19 м, сложенное из прямоугольных белых камней, ориентированное по направлению север – юг. К северо-западному углу здания примыкает минарет в виде массивной цилиндрической башни, сложенной из белого камня. В верхней части минарета имелась площадка для муэдзина, над которой возвышается малый цилиндр. Сам минарет состо-

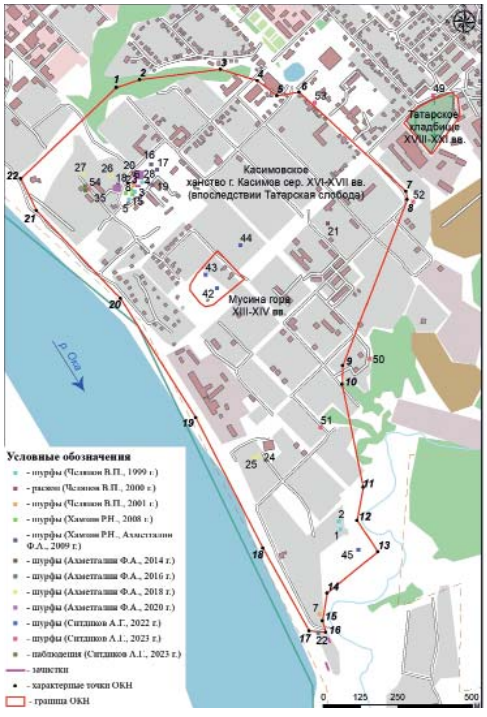

Татарское кладбище XVIII-XXI вв.
Касимовское ханство г. Касимов сер. XVI-XVII вв. (впоследствии Татарская слобода)
Мусина гора XIII-XIV вв.
р. Ока
Условные обозначения
- шурфы (Челяпов В.П., 1999 г.)
- траншеи (Челяпов В.П., 2000 г.)
- шурфы (Челяпов В.П., 2001 г.)
- шурфы (Хамаев Р.Н., 2008 г.)
- шурфы (Хамаев Р.Н., Ахметгалин Ф.А., 2009 г.)
- шурфы (Ахметгалин Ф.А., 2014 г.)
- шурфы (Ахметгалин Ф.А., 2016 г.)
- шурфы (Ахметгалин Ф.А., 2018 г.)
- шурфы (Ахметгалин Ф.А., 2020 г.)
- шурфы (Ситдиков А.Г., 2022 г.)
- шурфы (Ситдиков А.Г., 2023 г.)
- наблюдения (Ситдиков А.Г., 2023 г.)
- зачистки
- характерные точки ОКН
- граница ОКН
0 125 250 500 м

Рис. 4. Ситуационный план и план археологической изученности территории Татарской слободы, г. Касимов сер. XVI–XVII вв. (эпохи Касимовского ханства).

Fig. 4. Situational plan and plan for archaeological exploration of the territory of the Tatar Sloboda, Kasimov, middle of the XVI–XVII century (of the Qasim Khanate period).

ит из двух частей – внешнего цилиндра диаметром 6,9 м и внутреннего – диаметром 5 м, внутри между ними расположена спиральная лестница, ведущая вверх, с северной стороны вход в мечеть оформлен портиком в стиле классицизма (Ахметгалин, 2024, с. 32).

Глубина залегания фундамента мечети по периметру здания колебалась от 120 до 190 см от цоколя. В шурфах при исследованиях было выявлено восемь горизонтов. Первый, нижний слой – темно-серой гумусированной супеси мощностью до 10 см. В нем найдены фрагменты белоглиняных сосудов, которые датируются временем не ранее середины XVI в. (Коваль, 2001, с. 108), фрагментами сероглиняной лощеной керамики, время бытования которой определяется XVI в. (Розенфельдт, 1968, с. 28–47). Формирование горизонта произошло до строительства мечети, вероятно, не ранее конца первой половины XVI в. Второй горизонт состоит из коричневого суглинка, выброшенного из траншеи котлована фундамента. Третий состоит из бело-желтой супеси, насыщенной известью, мусором времени строительства здания. В этом слое найдены фрагмент чернолощеной черепицы, фрагменты чернолощеной глиняной посуды, фрагмент белоглиняного сосуда. Данные изделия датируется временем не позднее середины XVI в. Четвертый слой состоит белесой супеси с включением мелких угольков. В своих работах В.П. Челяпов датировал этот слой XVII в. Нами его датировка несколько скорректирована и определяется концом XVI – первой половиной XVIII вв. В слое были найдены фрагменты чернолощеных сосудов с темной поверхностью, белоглиняного сосуда. Пятый горизонт из бело-желтой супеси с большим включением извести связан с событиями 1760-х годов. В 1762 г. по приказу обер-шталмейстера Симонова, была предпринята попытка разбора здания мечети, при этом был разрушен фрагмент западной стены, прилегающий к минарету, а в 1769 г. после указа Екатерины II, здание было полностью восстановлено. (Филлипов, 2016, с. 260). В этом горизонте найдены фрагменты серолощеной и чернолощеной черепицы, фрагменты серолощеных (чернолощеных) сосудов. Шестой слой – темная серо-коричневая супесь, в верхней части насыщенная мелкими частицами извести и кирпичного щебня мощностью от 50 до 30 см. Он формировался с конца XVIII до середины XIX вв., вероятно, в период строительства 2 этажа здания. В верхних прослойках основными находками являются фрагменты серолощеной и чернолощенной черепицы, фрагменты сосудов в развитие белоглиняной и по образцу белоглиняной, а также фрагменты серолощеных сосудов. Седьмой горизонт – это темно-серая рыхлая супесь мощностью от 20 до 30 см, образовался во второй половине XIX – XX вв. Восьмой слой – дерн мощностью до 5 см, образовавшийся в XX в. (Ахметгалин, 2024, с. 34). В шурфах вокруг мечети были выявлены сооружения, связанные со строительством здания. С восточной и южной стороны здания выявлен котлован фундамен-

Рис. 5. Татарская слобода. Топографический план ханского двора совмещенный с планами XVIII–XIX вв. и обозначением места расположения Ханского дворца.

Fig. 5. Tatar Sloboda. Topographical plan of the Khan's courtyard, combined with plans of the XVIII–XIX centuries and marking the location of the Khan's palace.

та здания мечети. Край ямы котлована располагался в 1 м от стены. Рядом в шурфе № 15 была обнаружена яма для раствора. С северной стороны в шурфе 20, в 2 м к востоку от современного входа в мечеть был выявлен заложенный входной проем с остатками порога ниже уровня современной поверхности земли (рис. 6).

Кладка стены здания мечети выложена из прямоугольных блоков размерами 90×30 см, 40×30 см, 80×30 см, 60×20 см. Исследования фундамента мечети позволяют предположить, что первый этаж здания, кроме небольшого участка западной стены, является мечетью, построенной во второй половине XVI в., которое практически полностью сохранилось. Крыша здания, вероятно, первоначально была покрыта чернолощеной черепицой.

Дневной уровень горизонта строительства минарета покоился на слое, сформировавшемся в середине XVI в. и синхронен строительному горизонту мечети. Каменная кладка минарета сложена из крупных известняковых блоков, скрепленных известковым раствором. К минарету с южной стороны примыкал участок западной стены мечети. Глубина залегания фундамента минарета, на этом участке, от цоколя до основания составила 100 см.

Исследования в шурфах вокруг Ханской мечети и минарета не выявили слоев ранее конца первой половины XVI в. Стратиграфические наблюдения и находки позволили предположить, что минарет и мечеть построены одновременно с мавзолеем хана Шах Али во второй половине XVI в. (Ахметгалин, 2024, с. 40).

Общие наблюдения в районе также были дополнены работами в 2022 г., в 20 м. к югу от Ханской мечети, в сквере Сююмбике. Здесь были проведены работы по фиксации обнажений культурного слоя на участке протяжённостью 21 м. Удалось выделить 3 стратиграфических слоя: 1 – XX в., 2 – XVIII–XIX вв., 3 – вторая половина XVI – XVII вв., указывающие на периоды освоения территории (Ситдиков, 2023, с. 87).

Значимым в истории Касимова является участок ханского двора, где расположен текие-мавзолей Шах Али. Археологические исследования были проведены при подготовке к его реставрационным работам в 2020 г. У стен текие-мавзолея было заложено семь шурфов. Удалось определить глубину залегания основания фундамента, которая составила от 150 до 180 см от дневного уровня. Основание подземной крипты склепа находилось на глубине 360 см от дневного уровня. В шурфах выявлены два стратиграфических горизонта, связанных со строительством и реставрацией здания, углубления растворных ям и столбовые ямы от строительных лесов, использованных при возведении здания мавзолея. Не были зафиксировано слоев, формировавшихся ранее середины XVI в. Текие-мавзолей построен под влиянием суфийских традиций, появившихся еще в эпоху Золотой Орды. Имеются аналогии среди золотоордынских мавзолеев и на территории тюрко-татарских государств постзолотоордынского времени (Ахметгалин, Амиров, 2024, с. 55).

В Ханском дворе также удалось локализовать место предполагаемого Ханского дворца на основе сопоставительного анализа картографического материала конца XVIII – XIX вв. с современными картами (рис. 5). Визуальное обследования района с учетом данных картографии позволило определить место расположения ханского дворца, находящегося рядом земельным участком по ул. Воровского между

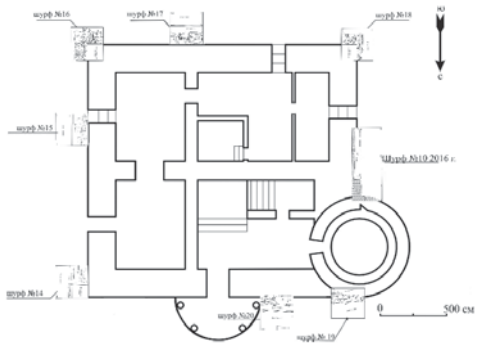


Рис. 6. Ситуационный план археологических исследований ханской мечети.

Fig. 6. Situational plan of archaeological research of the Khan mosque.

домами №№ 28а и 30. Здесь зафиксированы остатки бутовой каменной кладки фундамента здания, дальнейшие археологические исследования могут уточнить высказанное предположение (Ситдиков, 2024, с. 43–45).

На территории Татарской слободы археологически было локализовано местонахождение так называемой «резиденции баскака Мусина». О нахождении на этой территории места представительства татарского сановника, который ведал сбором ясака отмечает Х. Фаизханов (Фаизханов, 2008, с. 72). Археологические описание о резиденции дали в статье 1974 г. А.А. Мансуров и О.Н. Бадер, в которой они отметили, что валы и ров укреплений проходили по саду бывшего Ивановского училища (Мансуров, Бадер, 1974, с. 320). По картографическим материалам конца XVIII в. удалось выявить топоним под названием Мусина Гора, с которым связано местоположение этого объекта.

Исследования на Мусиной Горе и прилегающей территории в 2022 г. позволили выделить культурный слой на месте этого урочища. Стратиграфически он делился по вещевым находкам на два горизонта. Первый горизонт по находкам датируется XIII–XIV вв. Он соотносится с периодом золотоордынского присутствия в регионе и сопоставим с местом, где находился баскак. Второй горизонт начинает формироваться с середины XVI в. и он связан с эпохой Касимовского ханства и временем сложения Татарской слободы. Укрепленная резиденция располагается на мысу ограниченном двумя оврагами между улицами Нариманова и Воровского и имеет площадь около 1,6 га (рис. 4). (Ситдиков, 2023, с. 87).

Для выяснения времени заселения территории юго-восточной части города в 2016–2018 гг. были проведены исследования в верхней части Городецкого мыса, в районе Георгиевской церкви (рис. 4). Было заложено два шурфа, находки из которых также датировали нижние горизонты культурного слоя второй половиной XVI – началом XVII вв. (Ахметгалин, 2019, с. 37–38). Было установлено, что нижняя часть Городецкого мыса, расположенная напротив Старого Посада на месте впадения р. Бабенки в р. Оку, первоначально была освоена в период раннего железного века. Здесь локализуется городище с остатками вала и рва. В историографии этот памятник известен под названием Городище Старое Мещерское (Мансуров, Бадер, с. 281, 290). В ходе раскопок выявлено два горизонта культурного слоя, связанные с двумя периодами заселения территории городища. Первый горизонт датируется второй половиной I тыс. до н. э. – началом I тыс. н. э. Он связан с городищем раннего железного века и имеет площадь 2,2 га. Второй горизонт начинает формироваться во второй половине XVI в. в период сложения Татарской слободы (Ахметгалин, 2019, с. 37–38; Ситдиков, 2023, с. 70).

В результате многолетних исследований 2008–2023 гг. на территории г. Касимова в рамках реализации Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа» (2014–2025 годы)» были изучены вопросы по исторической топографии средневекового города, локализованы отдельные районы и уточнены этапы развития города (Ахметгалин, 2022, с. 311). Выявлено три района последовательно сменявших друг друга поселений, связанных с средневековым городом Касимовым (Городцом Мещерским). В домонгольский период он сопоставим с Касимовским археологическим комплексом IX – начала XIII вв., локализуемого в вверх по течению р. Бабенки. К середине XIII в. в устье р. Бабенки на берегу р. Ока

складывается поселение, известное как Старый посад. Во второй половине XVI в. осваивается новая территория, получившее название Татарская слобода (Ахметгалин, Ситдиков, 2020, с. 145).

Предполагается, что дальнейшие археологические исследования ханской столицы города Касимова будут продолжены. На следующем этапе исследования Татарской слободы должны быть обращены на более подробное изучение культурных напластований на Мусиной горе; в Ханском дворе – расширить работы по изучению каменных объектов XVI – XVII вв. и том числе ханского дворца, известных в более поздних описаниях двора и его изображениях (Олеарий, 1906, с. 141; Вельяминов-Зернов, 1887, с. 54, 55).

Примечания

[2] Мавзолей хана Шах Али находится на территории современного города Касимова, в Ханском дворе.

[3] Карты археологической исследованности г. Касимова и топографические карты отдельных районов были созданы младшими научными сотрудницами отдела геоинформационных технологий Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ Овечкиной Л.В., Зариповой Г.Х.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахметгалин Ф.А.* Отчет об археологических разведках на территории г. Касимова, Касимовского района Рязанской области, Пильненского района Нижегородской области, за 2018 год. Казань, 2019 г. / НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. Р-1. 100 с.
2. *Ахметгалин Ф.А.* Отчет об археологических разведках в г. Касимове Рязанской области на территории «Текие Авгана» г. в 2020 г. Казань, 2021 / НФ МАРТ Ф. 4. Оп. 1. Д. 430.
3. *Ахметгалин Ф.А.* История ханской столицы г. Касимова до XVII в. // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 2. С. 429–442.
4. *Ахметгалин Ф.А.* К вопросу о времени постройки Ханской мечети в городе Касимове, по данным археологических исследований // Археология Евразийских степей. 2024. № 2. С. 32–43.
5. *Ахметгалин Ф.А., Амиров Ш.Ш.* Археологические исследования мавзолея хана Шах Али // Археология Евразийских степей. 2024. № 2. С. 44–55.
6. *Ахметгалин Ф.А., Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш.* Материальная культура населения Волго-Окского региона в эпоху средневековья: проблемы и перспективы изучения // Фаизхановские чтения. Материалы IV науч.-практич. конф. Н. Новгород: ИД Медина, 2008. С. 30–31.
7. *Ахметгалин Ф.А., Хамзин Р.Н, Беляев А.В., Ситдиков А.Г.* Археологические исследования средневекового Касимова // Поволжская археология. 2016. № 4 (18). С. 183–201.
8. *Ахметгалин Ф.А., Ситдиков А.Г.* Историческая топография ханской столицы г. Касимова // Поволжская археология. 2020. № 2 (32). С. 130–145.
9. *Ахметгалин Ф.А., Ситдиков А.Г.* Изучение материальной культуры Волго-Окского региона в эпоху средневековья: предварительные итоги и перспективы исследований // Археология Евразийских степей. 2022. № 6 С. 76–84.
10. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1863. 558 с.
11. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 3. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1887. 510 с.
12. *Гагин И.С.* О Касимовских царях татарских и памятниках с их времени существующих // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. 1901. Т. XVI. Вып. 3. / Под ред. С.Д. Яхонтова. Рязань, 1902. С. 266–279.
13. *Исхаков Д.М.* Глава 5. Этнографические группы волго-уральских татар: опыт системного анализа. Этнографические группы в составе субэтноса касимовских татар // Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Приуралья и вопросы их формирования. Историко-этнографический атлас татарского народа / Отв. ред. Р.К. Уразманова, Н.А. Халиков. Казань: Изд-во ПИК «Дом печати», 2002. С. 110–131.
14. *Коваль В.Ю.* Керамика из раскопок на Подоле Московского кремля. Малосерийные группы // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 14 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2018. С. 414–441.
15. *Мансуров А.А., Бадер О.Н.* Археологическая карта окрестностей Касимова // Археология Рязанской земли / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1974. С. 253–323.
16. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. 638 с.
17. *Почекаев Р.Ю.* «Заповедные места» в среднеазиатских ханствах по сведениям русских путешественников XIX в. // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической перспективе. 2016. Вып. IX. С. 222–223.
18. *Розенфельдт Р.Л.* Московское керамическое производство XII–XVIII вв. / САИ. Вып. Е1-39. М.: Наука, 1968. 124 с.
19. *Селиванов А.В.* Раскопки в Касимове 1868 г. // Труды Рязанской ученой архивной комиссии (в 27 томах) Т. III. Вып. 8 / Ред. С.Д. Яхонтов. Рязань: Типография губернского правления, 1893. С. 159–162.
20. *Ситдиков А.Г.* Волго-Окский регион лесостепной полосы в эпоху Казанского ханства // Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации» I Международного конгресса / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 2011. С. 163–168 с.
21. *Ситдиков А.Г.* Отчет об археологических разведках в г. Касимове и Касимовском районе Рязан-

ской области (в 2 томах) в 2022 г. Т I. Казань, 2023 г. / НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. 4. Р-электронный ресурс. С. 151.
22. Ситдиков А.Г. Отчет об археологических разведках в г. Касимове и Касимовском районе Рязанской области в 2023 году. Казань, 2024 г. / НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. 4. Р-Электронный ресурс. С. 158.
23. Ситдиков А.Г., Ахметгалин Ф.А. Материальная культура населения Волго-Окского междуречья в эпоху средневековья (предварительные итоги археологических исследований 2007 г.) // Фаизхановские чтения. Сборник материалов ежегодной научно-практической конференции. М.-Нижний Новгород: изд. «Медина», 2009. С. 142–144.
24. Ситдиков А.Г., Ахметгалин Ф.А. Итоги программы "Волго-Окское междуречье в эпоху средневековья" в 2009 г. // Фаизхановские чтения. Нижний Новгород, 2010. С. 53–55.
25. Фаизханов Х. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник / Пер. со старотат. А.М. Ахунова и И.Ф. Гимадеева; сост. и отв. ред. Д.В. Мухетдинов. Н. Новгород: ИД Медина, 2008. 152 с.
26. Филиппов Д.Ю. Усадьба Касимовского ханского дворца: судьба после царства // Древности Поочья. Сборник научных работ к 60-летию В.В. Судакова / Отв. ред. А.О. Никитин. Рязань: РИКО, 2016. С. 251–263.
27. Челяпов В.П. Отчет о разведках на территории Рязанской области в 2000 г. / Научно отраслевой архив ИА РАН. Ф 1. Р 1. № 24330.

Информация об авторах:

Ахметгалин Фарид Альбертович, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ach_farid@mail.ru

Ситдиков Айрат Габитович, доктор исторических наук, академик АН РТ, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); зав. кафедрой археологии и реставрации культурного наследия, профессор Высшей школы исторических наук и Всемирного культурного наследия института международных отношений, истории и востоковедения. Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

NEW ARCHAEOLOGICAL STUDIES OF THE KHAN'S CAPITAL CITY OF KASIMOV

F.A. Akhmetgalin, A.G. Sitdikov

The article deals with the history of the study of medieval Kasimov – the capital of the Qasim Khanate (mid XV – late XVII centuries). The stages of archaeological study are highlighted. The results of archaeological studies in 2008–2023 are presented. The continuity of development of medieval settlements from the Kasimov archaeological complex (Zemlyanoy Strug ancient settlement, Dorofeevo Polye settlement of the IX–XIII centuries) to Gorodets Meshchyorsky (XIII – first half of the XV century) and the Khan's capital is traced. The location of Gorodets Meshchyorsky (XIII – first half of XV century) is connected with the area of Stariy Posad, later the capital of Qasim Khanate known also as Khan-Kirman, Kasimov (XIII – first half of XVI century) is located here. Results of research of Afghan Muhammed Sultan are given, as well as on Stary Posad Tatar cemetery were revealed the remains of Arslan Khan's mausoleum. Some historical areas of the medieval city were localized, the areas of the Staromeshcherskiy Gorodishche and the residence of baskak Musin were identified. The results of studies of the Khan Mosque and Shah Ali Khan's mausoleum are presented. The analysis of cartographic material and data of field research made it possible to localize the location of the Khan's palace. The beginning of the formation of the cultural layer was established - not earlier than the middle of the XVI century in the area of Tatarskaya Gora and Tatar Sloboda. Archaeologically determined the time of formation of the medieval city historical core and the stages of development of territories. Prospects of further researches are given.

Keywords: archaeology, Kasimov, khanate, Middle Ages, city, history, ancient settlement, settlement, burial ground.

REFERENCES

1. Akhmetgalin, F. A. 2019. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh na territorii g. Kasimova, Kasimovskogo rayona Ryazanskoy oblasti, Pil'nenskogo rayona Nizhegorodskoy oblasti, za 2018 god. Kazan', 2019 g. (Report on Archaeological Investigations on the Territory Town of Kasimov, Kasimov Districts and the Ryazan Oblast, of the Pilna District, Nizhny Novgorod Oblast for 2018)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Khalikov Institute for Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences. Fund R-1 (in Russian).
2. Akhmetgalin, F. A. 2021. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v g. Kasimove Ryazanskoy oblasti na territorii «Tekie Avgana» g. v 2020 g. (Report on archaeological reconnaissances in the town of Kasimov in the Ryazan region at the site "Avgan's Tekie" in 2020)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Khalikov Institute for Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences. F. 4. Op. 1. D. 430 (in Russian).
3. Akhmetgalin, F. A. 2023. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 11 (2), 429–442 (in Russian).
4. Akhmetgalin, F. A. 2024. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 32–43 (in Russian).
5. Akhmetgalin, F. A., Amirov, Sh. Sh. 2024. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 44–55 (in Russian).

The research is conducted under the State Program of the Republic of Tatarstan "Preservation of the national identity of the Tatar people" (2014-2025)"

6. Akhmetgalin, F. A, Sitdikov, A. G. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 2 (32), 130–145 (in Russian).
7. Akhmetgalin, F. A., Sitdikov, A. G. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 76–84 (in Russian).
8. Akhmetgalin, F. A., Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh. 2008. In *Faizkhanovskie chteniia (Faizkhanov Readings)* IV. Nizhny Novgorod: "Medina" Publ. House, 30–31 (in Russian).
9. Akhmetgalin, F. A., Khamzin, R. N., Beliaev, A. V., Mirsiiapov, I. Yu., Sitdikov, A. G. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 18 (4), 182–201 (in Russian).
10. Vel'iaminov-Zernov, V. V. 1863. *Issledovanie o kasimovskikh tsariakh i tsarevichakh (Study of Kasimov Tsars and Princes)*. Part 1. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
11. Vel'iaminov-Zernov, V. V. 1866. *Issledovanie o kasimovskikh tsariakh i tsarevichakh (Study of Kasimov Tsars and Princes)*. Part 3. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
12. Gagin, I. S. 1902. In Yakhontov, S. D. (ed.). *Trudy Ryazanskoy uchenoy arkhivnoy komissii. 1901. T. XVI. Vyp. 3 (Proceedings of the Ryazan Scientific Archival Commission. 1901. Vol. XVI. Issue 3).* Ryazan': Tipografiya gubernskogo pravleniya, 266–279 (in Russian).
13. Iskhakov, D. M. 2002. In Urazmanova, R. K., Khalikov, N. A. (eds.). *Etnoterritorial'nye gruppy tatar Povolzh'ya i Priural'ya i voprosy ikh formirovaniya (Ethnoterritorial groups of Tatars of the Volga region and the Urals and issues of their formation).* Kazan': "Dom pechati" Publ., 110–131 (in Russian).
14. Koval', V. Yu. 2018. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ya: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of the Seminar)* 14. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 414–441 (in Russian).
15. Mansurov, A. A., Bader, O. N. 1974. In Mongait, A. L. (ed.). *Arkheologiia Riazanskoi zemli (Archaeology of the Ryazan Land)*. Moscow: "Nauka" Publ., 253–323 (in Russian).
16. Olearii, A. 1906. *Opisanie puteshestviia v Moskoviiu i cherez Moskoviiu v Persiiu i obratno (Description of the Journey to Muscovy and through Muscovy to Persia and Back)*. Saint Petersburg (in Russian).
17. Pochekaev, R. Yu. 2016. In *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii v istoricheskoy perspective (The Worldview of the population of Southern Siberia and Central Asia in historical retrospection)* IX, 222–223 (in Russian).
18. Rozenfeldt, R. L. 1968. *Moskovskoe keramicheskoe proizvodstvo XII–XVIII vv. (Ceramic Production in Moscow in 12th – 18th Centuries).* Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-39. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
19. Selivanov, A. V. 1902. In Yakhontov, S. D. (ed.). *Trudy Ryazanskoy uchenoy arkhivnoy komissii. 1901. T. III. Vyp. 8 (Proceedings of the Ryazan Scientific Archival Commission. 1901. Vol. III. Issue 8).* Ryazan': Tipografiya gubernskogo pravleniya, 159–162 (in Russian).
20. Sitdikov, A. G. 2011. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Forum «Idel'-Altai» ("Idel-Altai" Forum)*. Kazan, 163–168 (in Russian).
21. Sitdikov, A. G. 2023. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v g. Kasimove i Kasimovskom rayone Ryazanskoy oblasti (v 2 tomakh) v 2022 g. (Report on archaeological reconnaissances in the town of Kasimov and the Kasimov district of the Ryazan region (in 2 volumes) in 2022)* I. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Khalikov Institute for Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences. F. 4. R-Electronic Resource (in Russian)
22. Sitdikov, A. G. 2024. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v g. Kasimove i Kasimovskom rayone Ryazanskoy oblasti (v 2 tomakh) v 2023 g. (Report on archaeological reconnaissances in the town of Kasimov and the Kasimov district of the Ryazan region (in 2 volumes) in 2023)* I. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Khalikov Institute for Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences. F. 4. R-Electronic Resource (in Russian)
23. Sitdikov A. G., Akhmetgalin, F. A. 2009. In Khairetdinov, D. Z. (ed.). *Faizkhanovskie chteniia (Faizkhanov Readings)*. Moscow; Nizhny Novgorod: "Medina" Publ. House, 142–144 (in Russian).
24. Sitdikov A. G., Akhmetgalin, F. A. 2010. In Khairetdinov, D. Z. (ed.). *Faizkhanovskie chteniia (Faizkhanov Readings)* . Moscow; Nizhny Novgorod: "Medina" Publ. House, 53–55 (in Russian).
25. Faizkhanov Kh. 2008. *Zhizn' i nasledie: istoriko-dokumental'nyy sbornik (Life and Legacy: historical and documentary collection)*. N. Novgorod: "Medina" Publ. (in Russian).
26. Filippov, D. Yu. 2016. In Nikitin, A. O. (ed.). *Drevnosti Pooch'ya. Sbornik nauchnykh rabot k 60-letiyu V.V. Sudakova (Antiquities of the Oka region. Collection of scientific works for the 60thanniversary of V.V. Sudakov).* Ryazan: "RIKO" Publ., 251–263 (in Russian).
27. Cheliapov, V. P. 2001. *Otchet o razvedkakh na territorii Riazanskoi oblasti v 2000 g. (Report on Archaeological Surveys in the Territory of the Ryazan Oblast in 2000).* Scientific Sectoral Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. Register 1, no. 24330 (in Russian).

About the Authors:

Akhmetgalin Farid A. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ach_farid@mail.ru

Sitdikov Airat G. Doctor of Historical Sciences. Academician of the TAS. Director. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Professor. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья принята в номер 22.08.2024 г.

УДК 904 https://doi.org/10.24852/pa2025.1.51.237.247

ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАТОПЛЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ НА СЕВЕРНОМ БЕРЕГУ ОЗЕРА ИССЫК-КУЛЬ В 2023–2024 ГГ.

© 2025 г. М.Ю. Меньшиков, В.А. Кольченко, Д.В. Лужанский

В 2023–2024 гг. на озере Иссык-Куль (Кыргызская Республика) проводились подводные археологические работы на памятниках, расположенных на дне озера в районе с. Тору-Айгыр. Под водой были обнаружены остатки кирпичных построек, кольцевые глиняные (сырцовые) конструкции горнов или тандыров, большое количество подъемного материала в виде фрагментов керамических сосудов, костей животных, жженого кирпича. Кроме того, на дне удалось выявить участки с сохранившимся культурным слоем. Все это вместе позволяет говорить о том, что в прошлом на берегу Иссык-Куля располагалось крупное поселение, ушедшее под воду. Исследование данного памятника является важным шагом к пониманию вопросов освоения Иссык-Кульской котловины в древности, а также будет способствовать развитию и выработке новых методик изучения затопленных археологических объектов.

Ключевые слова: археология, Иссык-Куль, Средние века, подводная археология, поселения, методика, Средняя Азия.

В 2023–2024 гг. в соответствии с договором о сотрудничестве между Институтом археологии РАН (г. Москва) и Институтом истории, археологии и этнологии НАН КР (г. Бишкек) проводились исследования археологических памятников, находящихся под водой в прибрежной зоне оз. Иссык-Куль (Кыргызстан). Озеро расположено между хребтами Северного Тянь-Шаня на высоте около 1600 м. Озеро является бессточным, максимальная глубина до 700 м. Протяженность озера с запада на восток составляет 182 км, максимальная ширина до 58 км. Озеро расположено в сейсмически активной зоне, что оказывает значительное влияние на гидрологический режим. Уровень воды в озере нестабилен и меняется практически ежегодно. Вода в озере минерализованная.

Археологические работы 2023–2024 гг. были сосредоточены на памятнике, расположенном у с. Тору-Айгыр в северо-западной части озера. Предварительно памятник получил название Археологический комплекс Тору-Айгыр. Приступая к исследованиям, мы ставили перед собой задачи:

- мониторинг состояния и локализация ранее известных затопленных объектов,
- выявление новых археологических объектов под водой;
- выработка методики обнаружения и фиксации затопленных археологических объектов Иссык-Куля;
- определение границ и количества археологических памятников на дне озера в микрорегионе Тору-Айгыра (предварительные материалы давали возможность предположить, что на участке находятся археологические объекты различных эпох);
- выявление границ всего Археологического комплекса Тору-Айгыр;
- датировка выявленных объектов.

Конечно, мы были не первыми открывателями древностей под водами Иссык-Куля и в районе с. Тогу-Айгыр в частности. О наличии под водой археологических объектов вдоль побережья озера было известно с XIX в. Ещё в 1870 г. вышла статья Г.А. Колпаковского, в которой была краткая информация о затопленных объектах у р. Койсу и ур. Койсары (Колпаковский, 1870). В.В. Бартольд, опираясь на сообщения С.М. Дудина, говорит о «кирпичном заводе» – средневековом объекте из квадратного жжёного кирпича, в том числе с «бирюзовой глазурью» в районе Тору-Айгыра (Бартольд, 1897, с. 51). О находящих-

ся под водой древностях в районе Тору-Айгыра по результатам поездки 1897 г. писал П.А. Дьячков: «Почтовая станция Тур-Айгыр – место, замечательное в археологическом отношении. В ½ версте от берега, на дне озера, видны затонувшие постройки: длинные кирпичные стены. Вынутыми оттуда кирпичами выстлан перед домом станции небольшой тротуар» (Дьячков, 1898).

В советское время в 1926–1927 гг. П.П. Иванов проводил исследования и картографирование археологических объектов Иссык-Куля. В том числе он осматривал затопленные объекты с лодки. Непосредственно в том регионе, где работала экспедиция в 2023–2024 гг., П.П. Иванов разведки не проводил, однако на представленной им карте напротив с. Тору-Айгыр отмечен расположенный под водой археологический памятник (Иванов, 1957, с. 95). Результаты своих работ он доложил на заседании ГАИМК 30 мая 1930 г., но публикация состоялась лишь в 1957 г. (Иванов, 1957).

Новый этап исследования затопленных памятников Иссык-Куля начался в 1959 г. Если предшествовавшие исследователи лишь отмечали наличие объектов древности под водой и в лучшем случае проводили их осмотр с лодки, то на новом этапе начались погружения в лёгком водолазном снаряжении к самим археологическим памятникам.

В 1959 и 1960 гг. были проведены первые подводные археологические исследования на озере под руководством сотрудника Института истории Академии наук Киргизской ССР Д.Ф. Винника. В первый год работы велись на северном берегу, в том числе были выполнены погружения и в районе Тору-Айгыра (Плоских, 2013, с. 83), но детальной информации об этих работах не сохранилось. Несколько позже Д.Ф. Винником на берегу к северу от с. Тору-Айгыр была раскопана средневековая баня (первоначально интерпретированная им, вслед за В.В. Бартольдом, как «кирпичный завод») (Винник, 1974, с. 62–63), отмечено нахождение ещё двух поселенческих объектов выше по течению р. Тору-Айгыр и вскрыты остатки монументального строения из жжёного кирпича у с. Сары-Камыш в 10 км к западу от с. Тору-Айгыр (Винник. 1974, с. 63–64).

Возвращение к активному изучению археологических объектов Иссык-Куля, расположенных на дне озера, произошло в 80-х гг. XX в. усилиями акад. В.М. Плоских. Было восстановлено сотрудничество с водолазами из Федерации подводного спорта СССР (с 1992 г. – Конфедерация подводной деятельности России) и Московского института стали и сплавов. Общее руководство археологической экспедицией осуществлял В.П. Мокрынин (Мокрынин, Плоских, 2010, с. 15–16), а руководство водолазными работами осуществлял С.С. Прапор (Прапор, 2007). С 2000-х гг. водолазные археологические работы на озере стали проводиться под руководством учеников С.С. Прапора – Н.В. и С.С. Лукашовыми (Лукашова, Лукашов, 2011, с. 25–29). Общее руководство научными работами осуществлял академик НАН КР В.М. Плоских. В это время была начата работа по картографированию памятников археологии с помощью ставших доступными приборов GPS.

В районе Тору-Айгыра одним из первых, кто опустился к подводным объектам с целью научной фиксации, был аквалангист из г. Фрунзе (совр. Бишкек) В.М. Блинов. Это произошло в 1986 г. (Мокрынин, Плоских, 2010, с. 28).

В 2013 г. небольшим тиражом была опубликована работа «Затонувшие памятники Иссык-Куля» В.В. Плоских, основанная на кандидатской диссертации автора (Плоских, 2013). В ней

достаточно подробно рассмотрена история изучения Иссык-Кульской котловины историками и археологами.

В более поздние годы, в 2012–2014 годах, в северо-западной части озера погружались члены экспедиций под руководством В.М. Плоских и National Geographic Society (США). Их материал остался не опубликован.

Последние исследования разведочного характера в ареале наших работ выполнялись А.К. Абдыкановой в 2021 г. при экспертизе территории на наличие объектов ИКН перед их трансформацией под строительство города Асман. Ею в том числе выполнялась съемка акватории с использованием квадрокоптера, выявившая под водой ряд структур с признаками антропогенного происхождения (Абдыканова, 2021).

Кроме целенаправленных археологических работ на берегу регулярно проводили сборы местные жители. В школьном музее с. Тору-Айгыр хранится некоторое количество кирпичей, отдельных находок, кости животных и множество керамических фрагментов, найденных на берегу озера. Кроме керамики, в районе Археологического комплекса Тору-Айгыр на берег вымывается регулярно большое количество человеческих костей, которые местные жители часто перезахоранивают там же на берегу.

За годы археологического изучения Иссык-Куля со дна озера было поднято большое количество находок различных периодов – от эпохи бронзы до позднего Средневековья. Для отдельных памятников было начато выявление участков распространения археологического материала под водой. Но, к сожалению, систематические многолетние работы на одном памятнике не проводились. В основном решались задачи по сбору подъемного материала и датировке затопленных объектов. С одной стороны, это связано с технической сложностью подобных работ, с другой – с тем, что в отечественной археологии, как, впрочем, и в мировой, не наработаны надёжные и универсальные методики исследования открытых археологических комплексов под водой.

Следует отметить, что в мире не существует большого количества водоемов, где можно проводить аналогичные подводные археологические исследования. Чаще всего подводные археологические работы были связаны исключительно с исследованием затонувших кораблей, которые представляют собой закрытые комплексы; их изучение в подводной среде представляется абсолютно иным с методической точки зрения, нежели изучение на дне таких объектов, как поселения, городища, некрополи и курганы. Что же касается большинства затопленных поселенческих памятников археологии, на которых когда-либо проводились работы, то чаще всего они являются продолжением археологических объектов, расположенных на берегу. Это обстоятельство позволяет коррелировать данные подводных работ с работами наземных экспедиций. Во многих случаях затопление городищ и поселений связано с трансгрессией моря, что приводило чаще всего к частичному погружению памятников (Акра, Тамань, Долихисте), или с антропогенными процессами в XX–XXI вв., как, например, город Зевгма на юго-востоке Турции. В случае же Иссык-Куля затопление исследуемых памятников, вероятно, было полным и катастрофическим, а жизнь в прибрежной зоне изменилась настолько, что это привело либо к полной смене населения, либо к таким изменениям ведения системы хозяйствования, что это значительно отразилось на облике Иссык-кульской котловины. Затопленные поселения в нашей стране в настоящий момент активно изучаются на Тамани (Хотылев, Ольховский,

Майоров, 2022, с. 359–362) и в Крыму (Соловьев, Горбунов, Вахонеев, 2023, с. 232–241). В обоих приведенных регионах, как уже было указано выше, подводная часть памятника является продолжением наземной и составляет с ним один комплекс. В случае же работ на озере Иссык-Куль мы на сегодняшний день не можем пока уверенно говорить о количестве памятников на исследуемом участке и их точных датировках. Опираясь на разведочные данные и представления об общей насыщенности региона археологическими объектами, мы можем говорить, что в пределах Археологического комплекса Тору-Айгыр могут находиться памятники как минимум двух эпох (Средневековья и, вероятно, курганы раннего железного века), кроме того, на сегодня нет точного понимания, является ли средневековое пространство Археологического комплекса Тору-Айгыр единым средневековым городом с обширным некрополем или это агломерация различных построек, часть из которых имеет общую хронологию и отдельно расположенный некрополь, датировка которого пока не установлена.

Базовой публикацией по методике производства подводных археологических работ является издание «Методики подводных археологических исследований на затопленных поселениях» (Ольховский, Мазуркевич, 2011), большая часть положений которой остается актуальной и на сегодняшний день. С учетом специфики работ на озере в наших исследованиях были применены наработки в области фотограмметрической фиксации, заложенные в указанной публикации. Данные методы, безусловно, применялись с учетом поправок на актуальное программное обеспечение и некоторые новые технические возможности. В остальных подходах к проведению работ на озере пришлось руководствоваться самостоятельными наработками, учитывая особенности прозрачности воды, волновой активности, горный характер акватории и другие сопутствующие факторы.

Также стоит отдельно оговорить, что использование таких приборов, как, например, гидролокатор бокового обзора, который может быть эффективно применен при поиске рельефных объектов на дне водоемов (особенно кораблей), будет малополезен при работах на озере Иссык-Куль, так как практически все интересующие нас объекты имеют либо незначительное превышение над рельефом дна, либо полностью снивелированы наносами. При этом само дно неровное, имеет выходы глины и эрозионные западины.

На сегодняшний день наработанный и апробированный алгоритм для работ на озере Иссык-Куль выглядит следующим образом:

1. Съёмки с квадрокоптера для составления фотоплана

Стандартная процедура и для наземных памятников. Но для подводных появляется ряд дополнительных негативных факторов природного характера: нужно почти нулевое безветрие и чистая вода. Ветреная погода в 2023 г. позволила отснять лишь небольшое количество локальных участков, давших результат относительно приемлемого характера. В сезоне 2024 г. в результате схода селей и дождей в горах р. Тору-Айгыр выносила в озеро большой объем суглинистой взвеси, что тоже значительно ограничивало видимость в воде. Оба этих фактора носят относительно сезонный характер со значительными вариациями от года к году. Учитывая данные обстоятельства, между полевыми сезонами были выделены периоды оптимальной прозрачности воды, и в марте 2024 г. была произведена аэрофотосъёмка, давшая хорошие результаты и позволившая собрать ортофотоплан большой части памятника,

который был использован в полевом сезоне 2024 г. Съемка всей площади Археологического комплекса Тору-Айгыр на сегодняшний день не завершена. Связано это, в первую очередь, с обширной площадью, на которой встречается археологический материал, а во-вторых, с тем, что реальные границы памятника или, что более вероятно, группы памятников микрорегиона пока не определены. Возможно, отдельные, еще не обследованные детально непосредственно под водой участки перекрыты отложениями или не читаются при создании ортофотопланов, а установка границ Археологического комплекса, если опираться на особенности рельефа дна озера, затруднительна, так как рельеф не всегда очевиден при съемке над поверхностью воды и требует проверки непосредственно на дне аквалангистом. Неопределённость размеров памятника влечёт дополнительные сложности при подборе оптимальной высоты пролета под конкретные условия освещённости и прозрачности воды под давлением временного фактора. Пролеты на малой высоте дают большую детализацию, а на больших – больший охват территорий и связанность объектов. В этом компоненте оптимума мы ещё не достигли.

2. Построение фотоплана по результатам съёмки с квадрокоптера

Данный шаг наиболее отработан и идентичен работе на суше. Для получения данных и последующего анализа используются стандартные программы ГИС. Аэрофотосъемка проводится с помощью квадрокоптера, имеющего встроенный GPS-приемник, что позволяет после сборки ортофотоплана памятника достаточно точно высадить его на местность в доступных картографических программах. Впрочем, здесь также есть свои сложности. Одна из них в расстановке маркерных точек и привязки полученного фотоплана к системе координат с большей детальностью, чем это позволяют программы SAS Planet или Google Earth. Связано это со значительными размерами затопленной части памятника, что делает необходимым создание системы привязок на дне озера на глубинах до 5 м и на удалении до 500 м от берега. В дальнейшем для более точной привязки всего оротофотоплана и отдельных объектов предполагается апробация использования на воде GNSS-прибора на высокой вешке.

3. Поиски выявленных объектов на дне по полученным координатам

Для получения более полных данных о выявленном с помощью аэрофотосъемки объекте на выявленном участке опускается аквалангист. При выходе на объект на суше помогают дополнительные ориентиры местности – деревья, дороги и пр. На водной глади этого нет. Необходимо на лодке выйти по координатам, опустить водолаза, который должен выставить буй или серию буёв по углам/периметру объекта. При этом картинка на дне может не совпадать с её интерпретацией по аэроснимку (см. пример ниже), в том числе из-за масштаба взгляда. Порой приходится выполнить не одно погружение, чтобы картинки совместились. Заметим, что выставленные аквалангистами буи по углам не дают точность – всегда есть натяжение троса буя, возможен некоторый дрейф его якоря. После этого можно приступать к фиксации непосредственно на дне и дополнительно с квадрокоптера на небольшой высоте.

4. Маршруты сплошного осмотра

Для определения связанности отдельных объектов, выявляемых с воздуха, понимания характера их периферий выполняются маршруты сплошного осмотра. На небольшой глубине – с маской и трубкой, на большей – в лёгком водолазном снаряжении. Они выявляют прежде всего движимые объекты – керамику,

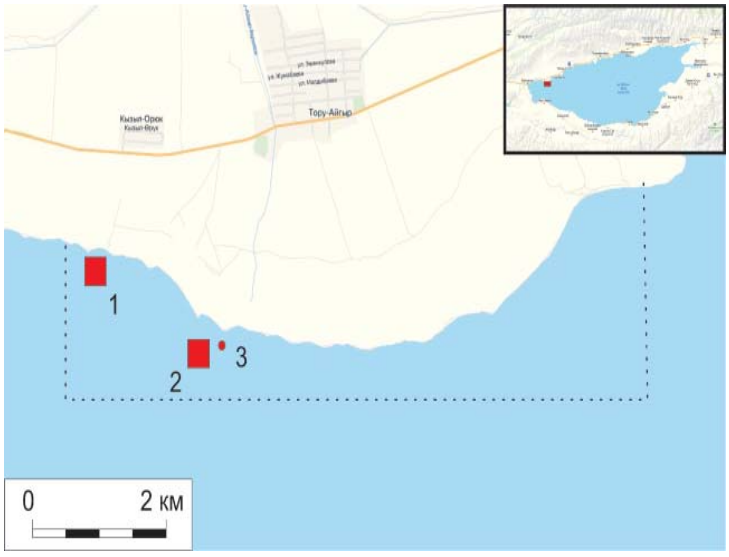


Рис. 1. Расположение зоны исследования к югу от села Тору-Айгыр и расположение зоны работы на схеме озера Иссык-Куль. План.
1 – участок расположения двух кольцевых и двух квадратных антропогенных структур. 2 – расположение антропогенной структуры с двойными стенами (Объект 4). 3 – расположение квадратной структуры на дне озера из обожжённого кирпича (Объект 8). Пунктиром обозначена граница зоны археологического исследования.

Fig. 1. The location of the study area south of the village of Toru-Aigyr and the location of the work area on the outline of Lake Issyk-Kul. Plan.

кирпичи, камни и пр. И здесь вопрос кадров: если для мелководья навыки можно относительно быстро натренировать профессиональному археологу, то для работ с аквалангом нужна сертификация, что требует навыков и времени. В связи с этим необходимо привлечение к работам сертифицированных дайверов с обучением их по ходу работ азам археологии. Наличие в экспедиции археологов, аттестованных для подводных работ, позволяет непосредственно в полевых условиях проводить подобные подводные археологические тренинги. Ещё одной особенностью документирования, прежде всего вербального характера, является сложность коммуницирования и дополнительное время, которое требуется под водой по сравнению с наземными работами. Для фиксации и описания объекта, после установки буя возле него, необходим подъем водолаза для записи координат и устного описания выявленных структур координатору работ, находящемуся в лодке. При этом под водой ведется видео- и/или фотофиксация.

Это лишь общая, упрощённая и идеализированная схема наших исследований затопленных памятников с краткой характеристикой возникающих при этом проблем. Изложим некоторые результаты исследований.

В ходе работ на предварительном этапе было определено, что затопленные объекты Археологического комплекса Тору-Айгыр с разной плотностью встречаются на протяжении более 6 км вдоль берега и на удалении до 0,5 км от берега (рис. 1). Максимальная глубина дна в зоне обследования составила до 5 м. При этом следует учитывать, что уровень воды в озере постоянно меняется. Можно предполагать, что часть Археологического комплекса Тору-Айгыр частично находится и на берегу, но пока это чисто теоретическое предположение – территория вдоль берега сильно заросла густым кустарником и деревьями, при этом имеет статус охраняемой природной зоны, где рубка деревьев запрещена. Исходя из накопленных наукой данных для средневековых поселенческих структур региона, такая протяжённость маловероятна для одного памятника. Однако нельзя исключать, что данная структура полностью или отчасти может пред-

Рис. 2. Две квадратные (Объекты 1 и 2) и две кольцевые антропогенные структуры на дне озера. Съемка с квадрокоптера 2023 г.

Fig. 2. Two square (objects 1 and 2) and two ring-shaped anthropogenic structures at the bottom of the lake. Aerial photography, 2023.

ставлять комплекс усадеб в пределах так называемых длинных стен по аналогии с крупными городищами Чуйской долины (Кожемяко, 1959, с. 65–130). Д.Ф. Винник писал, что Тору-Айгырское «поселение» «частично» относится именно к таковым, но не приводит минимального описания реалий или иллюстраций в обоснование своих слов (Винник, 1967, с. 99). Наши проведённые работы не дают пока оснований выделить ядро этого памятника, коими для Чуйской долины являются центральные развалины (т. н. шахристаны с цитаделями) с завалованными мощными крепостными стенами. Городища с крепостными стенами разного размера известны и на расположенных на берегу памятниках Иссык-кульской котловины (Винник, 1967), но для исследуемого нами под водой памятника подобное ядро пока не выявлено. Исследования в направлении определения границ памятника и его центральной части будут продолжены и займут достаточно длительный период. В том числе для этого необходимо построение современного рельефа дна, что потребует специализированного оборудования.

На снимках с квадрокоптера под водой нами было выявлено несколько относительно крупных структур округлого или прямоугольного очертания, имеющих явно антропогенное происхождение (рис. 2). Их предварительная интерпретация строится исключительно на визуальном анализе и аналогиях: предполагаем, что округлые объекты могут являться остатками курганных конструкций, а объекты прямоугольные и квадратной формы могут быть определены как поселенческие структуры типа усадеб, караван-сараев и подобное.

В процессе погружения к одной из подобных квадратных структур (Объект 4[1]), примерными размерами 50×45 м, находящейся на глубине около трех метров (рис. 3), выяснилось, что объект выраженного рельефа на дне озера не имеет и его визуальная видимость обусловлена небогатой, но окрашенной в темный цвет донной растительностью. Она растёт на глинистом грунте, который окружает песок. Прозрачность под водой в период погружения позволяла увидеть лишь небольшой участок дна в радиусе до 5–10 м. Ряд подводных наблюдений и логические аргументы позволили предполагать, что глинистые выходы, покрытые растительностью, являются размытым гребнем сырцовых стен, пространство внутри которых и снаружи заполнено песком; гребни стен и заполняющий песок имеют единую уплощённую донную поверхность. Попыток выяснить высоту сохранности стены не предпринималось. Таким образом, стало очевидным, что использование современных средств получения рельефной картинки дна, позволяющей выявлять большинство затонувших кораблей в традиционной подводной археологии, в данном

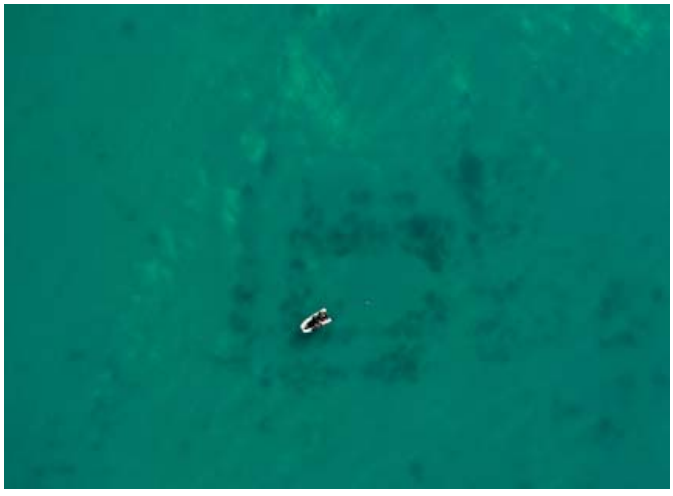


Рис. 3. Объект 4: квадратная антропогенная структура с двойными стенами на дне озера. Съемка с квадрокоптера 2023 г. Белое пятно – лодка, длиной 6 м.

Fig. 3. Object 4: a square man-made structure with double walls on the bottom of the lake. Aerial photography, 2023. The white spot is a boat, 6 m long.

регионе не гарантирует результата обнаружения даже относительно сохранных объектов.

В процессе разведок и обследования дна были выявлены участки, которые содержали большое количество подъемного материала. Данная зона была выделена для более системного изучения в полевом сезоне 2024 года маршрутными проходами. Работы на выделенной территории позволили обнаружить ряд объектов, которые неплохо сохранились на дне.

Объект 7 представляет собой две кольцевые структуры из обожженной глины, расположенные на расстоянии до 1,5 метров друг от друга. Глубина озера в районе расположения объекта составляет около трех метров. Стенки имеют толщину до 5 см и выступали на момент осмотра на высоту до 10 см над поверхностью дна. Характер обжига сохранившихся стенок позволяет говорить о разнице температур с внешней и внутренней стороны в процессе их использования. Диаметр кольцевых структур около 160 см. Предварительно объекты могут быть интерпретированы как горны или тандыры. Следует отметить, что рядом с объектами были найдены фрагменты шлака. Еще одна аналогичная кольцевая структура была обнаружена на расстоянии около 3 м от описанных выше, но из-за мутной воды в сезоне 2024 года третья конструкция детально обследована не была.

Объектом 8 названа конструкция из обожженного кирпича прямоугольной формы (рис. 4), которая расположена на глубине до трех метров. Её документирование выполнялось целенаправленно под ректифицированную фотомозаику и создание 3D-модели. Квадратная конструкция имеет размеры, близкие к 3×3 м, при фиксируемой высоте до 80 см (попыток выявления сохранности под современной донной поверхностью не предпринималось). Стены выложены толщиной в 0,5 кирпича размером 25×12,5×4 см. На поверхности многих кирпичей следы бороздок, сделанных пальцами до обжига. Большая часть кирпичей имеет следы вторичного нагрева в результате высокотемпературного воздействия; признаков ошлакованности не обнаружено, но некоторые из кирпичей кладки, упавшие, вероятно, с верхней части конструкции, спеклись. Кладка стен сохранилась местами на высоту до семи рядов кирпичей. При этом структура кладки разных стен не одинаковая. На одном из отрезков кладки удалось проследить следующую последовательность: в нижней части стены из кирпича, лежащего горизонтально, сформирован выступающий цоколь, над ним ложковая кладка в один кирпич. Выше ряд кирпичей тычковой кладкой, стоящих на

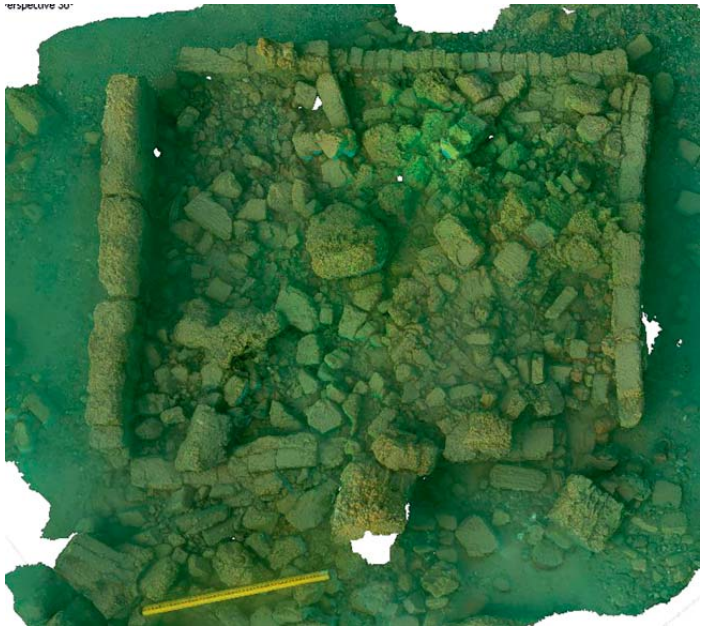


Рис. 4. Объект 8: квадратная структура из обожженного кирпича. Ортофотоплан.

Fig. 4. Object 8: square structure made of burned bricks. Orthophoto.

длинной узкой грани кирпича. Еще выше расположены ряды ложковой постелистой кладки шириной в один кирпич. Примыкающая стена имеет также ряд кирпичей, уложенных тычками, кирпичи рядов ниже и выше проследить не удалось. Следующая стена, примыкающая к стене с тычковой структурой, имеет стандартную ложковую кладку от основания, тычковый ряд отсутствует. Четвертая стена имеет наихудшую сохранность и сильно завалена обломками кирпичей, поэтому говорить уверенно о структуре ее кладки нельзя, те кирпичи, которые удалось проследить in situ, имеют исключительно ложковую структуру кладки.

Представленные Объекты 7 и 8 лежат в границах участка размером 100×100 м, исследования которого проводилось сплошным системным подводным осмотром, методом выполнения параллельных проходов; на снимках с квадрокоптера эти структуры не проступали.

В районе расположения Объектов 7 и 8 было обнаружено достаточно большое количество подъемного керамического материала, кости животных, фрагмент зернотерки. Большинство выявленных находок могут быть предварительно датированы первой половиной II тыс. н. э.

Кроме выявленных Объектов 7 и 8 и отдельных находок, в этом же квадрате удалось обнаружить на глубине около трех метров участки с сохранившимся стратифицированным культурным слоем. В том числе просматриваются ямы, впущенные в коричневый суглинок, заполненные темно-серым гумусированным грунтом, с включениями битого кирпича, костей животных и фрагментов керамики.

В результате полевых подводных археологических работ в 2023–2024 гг. была обследована незначительная по площади часть памятника, но полученные результаты позволяют говорить о том, что до момента затопления, которое произошло, вероятно, не ранее конца XIV в., на территории, расположенной к югу от современного поселка Тору-Айгыр, находилась густо заселенная территория, которая могла являться как городской структурой, так и агломерацией отдельных поселенческих и производственных объектов. Наличие постоянно вымываемых на берег в этом месте человеческих костей и обнаружение в предшествующие годы в разных местах под водой скелетов в анатомической сохранности говорит о наличии под водой обширного средневекового не-

крополя, о культурной принадлежности которого информация пока отсутствует.

В процессе исследования нарабатываются методики для обнаружения и фиксации объектов затопленных открытых комплексов. Помимо сохранившихся отдельных построек из обожженного кирпича, можно уверенно говорить и о наличии средневековых сырцовых конструкций под водой. Степень их сохранности и влияние озерных процессов на эти объекты будут изучаться в дальнейшем. Особый интерес представляет наработка методики выявления сырцовых стен по озерной растительности. Выявление сохранившегося культурного слоя позволяет говорить о перспективности продолжения изучения стратифицированного памятника и определения механизмов влияния озера на сохранность археологических объектов, на процесс археологизации поселенческих структур под водами Иссык-Куля.

Примечания

[1] Нумерация объектов вводилась по мере их относительной фиксации. Это не только явные архитектурные остатки, но и скопления жжёных кирпичей и даже отдельные большие каменные жернова.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдыканова А*. Отчет по результатам обследования земель, предназначенных для перспективного строительства города Асман в 2021 г. Бишкек / Архив НАН КР, 2021.
2. *Винник В.Ф.* К исторической топографии средневековых поселений Иссык-Кульской котловины // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана / Отв. ред. П.Н. Кожемяко. Фрунзе: Илим, 1967. С. 91–113.
3. *Винник Д.Ф.* Памятники архитектуры Иссык-Кульской котловины XIII–XV вв. // Памятники Киргизстана. Вып. 2. Фрунзе: Кыргызстан, 1974. С. 61–66.
4. *Иванов П.П.* Материалы по археологии котловины Иссык-Куля // Тр. Института истории АН Кирг. ССР. Вып. 3. Фрунзе, 1956. С. 65–107.
5. *Кожемяко П.Н*. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе: изд-во АН КиргССР, 1959. 184 с.
6. *Лукашова С.С, Лукашов Н.В.* Под волнами Иссык-Куля // Восточная коллекция. 2011. № 4 (47). С. 20–34.
7. *Мокрынин В., Плоских В.* Археология и история Кыргызстана. Избранное. / Ред-сост. В.А. Воропаева. Бишкек: Илим. 2010. 300 с.
8. *Ольховский С.В., Мазуркевич А.Н.* Методика подводных археологических исследований на затопленных поселениях. М.: ИА РАН, 2011. 32 с.
9. *Плоских В.В.* Затонувшие памятники Иссык-Куля. Бишкек: КРСУ, 2013. 293 с.
10. *Прапор С.С., Прапор В.С.* Итоги подводной археологической экспедиции на озере Иссык-Куль 1985–2006 гг. // Подводное культурное наследие: перспективы изучения и сохранения в XXI веке: Тезисы докладов I Международной конференции, Великий Новгород, 4–6 декабря 2007 г. Великий Новгород: Печатный двор Великий Новгород, 2007. 40 с.
11. *Хотылев А.О., Ольховский С.В., Майоров А.А*. Подводные исследования античных портовых сооружений Фанагории (Таманский полуостров) // Морские исследования и образование (MARESEDU)-2022: Труды XI Международной научно-практической конференции, Москва, 24–28 октября 2022 г. Т. I (IV). Тверь: ПолиПРЕСС, 2022. С. 359–362.

Информация об авторах:

Меньшиков Максим Юрьевич, младший научный сотрудник. Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); maxim-menshikov@ya.ru

Кольченко Валерий Анатольевич, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР (г. Бишкек, Кыргызстан); archak@gmail.com

Лужанский Дмитрий Вячаславович, независимый исследователь (г. Бишкек, Кыргызстан); lujanskiy_d@mail.ru

RESEARCH OF FLOODED MONUMENTS ON THE NORTH SHORE OF LAKE ISSYK-KUL IN 2023–2024

M.Yu. Menshikov, V.A. Kolchenko, D.V. Luzhansky

Underwater archaeological studies was conducted in the seasons 2023–2024 on Lake Issyk-Kul (Kyrgyz Republic). Archaeologists have discovered the remains of brick medieval

buildings and kiln complexes under water. Fragments of ceramic vessels, animal bones and slag were found at the bottom of the lake. In addition, an area with a preserved cultural layer was found at the bottom. The results of the expedition confirm the concept that a large settlement went under water in the Middle Ages. These archaeological works are important for understanding the medieval history of the region and developing methods for underwater research of this type of sites.

Keywords: archaeology, Issyk-Kul, the Middle Ages, underwater archaeology, methodology, Central Asia.

REFERENCES

1. Abdykanova, A. 2021. *Otchet po rezul'tatam obsledovaniya zemel', prednaznachennykh dlya perspektivnogo stroitel'stva goroda Asman v 2021 g. (Report on the results of the survey of lands, intended for the prospective construction of the city of Asman in 2021).* Bishkek. Archive of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic (in Russian).
2. Vinnik, V. F. 1967. In Kozhemyako, P. N. (ed.). *Drevnyaya i rannesrednevekovaya kul'tura Kirgizstana (Ancient and Early Medieval culture of Kyrgizstan).* Frunze: "Ilim" Publ., 91–113 (in Russian).
3. Vinnik, V. F. 1974. In *Pamyatniki Kirgizstana (Archaeological Sites of Kyrgyzstan)* 2. Frunze: "Kyrgyzstan" Publ. 61–66 (in Russian).
4. Ivanov, P. P. 1956. *Trudy Instituta istorii AN Kirg. SSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kirgiz SSR)* 3. Frunze, 65–107 (in Russian).
5. Kozhemyako, P. N. 1959. *Rannesrednevekovye goroda i poseleniya Chuyskoy doliny (Early medieval cities and settlements of the Chuy Valley)*. Frunze: Academy of Sciences of the Kirgiz Soviet Socialist Republic Publ. (in Russian).
6. Lukashova, S. S, Lukashov, N. V. 2011. In *Vostochnaya kollektsiya (Oriental Collection)* 4 (47), 20–34 (in Russian).
7. Mokrynin, V., Ploskikh, V. 2010. In Voropaeva, V. A. (ed.-comp.) *Arkheologiya i istoriya Kyrgyzstana. Izbrannoe (Archaeology and history of Kyrgyzstan. Selected)*. Bishkek: "Ilim" Publ. (in Russian).
8. Ol'khovskiy, S. V., Mazurkevich, A. N. 2011. *Metodika podvodnykh arkheologicheskikh issledovaniy na zatoplennykh poseleniyakh (The methodology of underwater archaeological research on flooded settlements)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
9. Ploskikh, V. V. 2013. *Zatonuvshie pamyatniki Issyk-Kulya (Flooded sites of Issyk-Kul).* Bishkek: "KRSU" Publ. (in Russian).
10. Prapor, S. S., Prapor, V. S. 2007. In *Podvodnoe kul'turnoe nasledie: perspektivy izucheniya i sokhraneniya v XXI veke (Underwater cultural heritage: prospects for study and preservation in the 21st century).* Velikiy Novgorod: "Pechatnyy dvor Velikiy Novgorod" Publ. (in Russian).
11. Khotylev, A. O., Ol'khovskiy, S. V., Mayorov, A. A. 2022. In *Morskie issledovaniya i obrazovanie (MARESEDU)-2022 (Underwater exploration and education (MARESEDU)-2022)* I (IV). Tver': "PoliPRESS" Publ., 359–362 (in Russian).

About the Authors:

Menshikov Maksim Yu. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanova St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; maxim-menshikov@ya.ru

Kolchenko Valerii A. Institute of History, Archaeology and Ethnology named after B.J. Jamgerchinov, National Academy of Sciences of Republic of Kyrgyzstan. Chui Avenue, 265a, Bishkek, Republic of Kyrgyzstan; archak@gmail.com

Luzhansky Dmitry V. independent researcher. Bishkek, Republic of Kyrgyzstan; lujanskiy_d@mail.ru

Статья принята в номер 12.09.2024 г.

Список сокращений

АВУР – Археология Волго-Уралья
АЕС – Археология Евразийских степей
АИУз – Археологические исследования в Узбекистане
АлтГУ – Алтайский государственный университет
АН РТ – Академия Наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук Советского Союза
АО – Археологические открытия
АС – Археологический съезд
ВА – Вестник антропологии
ВДИ – Вестник древней истории, Москва
ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
ГМВ – Государственный музей Востока
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
ДБ – Древности Боспора
ДД – Донские древности
ДонНУ – Донецкий национальный университет
ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАК – Известия Археологической комиссии
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана
Крс – крупный рогатый скот
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института археологии материальной культуры
КФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (Симферополь)
МАР – Материалы по археологии России
МГТУ - Московский государственный технический университет
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР, Москва; Ленинград
Мрс – мелкий рогатый скот
МФП – метод фундаментальных параметров.
НА ИА РАН – научный архив Института археологии РАН
НГУ – Новосибирский государственный университет
НИР – научно-исследовательская работа
НИУ – Национальный исследовательский университет
НЦАИ ИИ АН РТ – Национальный центр археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
РА – Российская археология (Москва)
РАН – Российская академия наук

РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

РГБ – Российская государственная библиотека

РГО – Русское географическое общество

РНФ – Российский научный фонд

РСМ – Раннеславянский мир

РФА – рентгенофлуоресцентный анализ.

С.н. – случайная находка

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СГЭ – Сборник Государственного Эрмитажа

СЕЭС – Степи Европы в эпоху средневековья

СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук

СПб – Санкт-Петербург

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

СЭ – Советская этнография

Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея

Тр. КАЭЭ – Труды Камской археолого-этнографической экспедиции

УрО РАН – Уральское отделение Российской Академии наук

IAEA – Международное агентство по атомной энергии (International Atomic Energy Agency).

ppm – миллионная доля (parts per million) - единица измерения концентрации. 1 ppm = 0,0001%. Для массовых концентраций 1 ppm=1 мг/кг.

X-rays – рентгеновские лучи

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу: http://archaeologie.pro/ru/for-authors/

Сроки выхода журнала

№ 1 – март
№ 2 – июнь
№ 3 – сентябрь
№ 4 – декабрь

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

Журнал основан в апреле 2012 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-61900 от 25 мая 2015 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Технический редактор Першагина И.А.
Дата выхода в свет 10.03.2025 г. Формат 70×108 1/16
Печать офсетная. Бумага мелованная. Печ. л. 15,6. Усл. печ. л. 21,88.
Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №
Цена свободная
Отпечатано в типографии "Orange Key"

Издательство «Фэн»
Академии наук Республики Татарстан
420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Баумана, 20

16+